АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

Выпуск

11

(*konьcь—*kotьna(ja))

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
О. Н. ТРУБАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1984

Словарь построен на исчерпывающем использовании всех доступных исторических и диалектных материалов как в плане словообразовательном, так и в плане выявления лексических диалектизмов. Настоящий выпуск дает полное и систематизированное обобщение научных сведений о древнейшем праславянском слое лексики на *k* в объеме **konьcь*—**kotьna(ja)*. Словарь содержит много нового и интересного как в общетеоретическом, так и конкретно-этимологическом плане.

Словарь подготовлен в Секторе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР. Материалы для словаря собирались коллективом в составе: *О. Н. Трубачев*, руководитель (праславянская лексика белорусского, польского, кашубско-словинского, верхнелужицкого, нижнелужицкого, полабского языков); *В. А. Меркулова* (праславянская лексика русского, украинского языков), *Ж. Ж. Варбот* (праславянская лексика чешского и словацкого языков), *Л. А. Гиндин* (1961—1970 гг., праславянская лексика старославянского, болгарского и македонского языков), *Г. Ф. Одинцов* (с 1971 г., праславянская лексика старославянского и болгарского языков), *Л. В. Куркина* (праславянская лексика словенского языка, с 1971 г. болгарского и македонского языков), *И. П. Петлева* (праславянская лексика сербохорватского языка). Все названные сотрудники собирали материалы по этимологии славянских слов. Над пополнением этимологической картотеки работала *Т. В. Горячева*. Значительные материалы по сербохорватской диалектной лексике собрал для словаря югославский славист *В. Михайлович* (1966—1968 гг.). Авторскую работу над текстом словаря вел *О. Н. Трубачев*.

Рецензенты: *В. В. Мартынов*, *В. Н. Топоров*

Э $\frac{4602020000\text{-}399}{042(02)\text{-}84}$ 333- 84- II

ИСТОЧНИКИ
(Дополнения)

Ватев С. Материали по народната медицина в България. — СбНУ 1905, XXI.
Волков Ф. К. Свадбарските обреди. — СбНУ 1890, III.
Зеленина *БД* X — *Зеленина Э. И.* Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. — БД 1981, X. София.
Традиционен бит и култура на банатските българи. — СбНУ 1963, LI.

Польский язык

Wolf A., Rzetelska-Feleszko E. Mazowieckie nazwy terenowe do końca XVI w. Warszawa, 1982.

Русский язык

Манаенкова — *Манаенкова А. Ф.* Лексика русских говоров Белоруссии. Минск, 1973.
Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. I—IV. М., 1935—1940.

Белорусский язык

Сцяцко. Зэльв. — *Сцяцко П.* Дыялектны слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны). Мінск, 1970.

ЛИТЕРАТУРА
(Дополнения)

Аникин А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на и.-е. фоне (рукопись).
Берг Л. С. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. — В кн.: *Л. С. Берг.* Избранные труды, т. 5. М., 1962.
Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipë. XII. — Studime filologjikë 1. Tiranë, 1964.
Dickenmann E. Das slavische suffix -yńi (-ynja). Ein Beitrag zur slavischen Wortbildung. Münster (Westfalen), 1978.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978.
Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология, ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.
Коломиец В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. К IX Международному съезду славистов. Киев, 1983.
Kopečný F. Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.
Łoś. Gramatyka. — *Łoś J.* Gramatyka polska. I—III. Kraków, 1922—1927.
Orbis scriptus. Festschrift für D. Tschiževskij. München, 1966.
Razprave Znanstvenega društva za humanistične vede. Ljubljana.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
Tibón Gutierre. Diccionario etymológico comparado de nombres proprios de persona. Mexico, 1956.

Urbutis V. Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.
Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
Vasmer M. Schriften zur Altertumskunde und Namenkunde II. Berlin, 1971.
Зборник Филозофског факултета у Београду.
Zeitschrift für Balkanologie. West Berlin.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

(Дополнения)

амхар.	амхарский	правенет.	правенетский
балк.-лат.	балкано-латинский	пра-и.-е.	праиндоевропейский
босн.	боснийский	протобалто-слав.	протобалто-славянский
гезск.	гезский	резьян.	резьянский
иек.	иекавский	синдомеот.	синдомеотский
крконошск.	крконошский	ст.-узб.	староузбекский
македорум.	македоно-румынский	чагат.	чагатайский
порт.	португальский	эфиоп.	эфиопский

К

***konьcь I:** ст.-слав. коньць м. р. τὰ πέρατα, ἄκρον, finis, terminus 'край, граница', τέλος, finis 'конец' (Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *коне́ц* м. р. 'нить, нитка', (стар.) 'конец' (БТР; РБЕ), диал. *ко́нец* м. р. 'нить' (Б. Шклифов БД VIII, 255), *коне́ц* (Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), *коне́ц* 'конец' (Речник РОДД 213), *куне́ц* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 46), *конч* м. р. 'опушка леса' (там же, 44), макед. *коне́ц* м. р. 'нить, нитка', 'леса, леска', 'конец, смерть' (И-С), сербохорв. *ко́нац*, род. п. *ко́нца*, м. р. 'нить, нитка' (РСА X, 100), 'конец' (RJA V, 254—258; РСА X, 102), (стар.) 'мера длины 2 м. 13 см.' (там же), диал. *konäc* 'нитка' (Hraste—Šimunović I, 436), *Kònac*, *Konec*, местное название (RJA V, 258; Skok. Slavenstvo i romanstvo I, 40, 68), словен. *kónec*, род. п. *-nca*, м. р. 'конец', 'кончик (пальца, языка)', 'начало': *od konca* 'сначала', 'цель', 'нить, нитка, пряжа' (Plet. I, 429—430), диал. *kónec* 'нить' (Доленьско, Barlè 17), ст.-чеш. *konec* 'смерть, смертная казнь' (Brandl 103), сюда же производное *Končík* м. р., фам. (1482 г., Ст.-чеш., Прага), чеш. *konec*, род. п. *-nce*, м. р. 'конец, предел (начало или конец)', 'цель', диал. *kořec*, род. п. *-nca*, м. р. 'конец', 'начало': *zač'řem s konca* '. . . . с начала' (Lamprecht. Slovn. středoopav. 62), слвц. *koniec*, род. п. *konca*, м. р. 'конец' (SSJ I, 733), диал. (вост.-слвц.) *konec* (Kálal 254), в.-луж. *kónc* м. р. 'конец', 'кончик' (Pfuhl 270), н.-луж. *kóńc* м. р. 'конец', 'кончик', 'начало', 'цель' (Muka Sł. I, 663), полаб. *t'ünăc* м. р. 'конец' (Polański—Sehnert 156, с реконструкцией **konьcь*), ст.-польск. *koniec*, *końc* 'конец, предел, окончание' (Sł. stpol. III, 326—329; Sł. polszcz. XVI, X, 538 и сл.), польск. *koniec*, род. п. *końca*, м. р. 'конец' (Warsz. II, 439—440), диал. *koniec* 'конец', 'особенный смысл, значение', *pirsy koniec* 'начало', *drugi koniec* 'конец' (Sł. gw. p. II, 417), словин. *kŏu̯nc* м. р. 'конец' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 458), *kᵘôńc* 'конец', 'росток, побег' (Lorentz Pomor. I, 424), *kòńc* (Sychta II, 200), др.-русск., русск.-цслав. *коньць* м. р. 'край, конец' (Юр. ев. Амф., 54, до 1128 г.), 'часть какой-либо территории, преимущественно окраинная, отдаленная' (Изб. Св. 1076 г., 618), 'район города' (1171 г. Новг. I лет., 151), 'конец, окончание, завершение' (Ник. лет. IX, 207), 'условная мера в торговле; кусок, отрезок' (РИБ II, 300. 1586 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 272—274; Срезневский I, 1273—1274), русск. *коне́ц*, род. п. *-нца́*, м. р. 'предел, граница чего-либо,' диал. *коне́ц* 'начало' (арх., волог., костр.,

влад., нижегор., вят., перм., ряз., калуж.), 'часть деревни, села; улица' (вят., самар., ворон., курск., смол., ряз., моск., твер., ленингр., новосиб., том.), 'край какого-либо предмета' (смол., костр., курск., новосиб.), 'кусок полотна, холста как мера при продаже, изготовлении' (оренб., новосиб., перм., вят., волог., яросл., твер., новг., тамб.), 'веревка, дратва и т. п. определенной меры' (вят., яросл., пск., калуж., вят., донск.), 'лыко определенной длины' (смол., перм., новосиб., ряз.) (Филин 14, 252—253, там же ряд других значений), ст.-укр. *конєцъ*, *конєць*, *конєц* м. р. 'край, конец' (1349 г.), 'окончание' (1468 г.) (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 493), укр. *кінéць*, род. п. *-нцá*, м. р. 'конец', 'край, предел' (Гринченко II, 244), ст.-блр. *конец* (Скарына 1, 275), блр. *канéц* м. р. 'конец', также диал. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 398, в разных значениях). — Ср. сюда же производное блр. диал. *канчáне* мн. 'жители конца деревни' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 206).

Производное с суф. *-ьсь* от **konъ* (см.).

***konьcь** II: болг. (Геров) *кóнець* м. р., ум. 'конек, лошадка', сербохорв. стар., редк. *kȍńac*, род. п. *kȍńca* м. р. то же (RJA V, 283: «В народной (?) песне XVI (?) в. из Дубровника...»), словен. *kónjec*, род. п. *-njca*, м. р., ум. 'лошадка, конек', 'кляча, лошаденка' (Plet. I, 431). — Ср. сюда же, с другой огласовкой суф., сербохорв. *kȍnjīc*, диал. *końīc* м. р. 'лошадка, конек' (Hraste—Šimunović I, 442), словен. *konjîc* м. р. 'лошадка' (Plet. I, 431).

Соотносительно с **konь* (см.). Нынешняя функция уменьшительности у **konьcь* II, как и у **konikъ*, **konьkъ* (см. s. vv.), в отношении **konь* вторична, как это следует из предложенной нами для **konь*, вернее — для первоначальной более полной формы **kon(ъ)ko-*, **kon(i)ko-* этимологии (подробно — на **konь*).

***konьčati:** ст.-слав. кон҄чати (сѧ) τελειοῦν, finire, πληρεῖν, implere 'кончить, довершить', πληροῦσθαι, impleri (Supr., Вост., Sad., Mikl.), болг. (Геров) *кончáѭ* 'кончать', 'кончить', сербохорв. *kȍnчати* 'кончать, кончить(ся)', (диал.) 'убивать' (PCA X, 181; RJA V, 264: сврш. и переходное значение — старое, до XV в.), *končät* 'дубить (кожу)', 'готовить (рыболовную сеть)' (Hraste—Šimunović I, 437), словен. *končáti* сврш. 'кончить', *končáti se* 'кончиться', 'угробить себя' (Plet. I, 429), др.-русск., русск.-цслав. *коньчати* 'кончать, доводить до конца' (Панд. Ант. XI в. 81), 'окончить, завершить' (Изб. Св. 1076 г., 701), 'убивать, казнить' (Ав. Ж., 205. 1673 г.), 'решить, решать' (1438 г. Львов. лет. I, 247), 'условиться, договориться' (АСВР II, 120, ок. 1470—1486 гг.) (Срезневский I, 1275—1276; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 285), *коньчатисѧ* (там же), русск. *кончáть* несврш., диал. *кончáть* 'закончить' (том., перм.), 'повредить, испортить, уничтожить' (вят., урал.), 'скончаться' (нижегор., перм.), 'иссякнуть, кончиться' (перм.) (Филин 14, 273), укр. *кінчáти* 'оканчивать, кончать', 'добивать' (Гринченко II, 245), ст.-блр. *кончатися* (Скарына 1, 276), блр. диал. *канчáць* 'кончать' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 399).

Глагол, соотносительный с **konьčiti* (см.).

***konьčina:** ст.-слав. кон҄чина ж. р. τέλος, finis 'конец, кончина' (Supr., Вост., Mikl., Sad.), болг. стар. *кончи́на* ж. р. 'смерть' (РБЕ; Речник РОДД: русск.), макед. стар. *кончина* ж. р. 'смерть, кончина' (Кон.), сербохорв. книж., стар. *кончи̏на*, *кȍнчина* ж. р. 'конец, кончина, смерть' (PCA X, 182; RJA V, 265), словен. *končína* ж. р. 'оконечность, окончание', 'конечность' (Plet. I, 429), ст.-чеш. *končina* ж. р. 'конец, край' (Gebauer II, 92), чеш. *končina* ж. р. 'конечность тела', 'кончина, смерть' (Kott I, 735), диал. *končiny* мн. 'отдаленный участок (поле, пастбище, пасека)' (Bartoš. Slov. 153), слвц. *končina* ж. р. '(далекий) край' (SSJ I, 730), диал., стар. *kończina*, *končina* ж. р. 'смерть' (Lipták. Zempl. 379), полаб. *t'aincaiňă* ж. р. 'пастуший посох' (Polański—Sehnert 152, с реконструкцией **konьčińa*), польск. *kończyna* ж. р. 'конец, оконечность', 'конечность тела', др.-русск., русск.-цслав. *коньчина*, *кончина* ж. р. 'край' (Матф. IX, 16. Четвероев. 1144 г.), 'конец, окончание' (Апокал., 49. XII в.), 'смерть' (Мин. 1096 г. сент. 16) (Срезневский I, 1276; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 287), русск. *кончи́на* ж. р. торж., поэт. 'смерть', диал. *кончи́на* ж. р. 'предел, граница' (иркут., Азерб. ССР), 'конец, окончание' (астрах., том., иркут.) (Филин 14, 273; Словарь говоров Соликамского района Пермск. обл. 245), *кончи́ны* мн. 'окончание строительства жилого (или какого-либо иного) помещения' (Манаенкова 99), укр. *кончи́на* ж. р. 'край, конец', 'смерть' (Гринченко II, 279), ст.-блр. *кончина* 'край', 'конец' (Скарына 1, 276), блр. диал. *канчы́ны* мн. 'угощение после конца работы' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 206).

Именное производное с суф. *-ina*, соотносительное с глаголом на *-iti* **konьčiti* (см.).

***konьčiti:** сербохорв. стар. *кôнчити* 'кончить, кончать' (PCA X, 182; RJA V, 265: с XVIII в.), ст.-чеш. *končiti* (Kterým právem súd začneš, tím *končí*. Tovač. 76. Ст.-чеш., Прага), чеш. *končiti* 'кончать', слвц. *končit'* то же (SSJ I, 730), диал. (вост.-слвц.) *končic* (Kálal 254), в.-луж. *kónčić* 'кончить' (Pfuhl 270), н.-луж. *kóńcyś* 'кончить' (Muka Sł. I, 664), ст.-польск. *kończyć* 'ограничивать, определять' (Sł. stpol. III, 335), 'кончать, кончить', 'завершать' (Sł. polszcz. XVI w., X, 603), польск. *kończyć* 'кончать' (Warsz. II, 462), словин. *kə̀·i̯nčïc* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 472), *kᵘońčəc* (Lorentz Pomor. I, 414), *kœnčëc* (Ramułt 75), *kȯ́ńčëc* 'кончать', 'кончаться, умирать' (Sychta II, 200), др.-русск. *кончитися* 'оканчиваться' (Курб. Ист., 180. XVII в. ~ XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 287), русск. *кóнчить*, сврш., диал. *кóнчить* 'привести в негодность, уничтожить' (иркут., свердл.), 'перестать существовать' (том.) (Филин 14, 274), *кóнчиться* 'исполниться (о годах)' (том., кемер.), 'сдохнуть (о животном)' (киров.) (там же).

укр. *кінчи́ти* 'кончить' (Гринченко II, 245), также диал. *ко́нчити* (Онышкевич 363), блр. *канча́ць* 'оканчивать' (Носов.), *ко́нчыць* 'кончить, окончить, закончить', 'прикончить' (Блр.-русск.), диал. *ко́нчыць* 'доесть' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 500), *ко́нчыцца* 'умереть' (там же).

Гл. на *-iti*, производный от _*konьcь_ (см.). Сохраняет остатки древней более емкой видовой характеристики, ср. отражения как сврш., так и несврш. значений (выше), отчасти свойственные и для более позднего _*konьčati_ (см.).

__*konьjь:__ сербохорв. редк. *ко̏њӣ, -ā, -ē* 'конский, лошадиный' (РСА X, 192), чеш. стар. *koní*, прилаг. 'конский' (Kott I, 740), польск. диал. *koni*, *kóni*, прилаг. 'конский, лошадиный' (Sł. gw. p. II, 416), словин. *kùo̜ńĭ*, прилаг. 'конский' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *końi*, прилаг. (Sychta II, 199: редк.), др.-русск. *коний*, прилаг. к *конь* (Рим. имп. д. II, 903. 1604 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 276), русск. диал. *ко́ний, -ья, -ье* 'относящийся к коню, конский' (вят., свердл., Филин 14, 254—255).

Прилаг., производное с суф. *-(ь)jь* от _*konь_ (см.).

__*konьkъ:__ сербохорв. *ко̏њак*, род. п. *ко̏ња*, м. р., ум. 'конек, лошадка', (диал.) 'вид насекомого', 'грудная кость у птиц' (РСА X, 189, там же ряд других значений; RJA V, 284), словен. *konjèk*, род. п. *-njkà*, ум. 'лошадка' (Plet. I, 431), др.-русск. *конекъ* м. р., ум. *конь* (Кн. прих. Болд. м., 261. 1607 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 271), сюда же производное *Коньковъ* (середина XV в., Веселовский. Ономастикон 153), русск. *конёк*, род. п. *-нька́*, м. р., ум. к *конь*, диал. *конёк* м. р. 'кастрированный молодой жеребец' (Словарь русских донских говоров II, 75), 'насекомое кузнечик' (волог., арх., яросл., костр., свердл.), 'стрекоза' (костр., иркут., волог.), также название ряда рыб и птиц (подробно см. Филин 14, 251—252), укр. диал. *коне́к* 'лошадиный послед' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 75), также в других вторичных значениях — 'конек крыши' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), блр. *канёк*, род. п. *канька́*, м. р., ум. к *конь* (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 615), диал. *канёк* м. р. 'конек крыши' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 396) и в других переносных значениях (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 204—205).

Соотносительно с _*konь_ (см.) как ум. от последнего, хотя наиболее вероятна реконструируемая деривация обратного направления: _*kon(i)ko-_ → _*konь_. Ср. еще _*konikъ_ (см.).

__*konьnica:__ болг. *ко́нница* ж. р. 'конница, кавалерия' (Дювернуа; Геров), макед. *коњица* ж. р. то же (И-С), сербохорв. *ко̏њица* ж. р. 'конница, кавалерия', (диал.) '(в разных играх) тот, кто подражает лошади — ходит на четвереньках, возит всадника' (РСА X, 194; RJA V, 286: первое значение — из русск.), словен. *konjíca* ж. р. 'конница' (Plet. I, 431), ст.-чеш. *konnicě* ж. р. 'конюшня' (Gebauer II, 94), слвц. стар. *konnica* ж. р. 'конница, кавалерия'

(SSJ I, 735), диал. *konica* 'конюшня' (Kálal 255), ст.-польск. *konnica* ж. р. 'конница, кавалерия' (Sł. polszcz. XVI w., X, 571), польск. *konnica* ж. р. 'конница, кавалерия' (Warsz. II, 444), также диал. (Sł. gw. p. II, 418), словин. *k^{w}onníca* ж. р. 'всадница', (собир.) 'конница' (Lorentz Pomor. I, 413), др.-русск. *конница* ж. р. 'конница' (АИ IV, 402. 1672 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 277—278), русск. *ко́нница* ж. р. 'конное войско', диал. *ко́нница* ж. р. 'конное войско; кавалерия', 'использование лошадей в сельскохозяйственных работах' (Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 245; ср., далее, Филин 14, 258), укр. *кінни́ця* ж. р. 'конюшня' (Гринченко II, 245), блр. *ко́нніца* ж. р. 'конница' (Блр.-русск.; Носов.: *ко́нницею*, нареч. 'верхом на лошади').

Производное с суф. *-ica* от прилаг. _*konьnъ_ (см.), _*konьna_; субстантивация последнего.

__*konьnikъ:__ цслав. коньникъ м. р. ἱππεύς, eques 'всадник, конный' (SJS), болг. *ко́нник* м. р. 'наездник, всадник' (БТР; РБЕ), также стар. *конник* (Цариградски вестник, г. VI, бр. 267, 1856. Архив. Болг. возрождения, София), макед. поэт. *коњик* м. р. 'всадник, конник' (И-С), сербохорв. *kȍńīk* м. р. 'всадник' (RJA V, 287—288), также *ко̏њанӣк* м. р., словен. *kónjik*, *konjeník* м. р. 'всадник, кавалерист' (Plet. I, 431), ст.-чеш. *konník* м. р. 'всадник' (Gebauer II, 94), слвц. стар. *konník* м. р. 'всадник, конный воин' (SSJ I, 735; Jungmann II, 119: m. et. slc.; Kott I, 742: «Na Slov.»), др.-русск., русск.-цслав. *коньникъ* м. р. 'конный воин' (Флавий. Полон. Иерус. I, 14. XV в. ~XI в.; Патерик Син., 130. XI—XII вв.; Лавр. лет., 337. Срезневский I, 1272—1273; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 277), русск. *ко́нник* м. р. 'всадник, конный воин, кавалерист' (Даль[3] II, 396), диал. *ко́нник* м. р. 'конюх' (моск., белгор.), 'всадник, верховой' (арх.), 'любитель лошадей; коневод' (арх.), 'площадь, на которой торгуют лошадьми' (пск.), 'сарай, в котором хранится конская сбруя' (перм.) (Филин 14, 258), укр. *кінни́к* м. р. 'конюшня' (Гринченко II, 245), ст.-блр. *конник* (Скарына 1, 276), блр. *ко́ннік* м. р. 'верховой, всадник', 'конник, кавалерист' (Блр.-русск.).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. _*konьnъ_ (см.).

__*konьnъ(jь):__ ст.-слав. коньнъ, прилаг. equi 'снабженный конем, ездящий на коне' (Supr., Вост., Mikl., Sad.), болг. *ко́нен*, прилаг. 'конный' (РБЕ), *ко́нни* (Дювернуа), чеш. стар. *konní*, прилаг. 'конский, конный', слвц. стар. *konný=konský* (SSJ I, 735), ст.-польск. *konny* 'всадник' (Sł. stpol. III, 331), прилаг. 'конный' (Sł. polszcz. XVI w., X, 571—572), польск. *konny* 'конный, верховой' (Warsz. II, 444), также диал. (Sł. gw. p. II, 418), словин. *k^{w}onnï* (Lorentz Pomor. I, 413), *kœnny* (Ramułt 75), др.-русск., русск.-цслав. *коньныи*, прилаг. 'конский' (1204 г. Ник. лет. X, 40), 'имеющий в своем распоряжении коня' (Рим. имп. д. I, 485. 1576 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 278; Срезневский I, 1273), русск. *ко́нный, -ая, -ое* 'относящийся к коням', диал. *ко́нный*,

кóнний 'конский' (моск., урал., каз., новг., нижегор., Филин 14, 258), укр. *кінний, -а, -е* 'конный' (Гринченко II, 244—245). ст.-блр. *конный* (Скарына 1, 276), блр. *кóнны* 'конный', диал. *кóнны* 'всадник' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 499).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **konь* (см.).

***konьskъ(jь):** ст.-слав. коньскъ, прилаг. ἵππων, equorum 'конский, лошадиный' (Supr., Mikl., Sad.), болг. *кóнски*, прилаг. 'лошадиный, конский' (БТР; Дювернуа; Геров: *кóнскый*), диал. *кóнски, кóнцки* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44; Б. Шклифов БД VIII, 255), макед. *коњски* 'лошадиный, конский' (И-С), сербохорв. *kȍńskī*, прилаг. 'лошадиный, конский' (RJA V, 289—290), словен. *kónjski* то же (Plet. I, 431), чеш. *koňský*, прилаг. от *kůň*, диал. *koncky/koňcky* (Kellner. Štramber. 27), слвц. *konský*, прилаг. (SSJ I, 759), также диал. *konskí* (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 235), в.-луж. *kóński* (Pfuhl 271), полаб. *t'ünst'ě*, прилаг. 'конский' (Polański—Sehnert 157), ст.-польск. *koński* 'конский, лошадиный' (Sł. stpol. III, 335; Sł. polszcz. XVI w., X, 607—609), польск. *koński*, прилаг. от *koń* (Warsz. II, 462), также диал. *koński* (Sł. gw. p. II, 423), словин. *kǫ̀nsḱi* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 459), *kᵘôńsḱi* (Lorentz Pomor. I, 425), *końsḱi* (Sychta II, 199), др.-русск., русск.-цслав. *коньскыи*, прилаг. 'конский' (Панд. Ант. XI в., л. 218. Срезневский I, 1273; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 281), русск. *кóнский* 'лошадиный, к коням относящийся' (Даль³ II, 392), *Конский, Конская*, названия рек, ручьев (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 437), укр. *кíнський, -а, -е* 'лошадиный, конский' (Гринченко II, 245), ст.-блр. *конскыи*, прилаг. от *конь* (Скарына 1, 276), блр. *кóнскі* 'конский', также диал. *кóнскі, кóньські* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 500).

Прилаг., производное с суф. *-ьskъ* от **konь* (см.).

***kopa:** болг. *копá* ж. р. 'копна, скирд (сена, соломы)' (Геров; РБЕ; Младенов БТР), диал. *кóпа* ж. р. 'черенок (виноградной лозы'), 'перо лука с семенами' (Младенов БТР), макед. *копа* ж. р. 'скирд, стог' (И-С), также диал. *kopa* (P. Hendriks. The Radožda-Vevčani dialect of Macedonian 266), сербохорв. *kȍpa* ж. р. 'копна, скирд, стог', 'куча', 'кол, вокруг которого скирдуют сено, снопы и проч.', 'яма, в которой выжигают древесный уголь', 'чурка (в детской игре)' (РСА X, 202—203; RJA V, 292; Mažuranić 525), диал. *kȍpa* 'куча' (Hraste—Šimunović I, 443), 'шестьдесят штук, напр. соломенных снопов на крышу и т. д.' (Skok), словен. *kópa* ж. р. 'стог, скирд, копна', 'шестьдесят штук (напр. снопов)', 'угольная яма', 'вершина горы', 'кучевое облако', 'куча (народу)', 'кучка (из четырех орехов —три вместе и один орех посредине)' (Plet. I, 432—433; «Narodopisje Slovencev» I, 134: *kope*), ст.-чеш. *kopa* 'sexagena, число шестьдесят в монетном деле, первоначально равное одной марке, поскольку из одной марки сначала чеканили 60 грошей; также шестьдесят или пятьдесят снопов', 'удары, которые наносились молодым людям при обходе границы, чтобы

они лучше следили, когда там начнется стычка' (Brandl 103—104), чеш. *kopa* ж. р. 'число шестьдесят как единица счета (гл. обр. сельскохозяйственных продуктов)', 'много, множество', 'куча, копна', диал. *kopa* 'скирд, стог (сена)', 'прядь нитей' (Hruška. Slov. chod. 43), *kopa, kópa* ж. р. 'куча, количество 60 штук, монет' (Vážný. Středověk. list. 30), слвц. *kopa* ж. р. 'куча', 'скирд, стог', 'старая мера в 60 или 50 штук' (SSJ I, 472), в.-луж. *kopa* ж. р. 'куча, шестьдесят штук' (Pfuhl 271), н.-луж. *kopa* ж. р. 'копа' (Muka Sł. I, 667), полаб. *t'üpă* ж. р. 'шестьдесят штук' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kopa*), ст.-польск. *kopa* 'количество 60 штук (снопов, денежных единиц)' (Sł. stpol. III, 335—337), 'стог сена', 'куча (вообще)' (Sł. polszcz. XVI w., X, 611), польск. *kopa* ж. р. 'количество шестьдесят штук' (Warsz. II, 463), диал. *kopa* ж. р. 'скирд сена' (Sychta. Słown. kociewskie II, 81), 'количество шестьдесят', 'гора' (Sł. gw. p. II, 423), словин. *kùǫpă* ж. р. 'шестьдесят штук' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *kᵘopa* 'копна, скирд, куча', 'шестьдесят штук' (Lorentz Pomor. I, 415), *kœpa* (Ramułt 75), *kopa* (Sychta II, 202), др.-русск. *копа* ж. р. 'денежная единица' (Польск. д. I, 3. 1487 г.), 'денежная плата' (Правда Рус. (пр.), 287), 'счетная единица 60 штук' (Кн. сметн. поташн. пром., 16. 1689 г.), 'копна, сложенная из снопов' (Южновеликорусск. письм., 38. 1677 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 291—292; Срезневский I, 1278), русск. диал. *копá* ж. р. 'большая куча сена, снопов хлеба, копна' (ряз., брян., орл., сарат., смол.), 'шестьдесят штук (как единица счета)' (смол., зап., южн.), '50 копеек, полтинник' (зап., калуж.), 'большое количество, множество' (южн., смол.) (Филин 14, 281; Добровольский 341; Говоры Прибалтики 127), *кóпа* ж. р. 'большая копна сена или снопов' (Сл. русск. говоров Новосиб. обл. 235), *кóпы* мн. 'кучи накопанной земли (?)' (смол., печорск., Филин 14, 299), ст.-укр. *копа* ж. р. 'мера количества' (1401 г.), 'денежная единица' (1359 г.) (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 495) 'собрание сельской общины' (XVII в.), 'копна', 'мера денег' (Картотека словаря Тимченко), укр. *копá* ж. р. 'мир, сельское общество, сходка', '60 штук', 'копна хлеба', '50 копеек' (Гринченко II, 279—280), диал. *копá* (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), блр. *капá* ж. р. 'копна', также диал. *капá* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 401—402), 'старая мера счета, равная шестидесяти' (там же), *кóпа* ж. р. то же (Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — Лексика Полесья 221).

Отглагольное производное от **kopati* (см.). Слав. новообразование, повторяющее вокализм и акцентуацию глагола, поэтому поиски точных и.-е. соответствий излишни. Несмотря на известную близость лит. *kãpas* 'могильный холм', *kapaĩ* мн. 'могила', 'кладбище', лтш. *kaps* 'могила, могильный холм', лит. *kopà* 'песчаная дюна', 'масса', отношение их к слав. **kopa* достаточно свободно.

Есть основания думать, что лексема (и семема) **kopa* (см. выше) оформилась уже в условиях развитого сельского хозяйства, и это лучше всего объясняет его мотивацию, очевидно, по модели 'стог (сена)' ← 'жердь, шест (вокруг которого укладывается сено)', ср. представленность обоих значений у **korь* (см.). Исходное значение 'жердь, шест' вполне объяснимо от глагольной семантики **kopati* 'бить, забивать'. Емкое значение 'укладка сена' послужило исходным для более общего 'куча', состав укладки сена обычно из определенного количества снопов был использован и для числовой абстракции ('количество 60').

Вызывает решительные возражения мнение о родстве и произведении **kopa* от **kupa* (см.) «благодаря какому-то отклонению в развитии». Чисто формальное объединение **kopa* и **kupa* на уровне реконструкций **kuopā* и **kouрā* (например Мартынов, ниже) все-таки очень проблематично: восходящий дифтонг *uo* привел бы к иной трактовке, чем краткий корневой гласный **kopa* с переносом ударения на последующий долгий гласный окончания. В остальном же между **kopa* и **kupa* можно признать наличие вторичной интерференции.

Литература: Berneker I, 562 (от **kopati*, первоначально 'набросанная, накопанная куча земли', затем — 'вообще куча', хотя, заметим, это объяснение лучше подходит для балт. фактов, чем для большинства славянских); Machek[2] 274; Фасмер II, 316 (только балт. соответствия); Fraenkel I, 217; Мартынов. Слав.-герм. лексическое взаимодействие древнейшей поры (Минск, 1963) 162; подробно см. V. Šaur. *Kup(a)/kopa — kuč(k)a/kočka.*— Slavia XLVI, 1977, 1, 12 и сл. (с разбором реконструкций в духе теории Бенвениста — **kou-p-/*ku-op-* — у Ондруша и др.); P. Skok AfslPh XXX, 1909, 308 (устаревшая этимология из роман. *cappa foeni vel paleae*).

***kopačь:** цслав. копачь м. р. fodiens, cultor 'обрабатывающий землю, землекоп' (SJS), болг. *копа́ч* м. р. 'тот, кто копает', 'рудокоп, углекоп, землекоп', 'мотыка' (РБЕ; Младенов БТР; Геров: *копа́чь*), диал. *копач* 'мотыка' (Бит. и култура на родопските българи. — СбНУ LIV, 265; Денчев БД II, 346; М. Младенов БД III, 91), макед. *копач* 'землекоп', 'кирка' (И-С), сербохорв. *ко̏па̄ч* м. р. 'землекоп', 'рудокоп', 'орудие для копания' (РСА X, 207; RJA V, 292—293: с XVIII в.), диал. *kopōč* м. р. 'рабочий в поле и на винограднике' (Hraste—Šimunović I, 444), словен. *kopáč* м. р. 'землекоп', 'кочерга', 'двурогие вилы для навоза' (Plet. I, 433), ст.-чеш. *kopáč* 'землекоп на винограднике' (Brandl 104), чеш. *kopač*, *kopáč* м. р. 'землекоп', 'рудокоп', 'мотыка' (Kott I, 745), диал. *kopáč* м. р. 'двузубая мотыка' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 79), *kopač'* (Lamprecht. Slovn. středoopav. 62), *kopáč* 'виноградарь' (Kott. Dod. k Bart. 42), *Kopáčov*, местн. название от ст.-чеш. *Kopáč*, фам. (1409 г., Profous II, 302), слвц. *kopáč* м. р. 'землекоп', 'орудие для копания' (SSJ I, 742), диал. *kopáč*

м. р. 'орудие для сгребания навоза' (Matejčík. Východonovohrad. 267), в.-луж. *kopač* м. р. 'холм' (Pfuhl 1077), ст.-польск. *kopacz* 'землекоп', 'рудокоп', 'могильщик' (Sł. stpol. III, 338; Sł. polszcz. XVI w., X, 611), польск. *kopacz* 'землекоп, рудокоп', 'деревянная лопатка для копания картофеля' (Warsz. II, 463), также диал. (Sł. gw. p. II, 424), словин. *kùôpåč* м. р. 'землекоп', 'могильщик' (Lorentz Pomor. I, 416), др.-русск., русск.-цслав. *копачь* м. р. 'тот, кто копает или обрабатывает землю, земледелец; виноградарь' (Лук. XIII, 7. Гал. ев. XIII в.), 'лопата; то, чем копают' (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 227. 1588 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 294; Срезневский I, 1279), русск. диал. *ко́па́ч* м. р. 'землекоп' (ворон., зап.-брян., новг., волог., моск.), 'лопата, заступ' (арх.), 'вид тяжелой мотыги для окапывания корней корчуемых деревьев' (волог., приангар.), 'вилы особой формы' (смол., моск.) (Филин 14, 286—287; Словарь говоров Подмосковья 215), укр. *копа́ч* м. р. 'землекоп', 'могильщик', 'заостренная палка, которою роют землю' (Гринченко II, 280), диал. *копа́ч* 'землекоп' (Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини 111), *ко́па́ч* 'кол' (Онышкевич 365), блр. *капа́ч* м. р. 'заступ, лопата; крюк для сбрасывания навоза с телеги' (Гарэцкі 75), диал. *капа́ч* 'тот, кто копает, землекоп' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 402), 'мотыга' (там же, 2, 404), *Капа́ч*, *Капачо́ў*, стар. *Копач*, антропоним (XVI—XVIII вв., Бірыла 179).

Производное с суф. -*(a)čь* от глагола **kopati* (см.).

***kopadlo:** болг. *копа́ло* ср. р. 'кирка' (Геров), макед. *копало* ср. р. 'орудие для вскапывания, копки (лопата и т. п.)' (И-С), сербохорв. *ко̀пало* ср. (м.) 'тот, кто копает, землекоп' (РСА X, 203), *kòpalo* ср. р. 'орудие для копания земли' (RJA V, 293), словен. *kopálo* ср. р. то же (Plet. I, 433), чеш. *kopadlo* ср. р. 'орудие для копания', в.-луж. *kopadło* ср. р. 'мотыга' (Pfuhl 271), польск. диал. *kopadło* ср. р. 'о крыле комара' (Weźmiesz (po śmierci komara) sto funtów sadła i te wszystkie *kopadła*. Sł. gw. p. II, 424; Warsz. II, 463), русск. диал. *ко́пало* ср. р. 'приспособление для копки картофеля, овощей' (камч.), 'мотыга' (петерб.) (Филин 14, 282).

Производное с суф. -*(a)dlo* от глагола **kopati* (см.).

***kopakъ:** болг. диал. *копак* (*купа́к*) 'раскорчеванный лес под пашню' (Ковачев. Топонимията на Троянско 156), *копа́к* м. р. 'некладеный козел' (Стойчев БД II, 190), чеш. *kopák* м. р. 'прямоугольно отесанная глыба камня', в.-луж. *kopak* м. р. 'тот, кто лягается' (Pfuhl 271), польск. диал. *kopak* м. р. 'вяз' (Warsz. II, 463), *kopák* 'изогнутые вилы для разбрасывания навоза в поле' (Sł. gw. p. II, 424).

Обращает на себя внимание пестрота значений, что говорит о возможности наличия ряда независимых словообразовательных актов — образования производного (производных) с суф. -*(a)kъ* от глагола **kopati* (см.). Из них выделяются случаи со значением названия дерева, раскорчеванного леса (выше).

Это *kopakъ попало из ю.-слав. в рум., где *copac* значит 'дерево (вообще)'. Разумеется, ни о какой связи рум. *copac* с лтш. *kuoks*, *koks* 'дерево' говорить нельзя.

***kopalь:** сербохорв. диал. *ко̏паљ*, род. п. *-пља*, м. р. 'перо (напр. лука)' (РСА X, 203), чеш. диал. *kopál* м. р. 'тот, кто копает, землекоп' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 79), *kopál'* то же (Bartoš. Slov. 154: slov.), слвц. диал. *kopál* 'орудие для кидания навоза' (Palkovič. Z vecn. slovn. Slovákov v Maď'ar. 337), русск. диал. *ко́па́ль* м. р. 'землеко́п, копальщик' (волог., костр., яросл., Филин 14, 282), укр. диал. *копа́л'* 'тот, кто копает картошку' (Онышкевич 364).

Производное с суф. *-(a)lь* от глагола **kopati* (см.).

***kopanica:** макед. *копаница* ж. р. 'резьба по дереву' (И-С), сербохорв. *ко̀па̄ница* ж. р. 'что-либо выдолбленное из куска дерева, ствола и т. п.', 'раскорчеванное место', 'pena Brassica napus rapifera' (РСА X, 203; RJA V, 293), диал. *копа̏ница* ж. р. 'что-либо выдолбленное из цельного камня' (Елез. I), *kopānica* 'ночвы для хлеба' (Sus. 164), *Kopanica* ж. р., местн. название (RJA V, 293), чеш. диал. *kopanica* ж. р. 'пашня на лесной почве', 'почва, очищенная от снега' (Bartoš. Slov. 154), *kopanice* 'куча' (Kubín. Čech. klad. 189), слвц. *Kopañice* мн., местн. название (Matejčík. Východonovohrad. 267; Palkovič. Z vecn. slovn. Slovákov v Maď'ar. 321), в.-луж. *kopańca* ж. р. 'что-либо рубленое', 'раскорчеванный участок поля' (Pfuhl 271), ст.-польск. *kopanica* ж. р. 'пашня на раскорчеванном участке' (Sł. polszcz. XVI w., X, 614), польск. диал. 'ров, канава', 'передок саней, полозья из ствола дерева с естественным изгибом' (Warsz. II, 464; Sł. gw. p. II, 424—425), др.-русск. *копаница* ж. р. 'выкопанный ров, рытвина' (1386 г. Новг. IV лет., 346), 'заступ, мотыга' (Посольство Елчина, 337. 1640 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 292; Срезневский I, 1278), русск. диал. *ко́па́ница* ж. р. 'лопата' (новосиб., брян.), 'мотыга' (иркут., новоросс., брян., свердл., новосиб.), 'мастерок; кирка' (курск.) (Филин 14, 283; Манаенкова 24), ст.-укр. *копаниця* 'заступ' (XVIII в., Картотека словаря Тимченко), укр. *копани́ця* ж. р. 'заступ', 'род мотыги для копания глины', 'искривленное дерево, идущее на полоз, выкопанное с корнем из земли' (Гринченко II, 280), диал. *копани́ця* ж. р. 'железный скребок, большая мотыга для сгребания или копания картошки' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), *копани́ца* 'санный полоз' (Онышкевич 364), *копани́ці* мн. 'сани, санки' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), *купане́^{и}ца* 'санные полозья' (Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра 247), блр. *капані́ца* 'выкопанный ров, вырытый пруд' (Гарэцкі 75), диал. *капані́ца* ж. р. 'мотыга' (Народнае слова 68; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 207; Матэрыялы для слоўніка 30), *капані́ца* ж. р. 'яма на месте вырытого торфа' (З народнага слоўніка 78).

Субстантивация прич. прош. страд. **kopanъ*, **kopana* (от глагола **kopati*, см.) с помощью суф. *-ica* или производное с тем же суф. от **kopanь* (см.).

***kopanina:** болг. диал. *ко́панина* ж. р. 'пашня на месте выкорчеванного леса' (М. Младенов БД III, 91; Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), словен. *kopanína* ж. р. 'вскопанный, раскорчеванный участок' (Plet. I, 433), ст.-чеш. *kopanina* ж. р. 'раскорчеванная земля под пашню, особенно в горах' (Brandl 104; Šimek 65), *Kopanina*, местн. название (Profous II, 303), также чеш. диал. *kopanina* (Bartoš. Slov. 154), слвц. стар. *kopanina* ж. р. 'сельскохозяйственное растение, которое окапывается, окучивается' (SSJ I, 743), в.-луж. *kopanina* ж. р. 'соломенная сечка', 'вырытое, выкопанное' (Pfuhl 271), ст.-польск. *kopanina* ж. р. 'раскорчеванный участок, взятый под пашню' (Sł. stpol. III, 339), 'копание, земляные работы', 'яма' (Sł. polszcz. XVI w., X, 615), польск. *kopanina* ж. р. 'рытье, копание', 'то, что вскопано', (диал.) 'раскорчеванный участок', 'ископаемое (руда, глина)' (Warsz. II, 464; Sł. gw. p. II, 425), русск. диал. *копани́на* ж. р. 'расчистка леса под пашню' (арх.), 'вновь раскопанное для пашни место' (арх.), 'место добычи глины' (киров.), 'яма для собирания воды' (киров.) (Филин 14, 283), укр. *копани́на* ж. р. 'копанье постоянное' (Гринченко II, 280).

Производное с суф. *-ina* от прич. прош. страд. **kopanъ*, **kopana* (от глагола **kopati*, см.), субстантивация последнего, или — от **kopanь* (см.).

***kopanъka:** болг. *копа́нка* ж. р., ум. от *копаня* (Младенов БТР), также диал. *копа́нка* ж. р. (Речник РОДД), *копа́нькя* ж. р. 'деревянная посуда' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), макед. *копанка* ж. р. 'выдолбленный деревянный сосуд' (И-С), сербохорв. диал. *ко̀па̄нка* ж. р. 'деревянная посудина' (РСА X, 204), словен. *kopánka* ж. р. 'пшеница грубого помола, крупа' (Plet. I, 433), н.-луж. *kopanka* ж. р. 'лоток, корыто', 'потолочный свод' (Muka Sł. I, 667), ст.-польск. *kopanka* 'ночвы, деревянное корытце для замешивания теста' (Sł. stpol. III, 339; Sł. polszcz. XVI w., X, 616), польск. *kopanka* ж. р. 'яма, землянка', 'ночвы для теста', также диал. *kopanka*, *kopańka* (Warsz. II, 464; Sł. gw. p. II, 425), словин. *kopanka* (AJK II, II, 22), русск. диал. *ко́панка* ж. р. 'яма, ров, выкапываемые для собирания воды' (ворон., оренб., донск., чкалов.), 'большая канава для стока воды' (волог.), 'неглубокий колодец' (донск., ворон.), 'погреб' (калин.), 'приспособление для копки картофеля — лапка с деревянной ручкой' (калин.), 'соха' (том.), 'дерево, выкопанное с корнем' (калин.), 'бревно, на котором укрепляется застреха' (твер.), 'землянка' (перм.) (Филин 14, 283—284; Сл. русск. говоров Новосиб. обл. 235), укр. *ко́панка* ж. р. 'копание, выкапывание', 'род маленького колодезя без венца', 'выкопанный прудик, сажалка', 'расчищенное под посев место в лесу, которое еще нельзя

пахать, можно лишь копать' (Гринченко II, 280), диал. ***ко́панка*** 'канава, ров', 'дорога через лес', 'яма', 'колодец без сруба', 'деревянная лопата, обитая железом' (Карпатский диалектологический атлас 200—201), ***копанкú*** мн. 'вид соломенной обуви на деревянной подошве' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), блр. ***копа́нка*** ж. р. 'выкопанный прудок' (Носов.), ***ко́панка*** 'пруд' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 713; Блр.-русск.), диал. ***ко́панка*** ж. р. 'пруд' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 501).

Производное с суф. *-ъka* [от] прич. прош. страд. **kopanъ*, **kopana* (см. **kopati*), субстантивация, или — от **kopanь* (см.).

kopanь:** цслав. копань, копанꙗ ж. р. mensura quaedam (Mikl.), болг. стар. ***ко́пан(ь) ж. р. 'копание' (Геров; Младенов БТР), ***копа́ня*** ж. р. 'лоток, лохань, миска, посудина, выдолбленная из дерева' (БТР; РБЕ; Геров; Речник РОДД), также диал. ***копа́ня*** ж. р. (СбНУ XLIV, 528), ***копа́н'а*** ж. р. (М. Младенов БД III, 91), ***купан'ъ*** ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 46; Ралев БД VIII, 140), ***копа́ня*** 'корыто (стиральное)' (Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), ***ко́пан'*** м. р. 'колотушка, которой треплют сухой лен' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), макед. ***копана*** ж. р. 'выдолбленный деревянный сосуд (миска, корыто и т. п.)' (И-С), ***копан*** то же (там же), также диал. ***копа́ња*** (Б. Ристоски. Зборови од Тиквешко. — MJ II, 5, 1951, 119), сербохорв. диал. ***ко̀па̄њ***, род. п. *-а́ња*, м. р. 'миска', 'корыто' (PCA X, 204; RJA V, 293: XVIII в., Славония), ***ко̀пања*** ж. р. 'миска, лохань, выдолбленная из дерева', 'ночвы', 'корыто' (PCA X, 204; RJA V, 293—294: с XV в.), *kapãńa* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 443), *kopanja* 'углубление в камне, в котором содержится соленая рыба' (Leksika ribarstva 162), слвц. *Kopaň*, *-ňe* ж. р., местн. название (Matejčík. Východonovohrad. 267), ст.-польск. *kopań*, *kopania* ж. р. 'продолговатый деревянный сосуд', 'лопатка или ложка для размешивания' (Sł. polszcz. XVI w., X, 616), польск. стар., диал. *kopań* 'большое деревянное корыто' (Warsz. II, 464; Sł. gw. p. II, 425), др.-русск. ***копань*** ж. р. 'выкопанный ров, канава' (Дух. и дог. гр., 391. 1504 г.), 'яма, вырытая для скопления воды; копаный колодец' (Посольство Тихан., 251. 1614 г.), 'комлевая часть ствола хвойного дерева с отрезком крупного корня под углом к стволу' (Ворон. а., 308. 1698 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 292—293; Срезневский I, 1278), русск. диал. ***ко́пань*** м. и ж. р. 'яма, ров, выкапываемые для собирания дождевых или грунтовых вод' (рост., курск., брян., орл., тул., ленингр., моск., сиб.), 'неглубокий колодец (без сруба)' (астрах., донск., рост., ворон., курск.), 'поле, расчищенное от леса' (яросл., ряз., калуж., курск., тул.), 'место добычи руды' (киров., урал.), 'дерево, выкопанное с корнем' (костр., новосиб., твер., яросл. и др.) (Филин 14, 285; Опыт 89; Картотека Псковского областного словаря), ***ко́па́нь***

'железная лопата' (Сл. Среднего Урала II, 47), ***ко́пани*** мн. 'пара
санных полозьев с корневыми, не гнутыми головяшками'
(Даль[3] II, 401; Филин 14, 283: смол., калуж.), *Копани*, ряд вод-
ных названий в басс. Дона (Wörterbuch der russischen Gewässer-
namen II, 440), ст.-укр. ***копань*** ж. р. 'выкопанный межевой знак'
(1459 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 495),
укр. ***ко́пань*** ж. р. 'выкопанный прудик, сажалка, расчищенное
под посев место в лесу, которое еще нельзя пахать, можно лишь
копать' (Гринченко II, 280), диал. ***ко́пань*** 'поле на месте выру-
бленного леса' (Карпатский диалектологический атлас 200),
ко́пан' ж. р. 'пастбище в лесу, на месте вырубки', 'посуда, в кото-
рую сыплется мука из жерновов' (Онышкевич 364), ***копа́н'і***
мн. 'род лыж' (Онышкевич 365), ***копа́ня*** ж. р. 'деревянная за-
слонка в печи' (Гринченко II, 280; И. Свенцицкий. Галицко-бой-
ковский говор. — ЖСт X, 1900, 219), блр. ***ко́пани*** мн. 'сани не
из гнутых, а корневых выкопанных полозьев' (Носов.), диал.
ко́пань ж. р. 'пруд', 'выкорчеванный пень' (Слоўн. паўночн.-
заход. Беларусі 2, 501; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка
Гомельшчыны 241), ***капані́***, ***ко́пані***, мн. 'санные полозья из де-
ревьев, выкопанных с корнем' (Жывое слова 135).

Именная основа на *-i-*, соотносительная с глаголом **kopati* (см.).

kopanьcь:** сербохорв. *kopanac* 'долбленая лодка' (Leksika ribarstva 162), словен. *kopánec*, род. п. *-nca*, м. р. 'скирд, стог' (Plet. I, 433), 'пшеничная мука грубого помола, крупа' (там же), чеш. *kopanec*, род. п. *-nce*, м. р. 'удар, пинок'; слвц. *kopanec*, род. п. *-nca*, м. р. то же (SSJ I, 743), русск. диал. ***ко́панец, род. п. *-нца*, м. р. 'яма, ров' (пск., твер., перм., новг., костр. и др.), 'неглубокий колодец' (твер., новг., свердл., южн.), 'дерево, выкопанное с корнем' (новосиб., калин.) (Филин 14, 282—283; Даль[3] II, 400; Картотека Псковского областного словаря), *Копанец*, название рек в бывш. Яросл. губ. (Wörterbuch der russ. Gewässernamen II, 439).

Субстантивация прич-я прош. страд. **kopanъ* (см. глагол **kopati*) с помощью суф. *-ьcь*.

***kopanьje:** цслав. копаниѥ ср. р. cultura, fossio 'копание, обработка
земли' (SJS), болг. (Геров) ***копа́ниѥ*** ср. р., диал. ***копа́не*** ср. р.
'первое вскапывание' (М. Младенов БД III, 91), ***копа́н'е*** 'рыхле-
ние мотыгой' (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско
239; Шапкарев—Близнев БД III, 233), ***купане*** ср. р. (Т. Бояд-
жиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 46), макед. ***копање*** ср. р. (Кон.),
сербохорв. ***ко̀па̄ње*** ср. р. 'копание' (PCA X, 204; RJA V, 294),
диал. *kopõńe* ср. р. (Hraste—Šimunović I, 444), словен. *kopânje*
ср. р. 'копание, копка', 'новь, вспаханная целина' (Plet. I, 433),
чеш. *kopání* ср. р. 'копание', 'добыча', *kopání nohou* 'лягание
ногой (о лошади)' (Jungmann II, 122), в.-луж. *kopanje* ср. р.
'копание, рыхление мотыгой', 'лягание ногой' (Pfuhl 271), н.-луж.

kopańe ср. р. то же (Muka Sł. I, 667), ст.-польск. *kopanie* ср. р. 'копание' (Sł. polszcz. XVI w., X, 614—615), польск. *kopanie* ср. р. 'копание, вскапывание' (Warsz. II, 464), русск. ***копа́ние***, диал. ***ко́панье*** ср. р. 'дерево с корнем, идущее на постройку судов, на крышу избы, на санные полозья' (Филин 14, 285), укр. ***копа́ння*** ср. р. 'копание' (Гринченко II, 280), блр. ***капа́нне*** ср. р. 'копание' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 627; Блр.-русск.).

Название действия, соотносительное с глаголом **kopati* (см.).

***kopaŕь:** словен. *kopár*, род. п. *-rja*, м. р. 'угольщик' (Plet. I, 433), чеш. стар. *kopař* м. р. 'тот, кто копает' (1576 г., Kott I, 745), слвц. диал. *kopár* м. р. 'тот, кто окучивает картошку' (Matejčík. Východonovohrad. 267), в.-луж. *kopaŕ* м. р. 'тот, кто копает (картофель)' (Pfuhl 271), н.-луж. *kopaŕ* м. р. то же (Muka Sł. I, 667), словин. *kopåř* м. р. 'могильщик' (Sychta II, 203), *kʷópoř* (Lorentz Pomor. I, 416), русск. диал. *копа́рь* м. р. 'орудие для вскапывания земли' (волог.), у староверов — 'картофель' (вят.) (Филин 14, 285).

Производное с суф. *-(a)rь* от глагола **kopati* (см.).

kopati:** ст.-слав. копати σκάπτειν, fodere 'копать' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *копа́я* 'копать, вскапывать, рыть' (БТР; Геров: *копа́ѭ* 'копать, рыть', 'выкапывать', 'закапывать', 'выклевывать', 'капючить'), диал. ***ко́пам (РБЕ; Геров: ***ко́памь***), также ***ко́пъ***, ***ко́пъм*** (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), макед. ***копа*** 'копать, рыть', 'вскапывать', 'добывать (руду и т. п.)' (И—С), сербохорв. ***ко̀пати*** 'копать, рыть (землю)', 'выкапывать', (диал.) 'погребать, закапывать', 'бить землю (ногой, копытом)', 'долбить', 'пробивать, дырявить', 'копаться, рыться', 'колоть, ранить, причинять боль' (PCA X, 205—206; RJA V, 294—296), *kopät* (Hraste—Šimunović I, 443), словен. *kópati* 'копать, рыть', 'долбить', 'наносить удар, ранить' (Plet. I, 433), чеш. *kopati* 'копать, вскапывать', 'рыть, вырывать, выкапывать', 'бить ногой', диал. *kopat' se čemu* 'артачиться' (Bartoš. Slov. 154), *kůň kope* 'лошадь лягает' (Siatkowski. Dial. Kudowy 2, 55), слвц. *kopat'* 'копать, вскапывать', 'выкапывать, вырывать', 'бить ногой, лягать' (SSJ I, 743), в.-луж. *kopač* 'копать, вскапывать', 'лягать' (Pfuhl 271), н.-луж. *kopaś* 'копать, вскапывать', 'толкать, лягать, брыкать' (Muka Sł. I, 668), ст.-польск. *kopać* 'копать, рыть', 'вскапывать, корчевать', 'прокалывать, пробивать' (Sł. stpol. III, 338), 'пинать ногой', 'клевать (о журавле)' (Sł. polszcz. XVI w., X, 611), польск. *kopać* 'копать', 'бить ногой' (Warsz. II, 463), также диал. *kopać* (Sychta Słown. kociewskie II, 81), словин. *kopac* 'бить (ногой)', 'копать, рыть', 'пахать' (Sychta II, 203); *kœpac* (Ramułt 75), *kùọpäc* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), др.-русск., русск.-цслав. ***копати*** 'копать, рыть' (1091 г. Моск. лет., 14; Ж. Феод. Студ. Выг. сб., 158. XII в.), 'рыть, делать углубление' (Пролог. (Ф.), 7 об. XIII в.), 'добывать, выкапывая' (1553 г.

Ник. лет. XIII, 210), 'лягать (о коне)' (Пч., 27.XIV—XV вв.~XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 293; Срезневский I, 1279), русск. ***копа́ть*** 'рыть', диал. ***копа́ть*** 'закапывать, зарывать' (онеж., перм.), ***копать лес*** 'выкапывать высохшие деревья, готовя землю под пашню' (тобол., краснояр.), 'ковыряться, рыться' (волог., ленингр., арх., камч.), 'долбить' (якут., камч.), 'прокалывать, протыкать' (том., КАССР) (Филин 14, 286, там же другие значения), 'вырезать, выдалбливать' (Картотека Печорского областного словаря; Картотека СТЭ), ст.-укр. ***копати*** (1424 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. I, 495), укр. ***копа́ти*** 'копать, рыть', 'выкапывать', ***копати ногами*** 'бить ногами' (Гринченко II, 280), диал. ***ко́пати*** 'пинать, бить ногами' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), ***копа́ти*** (Опышкевич 365), ст.-блр. ***копати*** (Скарына I, 276), блр. ***капа́ць*** 'копать', диал. ***капа́ць*** 'выкапывать, копать' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 403).

Родственно лит. *kapóti* 'рубить', лтш. *kapât* то же, др.-прусск. *en-kopts* 'закопанный, зарытый', далее — с определенными отличиями в консонантизме — арм. *kopʻem* 'вырубать, вырезать', н.-перс. *kāvad*, *kāfad* 'рыть, раскалывать', наконец, греч. κόπτω 'рубить', и σκάπτω 'рыть', разошедшиеся (вокализм *-a-*, *-o-* и начальное *s-* в одном случае), видимо, уже вторично. Дальнейшая реконструкция и.-е. праформы затруднительна, возможно **kŏp-*, с экспрессивным (более поздним?) вариантом **skap-*.

Привлекает внимание словообразовательно-морфологическая характеристика слав. слова, изученная еще не в полной мере. Итеративно-дуративная тема *-ati*, общая у слав. **kopati* с балт. (лит., лтш.) глаголами, выше, позволяла бы ожидать наличия также продленной ступени вокализма в корне, где, однако, присутствует краткость, более естественная в глаголе вида **kopti*, который бы соответствовал, кстати, лит. *kàpti* 'рубить'. Все это служит показателем непервоначальности формы **kopati*, а также вторичности единообразия презентно-инфинитивной парадигмы **kopajǫ* — **kopati*, несмотря на поддержку со стороны аналогичной лит. *kapóju* — *kapóti*. В сущности эту проблему не мог решить Вайян, который, видя признаки первоначальной атематичности личных форм словен. *kóplje-*, чеш. *kope-*, польск. *kopie-*, а также др.-прусск. прич. прош. страд. *enkopts*, оставил вопрос открытым, а презенс на *-je-* просто исключил для **kopati*, см: Vaillant. Gramm. comparée III, 358. Однако, если допустить, что наиболее естественный морфонологический вид нашего глагола был бы **kapati*, достаточно вспомнить, что последняя форма реально широко представлена в слав. (см. **kapati*, выше, там же толкование) и лишь отличные ее значения закрывали исследователям до поры до времени путь к раскрытию ее генезиса, который состоит в исконном тождестве **kapati*=**kopati* 'наносить удары'. При этом в **kapati*, **kapjǫ* мы находим и искомое продление

корневого гласного и более ранний тип спряжения. На формальных отличиях **kapati* и **kopati* сказалось их раннее лексико-семантическое размежевание.

Из литературы: J. Scheftelowitz BB XXIX, 1905, 35; A. Meillet BSL 16, 1910, CI; Berneker I, 563; Фасмер II, 317; Fraenkel I, 217—218; Sławski II, 450—451; Machek² 274 (различает **kopati* I 'копать, рыть (землю)', сближая его с синонимичным греч. σκάπτω < **s-kap-iō*, и **kopati* II 'бить ногой', сближая последнее с греч. κόπτω < **kop-iō* 'бить'); В. Čop.—Živa antika IV, 1954, 291 (ср. греч. κῆπος 'сад'); Idem SR XI, N 3—4, 1958, 53.

***kopica:** болг. *копи́ца* ж. р., ум. от *копа́* 'копна, стог' (Геров), сербохорв. *ко̏пи́ца, ко̀пица* ж. р., ум. 'стожок, копна' (РСА X, 213), диал. *kopìca* ж. р. 'костер для выжигания древесного угля' (RJA V, 297), *kopîca* 'копна' (Skok), словен. *kopíca* ж. р. 'копна', 'стог сена, соломы', 'вершина' (Plet. I, 434), диал. *kopíca* ж. р. 'каблук' (Erjavec LMS 1879, 141), ст.-чеш. *kopice* 'куча, копна' (Brandl 104), чеш. *kopice* ж. р. 'копна, куча, стожок' (Kott I, 746), в.-луж. *kopica* ж. р. 'куча' (Pfuhl 271), н.-луж. *kopica* ж. р. 'куча, пограничный холм', 'толпа, отряд, множество' (Muka Sł. I, 672), полаб. *t'üpaică* ж. р. 'копна' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kopica*), ст.-польск. *kopica* ж. р. 'куча, копна сена' (Sł. stpol. III, 340; Sł. polszcz. XVI w., X, 617—618), польск. *kopica* ж. р. 'бугор', 'кучка' (Warsz. II, 466), также диал. *kopica* (Sł. gw. p. II, 427), словин. *k'opica* ж. р. 'кучка, копна, стожок' (Sychta II, 203), *kùọpjică* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 515), *kᵘopica* (Lorentz Pomor. I, 416), русск. диал. *ко́пица* ж. р. 'межевой знак' (твер., Опыт 89; Даль³ II, 400; Филин 14, 290), *копи́ца* ж. р. 'маленькая копна' (терск., донск., брян., Филин 14, 290), ст.-укр. *копица* 'копна сена' (XVII в., Картотека словаря Тимченко), укр. *копи́ця* ж. р. 'копна травы', 'куча чего-либо' (Гринченко II, 281; «Основа» 1862, травень, 35), блр. *капíца* ж. р. 'небольшая копна сена, соломы' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 631), диал. *капíца* ж. р. 'небольшая кладь сена' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 405; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 208).

Производное с суф. *-ica* (ум.) от **kopa* (см.).

***kopiti (sę):** сербохорв. диал. *ко́пити* 'копнить (хлеб, кукурузу)', 'оскоплять' (РСА X, 212; RJA V, 301; Mažuranić 525), словен. *kopíti* то же (Plet. I, 434), диал. *kópiti* 'заботить' (Šašelj I, 265), чеш. *kopiti* 'копнить, сгребать в кучу (сено)', диал. *kopit'* (Vydra. Hornoblan. 106), слвц. *kopit'* 'копнить, собирать кучу', *kopit' sa* 'лезть вверх', 'собираться' (SSJ I, 744), в.-луж. *kopić* 'собирать в кучу' (Pfuhl 271—272), н.-луж. kopiś 'делать кучки, складывать в стоги' (Muka Sł. I, 672), ст.-польск. *kopić* 'складывать в кучи, копнить (сено)' (Sł. stpol. III, 340; Sł. polszcz. XVI w., X, 618), *kopić się* 'вырастать (о шишке, наросте)' (Sł. polszcz. XVI w., X, 618), польск. диал. *kopić* 'собирать, копить' (Warsz. II, 466: Sł. wil.), 'копнить (хлеб), собирать в стог (сено)' (там же; Sł. gw. p. II, 427), словин *kopìc* (Sychta II, 202), *kùọpjĩc* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *kᵘopic* (Lorentz Pomor. I, 416), др.-русск. *копити* 'собирать (людей, войско)' (1195 г. Новг. I лет., 171), 'копить что-либо, собирать и хранить' (1193 г. Соф. I лет.², 181), *копитися* 'собираться вместе' (1481 г. Псков. лет., II, 222), 'накапливаться, копиться' (ДАИ VII, 360. 1680 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 296—297; Срезневский I, 1280), русск. *копи́ть* 'собирать впрок, про запас, приобретать не тратя', диал. *копи́ть* 'копнить' (курск., брян., Филин 14, 290), *копи́ться* 'увеличиваться в числе, количестве (о живых существах)' (волог., яросл., новосиб., камч. Там же), укр. *копи́ти* 'копить', 'копнить' (Укр.-рос. словник), блр. диал. *капíць* 'копнить (сено)' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 405), 'копить, собирать про запас' (Там же).

Ю.-слав. *kopiti* 'скопить, кастрировать' (сербохорв., словен., см. выше) связано со **skopiti* (см.), см. Л. В. Куркина «Этимология. 1979» (М., 1981), 20.

Отыменной глагол на *-iti*, производный от **kopa* (см.). См. Berneker I, 562; Фасмер II, 318.

***kopnǫti:** цслав. копнѫти ὀρύττειν, fodere (Mikl.), болг. *ко́пна*, сврш. 'копнуть' (БТР; Геров: *ко́пнѫ*), диал. *ко̀пнъ* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), макед. *копне* то же (И-С), сербохорв. *ко̏пнути* 'копнуть (мотыгой и т. п.)', 'ударить, дать пинка' (РСА X, 217; RJA V, 307: «. . . ali vaļa da nije praslavenska riječ, jer bi u ovom slučaju po svoj prilici p ispalo ispred n. . .»), чеш. *kopnouti* 'копнуть', 'ударить, дать пинка ногой', 'пихнуть', слвц. *kopnút'* 'ударить ногой, дать пинка' (SSJ I, 744), н.-луж. *kopnuś*, сврш. от *kopaś* (Muka Sł. I, 673), польск. *kopnąć* 'ударить ногой, дать пинка, лягнуть', 'копнуть' (Warsz. II, 468), также диал. *kopnõnć* (Sychta. Słown. kociewskie II, 181), словин. *kopnǫc* (Sychta, II, 203), *kᵘopnǫc* (Lorentz Pomor. I, 416), *kœpnǫc* (Ramułt 75), русск. *копну́ть*, однокр. к *копа́ть*, укр. *копну́ти* (Гринченко II, 280), блр. *капну́ць*, сврш. к *капа́ць* (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 631—632), диал. *капну́ць* 'шевельнуть, тронуть' (Народнае слова 94), *ко́пнуць* 'побежать, убежать' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 242), 'убить' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 502).

Глагол на *-nǫti*, соотносительный с **kopati* (см.).

***koporul'a:** цслав. копороуля ж. р. κερκίς, radius textorius (Mikl.), болг. *копра́ля* ж. р., *копра́л* м. р. 'палка, которой подгоняют волов' (Младенов ЕПР 250), 'длинная палка с лопаткой на толстом конце для очистки лемеха от земли' (Георгиев БЕР; Геров: *капру́ля* ж. р., *капру́лъ* м. р.), макед. диал. *ка́прул* 'брусок, толстая палка' (Б. Ристоски. Зборови од Тиквешко. — MJ II, 5, 1951, 119), сербохорв. диал. *ко̀пра̄ља, ко̀праља* ж. р. 'металлическое орудие, которым чистят сошник', 'мотыга для прополки

сорняков', 'орудие, которым плетут шляпы из соломы' (РСА X, 219; RJA V, 309), *копрӓља* (Елез. I), *копраља* (LM. 24), также *ко̀пре̄ља, ко̀преља* (РСА X, 219), др.-русск., русск.-цслав. *копорȣлꙗ* ж. р. 'ткацкий челнок в виде палки с заостренным концом' (Патерик Син., 116. XI—XII вв.; Гр. Наз., 55.XI в.), 'мотыга' (Арх. Он. 1688 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1281), русск. диал. ***копору́ля*** ж. р. 'остроконечный заступ, лопатка' (сиб., байк., перм., иркут.), 'деревянная лопатка или остроконечная палка для копки картофеля' (свердл.), 'лопатка для очистки сошников от земли' (перм.), 'соха' (том., иркут., ср.-урал.), 'тяпка, мотыга' (онеж., горьк., свердл.), 'кривые вилы для сбрасывания навоза' (влад.) (Филин 14, 285; Опыт 89; Элиасов 163), ***карапу́ля*** ж. р. 'лапа железная или деревянная, употребляемая для закрытия посева на огнище' (Мельниченко 84).

Это интересное слово практически оставлено без анализа этимологическими словарями соответствующих слав. языков, ср. правильное, но слишком краткое и потому недостаточное отнесение болг. *копра́ля, копра́л* к тому же корню **kop-*, что и ***копие, копая*** в словаре Младенова ЕПР 250 (прочие слав. соответствия там не приводятся) или соответствующее место в словаре Скока, который, правда, дает сближение сербохорв. и болг. слов, но оставляет их без элементарного этимологического анализа, см. Skok. Etim. rječn. II, 149. В словаре Фасмера русск. ***копоруля*** пропущено. Поскольку речь, судя по известным нам данным, идет, скорее всего, о праслав. образовании (ср. также ниже), ощутимо отсутствие этого слова и в словаре Бернекера.

Исчерпывающий словообразовательно-этимологический анализ всех соответствий с реконструкцией на их базе праслав. **koporul'a*, видимо, экспрессивного производного с суф. *-ul'a* от глагольно-именной основы **kopor-*, см. Ж. Ж. Варбот. — Этимология. 1972 (М., 1974), 56 и сл. Вслед за ней см. БЕР II, 619. Этот анализ вызывает только одно дополнительное замечание по исторической фонетике, которое лишь повышает наш интерес к форме **koporul'a*, а заодно и ее ценность в плане раскрытия закономерностей слав. языкового развития. Ю.-слав. *kopral'a* из **koporul'a* — это не столько субституция *ra* < *or* «по аналогии с закономерными южнославянскими рефлексами праслав. *tort*» (тем более, что, строго говоря, здесь не было предшествования *tort*), сколько сигнал того «полногласного» состояния (*—oro-* или *-ara-*) также на «неполногласных территориях (чему, напр., посвящена известная работа Мареша), которое лишь вторично результировало в ю.-слав. *trat*. Сказанное ставит ю.-слав. *kopral'a* в один ряд с такими случаями как *pladne* < **polъ dьne*, четврѣногъ <**četveronogъ* и др., уже известными науке.

***koporyje:** русск. *Копорье*, местн. название.

Топоним, представляющий собой, возможно, древнее сложение, не подтвержденное, однако, примерами из апеллативной

лексики: *Копорье* с ассимиляцией из **Копоръе*, с ъ напряженным, < **kopo-ryje*, сложение основ **kopъ* или **kopa* (см. s. vv.) и **ryti* (см.). Однотипное — и тоже почти исключительно топонимическое — сложение **čьrtoryjь/*čьrtoryja/*čьrtoryje* (см.) свидетельствует о возможной древности образования **koporyje*, при всей локальности последнего.

См. О. Н. Трубачев. — Мовознавство 1971, № 6, 13.

koposati*/kopositi:** польск. диал. *kopsać* 'толкать, бить' (Warsz. II, 469), др.-русск., русск.-цслав. *копосати* 'копошиться, копаться' (Никон. Панд. сл. 48), 'блудодействовать' (Сл. Иппол. об антихр., 57.XII в.) (Срезневский I, 1281; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298), русск. диал. ***ко́псать 'стучать; шуметь' (олон., Филин 14, 297), ***ко́пситься*** 'пачкаться, делая что-либо' (твер., пск., Даль [3] II, 404; Филин 14, 297), ***ко́постить*** 'беспокоить' (пск., твер., Филин 14, 294), блр. диал. ***ко́псатыс'*** 'брести (по глубокому снегу, по песку, по грязи)' (Ф. Д. Климчук. Дрогичин. Полесье. — Лексика Полесья 42).

Глагольный интенсив на *-s-* от **kopati* (см.).

kopоsъ:** др.-русск., русск.-цслав. *копосъ* м. р. 'истечение семени; семя (мужское)' (Сл. Иппол. об антихр., 56.XII в.; Вас. Вел. XIV в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1281), *Копосъ*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 88; II, 737. Тупиков 250), русск. диал. *ко́пос* м. р. 'гнус' (пск., арх., Филин 14, 293), сюда же производное ***ко́поский, копоско́й, прилаг. 'разборчивый, взыскательный' (перм., новг., волог., олон.), 'медлительный, неторопливый' (волог.), 'беспокойный; подвижный, проворный' (забайк., новг., арх.) (Опыт 89; Даль [3] II, 403; Филин 4, 293—294), ***ко́пыс*** м. р. 'свербеж, ощущаемый при нечистоте платья или головы', 'шорох, производимый движением тараканов и других мелких животных' (пск., Опыт 89; Даль[3] II, 406; Филин 14, 303).

Отглагольное имя, производное от глагола **koposati/*kopositi* (см.).

kopošiti (sę):** чеш. редк., диал. *kopošiti se* 'кишеть, копошиться', русск. ***копоши́ться 'шевелиться, копаться, возиться, кишеть' (Даль[3] II, 404), диал. ***копоши́ть*** 'шевелить' (смол.), 'чесаться' (сев.-двинск.), 'ощупать, дотрагиваться' (пск. твер.), 'тревожить' (олон.), 'делать что-либо медленно' (арх., волог., смол., перм., свердл.) (Филин 4, 296—297; Куликовский 40; Причитания Северного края II, 322), ***копоши́ться*** 'суетиться; быстро двигаться' (заурал., курган., Филин 14, 297), укр. ***копоши́тися*** 'копошиться' (Гринченко II, 282), блр. ***капашы́ць*** 'шевелить' (Байкоў-Некраш. 141), диал. ***капашы́цца*** (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 404).

Этимологически тождественно **koposati*/**kopositi* (см.); содержит обобщение консонантизма наст. времени.

***kopręti sę/*kopriti sę:** болг. диал. *кóпрѧ се* 'готовиться' (Г. Палашев. Из говора на банатските българи. — СбНУ XX, 1904, 2; Геров—Панчев), *кóпр'ъ съ* 'готовиться, ожидать' (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 24; П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 123), *кóпръ съ* (Л. Ралев. БД VIII, 137), *кóпрêм* 'готовить, устраивать' (Стойчев БД II, 190), словен. *koprnéti* 'исходить, чахнуть', 'жаждать' (Plet. I, 436), чеш. *koprněti* 'цепенеть, застывать' (Kott I, 747: в юж. Чехии — 'проявлять большое нетерпение'), диал. *koprnět* 'ждать с нетерпением' (Bartoš. Slov. 154).

Глагол на *-ěti*, производный от **koprъ* (см.). Единство происхождения болг., словен. и чеш. слов прослеживается и семантически: глагол состояния **koprěti* (вар.: возвратный глагол на *-iti* **kopriti sę*), построенный на базе **koprъ*, первонач. прилагательного, 'пахнущий, испускающий дух, пар' → 'сохнуть' → 'сохнуть от тоски, ждать с нетерпением' → 'ждать вообще', 'готовиться'/'цепенеть, застывать'.

Полноценному освещению в литературе препятствовала затемненная формальная близость болг. и чеш. слов. Ее не учитывают, напр., ни Махек (см. Machek[2] 275, где строятся догадки о праформе **krěpeněti*, по-видимому, на основе неправильного представления о значении 'цепенеть' как исходном), ни БЕР (II, 622, где полностью отсутствует славистическая перспектива, а имеющееся там предположение о контаминации случайно).

О болг. глаголе ср. еще Л. В. Куркина. — Этимология. 1978 (М., 1980), 38—39: автор предполагает образование от экспрессивной глагольной основы **kopr-* 'копошиться, возиться'.

***koprina:** цслав. коприна ж. р. sericum (Mikl.), болг. *коприна* ж. р. 'шелк' (Дювернуа; БТР; РБЕ), также диал. *коприна* ж. р. (М. Младенов БД III, 91), производное *копринка* ж. р. 'какое-то растение' (Геров—Панчев), макед. *коприна* ж. р. 'шелк' (И-С), сербохорв. диал. *кòприна* ж. р. 'шелк' (РСА X, 222), *kòprena* ж. р. 'прозрачная, тонкая ткань, платок из нее' (RJA V, 310), русск.-цслав. *коприна* ж. р. 'шелк' (Гр. Наз. XIV в.; Ж. Ал. чел. бож., 485. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1281—1282).

Производное с суф. *-ina* от названия растения **koprъ* (см.); шелковые нити в данном случае сравниваются с растительными волокнами. Ср. так уже Miklosich 129, где говорится: «*koprъ*, возможно, первоначально обозначало растение, которое пряли, как это имеет место с крапивой — *kopriva*». Это верное высказывание было понято другими исследователями односторонне — как произведение именно от названия крапивы, см. Berneker I, 564. См. также Фасмер II, 319, где прямо сказано со ссылками на Миклошича, Бернекера и Младенова: «Согласно господствующей точке зрения, от **коприва* 'крапива' . . .» Ср. и БЕР II, 621.

Однако ясно, что **koprina* не могло быть образовано непосредственно от **kopriva* (см.). Ср. еще Г. Ильинский JФ V, 1925—1926, 184—186 (где, кроме критики сомнительной этимологии Скока — из лат., содержится авторская, также сомнительная — от **kep-* 'резать').

***kopriva:** цслав. коприва ж. р. urtica 'крапива' (Mikl.), болг. *коприва*
ж. р. 'крапива Urtica dioica' (БТР; РБЕ), также диал. *коприва*
ж. р. (М. Младенов БД III, 91), *копрйвъ* ж. р. (Д. Евстатиева.
С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), также *покрйва* ж. р.
(с. Долна Мелна, Трънско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та),
макед. *коприва* ж. р. 'крапива' (И-С), также диал. *коприва* (Љ.
Групче. Народни имиња на растенијата од Скопска Црна Гора. —
MJ VIII, 2, 1957, 225), сербохорв. *кòприва* ж. р. 'крапива Urti-
ca' (РСА X, 220; RJA V, 311—312), *кòпрва* (РСА X, 219), диал.
куприва (Djk. 276), *kopriv*, прилаг. 'крапивный, из крапивы'
(RJA V, 311), словен. *koprίva* ж. р. 'крапива Urtica' (Plet. I,
435), также *kropiva* ж. р. (Plet. I, 476), ст.-чеш. *kopřivý*: *koprziwe*
semie (XV в., Ст.-чеш. , Прага), чеш. *kopřiva* ж. р. 'крапива',
ст.-слвц. *kopriwa* (Ст.-слвц., Братислава), слвц. диал. *kópriva*
ж. р. 'крапива' (Matejčík. Novohrad. 88; Idem. Východonovohrad.
268), *koprva* (Kálal 257), в.-луж. *kopřiwa* ж. р. 'крапива Urtica
dioica' (Pfuhl 272), н.-луж. *kopśiwa* ж. р. 'крапива' (Muka Sł. I,
674), полаб. *t'üpraivă* ж. р. 'крапива' (Polański-Sehnert 157, с ре-
конструкцией **kopriva*), ст.-польск. *koperwy* pl. tant. 'крапива'
(1472 г., Sł, stpol. III, 340), *Koprzywa*, личное имя собств. (*Cop-
riua*, около 1265 г., Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 77), *koprzywa*
'крапива' (Sł. polszcz. XVI w., X, 622), польск. *koprzywa* ж. р.
'крапива' (Warsz. II, 469), словин. *kùǫpřävă* ж. р. (Lorentz Slo-
vinz. Wb. I, 515), *kᵘópřəva* (Lorentz Pomor. I, 416), др.-русск.
кропива, *крапива*, ж. р. 'крапива' (Сузд. л. по Ак. сп. 1368 г.
Срезневский I, 1329; Дм., 48.XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 8, 14),
русск. *крапйва* ж. р. 'травянистое растение с тонкими, обжигаю-
щими при прикосновении волосками на стебле и листьях', также
диал. *крапйво* ср. р. (олон., Филин 15, 169), *крапйвь* ж. р. (волог.,
яросл., Филин 15, 170), укр. *кропивá* ж. р. 'крапива' (Грин-
ченко II, 310), диал. *кранíва*, *кропú'ва* ж. р. (Лисенко. Словник
поліських говорів 106), ст.-блр. *кропива* (Скарына 1, 287),
блр. *крапівá* ж. р. 'крапива', также диал. *крапíвá* ж. р. (Слоўн.
паўночн.-заход. Беларусі 2, 516).

Формы *kropiva* и *pokriva* (польск. *pokrzywa*) вызваны вторичной
перестройкой, так, *kropiva*, видимо, — в связи с глаголом **kro-
piti* (см.) 'кропить, орошать' (ср. ниже), хотя именно форму
kropiva считают нередко этимологически наиболее авторитетной.
Впрочем, давно также замечено, что в большинстве слав. языков
представлено как раз *kopriva*, которую мы и считаем в согласии
с рядом авторов ответственной за этимологию слова.

Наиболее вероятно образование от **koprъ* (см.) с адъективным

суф. -iv-, ср. показательное в этой связи прямое наличие соответствий-прилагательных выше: сербохорв. kopriv 'крапивный', ст.-чеш. kopřivý, а также адъективное по природе разнообразие форм рода, напр. русск. диал. крапи́во ср. р., крапи́вь ж. р. (выше). Объяснение *kopriva < *koprъ см. Miklosich 129; Brückner 428. Дальнейшей этимологии мы касаемся уже непосредственно при разборе слова *koprъ. Это последнее (а с ним и слово *kopriva) восходит к *ku̯op- 'испускать пар, дух, пахнуть', ср., далее, *kypěti (см.). Ср. в общем так уже С. Младенов РФВ LXVIII, 1912, 384—386, но он объяснял это жгучими свойствами крапивы. Однако жжет не всякая крапива (а тяжелый запах издает и потревоженная глухая крапива), кроме того, семантика производящего слова *koprъ говорит об испарении, запахе.

Другая группа этимологий, как уже сказано, исходит из формы *kropiva, см. Berneker I, 564, где даже *koprъ предположительно реконструируется как *kroprъ. Реконструкцию *kropiva развил и специально аргументировал Махек, который видит здесь производное от глагола *kropiti в связи со старым обычаем обваривать кипятком крапиву, скармливаемую скоту. См. V. Machek ZfslPh XVII, 1941, 261—262; Machek[2] 275; Фасмер II, 366—367 (с дальнейшей литературой); БЕР II, 620—621; Skok. Etim. rječn. II, 150.

Из прочей литературы: J. Schütz WdS X, 1965, 327 (*kopriva неубедительно объясняет из *ko-pьr-iva, сложение префиксального элемента *ko- с основой глагола *pьrati (см.) 'бить, стирать'); F. Hinze. Zur Etymologie von ursl. *kropiva/*kopriva 'Brennessel' (Urtica urens). — Lětopis Instituta za serbski ludospyt w Budyšinje. Rjad A, 19/2, 1972, 170—171.

***koprivьnъ(jь):** болг. коприве́н, прилаг. 'крапивный' (БТР), макед. копривен то же (И-С), сербохорв. kȍprivan, прилаг. 'крапивный' (с XV в., RJA V, 312), кȍпривнӣ (РСА X, 221), словен. koprívеn, -vna, прилаг. (Plet. I, 435), чеш. kopřivný 'крапивный' (Kott I, 747), слвц. производное Koprivnica ж. р., местн. название (SSJ VI, 188), н.-луж. Kopśiwna ж. р., название речки (Muka Sł. I, 674), др.-русск. крапивный, кропивный, прилаг. 'относящийся к крапиве; сделанный из крапивы' (Кн. расх. кушаньям Адр., 172. 1699 г. СлРЯ XI—XVII вв. 8, 14), русск. крапи́вный.

Прилаг., производное с суф. -ьnъ от *kopriva (см.).

***koprъ:** ст.-слав. копръ м. р. ἄνηθον, anethum 'укроп' (Zogr., Mar., Mikl., Sad.), болг. ко́пър м. р. 'укроп Anethum graveolens' (БТР; Геров: ко́поръ, ко́пъръ), также диал. ко́пра ж. р. (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), ко́прик м. р. (М. Младенов БД III, 91), ко́пар м. р. 'приправа к еде' (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), макед. копар м. р. 'укроп' (И-С), сербохорв. kȍpar, род. п. kȍpra, м. р. 'укроп Anethum graveolens L.' (в словарях Микали,

Беллы, Белостенца, Вольтиджи, Стулли, Вука, RJA V, 294), также диал. (Hraste—Šimunović I, 443), словен. kóper, род. п. -pra, м. р. 'укроп', 'ромашка' (Plet. I, 434), чеш. kopr м. р. 'укроп Anethum' (Kott I, 747), слвц. kôpor род. п. -pru, м. р. 'укроп Anethum graveolens' (SSJ I, 759), kopor, koper (Kálal 257, 927), в.-луж. koprica 'укроп' (Pfuhl 1077), koprik м. р. то же (Pfuhl 272), стар. koprik («Verzeichn. der in der Oberlausitz wild wachsenden Pflanzen» von M. K. Chr. Öttel, Görlitz, 1799. Schuster-Šewc, Sprachdenkm. 236), н.-луж. kopr м. р. 'укроп Anethum graveolens L., Anethum foeniculum Karst.' (Muka Sł. I, 673), kopśica ж. р. (там же), ст.-польск. kopr м. р. 'укроп' (Sł. polszcz. XVI w., X, 621—622), польск. kopr, koper м. р. 'укроп' (Warsz. II, 469), также диал. (Sł. gw. p. II, 429), др.-русск., русск.-цслав. копръ м. р. 'укроп', 'анис' (Матф. XXIII, 23. Ев. XIII в.; Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 1028, 117 об. 1576 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298; Срезневский I, 1282), русск. диал. копёр, род. п. -пра́, м. р. 'укроп' (влад., нижегор., симб., пенз., вят., перм., Филин 14, 289), укр. копер, род. п. -пра, м. р. 'укроп' (Гринченко II, 280), блр. диал. копр м. р. (Слоўн. паўночн.-зах. Беларусі 2, 502).

Производное с суф. -rъ от и.-е. *ku̯op-, *ku̯əp-, *kup- 'выпускать пар, дух, испускать запах'. Ср. уже Miklosich 129. У вост. славян название растения выступает в огласовке *kropъ (ср. русск. укроп и др.), которую можно счесть вторичной, хотя нередко придерживаются обратного: *kropъ > *koprъ. Ср. Berneker I, 564—565: *koprъ < kroprъ. Ср. Sławski II, 455; Machek[2] 275. Бернекер в общем согласен видеть здесь исконнослав. название душистого растения, вторично перенесенное на южный по происхождению Anethum graveolens. Мнение о заимствованном происхождении ст.-слав. копръ ἄνηθον, в свое время уверенно высказанное Мейе (см. Meillet. Études II, 409; ср. и Brückner 256: «Праслав., хотя это название культурного растения, а потому иноязычного происхождения (?)»), можно считать устаревшим. Ср. В. И. Георгиев ВЯ 1956, № 1, 59: и.-е. *k(u̯)əp-ro-s, kup-ro-s, откуда греч. дор. κύπαιρος, гомер. κύπειρος, ион. κύπερος, атт. κύπαιρον 'душистое растение Juncus odoratus', а также греч. κυπάρισσος 'кипарис'.

***koprьcь:** болг. (Геров) ко́прецъ, ко́порецъ м. р., ум. 'укроп', ко́прец (Младенов БТР), диал. копре́ц м. р. 'Anethum foeniculum' (Банско, Сев.-Зап. България. СбНУ III, 95; XLVIII, 467; XVIII, 2, 65. Архив Болг. диал. словаря, София), ко́прец (Горов. Странджа.— БД I, 99; Шапкарев—Близнев БД III, 233), ко́прец (Т. Бояджиев. Дедеагачко. — БД V, 230), ко́прец 'укроп Anethum graveolens' (Хитов БД IX, 269), сербохорв. koparac, род. п. koparca, м. р. 'растение Bunium bulbocastanum L.' (RJA V, 294), словен. kóprc м. р. 'растение Foeniculum vulgare' (Plet. I, 435).

Ум. производное с суф. *-ьсь* от **koprъ* (см.).

***kopъ I:** болг. стар., обл. *коп* м. р. 'копка, копание' (Младенов БТР; Геров—Панчев: *копъ* 'обрезка виноградной лозы'), макед. *коп* м. р. 'карьер, место работы', 'добыча' (И-С), сербохорв. стар., редк. *kop* м. р. 'закапывание' (XVIII в., RJA V, 292), словен. *kop* м. р. 'мотыга' (Plet. I, 432), ст.-чеш. *kop* м. р. 'гора' (Gebauer II, 96), *kop*, *kopec* 'куча земли как межевой, пограничный знак' (Brandl 103), русск. диал. *коп* 'углубление, вырытое в земле' (Картотека Печорского областного словаря), 'вид большой укладки снопов' (Сл. Среднего Урала II, 46).

Отглагольное именное образование от **kopati* (см.). Ср. **kopa* (см.).

***kopъ II?:** чеш. *kop* м. р. 'сажа, копоть' (Jungmann II, 121), русск. *коп* 'дым' (цит. по: Miklosich 128).

Слабая засвидетельствованность слова вызывает у ряда авторов серьезные сомнения в реальности его существования. Ср. Преобр. I, 351: «У Миклошича MEW. 128 приведено несуществующее **коп*»; Sławski II, 455: «Bardzo niepewne». Однако слово это имеет уже свою литературу, что побуждает нас (наряду с некоторыми другими обстоятельствами) к рассмотрению вопроса здесь. См. A. Meillet MSL 8, 1893, 291; G. Iljinskij AfslPh XXIX, 1907, 162; R. A. Fowkes «Language» 21, 1945, № 2, 96. Перечисленные авторы согласно исходят из родства праслав. (чеш., русск.) **kopъ* с лит. *kvãpas* 'дух, запах', далее — греч. καπνός 'дым' (возможно, диссимилированное из **παπνος* < **kʷəp-no-*). Следовательно, слав. **kopъ* реконструируется как и.-е. **kʷ əpo-* (Ильинский, выше, производит **kopъ* из **kvopъ* < и.-е. **qu̯əpo-*). Родственная основа наличествует в слав. в вариантах **kvap-*, **kyp-*. Кроме того, следует иметь в виду достоверное существование именного корня **kop-* в такой производной форме как **kopъtь* (см.), очень близкой семантически.

kopъka:** болг. диал. *ко́пка* ж. р. 'прорубь во льду на реке' (Младенов БТР; РБЕ; Геров; М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско; П. Гѫбюв. От Тръново и Търновско. — СбНУ XVI/XVII, П, 397), ***ко́пка ж. р. 'ямка в земле' (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 289; Журавлев. Криничное 145; Хитов БД IX, 268), ***ко́пкъ*** ж. р. 'ямка в земле', 'прорубь во льду' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 69), сербохорв. *kopka* ж. р. 'прорубь во льду' (RJA V, 302), диал. ***ко̃пка*** ж. р. 'мотыга' (РСА X, 214), чеш. *kopka* ж. р. 'кучка' (Jungmann II, 124), слвц. *kôpka* 'кучка' (Kálal 257), н.-луж. *kopka* 'пограничный холм' (Muka Sł. I, 673), польск. диал. *kopka* ж. р. 'выкапывание свеклы', 'кучка, укладка' (Warsz. II, 468), *kopka* ж. р.=*kopa* (Sychta. Słown. kociewskie II, 81), словин. *kʷopka* ж. р., ум. 'копна, стожок' (Lorentz Pomor. I, 415; Lorentz, Slovinz. Wb. I, 515), *kœpka* (Ramułt 75), др.-русск. ***копка*** ж. р. 'копка, копание' (Гр. Дв. II, 289. 1691 г. СлРЯ XI—

XVII вв. 7, 297; Срезневский I, 1281: А преставился едя с Кыева на копкѣ. Сбор. XV—XVI в.), русск. ***ко́пка*** ж. р., действие от гл. ***копа́ть***, диал. ***ко́пка*** ж. р. 'межа в виде прокопанной полоски земли' (ворон.), 'время уборки картофеля' (яросл.), 'копна' (Филин 14, 290), укр. диал. ***ки́пка***, ***ко́пка*** ж. р. 'ямка в печи для золы и углей' (Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич. Полесская строительная терминология (хата и хозяйственные постройки). — Лексика Полесья 139; Лисенко. Словник поліських говорів 103), блр. ***ко́пка*** ж. р. 'копка, копание' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 713), 'кучка' (там же), диал. ***ко́пка*** ж. р. 'ямка' (Матэрыялы для слоўніка 139), 'боковое углубление в печи для сгребания углей и жара' (Матэрыялы для слоўніка 100; Жывое слова 124), 'небольшая укладка сена, снопов, копна' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 501).

Здесь довольно тесно перекрещиваются образование с суф. *-ъka* (название действия) от глагола **kopati* (см.) и ум. производное с тем же суф. от имени **kopa* (см.). Учитывая близкое родство всех этих слов (имя **kopa* тоже произведено от глагола **kopati*), мы объединили оба вида.

kopъtěti/*kopъtiti (sę):** болг. (Геров) *коптѣ́ѭ*, *коптѭ* 'темнеть', 'терпеть, молчать', сербохорв. диал. *ко̀птети* 'чахнуть, томиться', 'стараться, трудиться' (РСА X, 224), чеш. *koptiti* 'марать, пачкать', диал. *kopt'it se*, *kupt'it se* 'пылиться' (Svěrák. Brněn. 109), *kupťit se* (Svěrák. Boskov. 116), слвц. диал. *koptit' sa* 'покрываться копотью, сажей' (Kálal 257), *koptit'* 'коптить, чадить' (Диалект., Братислава), *kopcic* (Buffa. Dlhá Lúka 166), н.-луж. *kopśiś* 'марать сажею', 'грязнить, марать' (Muka Sł. I, 673), польск. *kopcieć* 'коптиться, чернеть от копоти' (Warsz. II, 465), *kopcić* 'коптить, покрывать сажей' (Warsz. II, 464), др.-русск. ***коптити 'сжигать для получения копоти, сажи' (ДАИ III, 8. 1646 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 299), русск. ***копти́ть*** 'испускать копоть', 'покрывать слоем копоти', 'провяливать в дыму, приготовляя в пищу', диал. *копте́ть* 'пылиться' (вят., перм., Филин 14, 298; Опыт 89), *копоте́ть* 'хлопотать, жить в заботах' (Сл. Среднего Урала II, 47), 'прытко бежать' (курск., Даль[3] II, 405), ***копти́ть*** 'быстро ехать, бежать' (челяб., Филин 14, 298), ***копоти́ть*** 'поднимать пыль, пылить' (перм., том.), 'курить, дымить' (новг.) (Опыт 89; Филин 14, 295), укр. *кіптіти* 'дымиться' (Гринченко II, 245), *копти́ти* 'копить деньги, скряжничая' (Гринченко II, 282), диал. *копот'іти* 'пылить' (Онышкевич 367), блр. ***капці́ць*** 'коптить' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 633), диал. ***капце́ць*** 'коптить, чадить' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2,408), ***капці́ць*** (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 409).

Глагол на *-ěti/-iti*, производный от ****kopъtь*** (см.).

***kopъtъ/*kopъtь:** ст.-чеш. *kopet*, род. п. *-pte* (?), *-pta*, *-ptu*, м. р. 'копоть, сажа' (Gebauer II, 98; Jungmann II, 123), чеш. *kopt* м. р. 'копоть, сажа', слвц. стар. *kopt* м. р. то же (SSJ I, 744)

н.-луж. *kopś* м. р. 'копоть', 'нагар' (Muka Sł. I, 673), ст.-польск. *Kopeć*, личное имя собств. (Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 76), польск. *kopeć*, род. п. *-pciu/-pcia*, м. р. 'копоть, сажа', 'чад' (Warsz. II, 465), др.-русск. *копоть* ж. р. 'пыль' (Сим. Обих. книгоп., 213. XVII в.), 'сажа, копоть' (Кн. пер. Новодв. креп., 33. 1710 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298), *Копоть*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 230. Тупиков 250), русск. *кóпоть* ж. р. 'сажа от дыма', диал. *кóпоть* ж. р. 'дым' (новг., пск., арх., твер., волог.), 'пыль' (сиб., якут., том., курган., свердл., перм., вят., волог., олон., арх.)(Опыт 89; Даль^3 II, 404—405; Филин 14, 296), 'иней' (арх., Картотека СТЭ), укр. *кóпiт*, род. п. *-поту*, м. р. 'пыль (в воздухе)' (Гринченко II, 282), ст.-блр. *копот* 'сажа' (Скарына 1, 276), блр. *кóпаць* ж. р. 'копоть, сажа' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 713), *кóпот* м. р. 'копоть, дым от смолистой лучины' (Носов. 245), *кóпоць* ж. р. (там же).

Производное с суф. *-ъtь* от продолжения и.-е. **ku̯ep-/*ku̯op-/*ku̯əp-* (с вариантами **k^uep-/*k^uop-/*k^uəp-*). Строгое разграничение и.-е. *ku̯* и *k^u* здесь (как и в ряде других случаев) невозможно, если учитывать реальность чередования вариантов однофонемной (*k^u*) и двухфонемной (*ku̯*) трактовки, а также вокализации лабиального тембра в последних. В этом смысле надлежит внести корректив в толкование Бернекера (Berneker I, 565), который признавал и.-е. чередование *ku̯* и *k^u* (у Бернекера соответственно — *qu̯* и *q*), но считал, что слав. формы продолжают *k^u* (*q*), оставляя, в таком случае, без объяснения явные признаки наличия вокализованного *u̯* > *ŭ* в слав., ср. **kypěti*, **kvapiti* (см.). Апофонический характер отношений этих последних форм в слав. говорит также против мысли об «исчезновении *-v-* в дослав. эпоху» (так см. Фасмер II, 319). Замечательно наличие в слав. **kopъtь* суф. *-ъtь*, отсутствующего в балт. соответствиях, ср. лит. *kvapas* 'дух, пар, дуновение'.

См. еще Miklosich 128; Brückner 255; Sławski II, 454—455.

***kopъtьnъjь:** чеш. *kopetný*, прилаг. 'дымный' (Jungmann II, 123), др.-русск., русск.-цслав. *копътьныи* (Гр. Наз. с толк. Ник. Ир. XIV в. Срезневский I, 1282; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 298), русск. диал. *копотнóй*, *кóпотный*, *-ая*, *-ое* 'дымный, дающий копоть' (арх., камч.), 'закопченный' (амур.), 'пыльный' (арх., волог., онеж.), 'грязный' (иркут., свердл.) (Филин 14, 296), *копотнóй* 'бойкий, ретивый; горячий (о лошади)' (арх., волог., Филин 14, 296; Даль^3 II, 405), блр. *кóпотно*, нареч. 'дымно' (Носов.).

Прилаг.. производное с суф. *-ьnъ* от **kopъtь* (см.).

***kopylъ/*kopylь/*kopylo:** болг. *копúлъ* м. р. 'мальчик' (Геров—Панчев 172), диал. *копúл*, *кóпиле* 'мальчик' (Шумен, Родопы, см. Б. Цонев — СбНУ XX, 1904, 40), *кóпиле* ср. р. 'внебрачный, незаконнорожденный ребенок' (Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112; с. Баница, Врачанско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *кóпили* ср. р. 'внебрачный ребенок' (Денчев. Поповско. — БД V,

249), *кóпеле* ср. р. 'мальчик, парень' (Стойчев БД II, 190; Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кóпел'е* ср. р. то же (с. Стърница, Смолянско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *копúло* ср. р. 'заостренная палочка для выкапывания цветов с короткими корневищами или с луковицами' (Хитов БД IX, 268), *кóпеле* 'побег, стебель' (Традиционен бит и култура на балканските българи. — СбНУ LI, 1963, 43), *кóпе^{а}ле^а* 'холостой, неженатый парень' (Родопски напредък II, 7, 221; VII, 5, 144), макед. *копиле* ср. р. 'внебрачный ребенок' (И-С), диал. *köpile* то же (P. Hendriks. The Radožda-Vevčani dialect of Macedonian 266), сербохорв. *kȍpīl* м. р. 'внебрачный, незаконнорожденный сын' (в одном примере XVII в.: *kopio*. RJA V, 298, с примеч.: «нет ни в одном словаре»), *кȍпӣле*, *кȍпиле* ср. р. 'незаконнорожденный ребенок, ублюдок', (диал.) 'часть (подпорка) кофейной мельницы' (РСА X, 209; RJA V, 299: с XVII в.), *kopilo* м. р. 'незаконнорожденный сын, nothus' (только в словаре Вранчича, RJA V, 300), слвц. диал. *kopyl'* м. р. 'внебрачный ребенок' (Horák. Pohorel. 160), н.-луж. *kopěło*, *kopoło* ср. р. 'мотыка для навоза' (Muka Sł. I, 671), диал. *kopuło* то же (Muka Sł. I, 674), также *kopyłka* ж. р. (там же), полаб. *t'üpål* м. р. 'мотыга' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kopъlь*), польск. диал. *kopył* м. р. 'копыто' (Sł. gw. p. II, 430; Warsz. II, 470), др.-русск. *копылъ* м. р. 'каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней' (Кн. расх. Корел. м. № 935, 45. 1559 г.) в составе названия бортного знамени с изображением брусков и санных полозьев (Отказн. кн. южновеликорус., 267. 1625 г.), 'род лопаты' (Кн. п. Казани, 3, XVII в. ~ 1568 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 299), *Копылъ* (*Василий Копылъ Спячий*, московский посол на Афон. 1515 г. Летоп. VIII, 259; *Василий Копылъ Семеновъ сынъ*, копирский крестьянин. 1534 г. Тупиков 251), русск. диал. *копы́л* м. р. 'стояк, вставленная во что-либо торцом деревяшка' (том., север., тул., тамб.), 'дубовая или кленовая дощечка для скрепления чего-либо' (смол.), 'крестьянские сани без кузова, дровни' (арх.), 'мотыга, лопатка для копания картофеля' (смол., вят.), 'рукоятка топора, топорище' (яросл.), 'колодка для изготовления обуви' (тул., моск., пск., смол., новг., петерб., олон., арх.), 'ручная прялка' (волог., вят., яросл., калин., костр., твер., перм., урал., новосиб., том.) (Филин 14, 300—301, там же ряд переносных значений; Опыт 89; Подвысоцкий 70; Деулинский словарь 238; Васнецов 111; Сл. русск. говоров Новосиб. обл. 236), 'тяпка' (Картотека Псковского областного словаря), *копылó* ср. р. 'дровни' (олон., перм., арх., сиб.), 'полоз у дровней' (арх.), 'сиденье у прялки' (калин.) (Филин 14, 301), *копы́ль*? 'прялка' (костр., калин., Филин 14, 302), *Копыль*, местн. название (два примера в бывш. Минск. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 394), ст.-укр. *копилъ* 'копыл, стояк в санях',

копилъ бортній (XVIII в., Картотека словаря Тимченко), *Копыль*, местн. название в Виленском воеводстве (1456—1481 гг., Словник староукраїнскої мови XIV—XV ст. 1, 496), укр. *копи́л* м. р. 'сапожная колодка', 'столбики, связывающие полозья с ящиком саней,' 'незаконнорожденное дитя' (Гринченко II, 280), диал. *копи́л* м. р. 'вид топора, тесла' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), *копи́л* 'внебрачный сын, ребенок,' 'ребенок' (Карпатский диалектологический атлас 128), *ко́пил* м. р. 'незаконнорожденный сын' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 77), *копи́ла* ж. р. 'деревянная распорка, которая вставляется между бортами новой лодки' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), *ко́пило*, *копела*, *копало* 'санный копыл' (Онышкевич 366), блр. *капы́л* м. р. 'сапожная колодка' (Байкоў—Некраш. 141), диал. *капы́л* м. р. 'колодка', 'вертикальная стойка в полозьях', 'мотыга' (Касьпяровіч 154; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 410), *копыло* 'длинная крепкая палка с железной лопаточкой на конце, нечто вроде кирки или кочерги' (Белорусский сборник 12), *капу́л* м. р. 'сапожная колодка', 'тесла', 'санный копыл' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 209; 3 народнага слоўніка 164).

До недавнего времени слово считали либо неясным, либо заимствованным на Балканах, причем указывали на палеобалканский или на албанский (древнеалбанский) источник. Основным и ответственным при этом исследователями понимается значение 'внебрачный ребенок', а вероятие р а з в и т и я этого бесспорно вторичного значения из каких-то других, более примитивных значений не принимается в расчет, и в этой статичности семантической концепции коренится причина ошибочности существующих этимологий слова. Здесь сказывалось негативное давление схемы заимствования, поскольку определенная семантическая статичность, действительно, свойственна заимствованиям. Однако, вопреки преобладающему мнению, мы имеем здесь дело, по-видимому, не с заимствованной, а исконнослав. лексикой, с четкими словообразовательными отношениями **kopylъ* < **kopati* (см.), производное с суф. *-ylъ* (вар. *-ylь*). Несомненна, напр., связь с производным **kopylъ* < **kopati* целого ряда приведенных выше слов и значений 'вид лопаты', 'орудие для выдалбливания, вытесывания', 'то, что вкопано, вставлено, стояк, подпорка', наиболее известных из вост.-слав. материала (пожалуй, только Фасмер — II, 320 — отчасти вслед за Преобр. I, 351 усомнился в связи этих последних слов с *копать*). Однако исследованием игнорировалось регулярное наличие этой отглагольной семантики также в соответствиях других слав. языков и в том числе — что особенно важно — в ю.-слав. языках. Ср. выше болг. диал. *копи́ло* 'заостренная палочка для выкапывания цветов' (пропущено в БЕР II, 613), сербохорв. диал. *ко̏пиле* 'подпорка кофейной мельницы' (отсутствует в: Skok. Etim. rječn. II, 147). Из зап.-слав. сюда относится, далее, н.-луж. *kopeło*, *kopoło* 'мотыка для навоза', *kopuło*, *kopyłka* то же, польск. диал. *kopył* 'копыто' (выше).

Обращают на себя внимание такие значения ю.-слав. слов, как 'побег, стебель'. Было бы ошибочно думать вместе с некоторыми балканистами, что это значение или, скажем, значение 'недоразвитый колос кукурузы' у сербохорв. *kȍpīle* — вторичная метафора первичного значения 'ублюдок, незаконнорожденный ребенок' (так см. Skok, там же). Более детализированные сведения относительно контекста употребления соответствующих слов и значений убеждают в обратном. Ср. особенно показательное в этом отношении болг. диал. *ко́пило* 'отросток кукурузы, который в ы р ы в а е т с я, поскольку в гнезде их несколько' (последнее значение цит. по БЕР, там же). Здесь по сути уже отражена figura etymologica — праслав. **kopylъ kopati*, что-то вроде 'вырывать (лишний) отросток'. В земледелии и садоводстве побочные побеги всегда отсекались как ненужные и даже вредные и соответственным образом обозначались, ср. выразительное лат. *fūrunculus* 'боковой отпрыск на виноградной лозе', собственно — 'воришка'. Следовательно, ономасиологическая природа слова **kopylъ* (включая ю.-слав. данные) — не брачнородственные отношения, а земледельческое производство и его лексика.

Современными исследователями игнорируется или отрицается (так, напр., Хубшмид, ниже) связь ю.-слав. названий побочного отростка и внебрачного ребенка с русск. *копыл*. Конечно, надо признать, что это уже ослабленная, затемненная связь, поскольку основные засвидетельствованные значения русск. *копыл* и других вост.-слав. слов — 'стояк, подпорка' (см. выше). Однако значение 'боковой отросток', важное для всей рассматриваемой здесь семантической эволюции нашего слова, оставило косвенные следы и в вост.-слав., во всяком случае — в ономастике. Особенно существенно свидетельство местного названия *Копыль*, старое название города Славянск-на-Кубани. Топоним *Копыль*, обозначавший населенный пункт при о т в е т в л е н и и реки Протоки от Кубани, был, скорее всего, первоначально названием самого этого ответвления. Для обозначения бокового рукава, ответвления нижней Кубани была употреблена лексема со значением 'боковой отросток'. См. О. Н. Трубачев «Этимология. 1979» (М., 1981), 129—130, где семантическая реконструкция имени *Копыль* подтверждается анализом синонимичного субстратного индоар. (синдомеот.) **Utkanda*, собственно 'отросток, боковой стебель', локализуемого там же. См. О н ж е — Этимология. 1979 (М., 1981), 177.

Со времен Миклошича существует версия о заимствовании болг., ю.-слав. слов из алб. *kopil* (рум. *cópil* 'внебрачный ребенок', *copil* 'ребенок', ср.-греч. κόπελος заимствованы из слав. и ча-

стично — из алб.). Алб. слово обнаруживает значения 'ублюдок', '«парень', 'плут, пройдоха', 'слуга', т. е. в общем близко к одним значениям слав. (ю.-слав.) слов, вместе с тем оно не знает других ответственных слав. значений, о которых уже — выше. Полнота семантики и семантического развития алб. слова, таким образом, вызывают сомнения. Этимология алб. *kopil* из старого сложения **ko-pil* от и.-е. прич. прош. страд. **pel-no-* к глаголу алб. *pjell* 'рождать, производить' в сочетании с местоименным префиксом и.-е. **k^{u}o-* и первоначальным значением 'урод, Mißgeburt' (Иокль и другие) сомнительна как семантически, так и формально. Безударное и.-е. **k^{u}o-* в алб. испытало бы редукцию гласного, поэтому прибегают к реконструкции формы с подударным *kó-*, но засвидетельствовано только ударение алб. *kopíl*. И.-е.**k^{u}o-* в роли префикса имело бы в алб., скорее, вид *ka-*, *k(ë)-*, ср. алб. *katunt*, *katund-* '(пастушеское) селение'. Таким образом, самостоятельная и.-е. этимология алб. слова в соединении с версией об алб. источнике ю.-слав. названий незаконнорожденного ребенка едва ли заслуживает квалификации «wohlbegründete Analyse» (так см. J. Hubschmid. Vorarbeiten für das Rumänische etymologische Wörterbuch. 9. *copil.* — Zeitschrift für Balkanologie XVI, 1980, 61 и сл., где дана особенно развернутая и настойчивая апробация критикуемой нами этимологии).

В свете изложенных выше наблюдений, алб. *kopíl* заимствовано из ю.-слав., конкретно — болг., (ср. ударение!) в относительно недавнюю эпоху, после ю.-слав. перехода *y* > *i*. Значение 'внебрачный ребенок' в ю.-слав. (и спорадически — в других слав.) — фигуральное (презрительное) употребление первоначально земледельческого термина, метонимический перенос. Отпадает надобность также в том, чтобы искать здесь заимствование из иллир. или фрак. субстрата (Skok, там же), из балканской латыни.

См. еще Berneker I, 564 («Ein Balkanwort . . . Der Ursprung ist dunkel»); Младенов ЕПР 250 (от и.-е. **(s)kap-* 'делать, создавать'); J. Knobloch KZ 88, 1974, 122 и сл.

***kopystь/*kopystъka:** сербохорв. диал. *кȍпūст* ж. р. 'голень', 'большая кость' (РСА X, 211), ст.-чеш. *kopist* ж. р. 'мешалка, лопаточка' (Gebauer II, 99), ум. *kopístka* ж. р. (там же), чеш. *kopisť* ж. р. 'лопаточка для замешивания теста' (Kott I, 746), также диал. *kopisť* ж. р. (Malina. Mistř. 45), слвц. диал. *kopisto* ср. р. 'лопатка для замешивания теста' (Диалект., Братислава), также *kopisc* (там же), ст.-польск. *kopyść* ж. р. 'лопатка или длинная ложка для размешивания' (Sł. polszcz. XVI w., X, 623), польск. диал. *kopyść* ж. р., *kopystka* 'лопатка для размешивания' (Warsz. II, 470; Sł. gw. p. 430), словин. *kopesc* ж. р. (Sychta II, 205), *k^{u}opəsc* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 415), русск. диал. *копы́сть* ж. р. 'продолговатая лопаточка для размешивания чего-либо' (курск., Филин 14, 304), также *капы́сть*, *капы́стка* (Картотека Словаря брянских говоров), *копы́стка*, *копи́стка* (ворон., курск., зап.-брян.,

Филин 14, 303—304), укр. *ко́пистъ* ж. р. 'клинообразный зуб рала' (Гринченко II, 281), также диал. (Лисенко. Словник поліських говорів 103), *копи́стка* ж. р. 'лопатка (для мешания теста)' (Гринченко II, 281; Ващенко. Словник полтавських говорів I, 49), блр. диал. *капы́стка* 'мешалка в виде длинной лопаточки' (Расторгуев. Северск.-блр. 145), *ко́пустка* ж. р. (З народнага слоўніка 102), *капы́шка* 'то, чем размешивают корм скотине' (Народнае слова 10).

Производное с суф. *-ystь* от корня глагола **kopati* (см.). См. так уже Miklosich. Vgl. Stammbildungslehre 171; Vaillant. Gramm. comp. IV, 704, где указывается на изолированность образования. Изолированность суффикса, вернее — его огласовки, действительно, такова, что не позволяет воспользоваться параллелизмом русск. *корысть* и родственных, вопреки Брюкнеру (см. Brückner 256), так как последнее предполагает реконструкцию праслав. **koristь* (см.) и совершенно другое членение. Однако изолированный характер форманта — явление, хотя и редкое, но известное, поэтому отсюда еще не следует нереальность самой словообразовательной модели.

Славский, неверно определяющий слово как сев.-слав. (ср. у нас, выше, также сербохорв. *копист*), видит в **kopystь* производное от **kop-ys-ati* 'бить, рыть землю копытом', см. Sławski II, 468. Нерегулярность (и, возможно, экспрессивная природа) образования побуждали отдельных авторов доискиваться здесь контаминации с **kystь* (см.), см. Otrębski. Życie wyrazów 298 (с упоминанием — в свою очередь контаминативного — польск. *łopystka* 'медицинская лопаточка, шпатель' < **łopatka* × *kopystka*).

Не может быть принята произвольная этимология Махека, согласно которой **kopystь* — сложение местоименного префикса *ko-* и соответствия лат. *fūstis* 'палка, дубинка' (V. Machek LP VIII, 1960, 57—58; Machek[2] 275) тем более, что для лат. слова наиболее вероятна реконструкция и.-е. **bhūstis*, см. Walde—Hofm. I, 573.

***kopyto/*kopyta/*kopytъ:** цслав. копыто ср. р. ὁπλή, ungula (Mikl.), болг. *копи́то* ср. р. 'копыто' (БТР), также диал. *копи́то* (М. Младенов БД III, 91; Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), производное *Копи́тов*, фам. (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 268), макед. *копито* ср. р. 'копыто' (И-С), диал. *купи́ќ* то же (К. Пеев MJ XXI, 1970, 129), сербохорв. *кдпито* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка' (РСА X, 213; RJA V, 301—302), диал. *kopîto* (Gres), *kȍpit* м. р. (RJA V, 300; Hraste—Šimunović I, 443), *кȍпита* ж. р., диал. также 'куча земли и камней у дома' (далм., герцегов., РСА X, 211), *ко̏пи̑та* ж. р. 'копыто' (Елез. I), *Кȍпито*, название горы в Герцеговине (РСА X, 213), словен. *kopîto* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка', 'ружейный приклад', 'семячко, зернышко, косточка

плода' (Plet. I, 435), чеш. *kopyto* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка', диал., стар. 'подкова' (Téma. Mluva hutn. 95), слвц. *kopyto* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка' (SSJ I, 745), в.-луж. *kopyto* ср. р. 'копыто' (Pfuhl 272), н.-луж. *kopyto* ср. р. 'копыто', (диал.) 'подкова', 'колодка' (Muka Sł. I, 675), ст.-польск. *kopyto* ср. р. 'копыто', 'сапожная колодка' (Sł. stpol. III, 344; Sł. polszcz. XVI w., X, 623—624), польск. *kopyto* ср. р., стар., диал. *kopyt* м. р. 'копыто', 'след от копыта' (Warsz. II, 470—471), *kopėto* 'копыто' (Sychta. Słown. kociewskie II, 81), словин. *kopëto* ср. р. 'копыто', 'деревянная сапожная колодка' (Sychta II, 205), *kùǫpätə* ср. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *k^ŭópəto* (Lorentz Pomor. I, 415), *kœpéto* (Ramułt 75), др.-русск. **копыто** ср. р. 'копыто' (1169 г. Псков. лет., II, 21), 'род узора в виде копыта' (Выходы цар., 5. 1632 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 300; Срезневский I, 1282; Сл.-справ. «Слова о полку Игореве» 2, 206), *Копыто*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 15. Тупиков 251), русск. *копы́то* ср. р. 'роговая пластинка, покрывающая концы пальцев у некоторых млекопитающих', диал. *копы́то* ср. р. 'о домашнем животно́м' (каз., олон., арх., тобол.), 'вид женского головного убора, по форме похожий на копыто' (олон., арх., волог.), 'краюха, кусок хлеба' (перм.) (Филин 14, 305), производное *копы́тко* ср. р. 'копыто' (горьк., перм., Филин 14, 304), укр. *копито́* ср. р. 'копыто' (Гринченко II, 281), диал. *копито́* ср. р. 'сапожная колодка', 'копыто' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 78), *копо́то* (Онышкевич 367), *копи́т* м. р. (Гринченко II, 281), ум. производное *копито́к*, род. п. *-тка́*, м. р. (там же), *копэто́к*, *капыто́к* 'козырек фуражки', 'род носков из белых шерстяных ниток' (А. С. Соколовская. Полесские названия одежды и обуви. — Лексика Полесья 293), ст.-блр. *копыто*, ум. *копытко* (Скарына 1, 277), блр. *капы́т* м. р. 'копыто', также диал. *капы́т* м. р. (Бялькевіч. Магіл. 221), *капыт* м. р., *капы́то* ср. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 410), *ко́пацъ* м. р. 'копыто', 'край копыта' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 501), *Капытоў*, фам. (Бірыла 181).

Производное с суф. *-yto* от корня глагола **kopati* (см.). См. уже Miklosich. Vgl. Stammbildungslehre 202 (с не совсем ясной параллелью **koryto* (см.), повторяемой затем большинством авторов); Miklosich 128; Berneker I, 565; Фасмер II, 320; P. Arumaa.—Scando-Slavica IX, 1963, 79 (суф. *-ūt-*); Brückner 256 («*kopyto*. . . od *kopy* jak *koryto* od *kory*»); Sławski II, 469—470 (с неверной архаизацией огласовки н.-луж. *koputo*, см. об этом О. Н. Трубачев. — Этимология. 1966 (М., 1968), 377, ср. также Schuster-Šewc. Hist.-etym. 9 (Bautzen, 1981), 619: «*y* > *u* nach Labial»); Vaillant. Gramm. comp. IV, 700.

Совершенно неприемлемо тоже старое сопоставление с ареальным и.-е. названием копыта — **k̑opo-*/**k̑ōpo-*, откуда др.-инд. *śaphá-*, нем. Huf, отстаиваемое в последнее время Махеком (Machek² 276): **kopyto* — якобы расширение первоначального **kopъ*. Ясно, что **kopyto* — праслав. лексическая инновация.

***kopytьce:** цслав. копытьце ср. р. calceamenti genus (Mikl.), макед. *копитце* ср. р., ум. от *копито* (Кон.), сербохорв. *kȍpica* ж. р. 'вид обуви' (RJA V, 297), первоначально *kopitca* мн. от *kopitce* (Mažuranić 525), также *kopitac*, (кайк.) *kopitec* м. р. (RJA V, 300), словен. *kopítce* ср. р., ум. от *kopito*, 'копытце', 'колодочка' (Plet. I, 434), *kopíca* ж. р., мн. *kopíce*, 'носок', 'носки, чулки', 'каблук' (Plet. I, 434), чеш. (мор.) *kopýtce* ср. р. 'вид теплой зимней обуви' (Jungmann II, 125), сюда же слвц. *kapec*, род. п. *-pca*, м. р., обычн. мн. *kapce* 'теплые валеные сапоги' (SSJ I, 672), также диал. *kapce* мн. (Buffa. Dlhá Lúka 162), польск. диал. *kopyce* 'обмотки, онучи' (Warsz. II, 470), др.-русск., русск.-цслав. **копытьце** ср. р. 'особый узор на ткани в форме копытца' (Плат. Бор. Год., 18. 1589 г.), 'короткие шерстяные чулки' (Ж. Феод. Нест. Усп. сб., 87. XII—XIII вв.) (Срезневский I, 1282; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 300), русск. *копы́тце*, ум. к *копы́то*, диал. *копы́тце* ср. р. (мн.) 'роговые наросты на коленях у лошади' (костр.), *талия в копытце* — 'без складок, в обтяжку', 'вид женского головного убора' (арх.), 'узор для вышивания, по форме напоминающий копыто' (твер., сарат., тул.), 'краюха, кусок хлеба' (перм., иркут.), 'два ремня, соединяющие две части цепа' (краснодар.), 'растение чистец лесной Stachys silvatica L.' (ворон., перм.) (Филин 14, 305—306), укр. *копитце́* ср. р., ум. от *копито*, 'род вышивки', 'растение Asarum europaeum' (Гринченко II, 281).

Ум. производное с суф. *-ьce* от **kopyto* (см.). Значение вид обуви — достаточно древнее, производность от названия копыта объясняется, очевидно, самим видом примитивной обуви, или чулка-носка б е з п я т к и. См. И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке (Хельсинки, 1959) 113; Ф. П. Филин. — Лексикогр. сб. VI, 1963, 168. Параллельный пример перехода значений 'копыто' > 'обувь' видим в русск. *сапог*, которое восходит к ир. **sāpaga-*/**sāpaka-* от **sāpa-* 'копыто'.

***kopytьnikъ:** болг. *копи́тник* м. р. 'растение копытень, ко́пытник Asarum europaeum' (БТР), сербохорв. диал. *кȍпитник* м. р. то же (РСА X, 212; RJA V, 301: «Može biti i praslav. riječ»), словен. *kopítnik* м. р. 'копытник Asarum europaeum' (Plet. I, 435), чеш. *kopytník* м. р. 'Asarum' (Kott I, 748), в.-луж. *kopytnik* м. р. 'Tussilago' (Pfuhl 272), ст.-польск. *kopytnik* м. р. 'копытник Asarum europaeum L.' (Sł. stpol. III, 343; Sł. polszcz. XVI w., X, 623), польск. *kopytnik* м. р. 'железный инструмент для обрезания копыт', 'подковный гвоздь', 'растение копытник Asarum' (Warsz. II, 470; Sł. gw. p. II, 430), словин. *k^ŭopətńik* м. р. 'копытень' (Lorentz Pomor. I, 415), *kopëtnik* м. р. 'растение Tussilago farfara' (Sychta II, 205), др.-русск. **копытникъ** м. р. 'копытень Asarum europaeum' (Леч. IV, 90. XVII в. ~ XV в. СлРЯ XI—

XVII вв. 7, 300), русск. *копытник* м. р. 'раст. Asarum europaeum' (Даль^3 II, 407), диал. *копытник* м. р. 'нож для обработки копыт лошади' (моск.), 'растение Asarum europaeum L.' (твер., тул., ряз.), 'Tussilago farfara L., мать-и-мачеха' (моск.) (Филин 14, 304—305), укр. *копитник* м. р. 'растение Asarum europaeum' (Гринченко II, 281). — Ср., с отличием в огласовке суффикса, болг. *копитняк* м. р. 'Asarum europaeum' (Младенов БТР; Геров: *копытнѣкъ*), сербохорв. *kòpitñâk* м. р. (RJA V, 301), *копѝтњача* ж. р. то же (РСА X, 213).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. **kopytьnъ* (см.).

***kopytьnъ(jь):** болг. *копи́тен*, прилаг. 'копытный' (РБЕ), макед. *копитен* (И-С), сербохорв. *кòпитнӣ, ā-, -ō* (РСА X, 212), *kòpitan, -tna*, прилаг. (RJA V, 300), словен. *kopíten, -tna*, прилаг. 'копытный, колодочный' (Plet. I, 434), чеш. *kopytní neduh* 'ящур' (Kott I, 748), слвц. *kopytný*, прилаг. 'копытный' (SSJ I, 745), польск. *kopytny*, прилаг. 'копытный' (Warsz. II, 470), диал. *kopyteń* 'копытень, копытник Asarum europaeum' (Sł. gw. p. II, 426), словин. *k*$^{\breve{u}}$*opətnï*, прилаг. от *k*$^{\breve{u}}$*opəto* (Lorentz Pomor. I, 415), русск. *копы́тный* 'к копыту относящийся' (Даль^3 II, 407), *копы́тень* м. р. 'раст. Asarum europaeum' (там же), укр. *копи́тний* 'копытный' (Укр.-рос. словник), *ко́питень*, род п. *-тня*, м. р. 'растение Asarum europaeum' (Гринченко II, 281), блр. *капы́тны, -ая, -ае* 'копытный' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 634; Блр.-русск.).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **kopyto* (см.).

***kopь:** сербохорв. *kôn* ж. р. 'копна, скирд (хлеба, соломы, сена), (РСА X, 202), 'копание, закапывание' (с XVI в., RJA V, 292; Mažuranić 525), словен. *kôp* ж. р. 'обрезка (виноградника)' (Plet, I, 432), *kop* ж. р. 'шест' (там же), н.-луж. *koṕ* ж. р. 'копье' (Muka Sł. I, 667), др.-русск. *копь* ж. р. 'выработка в земле, где добывается руда' (ДАЙ X, 329. 1684 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7 300), русск. *копь* ж. р. 'рудник, место, где копают руду, уголь, соль и пр.' (Даль^3 II, 399), диал. *копь* ж. р. 'яма' (онеж., сиб., енис.), 'искусственная протока, соединяющая озеро с рекой' (яросл., свердл.) (Филин 14, 307), *копь* ж. р. 'копна' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 236).

Производное от глагола **kopati* (см.).

***kopьcь:** болг. диал. *ко́пец* м. р. 'застежка, крючок' (Стойчев БД II, 190), макед. *копец* м. р. то же (И-С), сербохорв. диал. *кòпац*, род. п. *-пца*, м. р. 'тот, кто копает' (РСА X, 206; RJA V, 292), словен. *kópec*, род. п. *-rca*, м. р. то же (Plet. I, 434), чеш. *kopec*, род. п. *-pce*, м. р. 'куча', 'холм', 'груда, глыба' (Kott I, 746), диал. *kopec* 'куст' (Bartoš. Slov. 154), 'холм, бугор', 'ров' (Malina. Mistř. 45), слвц. *kopec*, род. п. *-pca*, м. р. 'холм, бугор', 'куча земли' (SSJ I, 743), диал. *škopec*, род. п. *škopca*, м. р. 'межевой знак' (Buffa. Dlhá Lúka 221), н.-луж. *kopc* м. р. 'куча, холм', 'пограничный холм' (Muka Sł. I, 671), ст.-польск. *kopiec*

'холм, курган (чаще всего искусственно насыпанный)' (Sł. stpol. III, 341—343), 'куча' (Sł. polszcz. XVI w., X, 618—619), польск. *kopiec*, род. п. *-pca*, м. р. 'куча выкопанной земли', 'холм, бугор, насыпанный на границе, межевой знак', (стар.) 'гора, особенно насыпанная, могильный курган' (Warsz. II, 466), диал. *kopiec*, *koṕec* 'яма для хранения брюквы, картофеля и т. п.' (Sł. gw. p. II, 427; Sychta. Słown. kociewskie II, 81), словин. *kopc* м. р. 'межевой камень', 'яма для хранения брюквы, картофеля, яблок и т. п.' (Sychta II, 204), *kùǫpc* м. р. 'стог сена' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 514), *k*$^{\breve{u}}$*opc* 'насыпанный холм, куча на границе' (Lorentz Pomor. I, 415), *kœpc* (Ramułt 75), др.-русск. *копецъ* м. р. 'межевой знак' (Вып. меж. Смол., 43. 1680 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 296), русск. диал. *ко́пе́ц* м. р. 'межевой знак' (смол., Лит. ССР, сиб.), 'яма для зимнего хранения картофеля и свеклы' (сиб.), 'колодец' (зап.-брян.), 'небольшая насыпь, бугор; курган' (зап., ЛитССР), 'работник, который вскапывает или накладывает навоз на телегу' (пск., твер.), 'гибель, смерть, конец' (ряз., калуж., смол.) (Филин 14, 289; Добровольский 342), *копе́ц* 'бугор, холм' (Картотека Псковского областного словаря), *kopьc* 'муравейник' (Słown. starowierców, 120), *капцы́* 'межевые столбы' (Расторгуев. Словарь народных говоров Зап. Брянщины 131), ст.-укр. *копецъ* м. р. 'межевой знак в виде насыпанной кучи' (1322 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 496), *копец* 'указание границы' (XVII. Акт. Стар. кн. 1693 г. Картотека словаря Тимченко), укр. *копе́ць*, род. п. *копця́*, м. р. 'межевой знак', 'инструмент для долбления меду' (Гринченко II, 280), диал. *копе́ц* м. р. 'кучка земли вокруг пограничного указателя земельных владений' (Лексика Полесья 106), *копе́ць* 'небольшая ямка для обозначения чего-нибудь' (Приймак. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області 14), *копе́ц* 'куча картофеля, присыпанная землей' (Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — Славянская лексикография и лексикология 29), *копи́ц'* 'вершина горы' (П. П. Чучка. Українські говірки околиці Ужгорода (Фонетика і морфологія) 323), *кіпе́ц* 'кучка земли, межевой знак', 'яма для хранения картофеля' (Матеріали до словника буковинських говірок 4, 45), *кіпе́ць* 'искусственный холм' (Марусенко. Названия рельефов Хмельницкой обл. 285), блр. *капе́ц*, род. п. *-пца́*, м. р. 'место для сохранения овощей, бурт', 'пограничный курган', 'искусственный холм' (Блр.-русск.; Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 629; Носов.: *копе́ц*), диал. *капе́ц* 'насыпанный бугор земли', 'куча картофеля, свеклы и т. п., обложенная соломой и засыпанная землей' (Матэрыялы для слоўніка 30; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 404).

Два, по сути дела, разных словообразовательно-лексических случая объединяет в конечном счете происхождение от глагола **kopati* (см.). В остальном мы имеем дело с различной конкретной

мотивацией: 1. **kopьcь* 'холм, насыпь, куча' — ум. производное с суф. *-ьcь* от **kopъ* (см.); 2. **kopьcь* 'тот, кто копает' — производное с суф. *-ьcь* непосредственно от глагола **kopati* (см.).

См. Berneker I, 562—563; Sławski II, 461; Л. В. Куркина. — Этимология. 1977 (М., 1979), 51; Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9, 614—615.

***kopьje/*kopьja:** ст.-слав. копиѥ ср. р. δόρυ, hasta 'копье' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *кóпие* ср. р. 'копье' (БТР; Дювернуа: *кóпѭ*), диал. *кóпе* ср. р. 'перо лука, оставляемое на семена' (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 289; Хитов БД IX, 268), макед. *копје* ср. р. 'копье', 'древко' (И-С), сербохорв. *кȍпље, кȍпље* ср. р. 'копье', 'острие', 'древко' (РСА X, 215—216; RJA V, 303—305), диал. *kȍpje* ср. р. 'копье' (Hraste—Šimunović I, 444), *кóпља* ж. и м. р. 'животное с большими острыми рогами (коза, вол)' (РСА X, 214), словен. *kopjê* ср. р. 'копье, пика', 'свадебное знамя' (Plet. I, 435), диал. *kopje* ср. р., собир. 'древки знамен' (Šašelj I, 265), *kûpe* 'приспособление, которым кастрируют животных' (Narodopisje Slovencev I, 174), чеш. kopí ср. р. 'копье, пика', диал. (морав.) *kopija* 'копье, дротик', слвц. стар., диал. *kopija* ж. р. 'копье' (SSJ I, 743; Kálal 256), н.-луж. *koṕe* ср. р. 'копье' (Muka Sł. I, 671), стар., диал. *kopjo* ср. р. 'копье; жало' (Muka Sł. I, 673), стар. *kopja* ж. р. 'копье, пика' (Вольфенбюттельская псалтырь, Muka Sł. I, 672), ст.-польск. *kopije* ср. р. 'копье' (Sł. stp. III, 340), *kopija* ж. р. (Sł. polszcz. XVI w., X, 619—620), польск. *kopia* ж. р., стар. *kopie* ср. р. 'копье, пика' (Warsz. II, 467), диал. *kopija* (Sł. gw. p. II, 428), др.-русск., русск.-цслав. *копье, копиѥ* ср. р. 'копье' (Сл. о п. Иг., 6; Ник. лет. IX, 220. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 300—301; Срезневский I, 1280), *Konie*, личное имя собств. (*Антонiй Konie*, московский монах. 1377 г. Тупиков 250), русск. *копьё* ср. р. 'холодное колющее оружие в виде металлического острого наконечника на длинном древке', диал. *копьё* ср. р. 'охотничье оружие, похожее на копье' (вят.), 'палка с железным наконечником, с которой ходят слепые' (волог.), 'наконечник багра — металлическое острие с крючком' (онеж.) (Филин 14, 307), 'копыто' (фольк., онеж., там же), укр. *копúя* ж. р. 'пика, копье' (Гринченко II, 282), ст.-блр. *копье* (. . . треми *копиями* прободенъ. ДЦ 100. Скарына 1, 277), блр. *кап'ё* ср. р. 'копье'.

Праслав. **kopьje* произведено с суф. *-ьje* от глагола **kopati* (см.), точнее — от его корня *kop-*. Обычно указывают на уникальность, изолированность данной словообразовательной модели и ее функции, ср. Vaillant. Gramm. comparée IV, 400. Действительно, **kopьje* отличается по своим семантич. и грамматич. признакам, не имея типичных признаков словообразовательной модели на *-ьje* — собирательности или семантики отглагольного действия. Обращает на себя внимание и специфический морфологич. ва-

риант ж. р. — **kopьja*. Высказанное давно мнение о том, что этот последний вариант — только польск., вторичного, аналогического образования, скажем, под влиянием терминов ж. р. *włócznia*, *su(d)lica*, тоже обозначавших копье (см. так Brückner 255; Sławski II, 460; Г. Ф. Одинцов. К истории древнейших русских названий копья. — Этимология. 1977. М., 1979, 114—115), нуждается в пересмотре. Продолжение формы **kopьja* наблюдается и вдали от польск. ареала, ср. у нас, выше, сербохорв. диал. *кóпља*. Что же касается второго аргумента — образования **kopьja* «по аналогии», то справедливо было бы допустить, что и форма ср. р. **kopьje* образована по аналогии, т. е. согласована в грамм. роде с определяемым именем, напр. **kopьje dervo* 'дерево, древко, которым бьют, колют'. В праслав. **kopьje*, **kopьja* допустимо видеть, таким образом, прилагательное довольно древнего вида (версия о вторичности формы ж. р. тем самым снимается), образованное с йотовым суф. от корня глагола **kopati*. Хорошую параллель находим в русск.-цслав. *четии* 'предназначенный для чтения (минеи четии)', тоже прилагательное на *-ьjь* **čьtьjь*, **čьtьja* от корня соответствующего глагола, в данном случае — атематического **čьtǫ*, **čisti*, а не расширенного **čitati* (ср. выше **kopьje*, **kopьja* — от еще не расширенного **kop-ti*). Следует иметь в виду, что **kopьje*, **kopьja* — продукт собственно слав. морфологического развития, поэтому нуждаются в оговорках практикуемые нередко сравнения с греч. κοπίς 'нож, тесак', κόπανον 'меч', др.-в.-нем. *heppa* 'серпообразный, кривой нож' (Berneker I, 566; Фасмер II, 320).

***kop(ьj)išče:** цслав. копиштє ср. р. δόρυ, hasta (Mikl.), сербохорв. диал. *кòпūште* ср. р. 'древко копья' (РСА X, 213), *kòpļište* (с XVII в. RJA V, 305; Mažuranić 525), словен. *kopjíšče* ср. р. 'древко копья' (Plet. I, 435), чеш. *kopiště* ср. р. 'древко копья' (Kott I, 746), др.-русск., русск.-цслав. *копиище* 'древко копья' (Хрон. Г. Амарт., 131. XIII—XIV вв. ~ XI в. Срезневский I, 1280; Сл.РЯ XI—XVII вв. 7, 301).

Производное с суф. *-išče* от **kopьje* (см.).

***kopьjьnikъ:** ст.-слав. копииникъ м. р. 'копейник' (Вост., Mikl., Sad.), сербохорв. *kòpļenīk* м. р. 'копейник, копьеносец' (RJA V, 305), *kòpļanīk* то же (RJA V, 303), *Kopijanik* м. р., местн. название (1348 г.? в словаре Даничича, RJA V, 298; 303), словен. *kopjeník*, *kopjaník* м. р. 'копейник, копьеносец' (Plet. I, 435), чеш. *kopinník*, *kopiník*, *kopenník*, *kopeník* м. р. 'воин, вооруженный копьем' (Kott I, 746, со ссылкой на Юнгмана), слвц. *kopijnik* м. р. (Kálal 256), ст.-польск. *kopijnik*, *kopienik*, *kopiennik*, *kopinik* м. р. 'копейник, всадник с копьем, копьеносец' (Sł. stp. III, 343; Sł. polszcz. XVI w., X, 619, 621), польск. *kopijnik* м. р. 'копейник, копейщик' (Warsz. II, 467), др.-русск. *копеиникъ* м. р. 'воин, вооруженный копьем' (1219 г. Ник. лет. X, 83. СлРЯ XI—XVII вв.

7, 295), русск. *копейник* м. р. 'ратник с копьем, копейный мастер' (Даль³ II, 407).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. **kopьjьnъ* (см.), субстантивация.

***kopьjьnъ(jь)**: цслав. копиинъ, прилаг. δόρατος, hastae (Mikl.), сербохорв. стар. книж., (церк.) *kopljan*, прилаг. 'копейный, копьевой' (RJA V, 302—303), редк. *kopljen* (XVII, XVIII вв., RJA V, 305), чеш. стар. *kopinný*, прилаг. 'копейный' (Kott I, 746), польск. *kopijny* то же (Warsz. II, 467), др.-русск., русск.-цслав. *копейный*, прилаг. 'относящийся к копью' (1240 г. Соф. I лет.², 219. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 295; Срезневский I, 1279), русск. *копейный* 'к копью относящийся' (Даль³ II, 407).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **kopьje* (см.).

***kopьna/*kopьno/*kopьnъ**: цслав. копьно ср. р. terra (Mikl.), болг. *копéн* м. р. 'копна, укладка снопов' (БТР; РБЕ), также *копнá* ж. р. (Геров; Младенов БТР), *кóпен, кóпна, кóпно*, прилаг.: *кóпно мѣсто* 'место, где снег тает зимой', 'где земля легко копается' (Геров—Панчев; Младенов БТР: «от кор. в *копати*»), диал. *кóпно* 'земля, не покрытая снегом зимой' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467; Д. Маринов. Дума и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 289; Стойчев БД I, 190; Банско, с. Стубел, Фердинандско, РР VI, 149, Архив Болг. диал. словаря, София), *копнó* ср. р. 'мягкая, рыхлая почва' (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), *копéн* м. р. 'куча, копна' (с. Широки дол, Самоковско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *купéн* м. р. то же (Горов. Страндж. — БД I, 102; Божкова БД I, 253; М. Младенов БД III, 95; П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 74; Т. Бояджиев. Дедеагачко. — БД V, 231; Л. Ралев БД VIII, 140), 'скирд (ржи, пшеницы и т. п.)' (И. К. Бунина. Словарь говора ольшанских болгар. — Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР, 5. М., 1954, 30), *кóпен, -пна, -пно*, прилаг. 'талый (о снеге)' (К. Стойчев. Тетевенски говор. — СбНУ XXXI, 287), макед. *копно* ср. р. 'суша, земля', 'проталина' (И-С), сербохорв. *kȍpna* ж. р. 'копка, вскапывание' (с. XVIII в. и в словаре Вука, RJA V, 307), *kȍpno* ср. р. 'суша, земля, континент' (RJA V, 306; праслав., недостаточно ясного происхождения — от прилаг. *kopan* или от *kopa*; народным это слово является в сев. Далмации и у некоторых чакавцев; Mažuranić 526), *kȍpan, -pna*, прилаг. 'находящийся на суше, на земле', 'удобный, легкий для вскапывания (о земле)' (XVIII в.), 'свободный от снега' (RJA V, 293), *kopan*, род. п. *kopni*, ж. р. 'суша, земля' (один пример XVIII в., там же), словен. *kópnja* ж. р. 'копка, вскапывание' (Plet. I, 435), *kópen, -pna*, прилаг.: *kopna motika* 'мотыга для вскапывания' (Plet. I, 434), *kópen, -pna*, прилаг. 'свободный от снега', *kopno* 'суша' (там же), стар. *kopno*, нареч. 'бесснежно' (Jarnik 146), чеш. *kopno* ср. р. 'рыхлая, удобная для обработки почва' (Kott

I, 747), (редк.) 'земля, свободная от снега', (диал., вост.-мор.) *kopný* 'рыхлый, легкий для обработки' (Kott I, 747), *kopná zem* 'свободная от снега земля (зимой, весной)' (валашск., Bartoš. Slov. 154; Svěrák. Karlov. 119), слвц. *kopný*, прилаг. 'удобный, легкий для обработки, копки' (SSJ I, 744), *kopný*, прилаг. '(о земле) голый, не покрытый снегом' (там же), *kopeň*, род. п. *-pňa*, м. р. 'бугор, холм' (SSJ I, 743), диал. *kopno* 'голая земля, проталина' (Banská Bystrica, Kálal 257), в.-луж. *kopjen* м. р. 'стог сена' (Pfuhl 272), н.-луж. *kopeń* м. р. то же (Muka Sł. I, 671), ст.-польск. *kopno* ср. р. 'земля, не покрытая снегом' (Sł. polszcz. XVI w., X, 621), польск. *kopno*, нареч.: *na dworze kopno* (Warsz. II, 468), *kopnia* ж. р. 'замерзшая земля, не покрытая снегом' (там же), диал. *kopno* ср. р. 'возвышенное место, свободное от снега; проталина' (Warsz. II, 468), словин. *kopńă* ж. р. 'земля, показывающаяся из-под снега', 'бесснежное время зимой' (Sychta II, 205), *kᵘopńω* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 416), *kœpńô* ж. р. (Ramułt 75), др.-русск. *копьна, копна* ж. р. 'копна (сена)' (Кн. п. Обон. пят., I. 1496 г.), 'укладка снопов (ржи, овса, ячменя и т. п.)' (1019 г. Соф. I лет.², 96), 'земельная мера сенных покосов (1/10 десятины)' (А. гражд. распр. I, 17.1506 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 297; Срезневский I, 1282), *копьныи*: мн. ср. р. *копная* 'спорные дела, касающиеся хлебных мер и сенных покосов' (1476 г. Псков. лет., II, 202. Там же), русск. *копнá* ж. р. 'большая, сложенная конусом куча сена или снопов хлеба', диал. *копнá* ж. р. 'укладка хлеба на 50 и более снопов' (каз., симб., пенз., сарат., сталингр., донск., кубан., терск., ворон., тамб. и др.), 'скирд хлеба' (симб., волог., костр., нижегор., куйб., твер., вят.), 'круглая вершина горы' (краснояр.) (Филин 14, 291), *копня́* ж. р. 'копна хлеба или сена' (олон., ленингр., Филин 14, 292), *копéнь* ж. р. 'копна; куча сена, большая копна' (твер., пск., Даль³ II, 398), укр. *кíпно*, нареч. 'потеплело, оттепель на дворе; грязно (от растаявшего снега)' (Желех., Гринченко II, 245), *кíпний*: *кíпна дорога* 'грязная от растаявшего снега?' (Шух. I. 81, Гринченко II, 245), диал. *kípňa* ж. р. 'проталина' (Hrabec. Nazwy geograficzne Huculszczyzny 40), *кӧп'ін'* ж. р. 'место, где земля не покрыта снегом' (Онышкевич 366), *копень* 'август' (гуцул., М. Кочерган. З історії українських назв місяців. — Мовознавство 1967, № 1, 58), блр. диал. *капнá* ж. р. 'копна, небольшая укладка сена' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 406).

Первоначальное прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от глагола **kopati* (см.), причем эта мотивация в равной мере распространяется на случаи со значением 'копна, стог' и на слова, обозначающие талое, не покрытое снегом место, где земля легко к о п а е т с я. Выделять эти последние в особую группу нет никаких оснований, хотя такая традиция упорно держится. См. Miklosich 129: *kop*-3; Berneker I, 566 (допускает связь с **kopъtь* (см.), т. е. 'испаряться' > 'таять'); Brückner 256; Machek² 275 (ука-

зывает, что значение 'свободная от снега земля' охватывает все слав. языки, кроме серболуж. и русск.; возводит к и.-е. **kop-*/**kvop-*, ср. лит. *kvãpas*, лат. *vapor*, греч. καπνός); Sławski II, 464—465 (предпочитает объяснение с помощью субстантивации прилагательного **kopьnъ* 'поддающийся вскапыванию', однако примеры со значениями 'копна, стог' оставляет при этом без внимания).

Значение 'талое место, проталина' развилось достаточно рано, ср. нижеследующий глагол **kopьněti* с развитием значений 'таять' > 'тосковать'.

***kopьněti/*kopьniti (sę):** болг. *копнéя* 'жаждать', (обл.) '(о снеге) таять, оставлять проталины' (БТР; Геров: *копнѣѭ* 'таять', 'ныть, изнывать'), диал. *копнée* 3 л. 'тает (о снеге)' (Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), макед. *копнее* 'страстно желать; стремиться, тосковать', 'таять' (И-С), сербохорв. *kòpńeti* 'таять' (с XV в.; RJA V, 307—308: «относительно образования см. на *kopno*»), редк. (вторичн.?) *kòpniti* 'растоплять' (RJA V, 306), словен. *kopnéti* 'таять, оттаивать' (Plet. I, 435), чеш. диал. *kopnit se* 'куриться, испаряться' (Bartoš. Slov. 154), слвц. диал. *kop(n)iet'* 'таять (о снеге)', 'проступать из-под тающего снега (о земле)' (Kálal 257), укр. *кіпнíти* 'таять' (Гринченко II, 245).

Производное с суф. *-ěti/-iti* от **kopьna* / **kopьno* / **kopьnъ* (см.). В основе исходного значения 'таять' лежит образ оттаявшей и потому удобной для вскапывания земли. Следует отклонить мнение ряда авторов о происхождении от и.-е. **k^{u}oup-*/**k^{u}ap-* 'пар, испаряться', откуда, напр., слав. **kopъtь*, **kypěti* (см. s. vv.). Так см. Младенов ЕПР 250; Skok. Etim. rječn. II, 145. Против см. БЕР II, 618, хотя в последнем словаре вряд ли справедливо говорится о фонетической неприемлемости этой этимологии, в то время, как ее недостаток — в неправильной оценке семантической эволюции.

***kopьrica:** словен. *koprica* ж. р. 'железное веретено вращающегося (верхнего) жернова' (Plet. I, 435).

Сложение местоименной приставки *ko-* и корня глагола **pьrǫ, perti* (см.), оформленного суф. *-ica*. В качестве параллельного образования можно указать **popьrica*, реконструируемое на основе русск. *порхлúца*, *пораплúца* 'шевелок у мельничного ковша' (Даль III^2, 325), укр. *порплиця*.

***kora:** ст.-слав. кора ж. р. φλοιός, cortex (Mikl.), болг. *корá* ж. р. 'кора', 'корка (хлеба)', 'слой, лист (раскатанного теста)' (БТР; Геров), также диал. *корá* ж. р. (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 289; М. Младенов БД III, 91), *коръ* ж. р. (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), *кóра* ж. р. (Гълъбов БД II, 86; Шапкарев—Близнев БД III, 233—234), макед. *кора* ж. р. 'кора; корка; кожура, раскатанный лист теста' (И-С), также диал. *kòra*, *kuràta* (Małecki 52), сербохорв. *kȍča* ж. р. 'кора', 'корка хлеба', 'кожура', 'раковина'

'скорлупа', 'струп, короста', 'иней' (RJA V, 315—316), *kȍre* мн. 'ножны', 'черенок, рукоять (ножа)' (RJA V, 324—325), словен. *kóra* ж. р. 'кора', 'корка', 'смерзшаяся глыба (земли), льдина' (Plet. I, 436), чеш. *kůra* ж. р. 'кора', 'корка', также *kora*, сюда же диал. *koruna* 'древесная кора' (ляш., Bartoš. Slov. 155), *koranka* ж. р. 'сметана' (крконошск., Kott I, 749), слвц. *kôra* ж. р. 'кора', 'корка' (SSJ I, 759), диал. *kvora* (Kálal 290), *kúra* (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 238), ст.-польск. *kora* ж. р. 'кора' (Sł. polszcz. XVI w., X, 625—626), польск. *kora* ж. р. 'кора' (Warsz. II, 471), также диал. *kòra* ж. р. (Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. *kòra* ж. р. 'кора' (Sychta II, 207), *k^{u}ora* (Lorentz Pomor. I, 425), др.-русск., русск.-цслав. *кора* ж. р. 'кора (деревьев)' (1128 г. Новг. I лет., 124. ВМЧ, Окт. 19—31, 2041. XVI в.), 'наружная оболочка, кожура некоторых плодов' (Травник Любч., 254. XVII в. ~ 1534 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 301; Срезневский I, 1283), русск. *корá* ж. р. 'наружный поверхностный большей частью легко отделяющийся от внутренней массы древесины покров', диал. *корá* ж. р. 'кожура овощей, ягод' (волог., арх., пск.), 'пленка на грибах' (арх.), 'яичная скорлупа' (киров.), 'чешуя рыбы' (пск., КАССР), 'короста, струпья на теле человека или животного' (рязан.), 'наст на снегу' (яросл.) (Филин 14, 308; Деулинский словарь 239), укр. *корá* ж. р. 'кора' (Гринченко II, 282), диал. *кора* 'кора', 'корка (на хлебе)' (Онышкевич 367), ст.-блр. *кора* (мастеръ. . . съ того древа злупилъ бы . . . всю *кору*. Пб. 19б. Скарына I, 277), блр. *карá* ж. р. 'кора', также диал. *карá* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 411), *kóra* (AGwB I, рукоп.), производное *каранá* ж. р. 'струп' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 414).

Праслав. **kora* продолжает древнее именное производное с *-o-* вокализмом корня от глагольного корня и.-е. **ker-*, ср. греч. κείρω 'резать'. См. Miklosich 129. Обозначение коры, шкуры как чего-то срезанного, содранного вполне регулярно ономасиологически. Далее, сюда же относятся производные лат. *corium* 'шкура, кожа', *cortex* 'кора', см. Berneker I, 567; Walde—Hofm. I, 274; Фасмер II, 321. Др.-инд. *cárman-*, авест. *čarəman-* 'шкура, кожа' продолжает особое производное **ker(ə)men-* со своим регулярным вокализмом. Также особыми производными являются лит. *kardà*, *karnà* 'лыко', ср. о них Fraenkel I, 221. Маловероятно об образовании лит. *karnà* см. Otrębski. Studia indoeuropeistyczne 98. Ср. сюда же **skora* (см.). См. А. А. Потебня РФВ IV, 1880, 210; Brückner 495: *skóra*; Sławski II, 471; Machek^2 308 (с приведением даже не-и.-е. параллелей).

***korabjь/*korabъ/*korabь:** ст.-слав. корабл҄ь м. р. πλοῖον, σκάφη, ναῦς, navis 'корабль' (Ev., Psalt., Supr., Chil., Вост. Mikl., Sad., SJS), также корабь м. р. (Supr., Zogr., Mikl., Sad., SJS), болг. *кóраб* м. р. 'корабль', 'деревянное корыто, в котором перевозят и

давят виноград' (БТР; Геров), диал. *кóрвъб* (Тýрями грóзд'ету в пóстъвъ — то йе нъпрáвену ут дъскú, къту *кóрвъб*. С. Гостилица, Дряновско, Арх. Болг. диал. словаря, София), *кóрап* м. р. 'повозка для перевозки винограда' (с. Енина, Казанлъшко, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *кóрап* 'желоб на водяной мельнице, лесопилке и т. п.' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 180), макед. *кораб* м. р. 'корабль, судно' (Й-С), сербохорв. *kȍrâbal*, род. п. *kȍrâbla*, м. р. 'большое судно, корабль', также *kȍrabla* ж. р., *kȍrâb* м. р., *korab* ж. р. (с XV в., RJA V, 316—317); Mažuranić 526), словен. *korabelj*, род. п. *-blja*, м. р. 'корабль' (Plet. I, 436: «rus.»), чеш. стар. *koráb* м. р. 'корабль', диал. *koráb* 'дуплистый ствол, дерево с дуплом', 'полая колода, применяемая вместо колодезного сруба', 'сухая кора, снятая с пня', 'зуб с дуплом' (Bartoš. Slov. 154—155; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 79), *koráp*, род. п. *-ba*, м. р. 'дерево с дуплом' (Malina. Mistř. 45), слвц. диал. *koráb* м. р. 'корабль (только в библейском значении)', 'сухой ствол', 'гнилой зуб с дуплом', 'ограда, в которой откармливаются гуси' (Диалект., Братислава), *koraba* 'долбленый ствол дерева (для плавания по Вагу)', 'верхний слой коры' (Kálal 257), ст.-польск. *korab* 'корабль, судно', 'ковчег (ноев)' (Sł. stp. III, 344—345), польск. стар. *korab*, род. п. *-bia*, м. р. 'судно, корабль', 'ноев ковчег', 'старинная колымага' (Warsz. II, 471), диал. *korab* 'корабль' (Sł. gw. p. II, 431), др.-русск., русск.-цслав. *корабль* м. р. 'корабль, гребное или парусное судно' (Изб. Св. 1076 г.: Остр. ев.; Пат. Син. XI в. и мн. др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 304; Срезневский I, 1283—1284), русск. *корáбль* м. р. 'крупное морское судно', диал. *корáб* м. р. 'корабль' (смол., новг., онеж., печор., волог., курск., свердл., Филин 14, 308), также *корáбь* м. р. (яросл., беломор., арх., волог., новг., влад., ворон., тул., перм., урал., том., Филин 14, 309), *карáп* (В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. — РФВ XXXVIII, 1897, 149), ст.-укр. *кораб* м. р. 'корабль' (Яссы, 1430 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 496), укр. *корабéль*, род. п. *-бля́*, м. р. 'корабль' (Гринченко II, 282), ст.-блр. *корабль* (Скарына 1, 277), блр. *карабéль*, род. п. *-бля́*, м. р. 'корабль'.

Долгое время преобладала старая точка зрения о заимствованном происхождении слова, причем источником называлось греч. καράβιον. Ср. уже Miklosich 129: «Слово заимствовано: греч. κάραβος, н.-греч. καράβι»; Berneker I, 567: «Общеслав. заимствование из греч. καράβιον, производного от κάραβος». Греч. этимология праслав. **korabjь* фактически с самого начала таила в себе ряд противоречий, серьезность которых со временем делалась все более очевидной. Так, указывалось, что слово **korabjь* — вероятно, единственное заимствование из греч. в праслав. (A. Meillet BSL 16, 1910: Comptes rendus critiques, CLXXVI). Этот факт уникальности делает уже данное объяснение подозрительным. Приятно считать, что слав. слово отражает ударение греч. καράβιον: русск. *корáбль*, тогда как ударение сербохорв. *kȍrāb* якобы продолжает ударение более старой формы греческ. κάραβος (Meillet. Études I, 187). Показания о раннем ударении несколько противоречивы (см. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, 103), и все же более древней представляется акцентуационная парадигма с первоначально постоянным наконечным ударением, преломленно отраженная в русск. *корáбль* — род. п. *корабля́*, а также в укр. *корабéль*, блр. *карабéль*, которые все вместе отражают древнее **korabjó-*. Мнение же о первоначальности постоянного накоренного ударения *корáбль* — *корáбля*, действительно, встречающегося в некоторых ранних акцентуированных памятниках, все-таки внушено местом ударения греч. καράβιον. Но греч. καράβιον (вар. καράβιον) как обозначение морского судна засвидетельствовано лишь в византийскую эпоху, будучи уменьшительным производным от κάραβος 'морской рак, лангуста', лишь очень поздно метафорически употребленного о легком судне (Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 496—497). Уменьшительность византийско-греч. καράβιον, кстати, передается в порт. *caravela* и других романских формах. Поздний характер греч. καράβιον оказывается в противоречии с фонетикой праслав. **korabjь*, требующей допущения, что слово это было заимствовано, когда греч. β еще произносилось как *b* (ср. A. Meillet BSL 24, 1924, 142; BSL 26, 1925, 205), хотя переход β > *v* состоялся очень рано, еще в праслав. эпоху. К этому следует добавить, что вокализм греч. и слав. слов совершенно не соответствует друг другу: из греч. κᾱ́ραβος с подударной долготой начального слога просто не могло получиться слав. **korabъ*. Форма κᾱ́ραβος со своим β обретает смысл греч. диал. варианта (дор.? иллир.?), особенно на фоне атт. формы κηραφίς = = κάραβος (ср. Chantraine, там же). В конечном счете само греч. слово квалифицируется специалистами как слово неясного происхождения, скорее всего — средиземноморский термин, учитывая его отнесенность к фауне моря, ср. Frisk I, 785: «Mittelmeerwort unbekannten Ursprungs». Конечно, за такой расплывчатой характеристикой может скрываться что угодно, и это обстоятельство делает особенно зыбкой методологически греч. этимологию слав. слова (объяснение неясного через неясное). Нет достаточного вероятия считать греч. слово семит. или каким-либо другим заимствованным термином не-и.-е. происхождения, ср. M. Cohen BSL 27, 1926, 99—100: эфиоп. (гезск.) *karabo*, (тигринья) *kāribbo* 'маленький мех, бурдюк в виде бутылки', (амхар.) *karabo* 'барабан', араб. *qirba* 'мех', *qirāb* 'ножны', *qar(r)āba* 'бутылка, стеклянный сосуд', *qārəb*, *gārəb* 'гребное судно'. Не исключено, что название судна в араб. просто заимствовано из греч. (выше). Греч. слово обладает длительной и, видимо, органической семантической эволюцией ('морское животное' → 'вид судна'), которой

не обнаруживаем в других окружающих языках, кроме того, в формальном отношении *κάραβος* — вероятно, слово исконного и.-е. вида, производное с суффиксом *-bho-*, встречаемым в и.-е. названиях животных. В этимологическом плане трудно отрывать κάραβος 'морской рак, лангуста' от греч. καρκίνος 'рак, краб', др.-инд. *karkaṭa-* то же (оба последних слова — с редупликацией того же корня). Во всяком случае из проблематичности происхождения греч. слова отнюдь не вытекает вывод о заимствовании в греч. из слав. — крайность, в которую впадают другие авторы, склоняющиеся к мнению об оригинальном происхождении слав. слова. Вполне возможно, что эти слова вообще не имеют между собой ничего общего и что дальнейшее исследование окончательно разведет их в разные отделы и.-е. словаря.

Уже неоднократно обращали внимание на близость слов **korabъ*/**korabjь* 'корабль, судно' и **korbъ* (см.) 'короб, корзина'. Эти связи требуют правильной оценки и понимания, как и лежащая в их основе семантическая модель 'корабль' < '(оплетенный) сосуд, корзина', до сих пор менее популярная среди историков языка и культуры, чем, напр., известная модель 'древесный ствол' > 'корабль'. Ценной типологической параллелью при этом нам служит праслав. **obkrǫtъ* (см.), откуда развились, с одной стороны, сербохорв. диал. (чак.) *okrut* 'сосуд', а с другой стороны — польск. *okręt* 'корабль', которое еще Брюкнеру казалось «странным», допускающим интерпретацию 'то, чем крутят, управляют'. Тогда как на самом деле **obkrǫtъ* (от **obkrǫtiti*) было первоначальным названием плетенки, к о р з и н ы, и в плане реалий такие плетеные прообразы более совершенных судов, кораблей известны в разных странах на уровне примитивной народной культуры (см. подробно Трубачев. Ремесленная терминология 229 и сл. и изображение плетеной ирландской лодки там же — рис. 7, с. 233). Любопытно, что Славский, допуская связь польск. слов. *korab* 'корабль', 'ковчег' и *krobia* 'коробка', все равно представляет себе в качестве исходного значение 'выдолбленный ствол дерева' (Sławski II, 473). Мы принимаем полное родство **korabjь* и **korbъ* и формально, и семантически (в указанном выше смысле). При этом **korabjь* обнаруживает признаки производного слова. Это, во-первых, наличие производного форманта *-jь* (в значительной части слов) и свойственного для производных слов наконечного ударения (см. выше). Названные признаки производности — не единственные; здесь следует указать еще, во-вторых, на развитие фонетико-морфологической особенности, неверное понимание которой толкало обычно последователей, сторонников исконнослав. этимологии слова **korabjь*, на путь довольно натянутых и малоэффективных поисков комбинаций **kora* 'кора' с суф. *-b-* или продолжений и.-е. *(s)ker-* 'резать, вырезать' с суф. *-ab-*, см. S. Romanski RÉS II, 1922, 52—54; F. R. Preveden. Church Slavonic *korabъ* and Greek κάραβος. — Language 6, 1930, 279—296; Sławski, там же: W. Budziszewska RS XXXVIII, I, 1977, 99—100. Следует иметь в виду, что слово **korabjь* является праслав. неологизмом, а предлагаемый упомянутыми авторами словообразовательный анализ не соответствует праслав. словообразовательному инвентарю, ср. то, что известно о слав. суффиксах на *-b-*: Vaillant. Gramm. comparée IV, 487—488. Таким образом, словообразовательное членение **kora-b-jь* или **kor-ab-jь* сомнительно не только для приверженцев греч. этимологии (см. M. Vasmer AfslPh XXXVIII, 1922/1923, 282; Фасмер II, 321; БЕР 2, 627), но и для нас (см. О. Н. Трубачев. — Этимология. 1966. М., 1968, 377).

Решающей фонетико-морфологической особенностью, знаменующей праслав. новообразование **korabjь* / **korabъ* на базе **korbъ* 'корзина, короб' оказалось еще недостаточно описанное и изученное явление, своего рода ложное полногласие: **korb-jo-* 'корзиночный' > **kor-a-bjь*, ср. такие аналогичные, тоже праславянские, примеры этого явления, как **kor-a-čiti*, **kor-a-kъ* (см.) < **korkъ* (см.), **kol-a-tati* (см.): **koltiti* (см.). Праслав. хронология явления документируется его предшествованием метатезе плавных (о праслав. ложном полногласии см. О. Н. Трубачев. Языкознание и этногенез славян. — ВЯ 1982, № 5, 15).

***korabjьnikъ/*korabьnikъ:** ст.-слав. корабльникъ м. р. ναύτης, nauta 'моряк, корабельщик' (Supr., Mikl., Sad., SJS), сербохорв. стар., книжн. *korabaļnik*, *korabnik* м. р. 'моряк, корабельщик' (RJA V, 317, 318), чеш. *korábnik* м. р. (Kott I, 748), ст.-польск. *korabnik* 'судостроитель' (1255 г., Kod. Pol. II, 57. Sł. stpol. VI, 570. Uzup.), др.-русск., русск.-цслав. *корабельникъ* м. р. 'корабельщик, моряк' (Хрон. И. Малалы, V, 34. XV в. ~ XIII в.; Крым. д. I, 401. 1502 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 302), русск. *корабе́льник* м. р. 'служитель на корабле, матрос' (Даль[2] II, 161).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. **korabjьnъ* / **korabьnъ* (см. сл.), субстантивация.

***korabьnъjь/*korabjьnъjь:** цслав. корабльнъ, -ыи, прилаг. τῶν πλοίων, navium 'корабельный', а также корабнъ (SJS), чеш. стар. *korábný*, *korábní* 'корабельный' (Kott I, 748), ст.-польск. *korabny*, прилаг. 'корабельный' (Sł. polszcz. XVI w., X, 627; Linde; Warsz. II, 471), др.-русск., русск.-цслав. *корабьныи*, прилаг. к *корабь* (Изб. 1073 г.; Хроногр. 1512 г., 381; Срезневский I, 1285), *корабленыи* (1204 г. Твер. лет., 298), *корабельный* (Гр. Сиб. Милл. II, 233. 1616 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 302, 303, 305), русск. *корабе́льный* 'к кораблю относящийся' (Даль[3] II, 410), укр. *корабе́льний* 'корабельный' (Словн. укр. мови IV, 285; Укр.-рос. словник II, 375), блр. *карабе́льны*, *-ая*, *-ае* 'имеющий отношение к кораблю, корабельный' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 635).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **korabъ* / **korabjь* (см.).

***korab(r)ьje?/*korebrьje:** в.-луж. *korjebło* ср. р. 'крупное ребро' (Pfuhl 274: «*ko* augm.»), н.-луж. *kórabe* ср. р. 'скелет' (Muka

Sł 1, 675), *kórabja* ж. р. 'хребет вместе с ребром; ребро', 'жилка у листа' (там же), диал. *krabe, krabja* то же (Muka Sł. I, 692). — Ср. чеш. диал. *koráb* 'лошадиный скелет, остов' (Bartoš. Slov. 154—155), *koráp* 'старая, тощая кляча' (Malina. Mistř. 45), слвц. диал. *koraba* 'лошадиный скелет' (Kálal 257; Диалект., Братислава), которые, очевидно, не связаны с **korabjь* (см.).

Скорее всего, сложение местоименной приставки *ko-* и **rebro* (см.), оформленное собирательным суф. *-ьje*. Не все детали формы ясны, напр. огласовка **korab(r)ьje*: имеет ли здесь место ассимиляция гласных или результат апофонии? Чеш. и слвц. соответствия, возможно, — контактного, вторичного распространения. Центр образования — в серболуж., который как раз не знает соответствия названию корабля — **korabъ* / **korabjь* (см.). На это правильно обратил внимание Махек, отделив вышеназванные обозначения скелета, остова от **korabъ* / **korabjь*, см. Machek² 276. Соображения лингвистической географии и семантики не позволяют, таким образом, объединять в одном этимоне это серболуж. слово (вероятный праслав. диалектизм) и широко распространенное название корабля, как, напр., это делает Шустер-Шевц (Schuster-Šewc. Hist.-etymol. Wb. 9, 619—620).

***koračiti:** сербохорв. *koráčiti* 'шагнуть, сделать шаг' (RJA V, 319), *koràčati* 'шагать' (с XVIII в., там же), словен. *koráčiti* 'шагать' (Plet. I, 436), диал. *koréčiti* 'лезть' (Slovarski doneski iz breziškega okraja 161), русск. *кара́чить* 'пятить, осаживать задом' (Даль³ II, 225), диал. *кора́чить, кара́чить, коря́чить* 'толкая, двигать назад; пятить', 'опрокидывать назад', 'искривлять гнуть, ломая' (влад.) (Филин 14, 310).

Глагол на *-iti*, производный от **korakъ* (см.). См. Berneker I, 571; Фасмер II, 322; Skok. Etim. rječn. II, 177. Ср. параллельное **korčiti* (см.).

***korakъ:** сербохорв. *kòrâk* м. р. 'шаг' (с XVI в., RJA V, 320), словен. *korák* м. р. то же (Plet. I, 436).

Связано с **korkъ* (см.) отношением своеобразного псевдополногласия, которое можно датировать праслав. временем, до метатезы **korkъ* > *krak* на ю.-слав. территории. Это явление было распространено шире, ср. наличие соответствий для производного **koračiti* (см.) также в вост.-слав.: русск. *карачить, корачить*. Поэтому мнение о том, что сербохорв. *kòrāk* — «только ю.-слав.» (Skok. Etim. rječn. II, 177), неверно. Подобное явление прослеживается на немногих, но вполне достоверных примерах, ср. еще **kolatati*: **koltiti* (см. s. vv.). Своеобразное праслав. ложное полногласие *tort* > *tor-a-t* носило, по-видимому, словообразовательно-семантический характер и было, возможно, одним из ранних (и не получивших развития, а потому давно лексикализованных) средств имперфективации, ср. его наличие в глаголах на *-ati* **koračati*, **kolatati*. Ср. О. Н. Трубачев. — Этимология. 1965 (М., 1967), 381. Для Бернекера отношение **korko-* : **korako-*

представляется «затруднительным», он допускает даже здесь ступени двусложной тяжелой базы и.-е. *qorāq* или *qorōq* в духе Хирта (Berneker I, 572). Но вряд ли нужно так архаизировать это слав. явление.

***koravъ(jь):** болг. *кóрав*, прилаг. 'упорный, неподатливый', 'твердый' (БТР; Дювернуа: *кора́въ* 'твердый', 'жесткий', 'черствый'), диал. *кóраф, -ва* (М. Младенов БД III, 91; Шапкарев—Близнев БД III, 234), макед. *корав*, прилаг. 'крепкий, твердый' (И-С), также диал. *кораф, -ā̄а, -ō̄о* (Б. Видоески. Поречкиот говор 61), сербохорв. *kȍrav*, прилаг. 'покрытый корой' (RJA V, 322), диал. *кȍрав* 'жесткий, твердый, заскорузлый' (Елез. I), чеш. *koravý* 'затвердевший, покрытый коркой', слвц. редк. *kȍravý* то же (SSJ I, 759), диал. *koravi*, прилаг. 'шероховатый, заскорузлый' (Lipták. Zempl. 384; Czambel 537), др.-русск., русск.-цслав. *коравый*, прилаг. 'корявый' (Алф.¹, 241 об. XVII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 305), русск. *коря́вый, -ая, -ое* 'искривленный, узловатый, с наростами (о деревьях)', диал. *кора́вый, -ая, -ое* 'шершавый', 'небольшого роста, маленький' (ряз., Филин 14, 309; Деулинский словарь 239), *коря́вый, каря́вый* (перм., ряз.) 'заскорузлый, жесткий, сухой (о коже)', 'черствый', 'рябой (от оспы)', 'грязный' (смол., брян., пенз.) (Даль³ II, 408; Опыт 80; Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 252; Словарь русск. гов. Новосиб. обл. 240; Филин 15, 40—41), укр. диал. *кора́вий* 'упрямый, непокорный', 'заскорузлый, покрытый коркой' (Карпатский диалектологический атлас, карта 182), *кóравий* 'упрямый' (В. В. Бабинець. Говірка села Лавки Мукач. рай. Дип. роб. Ужгород, 1954, 153), *кор'áвий* 'шершавый' (Онышкевич 367), блр. *кара́вы* 'грязный', 'заскорузлый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 412; Матэрыялы для слоўніка 72). — Ср. сюда же производный глагол польск. стар. *korzawieć* 'грубеть, превращаться в корку, кожу' (Warsz. II, 484), блр. *кара́вець* 'становиться корявым' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 636), *кара́віцца* то же (там же).

Прилаг. производное с суф. *-(a)vъ* от **kora* (см.) См. БЕР 2, 628; Skok. Etim. rječn. II, 151; Machek² 308; Фасмер II, 344.

***korbatъjь:** чеш. *krabatý* 'полый, надутый', 'шероховатый, неровный', 'побитый оспой', 'морщинистый' (Kott I, 777), диал. *krabatý* 'морщинистый' (Bartoš. Slov. 160; Kašík. Středobečev. 93), блр. *карабáты, -ая, -ае* 'неровный, искривленный, погнутый' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 634), диал. *карабáты* 'неровный, шероховатый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 411). — Ср. сюда же производное блр. *коробáціць* 'коробить, допускать коробиться' (Носов.).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от **korbъ*/**korba* (см.).

***korbica:** сербохорв. стар., диал. *кра̏бица* ж. р. 'коробочка, ящичек' (РСА X, 387; RJA V, 428), словен. *krabica* ж. р. 'коробка, шкатулка' (Plet. I, 453), чеш. *krabice* ж. р. 'коробка, шкатулка,

ящичек', слвц. разгов., стар. *krabica* ж. р. то же (SSJ I, 760), др.-русск. *коробица* (По сей памяти *Коробица* Некрасовъ заплатилъ. . . 2 гривны денегъ. АХУ II, 236. 1614 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 331), русск.-цслав. *крабица* ж. р. 'корзина, короб' (986 г. Радзив. лет., 52 об.), 'коробка, ларец для хранения ценностей, священных реликвий' (Патерик Печ., 56. XV в.~XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 401), русск. диал. *коробица* ж. р. 'корзина или короб' (вят., арх., костр., ряз., твер., яросл., волог., сиб.), 'маленькая плетеная коробка' (краснояр.), 'большая продолговатая чашка из бересты' (енис.), 'гнутое корытце с крышкой' (приангар.), 'сани с плетеным кузовом' (влад.) (Филин 14, 346; Картотека Печерского областного словаря).

Ум. производное с суф. *-ica* от **korbъ/*korba* (см.).

***korbiti:** чеш. *krabiti* 'кривить (губы перед плачем)', 'морщить', также диал. *krabit* (Malina. Mistř. 47), *krabit' sa* (валашск., Bartoš. Slov. 160), русск. *коробить* 'кривить, делать неровным, изгибать', 'сводить судорогами, корчить', диал. *коробить* 'гнуть, ломать' (иркут.), 'трясти, корчить' (перм., волог.), 'ломать, вызывать болезненное ощущение' (смол., свердл., иркут.) (Филин 14, 345—346), *коробить* 'хмуриться' (Картотека Рязанского областного словаря), укр. *коробити* 'коробить' (Укр.-рос. словник II, 378).

Глагол на *-iti* (каузатив: 'делать корзинкой, коробкой'), производный от **korbъ/*korba* (см.). Сомнительно сближение с др.-исл. *herpask* 'судорожно стягиваться, съеживаться, сжиматься' (Berneker I, 569; Фасмер II, 331; там же дополнение). Не менее сомнительные сближения см. Machek[2] 288.

***korbul'a:** сербохорв. *кра̀буља* ж. р. 'маска, личина', (диал.) 'корзинка' (РСА X, 387—388; RJA V, 428), словен. *krabúlja* ж. р. 'куколка личинки' (Plet. I, 453), русск. диал. *коробу́ля* ж. р. 'корзинка из дранки' (новг., волог., Филин 14, 348).

Производное с суф. *-ul'a* от **korbъ/*korba* (см.). См. Miklosich. Vgl. Stammbildungslehre 112: serb. . . . *krbulja* corbis genus. О суф. *-ul'a* см. еще Słown. prasłowiański I, 110—111.

Обращает на себя внимание близость слав. **korbul'a* и лат. личного собственного имени *Corbulo*, род. п. *-onis*, прозвища, производного от лат. *corbis* 'корзина' с близким суф.

***korbъ/*korba:** словен. *kraba* ж. р. 'коробка' (Plet. I, 453), чеш. *krab* м. р. 'полость', 'неровность' (Kott I, 777), диал. *krab* 'морщина, складка' (Bartoš. Slov. 160; Kašík. Středobečev. 93; Kubín. Čech. klad. 190; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 81; Lamprecht. Slovn. středoopav. 64; Malina. Mistř. 47), сюда же производное *krabuše* ж. р. 'плетеная корзина' (Jungmann II, 157), далее — *krb* м. р. 'очаг', польск. диал. *kroba* 'плетеная коробка' (Sł. gw. p. II, 479), др.-русск. *коробъ* м. р. 'короб, плетеный или выгнутый из луба, драни, сундук или большая корзина' (1155 г. Новг. I лет., 436), 'коробка, шкатулка для хранения ценностей, бумаг'

(Там. кн. I, 161. 1636 г.), 'ящик, ларь' (Там. кн. Тихв. м., № 1483, 13. 1698 г.), 'плетеный кузов для перевозки груза в телеге, на санях; повозка с таким кузовом; воз чего-либо' (Кн. Тул. и Каш. зав., 15. 1647 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 329; Срезневский I, 1288), *Коробъ*, личное имя собств. (1476 г. Летоп. VIII, 182; 1539 г., Писц. IV, 347. Тупиков 254), русск. *ко́роб* м. р. 'плетеное или гнутое изделие из луба, бересты и т. п., служащее для укладки, хранения и переноски разных предметов', диал. *ко́роб* м. р. 'большая плетеная корзинка на телеге для перевозки грузов; плетеный кузов телеги' (олон., арх., волог., иван., калуж., чкалов., свердл., новосиб., тобол.), 'повозка или сани (часто с плетеным кузовом)' (арх., псков., рост., перм., урал. и др.), 'ящик на мельнице, из которого зерно сыплется в жернов' (новг.), 'железная обивка голландской печи' (куйб.), 'куча, ворох чего-либо' (твер.) (Филин 14, 344, там же другие значения; Опыт 90; Даль[3] II, 422—423; *его свело коробом* 'скорчило, согнуло'), *коро́ба* ж. р. 'коробка из липовой коры' (Слов. Ак. 1913, см. Филин 14, 344), *ко́робь* ж. р. 'большая плетеная из прутьев корзина' (новосиб., Филин 14, 349), укр. *ко́роб* м. р. 'род корзины, ящика из луба или прутьев' (Гринченко II, 285), диал. *ко́раб*, *ко́роп* м. р. 'посудина из липовой коры, в которую складывают соты с медом, добытым в лесу из ульев-дуплянок', 'ящик, кузов на возу' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), блр. *ко́раб* м. р. 'короб, плетеная посуда, коробка' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 713—714), также диал. *ко́раб*, *ко́рап* м. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 503), *ко́роб* м. р. 'сплетенная из лозы и соломы коробка для сева вручную', 'сплетенная из липовой коры посудина больших размеров для ссыпания зерна' (З народнага слоўніка 191), *каро́ба* ж. р. 'большой короб' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 420).

Более старое мнение о заимствовании слав. слова из лат. *corbis* 'корзина' прямо или через посредство др.-в.-нем. *korb* 'корзина' (которое в свою очередь заимствовано из лат.) постепенно уступает место концепции исконного слав. происхождения **korbъ/*korba* и родства с лат. названием. См. Miklosich 130; Berneker I, 568—569 («Общеслав. заимствование. . . Что слав. **korbьji*, **korbo-*. . . исконнородственно лат. *corbis*. . ., хотя и возможно фонетически, все же не совсем вероятно»); Brückner 267; Фасмер II, 331 (допускает родство с лат. *corbis*, а также лит. *kar̃bas*, лтш. *kar̂ba* в близких значениях, не видя фонетич. оснований для этимологии из лат. через герм., ср., к тому же, приводимое им мнение Брюкнера, что «все названия плетеных сосудов в слав. языках исконны»); Sławski III, 113.

Имеются, однако, фонетические аргументы, подтверждающие самостоятельность и исконность слав. слова. Это не только местами выступающие остатки форм на *s*-подвижное, напр. сербохорв. *škrabica*, ст.-чеш. *škraboška*, отражающие также формы ис-

ходного древнего глагола (см. о нем ниже), см. J. Otrębski. — Die Sprache XII, 1966, 58. Это также еще важная особенность акцентуации, для которой мы знаем аналогии только в исконном слав. лексическом материале, а именно — наличие в русск. (и других вост.-слав. языках) лексикализованных и поэтому старых вариантов ударения *кóроб* м. р. и *корóба* ж. р., очень напоминающих отношение *вóрон* и *ворóна*. Соответственно этим последним мы, видимо, имеем право говорить о праформе **kor̃bo-* и производной от нее форме с продлением корневого вокализма **kōrbā*. Эта черта, не привлекшая к себе должного внимания, может, наверное, быть использована для изучения древней истории слав. слова и его связей с балт. соответствиями. Буга говорит о родстве праслав. **korbъ* и лит. *kar̃bas* 'короб' (РФВ LXVII, 1912, 241—242), см. еще Trautmann BSW 117—118 (который отмечает, между прочим, «Intonationswechsel» русск. *кóроб* и блр. *корбба*, но не исключает при этом заимствования как балт., так и слав. слов из лат.); Fraenkel I, 220 (балт. формы объясняются как заимствования из слав.); J. Otrębski, там же (балт. слова происходят из слав.).

Слав. происхождение этих балт. названий делается особенно понятным, если учесть наличие в балт. совершенно особого слова — лит. *krepšỹs* 'торба, корзинка', которое тесно связано с герм. **hrepiz*, **hrepaz* 'корзина' (др.-исл. *hrip*, др.-в.-нем. *ref*, см. о них Falk—Torp. Wortschatz der germanischen Spracheinheit 103), см. Fraenkel I, 294.

В основе всех этих названий корзины лежит и.-е. глагольная основа *(*s*)*kr̥bh-* 'крутить, скручивать, скрючивать, изгибать', откуда греч. κάρφω 'скрючивать, съеживать, сушить', др.-исл. *skorpna* 'морщить', лтш. *skurbinât* 'закружить до головокружения', *skur̃btiês* 'крутиться' (см. Pokorny I, 948—949, s. v. (*s*)*kerb*(*h*)-).

Различными исследованиями по истории реалий и по этимологии слов показана универсальная применимость плетенки, плетения. На последующих этапах развития культуры, мышления и языка (лексики) имели место естественные сдвиги, которые приходится вскрывать. Таково чеш. *krb* 'очаг', также восходящее к праслав. **korbъ* 'корзина', ср. русск. диал. *кóроб* 'железная обивка голландской печи' (выше). На диахроническое тождество праслав. **korbъ* и чеш. *krb* давно обращено внимание, см. Berneker I, 569; Фасмер, там же (вслед за Брюкнером). Поэтому неверен изолирующий, статический подход к чеш. *krb* и его значению и попытка особой этимологизации в связи с греч. κλίβανος, κρίβανος 'крышка, колпак, которыми прикрывали пищу на очаге' (Machek[2] 290—291).

Из литературы см. еще Walde—Hofm. I, 272—273; Kluge[20] 394.

***korbъka/*korbъkъ**: чеш. *krabka* ж. р. 'коробка' (Kott I, 777), ст.-польск. *króbka* 'вид лубяной или плетеной корзинки' (Sł. stpol. III, 393), *krobka* 'коробка', 'баночка', 'шкатулка' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 193), польск. *krobka*, стар. *króbka* ж. р. 'корзинка, короб', (диал.) 'кузов из луба', 'судно на Вилии для перевозки конопли' (Warsz. II, 555; Sł. gw. p. II, 479), др.-русск. *коробка* ж. р. 'небольшой короб, коробка, сундучок, плетеный или гнутый из луба, драни' (Ревел. а. I, 58. XVI в.), 'ларец, шкатулка для хранения ценностей, бумаг и т. п.' (Дух. и дог. гр., 16, ок. 1358 г.) (СлРЯ XI—XVII в. 7, 331; Срезневский I, 1288), русск. *корóбка* ж. р. 'небольшой ящичек из картона, дерева, жести и т. п., преимущественно с крышкой', диал. *корóбка* ж. р. 'корзина' (арх.), 'плетеная из соломы большая сумка-кошель' (курск.), 'ящик с крышкой из дранок и прутьев' (арх., сиб.), 'сундук, сделанный из согнутых гибких досок, луба' (яросл., волог., новг., твер., влад., костр., моск.), 'повозка' (арх.) (Филин 14, 347), *коробóк*, род. п. *-бкá*, м. р. 'корзина или короб' (яросл., мурман., арх.), 'маленькая плетеная коробка' (волог., пск., курск.), 'плетеный из прутьев кузов повозки' (арх., вят., яросл., сарат., перм., свердл., новосиб., том., краснояр.) (Филин 14, 348), укр. *корóбка* ж. р. 'род корзины из липового луба или дерева' (Гринченко II, 285), диал. *корóбка*, *корóпка* ж. р. 'рама дверей, окон' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 81), блр. *карóбка* ж. р. 'короб', диал. *карóбка*, *карóпка* 'корзина', 'кузов' (и ряд других значений, Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 214; Народнае слова 68), *Карóбка*, *Карóбкін*, фам. (XVI—XVIII вв.: *коробка*. Бірыла 186), *карабóк* м. р. 'коробка из соломы, луба' (Матэрыялы для слоўніка 139).

Ум. производное с суф. *-ъka/-ъkъ* от **korbъ*/**korba* (см.).

***korbьja/*korbьji**: ст.-слав. кравии ж. р. θήκη, κιβωτός, arcula, arca 'ларец, корзинка' (As., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), сербохорв. стар., редк. *krābija* ж. р. (RJA V, 428: только в словаре Стулли — 'arca, capsa'), ст.-польск. *krobia* ж. р. 'вид (небольшой) лубяной или плетеной корзины, короба' (Sł. stpol. III, 387; Sł. polszcz. XVI w., XI, 193), польск. *krobia* 'корзинка, коробка' (Warsz. II, 555), др.-русск. *коробья* ж. р. 'короб, плетеный или выгнутый из луба, драни' (1228 г. Новг. I лет., 225. Срезневский I, 1289; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 332—333), русск. диал. *кóробья* ж. р. 'сундук или ящик из гнутого луба для хранения одежды' (сиб., урал., тамб., ворон., ряз., курск., калуж. и др., Филин 14, 349; Словарь говоров Подмосковья 219), *коробéй* ж. р. 'короб' (юж.-сиб., енис., Филин 14, 345), *коробóйка* (Даль, Филин 14, 347), блр. диал. *корóбэй* м. р. 'высокая коробка, плетеная из соломы и лозы, для ссыпания зерна' (З народнага слоўніка 192).

Производное с суф. *-ьji/-ьja* от **korbъ* (см.); продолжает более древнюю форму на *-ī*, образующую производные ж. р. от мужских основ на *-o-* или на *-ī-*. Немногочисленность и архаизм образований этой модели свидетельствует, со своей стороны, о вероятной исконности слов **korbьji*, а также **korbъ*. Однако едва ли верно

утверждать, что **korbьji* было единственной древней формой ж. р., противопоставленной форме м. р. — праслав. **korbъ*, как можно понять Махека (см. Machek[2] 288). Другой древней формой ж. р., более органически связанной с основой м. р. на *-o-*, было праслав. **korba* (см. подробнее **korbъ/*korba*, выше). Близость праслав. **korbьji* и лит. *kar̃bija* 'корзинка' может быть истолкована неоднозначно (Słown. prasłowiański I, 84: «dokładne odpowiedniki»), если иметь в виду веские мнения о слав. происхождении балт. слов (подробнее см. **korbъ/*korba*)..

***korča:** сербохорв. диал. *кр̏ча* ж. р. 'нижняя часть бедра, ляжка' (хорв., РСА X, 446; RJA V, 428), словен. *kráča* ж. р. 'ляжка, свиной окорок (копченый)' (Plet. I, 453).

Производное с суф. *-ja* от **korkъ/*korka* (см.) или соотносительное с глаголом **korčiti* (см.)?

***korčajь:** болг. *кра́чол* м. р. 'штанина' (РБЕ; Геров: *кра́чюл*), в.-луж. *kročel* ж. р. 'шаг как мера длины' (Pfuhl 290), ст.-польск. *kroczaj* 'шаг' (сер. XV в., Sł. stpol. III, 387), польск. диал. *kroczaj* 'шаг' (Warsz. II, 555; Sł. gw. p. II, 479).

Производное с суф. *-ějь* от глагола **korčiti* (см.). Предполагается что и болг. *кра́чол* (вар. *кра́чул*) является преобразованием древнего **korčajь* > **крачай* > **крачел(ь)* > (лабиализация) *крачол*, *крачул*, а не образованием с суф. *-ул*, как см. БЕР 2, 726. Ср. и в.-луж. *kročel* (выше), которое едва ли обязательно объяснять как образование с суф. *-el* < **ělь* (так см. Schuster-Sewc. Hist.-etym. Wb. 9, 675). О праслав. модели на *-ějь*, *-(j)ajь* см. Vaillant. Gramm. comparée IV, 527—528; Słown. prasłowiański I, 86—87. См. еще Brückner 268; Sławski III, 44 (там же специально о старом варианте ст.-польск. *kraczaj*); M. Basaj, J. Siatkowski «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 8, 6—7.

***korčiti:** болг. *кра́ча* 'шагать' (РБЕ; Геров: *кра́чжся* 'разводить ноги, корячиться'), диал. *кра́ча* 'идти, шагать', 'перешагивать' (Хитов БД IX, 270), сербохорв. *kráčiti* 'шагать' (RJA V, 429)' в.-луж. *kročić* 'шагать' (Pfuhl 290), *kračić* 'шагать, мерять шагами' (Pfuhl 281), ст.-польск. *kroczyć* 'шагать, ступать, идти' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 196), польск. *kroczyć* 'шагать', 'медленно идти' (Warsz. II, 556), также диал. (Sł. gw. p. II, 479), словин. *krùǫčïc* 'передвигаться шаг за шагом, медленно' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 495), *kročëc* (Sychta II, 255).

Глагол на *-iti*, производный от **korkъ* (см.). Объяснение из и.-е. **(s)ker-* 'сгибать, крутить' см. Р. М. Козлова. — Этимология. 1982 (1984).

***korčunъ:** болг. диал. *крачу́н* м. р. 'большая нога, ножища', также в качестве личного имени собств. *Крачу́н*, *крачу́н* 'народный праздник летнего или зимнего солнцеворота: в одних местах — 8—21 июня, а в других — сочельник, канун рождества' (Георгиев БЕР), сербохорв. диал. (вост.) *Kračun* м. р., личное имя собств. (RJA V, 429), стар., диал. *kr̀čūn* м. р. 'засов, втулка' (там же),

также *kracũn* (M. Tentor JФV, 1925—1926, 208), слвц. *kračun* м. р. 'рождество' (цит. по Machek[1] 231), др.-русск. *Корочунъ*, *Корочюнъ* м. р. 'пост перед рождеством' (1143 г. Новг. I лет., 134. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 344; Срезневский I, 1291), русск. *карачу́н* м. р. 'солноворот, день 12 декабря, Спиридоньев день' (Даль[2] II, 91), диал. *ка́рачун* м. р. 'святочный обряд, коляда' (орл., Филин 13, 75), *карачу́н* 'предрождественский пост' (там же), *карачу́н* м. р. 'внезапная, неожиданная смерть' (перм., сиб., тул, костр., тамб., ряз., каз., яросл., твер., влад., волог. Там же), *карачу́н* 'злой дух, черт, демон' (калуж., симб. Там же), *карачу́н* 'ребенок, который ползает' (влад. Там же).

Столь различные значения кажутся непримиримыми и будто бы принадлежащими словам-омонимам лишь на первый взгляд, при внимательном рассмотрении они выстраиваются в один эволюционный ряд: 'шагающий' (см. выше — 'большая нога', 'ребенок, который ползает'), 'смерть — уход', 'переход солнца на лето или на зиму'. У данного слова (мы настаиваем на том, что перед нами о д н о слово) — явно отглагольная семантика, и мы вправе видеть в нем производное от глагола с емким значением, а именно — от **korčiti* (см.) с суф. *-unъ*. Широкий семантический веер слав. соответствий наилучшим образом свидетельствует об исконном характере слова. Будучи семантически многоярусным, слово **korčunъ* лишь верхним слоем своего значения и употребления вошло в сферу религиозного, и только эта часть значения (причем неполностью — только о з и м н е м с о л н ц е в о р о т е) была вторично освоена христианством. Из этого следует вторичность значений, связанных с рождеством (в том числе — таких вторичных конкретных значений как 'рождественское бревно, полено, сжигаемое в сочельник' в смежной и сопоставляемой лексике в условиях Балкан, что имеет самое прямое отношение к суждениям о приемлемости тех или иных этимологий, см. ниже). Словообразовательная модель на *-unъ* характеризуется народностью и исконностью образования, хотя в числе ее производных есть и образования высокого социального, культового ранга, ср. прежде всего **perunъ* (см.). Странно поэтому читать утверждения, что суф. *-unъ* — это по большей части заимствованный формант, вызванный к жизни иноязычными образцами вроде роман. (лат.) *-ōn-* (так см. Vaillant. Gramm. comparée IV, 626).

Этимология от **korčiti* 'шагать', принимаемая нами, была высказана в литературе уже давно рядом авторов, см. сведения: Фасмер II, 336 (автор тоже присоединяется к их числу); ср. еще: R. Jakobson.—Word 11, 1955, 611 (с указанием на зап.-слав. мифологические имена *Krok*, *Krak*). Из вышеизложенного следует, что происхождение **korčunъ* < **korčiti* не укладывается в схему кальки с лат. *adventus* 'приход, пришествие' из области христианской терминологии (мысль Веселовского, см. Фасмер, там же). Другая исконнослав. этимология, скажем, — от **kortiti* (см.)

'сокращать', **korъkъ* (так см. Miklosich 130) учитывает лишь часть значений **korčunъ* и даже скорее — их переносные употребления ('внезапная смерть'), а не всю совокупность, кроме того, фонетически уязвима, поскольку *tj* в ю.-слав. — сербохорв. и болг. — не могло дать *č*, см. Фасмер, там же.

Прочие этимологии слав. **korčunъ*, отклоняемые нами, трактуют это слово как заимствование. Не может считаться по многим соображениям источником слав. слова рум. *crăciún* 'рождество' < лат. *calationem* 'воззвание, оглашение' (Berneker I, 604). Рум. слово, по мнению многих исследователей, само заимствовано из слав. (болг.), см. БЕР 2, 726; Skok. Etim. rječn. II, 175. Связь народного и поэтому языческого слав. слова с христианством вторична и поверхностна, и это решает отрицательно судьбу этимологий от лат. названий разных постов, напр. от лат. *Christi jejūnium* 'христов пост' (Шухардт у Бернекера, там же); от весьма условно реконструированного **quartum jejūnium* 'большой, четвертый пост' (A. Vaillant. — Прилози за књижевност, језик, историjу и фолклор 24, 1958, 72 и сл.). Этимология Ягича и Денсушиану от лат. *creationem* 'создание, сотворение' предположительно через рум. *crăciún* (см. Фасмер II, 336) неприемлема в плане теологии, так как отвлеченное существительное *creatio* не употреблялось применительно к рождеству христову, а также невозможна лингвистически, см. Skok, там же.

Имеется еще алб. версия происхождения слав. **korčunъ* — якобы через рум. посредство из алб. *kërcun*, *kërcú* 'пень' (т. е. 'рождественское полено'), см. Чабей и некоторые другие авторы, цитируемые в БЕР 2, 726—727, но «это неубедительно, так как алб. влияние в церковной терминологии не засвидетельствовано», см. БЕР, там же. Не убеждают нас в этом и новейшие исследования, см. E. Çabej. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipë. XII. — Studime filologjike 1 (Tiranë, 1964), 61, 91; А. В. Десницкая ВЯ 1978, № 2, 48—49. Из древнего значения **korčunъ* 'нечто кривое, изогнутое' исходит Р. М. Козлова. — Этимология. 1982 (1984).

***korda/*krada?:** ст.-слав. крада ж. р. πυρά, rogus, κάμινος (Mikl.), словен. *kráda* ж. р. 'поленница, костер' (Plet. I, 453), ст.-чеш. *krada* ж. р. 'Feuerzeug, Leuchte' (Gebauer II, 122), польск. диал. *króda* 'копна, укладка снопов в поле' (Kucała 112), русск.-цслав. *крада* ж. р. 'костер; устройство для разведения и поддержания огня' (Изб. Св. 1073 г., 60), 'жертвенник, алтарь' (Ио. екз. Бог., 237. XII в.), *крада огненая* σφαῖραν πυρός 'молния' (Хрон. И. Малалы, I, 7. XV в.~XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 8, 5); Срезневский I, 1310—1311), укр. диал. *кóрода* 'поленница' (І. В. Сабадош. Лексика лісосплаву українських говорів району Карпат. — Мовознавство 1974, № 3, 68).

Изучение этого слова имеет свою историю. В Повести временных лет форма *крада* в известном примере (. . . и по сем творяху *краду* велику. . .) встречается наряду с вариантным чтением *кладу*. Оба слова настолько близки, причем наиболее понятно, конечно, *клада* (см. **kolda*), что можно, казалось бы, счесть это последнее самым надежным чтением. Однако это как раз такой случай, когда мы имеем дело (вернее, уже переписчики Повести имели дело) с забываемым, забытым особым словом. См. в общем правильно уже А. А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. — Сб. ОРЯС XLIX, 1891, 132 (правда, дальнейшее его сближение слав. слова с др.-инд. *śraddhā* 'священная жертва в честь мертвых', конечно, неверно и устарело). Какую праслав. форму имело это слово? — На этот вопрос ответить нелегко. Оно встречается в сочинениях, преимущественно церковнославянских по языку (см. выше), в составе Повести временных лет оно тоже могло оказаться цслав. элементом; словен. и ст.-чеш. формы, которыми до недавнего времени исчерпывались инослав. соответствия нашего слова, двусмысленны, ибо могут отражать как результат метатезы плавных в праслав. **korda*, так и прямо продолжать праслав. **krada*. Критика склонилась ко второму, особенно после того, как фигурировавшее ранее вост.-слав. соответствие на *tort* — укр. *корóда* 'сильно сучковатое дерево' (Miklosich 137: *корода* 'низкий пень', ср. *kolda*) было отведено как чужеродное, см. Berneker I, 605 — против Торбьёрнссона по семантическим мотивам (указанное укр. *скорода* более удачно было затем истолковано из **skorda* 'дерево-борона', см. В. А. Меркулова. — Этимология. 1973. М., 1975, 55). Но уже как следствие этой критики и отбора у Бернекера, напр., представлена только заглавная (праслав.) форма *krada*. Решающую роль здесь, конечно, сыграла этимология Ван-Вейка, который сблизил ст.-слав. крада со ср.-в.-нем. *rāz*, *rāze* 'костер < прагерм. **hrēta-*. Отсюда следует, что слав. слово вместе с герм. продолжает и.-е. **krēdo-*, **krēdā* (слав. **krada* — специально вариант **krōdā*), см. N. van. Wijk.—IF XXVIII, 121 и сл.; Berneker, там же. Это толкование устойчиво держится в литературе, см. Bezlaj. Jezikovne priče 154; ср. еще Machek[2] 183 (с добавлением: «Výraz asi «praevropský»).

Этимология эта, действительно, безукоризненна фонетически и семантически, и можно было бы этим удовольствоваться вполне, но в последующее время начали вновь появляться веские данные о реальном существовании по крайней мере варианта — праслав. **korda*: это — польск. диал. *króda* 'укладка снопов в поле', сравнение которого со ст.-слав., словен. и чеш. примерами дает как будто реконструкцию праслав. **korda*, см. Sławski III, 152 (автор только напрасно при этом включает в число родственных форм обратно укр. *корóда* 'сильно сучковатое дерево', см. о нем у нас ниже). Другая действительно родственная укр. диал. форма, ранее неизвестная исследованию, — *кóрода* (*NB*: ударение, свидетельствующее скорее о праслав. **kor̃da*, а не **kórda*, как

у Славского, выше) 'п о л е н н и ц а', очень близкое и фонетически, и семантически. Вариант (или единственная праслав. реконструкция?) **korda* допускает повторное рассмотрение старого сближения Маценауэра с нем. *Herd* 'очаг', первоначально также 'кладь дров, костер' (см. о нем отрицательно в словарях Бернекера, Фасмера). И все-таки не следует до конца отбрасывать идею возможной древней вариантности и.-е. **krĕd-/*ker-* (явление, возможное для корней с плавными) тем более, что и в одном, и в другом случае значения очень близки: речь идет об очаге, огне, костре, вернее первоначально — об укладке дров, видимо — об особой укладке (возможно, крест-накрест, решеткой). Существующие толкования нем. *Herd* (Kluge[20] 304—305; Трубачев. Ремесленная терминология 203), по-видимому, нуждаются в пересмотре.

***korditi sę:** польск. диал. *kródzić* 'укорачивать, сокращать' (Warsz. II, 566), укр. *кородúтися* 'жаловаться на боль' (Гринченко II, 286), блр. *карадзíцца* 'симулировать корчи' (Байкоў—Некраш. 142), диал. *карóдзіцца* 'капризничать' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421).

По-видимому, звонкий вариант к **kortiti* (см.), правда, древность явления неясна. Ср. Sławski III, 152, который без достаточных оснований отделяет укр. и блр. слова. Ср. довольно подробно о **korditi sę* и о соотносительном **kordъkъjь* — укр. диал. *кородкий* (на ноги): В. А. Меркулова. — Этимология. 1973 (М., 1975), 56.

***korenastъjь/*korenatъjь:** сербохорв. *кȍренаст*, иекав. *кȍр(ј)енаст; -а, -о* 'имеющий очень развитый корень' (РСА X, 249—250; RJA V, 342), *kȍrjeńast* (XVIII в., RJA V, 344), словен. *korênast*, прилаг. 'похожий на корень', 'крепкий', 'имеющий развитый корень' (Plet. I, 437), *korenàt* (Plet. I, 438), чеш. *kořenatý* 'имеющий обильные корни', 'крепкий, сдобренный кореньями' (Kott I, 752), слвц. *korenastý* 'имеющий корни' (Kálal 258), в.-луж. *korjenjaty, -a, -e* 'имеющий сильные (обильные) корни' (Pfuhl 274), н.-луж. *kóřeńaty* (Muka Sł. I, 677), польск. диал. *korzeniasty* 'богатый корнями' (Warsz. II, 484; Sł. gw. p. II, 437), русск. *коренáстый* 'дебелый, плотный, здоровый и сильный, а притом не слишком рослый' (Даль[3] II, 414), 'с большими, крепкими корнями (о дереве)' (Ушаков), диал. *коренáтый, -ая, -ое* 'коренастый, плечистый' (Элиасов 164), укр. *коренáстий, коренáтий, -а, -е* 'коренастый' (Гринченко II, 283).

Первоначально прилаг. с суф. *-atъ* (вторичный вариант — с усиленным *-astъ*), производное от основы **koren-* (см. **korenь*).

***koreněti:** словен. *korenéti* 'корениться' (Plet. I, 438), чеш. *kořeněti* 'пускать корни' (Jungmann II, 130), в.-луж. *korjenjeć* то же (Pfuhl 274), русск. *коренéть* 'корениться, укрепляться' (Даль[3] II, 416).

Глагол на *-ěti*, производный от **korenь* (см.). Ср. еще **koreniti sę* (см.).

***korenica/*korenika:** сербохорв. диал. *корѐница*, иекав. *корјѐница* ж. р. 'стебель, ствол', 'корешок, саженец', название некоторых растений (РСА X, 252; RJA V, 342) *корѐника*, иекав. *корјѐника* м. и ж. р. 'порядочный, благородный человек', 'род' (РСА X, 250), диал. *korenika* 'корень' (RJA V, 343), *корјеника* 'капустная кочерыжка' (Mić. 15), словен. *korenika* ж. р. 'корень', 'корневая часть' (Plet. I, 438; Kastelec), чеш. *kořenice* ж. р. 'корневое дерево', слвц. *korenica* (Kálal 258), в.-луж. *korjenica* ж. р. 'Gewürzmühle' (Pfuhl 274), польск. диал. *korzenica* ж. р. 'пырей' (Warsz. II, 484; Sł. gw. p. II, 437), словин. *kořeńica* ж. р. 'пырей Triticum repens' (Sychta II, 210), *koeřeńica* (Ramult 76), *k°ořèńica* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 418), русск. *корéница* ж. р. 'сплетенная из древесных корней чашка, коробка и т. п.', 'ящерица' (моск., Филин 14, 317; Словарь говоров Подмосковья 217), *корени́ца* 'корзинка из корней' (арх., Картотека СТЭ).

Производное с суф. *-ica/-ika* от **korenь* (см.).

***korenistъjь:** болг. *корени́ст, -а, -о*, прилаг. 'имеющий глубокие и разветвленные корни' (РБЕ), слвц. *korenistý*, прилаг. 'пряный' (SSJ I, 747), ст.-польск. *korzenisty* 'коренной, знатный' (Sł. stpol. III, 350; Sł. polszcz. XVI w., X, 663), польск. *korzenisty* 'имеющий сильные корни; коренной' (Warsz. II, 484), русск. диал. *корени́стый, -ая, -ое* 'имеющий сильные корни (о дереве)' (Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 247; Филин 14, 316—317), укр. *корíни́стий, -а, -е* 'с крепким и большим корнем' (Гринченко II, 284), блр. *караністы* 'изобилующий корнями' (Блр.-русск.).

Прилаг., производное с суф. *-istъ* от **korenь* (см.). Ср. **korenitъ* (см.), если рассматривать суф. *-istъ* как расширение первоначального *-itъ*.

***korenišče:** болг. *корени́ще* ср. р. 'корень, подземная часть стебля растения' (БТР; Геров: ув. от *корень*), также диал. *корени́ште* (с. Попица, Врачанско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *корен'и́шче* (Шапкарев—Близнев БД III, 234), макед. *корениште* ср. р., увеличит. от *корен* (Кон.), словен. *koreníšče* ср. р. 'место, где был корень' (Plet. I, 438), *korenjíšče* 'участок, на котором был собран урожай моркови' (Plet. I, 438), чеш. диал. *kořenisko* ср. р., увеличит. от *kořen*, в.-луж. *korjenisko* ср. р. то же (Pfuhl 274), словин. *kořeńišče* ср. р. 'корни' (Sychta VII, 129. Supl.), укр. *корíни́ще* ср. р., ув. от *корíнь* (Гринченко II, 284), блр. *карэ́нішча* ср. р. 'корневище' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 653).

Производное с суф. *-išče* от **korenь* (см.).

***koreniti (sę):** цслав. корєнити fascinare (Mikl.), болг. *коре́ня се* 'корениться' (БТР), *кореня́* (Младенов БТР), редк. *кореня́* 'сажать' (РБЕ), *кореня́* 'корчевать, вырывать, выдергивать из земли с корнем' (Геров), диал. *кореня́* 'вырывать с корнем' (Реч-

ник РОДД), макед. *корени се* 'корениться' (И-С), сербохорв. *корéнити се, корујèнити се* 'укореняться, пускать корни' (РСА X, 251), *корéнити, корujèнити* 'искоренять' (там же), *korijèniti* 'пускать корень' (с XVI в., RJA V, 330), словен. *koreníti se* 'укореняться' (Plet. I, 438), чеш. *kořeniti (se)* 'корениться, пускать корни' (Kott I, 753), слвц. *korenit'* то же (SSJ I, 747), в.-луж. *korjenić* 'корениться, пускать корни' (Pfuhl 274), н.-луж. *kóřeniś* 'приправлять', *kóřeniś se* 'укореняться' (Muka Sł. I, 677), ст.-польск. *korzenić się* 'пускать корни' (Sł. stp. III, 350), польск. редк. *korzenić* 'рассаживать, насаждать', *korzenić się* 'пускать корни' (Warsz. II, 484), диал. *korzenić* 'приправлять кореньями' (Sł. gw. p. II, 437), словин. *kořįęńic są* 'пускать корни' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 467), *koeřeńic są* (Ramułt 76), *kᵘořeńic są* (Lorentz Pomor. I, 418), др.-русск., русск.-цслав. *коренити* 'искоренять, истреблять' (Евфр. Отразит. пис., 6. 1691 г.), 'губить, портить' (Каз. лет., 23. XVII в.~XVI в.), *коренитися* 'укореняться, корениться' (Док. нем. шк., 53.1705 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 308), русск. *корени́ться* 'пускать корни в землю', 'иметь корень', диал. *корени́ть* 'корчевать деревья и пни' (вят., краснояр.), 'готовить землю под пашню' (краснояр.), 'искоренять, изводить, губить' (олон.) (Филин 14, 317), укр. *корени́ти* 'укоренять' (Гринченко II, 283), *корени́тися* 'укореняться' (там же), блр. *корені́цьца* 'пускать корни,' 'искореняться' (Носов.), диал. *карані́цца* 'разрастаться' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 45).

Глагол на *-iti*, производный от **korenь* (см.).

***korenitъ:** макед. *коренит*, прилаг. 'коренной, существенный' (И-С), сербохорв. *корèнит, кȍренит, корјèнит, кȍрјенит, -а, -о* 'коренной', 'крепкий', 'давний', 'корневой' (РСА X, 250—251; RJA V, 343: с XVII в.), *Korjènita, Korenita* ж. р., местн. название (в Боснии, Сербии, RJA V, 343), словен. *korenȋt*, прилаг. 'корневой', 'коренной', 'крепкий' (Plet. I, 438), чеш. *kořenitý*, прилаг. 'крепкий, коренной', 'пряный', слвц. *korenitý* 'пряный' (SSJ I, 747), в.-луж. *korjenity, -a, -e* 'пряный' (Pfuhl 274), н.-луж. *kóřenity, -a, -e* то же (Muka Sł. I, 677). — Ср. сюда же суффиксальное производное цслав. *коренитьць* м. р. μάγος, magus 'маг; волхв, знахарь, колдун' (Mikl.; SJS; Срезневский I, 1286; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 308: Кормч. XIII в.).

Прилаг., производное с суф. *-itъ* от **korenь* (см.).

***korenь:** ст.-слав. корєнь м. р. ῥίζα, radix 'корень' (Euch., Cloz., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *кóрен* м. р. корень' (РБЕ; Младенов БТР; Геров: *кóрень*), диал. *кóрен* м. р. 'корень', 'род, происхождение' (М. Младенов БД III, 92; Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кóрен'* (Шапкарев—Близнев БД III, 234; Журавлев. Криничное 145), макед. *корен* м. р. 'корень' (И-С), сербохорв. *кȍрēн*, иекав. *кȍрujен* м. р. 'корень', (диал.) 'стебель' (РСА X, 246—249; RJA V, 327—330), словен. *korên* м. р. 'корень', также *kôren* (Plet. I, 437), чеш. *kořen* м. р.

'корень', слвц. *koreň* м. р. то же (SSJ I, 746—747), диал. *koren* 'ножка гриба' (Matejčík. Novohrad. 91), в.-луж. *korjeń* м. р. 'корень' (Pfuhl 274), н.-луж. *kóřeń* м. р. (Muka Sł. I, 676), полаб. *t'örin* м. р. 'корень' (Polański—Sehnert 155, с реконструкцией **korenь*), ст.-польск. *korzeń* 'корень' (Sł. stpol. III, 351—352), польск. *korzeń* м. р. 'корень' (Warsz. II, 485), диал. *kořań* м. р. (Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. *kořėń* м. р. 'корень', 'род, происхождение' (Sychta II, 210), *kùǫřeń* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *kᵘóřeń* (Lorentz Pomor. I, 418), *koeřeń* (Ramułt 76), др.-русск., русск.-цслав. *корень* м. р. 'корень (растения)' (Ж. Феод. Студ. Выг. сб., 192.XII в.; 1485 г. Псков. лет., II, 67), 'источник, исток, начало' (Изб. Св. 1076 г., 440), (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 309—310), также *корѧ* (Лук. III. 9. Остр. ев.; Панд. Ант. XIV в.; Пал. XIV в.; Мин. 1097 г. 89; Псков. I лет. под 1471 г. Срезневский I, 1293—1294), русск. *кóрень*, род. п. *-рня*, м. р. 'не имеющая листьев часть растения, с помощью которой оно укрепляется в почве, поглощает воду, всасывает почвенные соки', также диал. *кóрень* (Филин 14, 322—323, там же — в значениях 'кочерыжка' (твер.), 'исток реки' (арх.), 'родина, родные места' (тамб., курск.)), 'ножка гриба' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 237), *кóрен* м. р. 'корень' (смол., донск., Филин 14, 315), ст.-укр. *коренъ* м. р. 'род' (1401 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 496), укр. *кóрінь* м. р. 'корень' (Гринченко II, 284), ст.-блр. *корень* 'корень', 'начало, основа' (Скарына 1, 277), блр. *кóрань* м. р. 'корень', также диал. *кóрань, карэ́нь* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 429, 503), *кóрань* 'улей-колода' (там же).

Этимологически трудное слово, анализ которого сопряжен с решением ряда проблем. Существующие этимологии, в общем приемлемые, своей немногословностью и схематичностью недостаточно проясняют древние судьбы слова, отдельные удачные наблюдения прежних исследователей не получили развития и оказались забытыми. Вместе с тем анализ слова **korenь* — хороший пример использования возможностей внутренней слав. реконструкции в сочетании с данными внешнего родства.

Собственно говоря, исследование слова **korenь* не продвинулось со времени этимологии Фортунатова, предложившего более ста лет тому назад сближение с лит. *kerė̃ti* 'пускать корни' см. Ph. Fortunatov BB III, 1879, 57; Miklosich 426; Berneker I, 570; Trautmann BSW 127; Фасмер II, 325; Sławski II, 510; Machek[2] 279; Fraenkel I, 241: s. v. *kẽras* 'ствол, пень, стебель' (далее — *kerė̃ti* 'разрастаться', лтш. *cers* 'куст', др.-прусск. *kirno* 'куст'). Хотя описанные связи могут сойти за балто-слав. лексическую общность, их характер требует уточнений. Обращает на себя внимание тот факт, что балт. соответствия практически не обнаруживают значения 'корень' (корень обозначается в балт. языках особым древним словом: лит. *šaknis*, лтш. *sakne, saknis*); балто-слав.

реконструкция **kera-* 'к о р е н ь, куст' у Траутмана (там же) представляет собой не очень точное обобщение, неточностью вызвано значение 'корень', приписываемое лит. *kẽras* у Фасмера (там же), как, впрочем, и значение 'пускать корни' у лит. *kerė̃ti* в фортунатовской этимологии, поскольку это слово значит 'разрастаться вширь, пускать ветки', как раз о надземной части дерева, куста, а не о корне. Небезынтересны сведения по типологии называния (мотивации названий) корня, собранные, напр., в словаре Бака, см. C. D. Buck. A dictionary of selected synonyms in the principal Indoeuropean languages 522—523, где имеются примеры развития значения 'корень' прежде всего — из значения 'расти, растение' (греч., лат., герм.), далее — из значения 'ветвь' и описательных 'рот, то, чем пьет дерево'. Между прочим, там нет ни одного случая развития значения 'корень' < 'резать' (нам также такие примеры неизвестны), что сообщает гипотетичность и недоказанность попытке толкования **korenь* из и.-е. **(s)ker-* 'резать' (см. такое толкование: Pokorny I, 573; Fraenkel I, 241, вслед за Егерсом), несмотря на всю, казалось бы, очевидность и реальность контекста 'корень' + 'драть, рвать'. Целесообразно поэтому впредь воздержаться от допущений родства **korenь* и продолжений и.-е. **(s)ker-*, в частности **kora* (см.), по причине вторичного характера их сближения (ср. пример смешения русск. диал. *коряно́й* 'сделанный из коры или корней', арх. Филин 15, 43). Нижеследующее покажет древний характер различия и.-е. **(s)ker-* 'резать, драть' и слав. **korenь*. Так, давно уже указано на родство слов **korenь* и **kъrь* (см.), обозначающего корень, пень, куст в разных слав. языках, причем отношение **korenь* : **kъrь* рассматривается единственно как чередование гласных *e* : *o* : *ø*, см. Berneker I, 570, 672. Ближе других к истине, однако, по-видимому, стоял Мейе, который возводил слав. **korenь* к особому и.-е. *$k^{u}er$-/*$k^{u}or$-/*$k^{u}r$- (у Мейе: *$k^{w}er$,- *$k^{w}or$-, $k^{wu}r$-, или *$k^{w}r^{u}$). Главным основанием реконструкции и.-е. лабиального задненебного были для Мейе — действительно вероятные — внешние сравнения с греч. πρύμνη 'корма' и πρέμνον 'ствол (дерева)', где π < и.-е. *k^{u}. См. A. Meillet. Sur sl. korenĭ et krŭma. — BSL 23, 1922, 85—86. Но наблюдаемая в слав. **kъrь* и **kъrma* (см.), также признаваемых Мейе родственными **korenь* словами, *-u-* огласовка корня, как мы думаем, того же происхождения, т. е. это вокализация лабиального тембра и.-е. задненебного -*k^{u} > **kŭ* > слав. *kъ*. Сводить, таким образом, все к чистой апофонии гласных здесь было бы неправильно. Крупная принципиальная проблема, подсказываемая при этом характером слав. рефлексов **kъrь* и **kъrma*, — это отражение и.-е. лабиальных задненебных в слав., а отнюдь не бесследная утрата ими лабиальности, как обычно принимается до сих пор.

Коротко о греч. соответствиях. Слово πρύμνη 'корма корабля' представляет собой специальное употребление более общего πρυμνός 'крайний, нижний (напр. о нижней части древесного ствола)'. Следует признать, что значения 'нижняя, корневая (более толстая) часть ствола дерева' и 'корма' очень близки, если иметь в виду архаическое судно-однодеревку. Сближение со слав. **kъrma* все-таки весьма серьезно, и нет надобности преувеличивать неясность греч. слова, как об этом см. Frisk II, 606; Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque III, 943—944. Столь же неуместен и скептицизм в отношении происхождения греч. πρέμνον 'ствол, столб, пень', 'к о р н е в и щ е' (πᾶν ῥίζωμα. Hesych.), которое продолжает, с одной стороны, и.-е. *$k^{u}r$-*e-mno-*, а с другой стороны — вместе с греч. πρύμνη подсказывает реконструкцию и.-е. *k^{u}*r̥-mn-ā* для слав. **kъrma*, ср. **zima* (см.) < **ĝhei̯-mn-ā*, **ĝhei̯-mōn*.

Отношение **kъr-i̯o-*, **kъr-mn-a*, **kor-en-ь* носит характер древней суффиксации гетероклитического типа. Слав. **korenь* является преобразованием (одним из преобразований) основы на согласный **koren-*, ср. еще один вариант преобразования — **korę*. Реконструировать также огласовку им. п. ед. **kory*, видимо, нет достаточных оснований, в отличие от известных случаев вроде **kamy* (см.) и подобных. Из консонантной парадигмы объясняются и вторичные огласовки вроде **korěnь* (в сербохорв., др.-русск.) < **korenь*. См. с критикой литературы: О. Н. Трубачев. — Этимология. 1980 (М., 1982), 7—8.

Остается, быть может, самый трудный вопрос — интерпретация и.-е. *$k^{u}er$-. Речь, по-видимому, может идти о глагольной основе. Известный и.-е. инвентарь основ обнаруживает в сущности одно *$k^{u}er$- 'делать'. Впрочем, значение 'делать', будучи значением второго порядка, т. е. сложным, всегда производно, ср. случаи 'делать' < 'мазать (напр. глину, из глины)' (нем. *machen*), 'делать' < 'класть, ставить, закладывать основу' (и.-е. *$k^{u}ei̯$-). Обращает на себя попутно внимание и допустимая вариация расширителей в родственных, по всей видимости, *$k^{u}e$-*i̯*-, *$k^{u}e$-*r*-, в обоих случаях, вероятно, с семантическим развитием 'делать' < 'класть, закладывать основание'. Нет ничего удивительного, что корень дерева был обозначен как 'основание'.

В заключение отметим, что балтийский — своими путями — тоже донес четкие рефлексы лабиального задненебного, ср. наряду с упоминавшимися лит. *kẽras*, *kerė̃ti* и т. д., где и.-е. k^{u} > *k*, отличный пример лит. *kùrti* 'основывать, создавать', где представлена вокализация древнего лабиального тембра *kur-* < *$k^{u}r$-; сюда же, кстати, несмотря на длительные споры, и лит. *kùrti* 'разжигать, растапливать' из первоначального устойчивого сочетания *ùgnį kùrti*, первонач. 'раскладывать, делать костер, огонь' (ср. нем. *Feuer* a n m a c h e n), даже если это несколько усложнит этимологизацию слав. **kuriti* (см.).

***korenьcь:** болг. (Геров) *ко́ренець* м. р., ум. 'корешок', сербохорв. *korijènac*, род. п. *-nca*, м. р., ум. от *korijen* (с XVII в.,

RJA V, 330), словен. *korênec*, род. п. *-nca*, м. р., ум. 'корешок' (Plet. I, 438), чеш. *kořenec*, род. п. *-nce*, м. р. 'пряник' (Jungmann II, 130), ст.-польск. *Korzeniec* (*Corzencz*), название леса (1439 г., A. Wolff, E. Rzetelska-Feleszko. Mazowieckie nazwy terenowe do końca XVI w. Warszawa, 1982, 77) др.-русск. *Коренецъ*, личное имя собств. (1631 г. Тупиков 252), сюда же производное *коренчатый*, прилаг. 'сделанный из корня дерева' (Кн. пер. казны Ник., 98. 1658 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 309), русск. диал. *коренéц*, род. п. *-нца*, м. р. 'корень' (арх., Филин 14, 316), 'потроха крупного рогатого скота' (пск., твер., новг., там же), укр. *корінéць*, род. п. *-нця́*, м. р., ум. от *корінь* (Гринченко II, 284), диал. *коренéц* 'комель' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 79), блр. диал. *каранéц* м. р. 'корень' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 212).

Ум. производное с суф. *-ьcь* от **korenь* (см.).

***korenьje:** ст.-слав. корениѥ ср. р., собир. ῥίζαι, radices 'корни' (Zogr., Mar., As., Supr., Mikl., SJS), болг. обл. *кóренье* ср. р., собир. 'корни' (Младенов БТР), сербохорв. *kòrijeńe* ср. р., собир. 'корни' (RJA V, 330—331), также диал. *korẽńe* (Hraste—Šimunović I, 446), словен. *korenjȅ* ср. р., собир. 'корни', 'морковь', также *korênje* (Plet. I, 438), ст.-чеш. *kořenie* ср. р., 'корни' (Novák. Slov. Hus. 49; Vážný. Středověk. list. 31), чеш. *koření* ср. р., собир. 'корни', 'коренья' (Jungmann II, 130), стар. *kořání* (Kott I, 719), слвц. *korenie* ср. р. 'пряности' (SSJ I, 747), в.-луж. *korjenje* мн. (так! — *О. Т.*) 'корни' (Pfuhl 274), польск. стар., диал. *korzenie* ср. р., собир. 'корни' (Sł. polszcz. XVI w., X, 664; Warsz. II, 484; Sł. gw. p. II, 437), словин. *kəři̯eńe* ср. р. 'корни' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 467), *kʷořéńė* (Lorentz Pomor. I, 418), др.-русск., русск.-цслав. *коренье*, *корение* ср. р., собир. 'корни' (Лук. III, 9. Остр. ев., 258 об. 1057 г.), 'корни растений, использовавшиеся в медицине и в магии' (ААЭ II, 58. 1598 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 311; Срезневский I, 1286), русск. *корéнья* pl. t. 'корни некоторых корнеплодов', диал. *корéнье* ср. р., собир. 'корни растений' (арх., киров., новг., волог., урал.), 'порода, племя' (олон.) (Филин 14, 324), укр. *корíння* ср. р., собир. 'коренья', 'пряности' (Гринченко II, 284), ст.-блр. *корение* собир. 'корни', 'род' (Скарына I, 277), блр. *карэ́нні* мн. 'корни', *карэ́нне* ср. р. 'корни', 'коренья' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654), диал. *карэ́нне* собир. (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 429).

Собир. производное с суф. *-ьje* от **korenь* (см.).

***korenьnъjь:** болг. *кóренен*, прилаг. 'коренной', 'корневой' (РБЕ), *коренно*, нареч. 'коренным образом, до основания' (Дювернуа), макед. *коренен*, прилаг. 'коренной' (Кон.), сербохорв. *kȍrjenī*, прилаг. 'корневой' (с XVI в., RJA V, 342), чеш. *kořenný* 'корневой', 'связанный с пряностями, кореньями' (Kott I, 753), слвц. *korenný* 'корневой', (стар.) 'коренной, исконный' (SSJ I, 747), ст.-польск. *korzenny* 'коренной' (Sł. stpol. III, 351; Sł. polszcz. XVI w., X, 663), польск. *korzenny* 'корневой', 'пряный, заправленный пряностями' (Warsz. II, 484—485), словин. *kəřẽi̯nnï*, прилаг. 'корневой' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 467), *kʷořeńnï* (Lorentz Pomor. I, 418), *kœřenny* (Ramułt 76), др.-русск., русск.-цслав. *кореньныи*, *коренной*, прилаг. 'относящийся к корню (растения), полученный из корня' (Травник Любч., 498. XVII в. ~1534 г.), 'исконный, издавна живущий в данной местности' (ДАИ III, 100. 1647 г.), 'основной' (Изб. Св. 1073 г., 55) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 308—309; Срезневский I, 1286), *Коренной*, личное имя собств. (кон. XVII в., Тупиков 252), русск. *коренно́й*, *-ая*, *-ое* 'исконный, изначальный, постоянный', 'затрагивающий корни, основы чего-либо', диал. *коренно́й* 'сделанный из корней деревьев' (свердл.), 'родовой, переходящий из рода в род' (арх.), 'старший по положению, возглавляющий что-либо' (тамб., костр., симб., калуж., каз., арх., ряз.) (Филин 14, 318—320, там же ряд вторичных значений), укр. *корíнний*, *-а*, *-е* 'корневой' (Гринченко II, 284), блр. *карэнны́*, *-ая*, *-ае* 'коренной, исконный' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654), диал. *каранны́*, прилаг. 'отборный, крупный' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 415).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **korenь* (см.).

***korěpati:** сербохорв. стар., редк. *korijepati* 'вытаскивать, выдергивать' (XVIII в., один пример с возвратным *se*, страд., RJA V, 331), ср. *korijèpiti* 'вытаскивать, вырывать с корнем' (с XVI в., там же), русск. диал. *корéпа́ть* 'ломать, делая что-либо плохо, неумело' (юж.-сиб., иркут., том., сиб., волог., Филин 14, 325; Даль[3] II, 438), *коря́пать*, *каря́пать* 'писать неразборчиво; делать небрежно' (свердл.), 'называть кого-нибудь ошибочно, в насмешку' (ср.-урал.) (Филин 13, 114; Сл. Среднего Урала II, 20, 52), *кóрéпа́ться* 'упрямиться, ломаться, капризничать (часто о невыспавшихся детях)' (свердл., перм., сиб., урал.), 'недомогать, быть хилым' (свердл., перм., сиб.) (Филин 14, 325).

Не совсем ясное по своему происхождению и древности, видимо, экспрессивное образование, предположительно — сложение местоименной приставки *ko-* и глагольно-именного корня **rěp-* (см.). Часть примеров — под влиянием **korębati* (см.), напр. в русск., выше.

***korěti:** сербохорв. *кòрети се*, иек. *кòр(ј)ети се* 'покрываться корой, коркой' (РСА X, 257; RJA V, 344), русск. диал. *корéть* 'покрываться коркой (грязи и т. п.)' (смол.), 'твердеть, грубеть' (твер., пск.) (Филин 14, 325; Даль[3] II, 408; Добровольский 349), 'засыхать' (Картотека Словаря брянских говоров), блр. *корéть* букв. 'обращаться в кору', 'скорбнуть' (Носов.), *карэ́ць* 'становиться корявым' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654). — Ср. сюда же производное сербохорв. *кòрел*, *-а*, *-о* 'черствый, засохший (о хлебе)' (РСА X, 245), блр. *корéлый*, прилаг. 'грязный,

коржавелый', 'гадкий, мерзкий' (Носов.), *карэлы*, *-ая*, *-ае* 'заскорузлый, корявый, грязный' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 653), диал. *карэ́лы*, прилаг. 'грязный, засаленный' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 429), *карэ́лъй* (Жывое слова 130).

Глагол на *-ěti*, производный от **kora* (см.).

***korębati:** русск. диал. *каря́бать*, *коря́бать* 'царапать' (ряз., тул., калуж., курск., донск., тамб., сарат. и др.), 'сильно чесать' (олон., куйб.), 'делать надрезы на деревьях' (ряз.), 'ломать, крушить, портить' (енис., иркут., свердл., краснояр.) (Филин 13, 113—114; Опыт 80; Даль[3] II, 408). — Ср. еще русск. диал. *коря́бить* 'царапать', 'чертить', 'некрасиво, плохо писать' (ряз., Филин 15, 40).

Скорее всего, экспрессивное образование относительно позднего возраста, сложение местоименного префикса *ko-* и глагольно-именного корня **ręb-* (см.). В этимологич. словарях пропущено.

***koręga/*koręka:** др.-русск. *Коряка*, личное имя собств. (1505 г. А. К. I, 692. Тупиков 257; Веселовский. Ономастикон 158: 1339 г., Новгород), *Корякинъ* (Волоцк. у., 1491 г. А. К. III, 97. Тупиков 648), русск. *коря́га* ж. р. 'суковатое дерево, сук, затонувшие в воде', 'кривой, суковатый пень; корни на поверхности земли', диал. *каря́га* ж. р. 'кривое, сучковатое бревно в русле реки, в озере и в болоте' (сиб., Опыт 80), *коря́га* ж. р. 'искривленное сучковатое дерево' (Филин 15, 41; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240), *коря́ка*, *каря́ка* ж. р. 'раздвоенная лесина, рассоха, развилина', (яросл.) 'кривое, негодное дерево' (Даль[3] II, 225, 439; Филин 15, 42).

Родственно **korenь* (см.); детали образования неясны — то ли с суф. *-ęga/-ęka* то ли с суф. *-ga/-ka* — от основы на согласный **koren-*. Ср. Фасмер II, 344.

***korgujь:** ст.-слав. крагоуи м. р. accipiter 'ястреб-перепелятник' (Const., SJS), болг. *крагу́й* м. р. 'сокол' (Геров; БТР), диал. *кърьгу́й* (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 28), макед. *крагуј* м. р. 'птица Gyps fulvus' (Кон.), сербохорв. *kràgûj* м. р. 'вид сокола Falco Feldeggi Schleg.', *Kràgûj*, личное имя собств. (с XIV в.) (RJA V, 432), *kràgûļ* м. р. =*kraguj* (RJA V, 433), стар. *kraguj*, *kragulj* (Mažuranić 535), диал. *kragũj* 'ястреб' (Hraste—Šimunović I, 455), производное *kragújac*, род. п. *-jca*, м. р., ум. (с XV в., RJA V, 432), *kragúļac* (с XVII в., RJA V, 433), словен. *krágulj* м. р. 'коршун Astur palumbarius', 'кобчик' (Plet. I, 453), чеш. *krahuj*, *krahujec*, *krahulec* м. р. 'ястреб Accipiter' (Kott I, 778), слвц. *krahulec*, род. п. *-lca*, м. р. 'ястреб Accipiter', (SSJ I, 760), н.-луж. стар. *krogul* м. р. 'крагуй, сокол-кобчик Nisus communis Cuv.' (Muka Sł. I, 698), ст.-польск. *krogulec* 'сокол' (Sł. stpol. III, 387), *Krogulec*, личное имя собств. (1411 г., Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 143—144), польск. *krogulec*, род. п. *-lca*, м. р. 'хищная птица из сем. соколиных

Accipiter nisus' (Warsz. II, 556), словин. *krog*^{u}*úlc* м. р. 'выпь (?)', 'кобчик' (Lorentz Pomor. I, 380).

История этого слова характеризуется довольно живым обменом между отдельными слав. языками, которые — как вторичные культурные заимствования — естественно, опускаются нами в основном перечне соответствий, выше: в.-луж. *kraholc* 'род ястреба' — из чеш. и того же происхождения — польск. *krahulec*, далее — укр. диал. *крогуй*, *крогулець*, заимствованное из польск. (см. обо всех этих словах Л. А. Булаховский. Общеславянские названия птиц. — ИАН ОЛЯ VII, 2, 1948, 99—100), а также русск-цслав. формы с типичной ю.-слав. огласовкой и соответственно оттуда заимствованные.

Культурное заимствование, пришедшее достаточно рано (ср. метатезу плавных) к славянам через посредство тюрк. формы *kargu*, *karguj* (есть и варианты с иной гармонией гласных), скорее всего, из перс. *kargas*, названия хищной птицы, ср. авест. *kahrkāsa-* 'куроед'. Распространение шло вместе с ростом популярности соколиной охоты, порожденной степной культурой (культурами) Ирана и Турана. Исконно-звукоподражательная версия происхождения слав. слова маловероятна.

См. Miklosich 130 (непосредственно из тюрк.); Berneker I, 570 (из тюрк., ср. чагат. — ст.-узб. *karaγu* 'кобчик, охотничья птица'); Преобр. I, 375 (из тюрк.); J. Rozwadowski RO I, 1914—1915, 107 (упомянутая выше ир. этимология); Фасмер II, 363 (придерживается тюрк. этимологии, приводя множество тюрк. форм, из вокализма которых, однако, затруднительно объяснить слав. форму; ир. происхождение подвергает сомнению); О. Н. Трубачев. — Этимология. 1965 (М., 1967), 24; Sławski III, 118 (без достаточных оснований вслед за Вайяном объясняет преобразование исхода ряда слав. форм влиянием слав. названий птиц на *-ьlъ*; но фонетическое, а не словообразовательное происхождение этого *l'* < *j* достаточно очевидно, ср. хотя бы дублеты сербохорв. *kraguj*, *kragulj*, выше, тогда как *-ьlъ* дало бы твердый исход и в целом — все фонетическое окружение нехарактерно для суф. *-ьlъ*, обычного после предшествующего корня на согласный); Л. А. Булаховский. Указ. соч., 98—99; Brückner 268 («od skrzegotu»); А. А. Зализняк ВСЯ 6, 39; Machek[2] 288.

***korica:** цслав. корица ж. р. мн. κιννάμωμον, cinnamomum 'корица' (Mikl., SJS), болг. *кори́ца* ж. р., ум. от *кора́*, 'корка' (Геров; БТР), макед. *корица* ж. р. 'обложка, переплет', сербохорв. *kȍrica* ж. р. 'кора (дерева)', 'корка (хлеба)' (RJA V, 326; РСА X, 269—270), диал. *корица* 'средняя часть бараньей туши в сушеном мясе' (Ровинский 657), словен. *kórica* ж. р., ум. 'кора', 'корка (хлеба)', 'корица' (из русск.) (Plet. I, 439), чеш. *kořice* 'корица' (Kott I, 753), слвц. *korica* 'корзинка для хлеба' (Kálal 259), словин. *k*^{u}*óřəca* ж. р. =*k*^{u}*orc* (Lorentz Pomor. I, 418), др.-русск., русск.-цслав. *корица* ж. р. 'коричное дерево' (Исх.

XXX. 23 по сп. XIV в.; Афан. Никит., 21. XV—XVI ~1472 г.), 'крюковой знак' (Стихирарь. Рум., 654. XVII в.) (Срезневский I, 1287; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 314), русск. *кори́ца* ж. р. 'высушенная душистая кора некоторых тропических растений из сем. лавровых, употребляемая как пряность и в медицине', диал. *кори́ца* ж. р. 'кора' (перм., Филин 14, 333), *кори́ца* ж. р. 'из названий болезней' (нижегор., там же), *кори́ка* ж. р. 'корица' (влад., яросл., моск., орл., ряз., сарат., Филин 14, 332; Деулинский словарь 240), укр. диал. стар. *кори́ця* ж. р. 'высушенная кора дерева' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 79), ст.-блр. *корица* (. . .тростка и *корица* . . . Скарына 1, 278), блр. *кары́ца* ж. р., ум. 'корочка', 'корица' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), диал. *кары́ца* ж. р., ум. 'кора; тонкая кора с молодых деревьев' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428).

Ум. производное с суф. *-ica* от **kora* (см.).

***korina:** болг. *кори́нка* ж. р. 'корка' (Геров), макед. диал. *коринка* 'корка хлеба' (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — MJ XXI, 1970, 130), сербохорв. *ко̏рина* ж. р. 'наружный покров волос, шерсти, по которому распознается их цвет, масть' (РСА X, 261), словен. *korína* ж. р. 'цветок', 'растение Origanum vulgare' (Plet. I, 439), русск. диал. *кори́на* ж. р. 'кора дерева' (твер., арх., тобол., иркут., новг., Филин 14, 332; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 237), *кори́нка* ж. р. 'кора' (том., краснояр.), 'кожура овощей, фруктов' (волог.) (Филин 14, 332), 'корица' (яросл., ленингр., там же), укр. *кори́на* ж. р. 'древесная кора' (Гринченко II, 283), блр. *карына́* ж. р. 'кусок, обломок коры дерева' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 651), диал. *кары́на́* ж. р. 'кора' (Слоўн.-паўночн.-заход. Беларусі 2, 427).

Производное с суф. *-ina* от **kora* (см.).

***koristati/*koristiti:** макед. *користи* 'пользоваться, использовать' (И-С), сербохорв. *ко̏ристити*, *кори́стити* 'приносить пользу, благоприятствовать, способствовать', *користити се* 'пользоваться' (РСА X, 264; RJA V, 337: с XVII, XVIII вв.), диал. *korlstit* (Hraste—Šimunović I, 446), словен. *koristiti* 'приносить пользу', *koristiti se* 'извлекать пользу, пользоваться' (Plet. I, 439), ст.-польск. *korzystać* 'высоко ценить', 'иметь выгоду, извлекать пользу' (Sł. polszcz. XVI w., X, 672), польск. *korzystać*, стар. *korzyścić* 'использовать', 'пользоваться', 'похищать, присваивать' (Warsz. II, 486), русск. *коры́ститься* 'гнаться, жадно кидаться для добычи', 'завидовать, завистливо смотреть' (Даль[3] II, 437), диал. *коры́ститься* 'стараться изо всех сил приобрести' (пск., твер.), 'завидовать' (пск., твер.) (Филин 15, 34), укр. *користа́ти(ся)* 'пользоваться' (Словн. укр. мови IV, 290; Укр.-рос. словник), блр. *коры́стаць* 'пользу получать, пользоваться' (Носов.), *коры́стацьца* то же (там же), *карыста́цца* (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), диал. *карыста́ць* 'пользоваться' (Слоўн.-паўночн.-заход. Беларусі 2, 427). — Ср. сюда же производное цслав. *користивъ*, прилаг. spoliorum (Mikl.).

Глагол, соотносительный с **koristь* (см.).

***koristь:** ст.-слав. користь ж. р. τὰ σκῦλα, spolia 'добыча, трофей', 'корысть' (Zogr., Mar., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *ко́рист* ж. р. 'выгода, польза' (БТР), макед. *корист* ж. р. 'польза' (И-С), сербохорв. *ко̏ри̑ст*, *ко̏рист* ж. р. 'польза', 'выгода, привилегия' (РСА X, 262—263; RJA V, 332—335), диал. *korlst* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 446), *korīs(t)*, нареч. 'напрасно' (M. Tentor JФ V, 1925—1926, 212), словен. *korist* ж. р. 'польза, выгода', 'благо' (Plet. I, 439), чеш. *kořist* ж. р. 'добыча', 'улов', 'трофей', 'выгода', слвц. *korisť* ж. р. '(награбленная) добыча', 'военные трофеи', 'улов' (SSJ I, 748), диал. (вост.-слвц.) *korisc* (Kálal 259), ст.-польск. *korzyść* ж. р. 'добыча (военная, краденая)', 'имущество, добро', 'польза, выгода' (Sł. stpol. III, 354; Sł. polszcz. XVI w., X, 672—673), польск. *korzyść* ж. р. 'прибыль, выгода, польза', (стар.) 'добыча, военные трофеи' (Warsz. II, 486), диал. *korzyść* 'рукоятка' (Sł. gw. pol. II, 438), словин. стар. *kořëst* ж. р. 'перекладина у мотовила', 'прибыль, выгода' (Sychta II, 210), др.-русск., русск.-цслав. *користь*, *корысть* ж. р. 'польза' (Изб. Св. 1076 г., 156), 'выгода' (Польск. д. II, 93. 1537 г.), 'приобретение, добыча' (1152 г. Ник. лет. IX, 196) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 353; Срезневский I, 1286—1287), русск. *коры́сть* ж. р. 'страсть к приобретению, к поживе', 'выгода, польза', 'нажива, пожива', (пск., твер.) 'зависть' (Даль[3] II, 437; Филин 15, 36), укр. *кори́сть* ж. р. 'польза, выгода, прибыль', 'добыча' (Гринченко II, 283—284), диал. *ко́ри́сть* ж. р. 'еда' (Лисенко. Словник поліських говорів 103), ст.-блр. *корысть*, *користь* 'добыча' (Скарына 1, 279), блр. *кары́сць* ж. р. 'польза', 'выгода, корысть', также диал. *кары́сць*, *кары́сь* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 427).

Лексическое гнездо **koristь* целиком отсутствует в серболуж. языках, что правдоподобно объясняется реликтовым характером серболуж. языков, выражающимся, в частности, в убывании исконнослав. элементов словаря, в данном случае — слова, представленного во всех остальных слав. языках. См. F. Kopečný. Základní všeslovanská slovní zásoba (Praha, 1981) 10, 51, 156.

Относительно этимологии слова в литературе царит неясность, хотя положительных результатов исследования достаточно для достижения относительной ясности. Судя по противоречивым толкованиям, у большинства исследователей отсутствует четкое представление о направлении деривации: **koristь* ⇄ **koristati* (см.), вернее сказать — преобладает концепция производности глагола от имени (**koristь* → **koristati*), тогда как наиболее вероятной сейчас представляется как раз обратная деривация: **koristiti*, **koristati* → **koristь*, ср. ниже Махек, от которого мы в остальном отклоняемся в существенных деталях этимологии и реконструкции.

С самого начала следует выделить то обстоятельство, что имя *koristь обладает явно отглагольной семантикой. Это значения 'добыча', 'улов', 'нажива', 'зависть' (не говоря о близких или производных значениях). Лексемы с такими значениями обычно образуются путем отглагольной деривации. Однако было бы, пожалуй, упрощением считать первичным значение 'военная добыча' в силу, скажем, того обстоятельства, что таково употребление слова *koristь в древнейших письменных — ст.-слав. и цслав. текстах. Не менее архаичной представляется производственная семантика выразительно диалектных (в основном — польск. и словин., см. отчасти выше) примеров, обозначающих разного рода рукоятки (мотовила, лопаты), ср. и производное русск. диал. (олон.) *корыстка* 'деревянная ложка или лопаточка для помешивания пива при варке' (цит. по статье Ж. Ж. Варбот, см. ниже). Эти народнодиалектные производственные значения существенно корректируют семантическую реконструкцию нашего слова, поскольку сопротивляются постулированию древнего значения 'добыча' и как бы подсказывают более широкое 'захват', которое вполне могло затем специализироваться и в военное (→ 'добыча, трофей') и в производственное (→ 'рукоятка') употребление.

Учитывая описанную отглагольную семантику имени *koristь, целесообразно объяснять его как именное производное от глагола *koristiti, *koristati (предпочтительнее от первой из этих двух форм, глагола на *-iti*, ср. *-i*-основу имени *koristь). Сам глагол *koristiti/ *koristati представляет собой сложение местоименного (экспрессивного) префикса *ko-* и глагола *ristati (см.) 'гнаться'. Семантика 'гнать(ся)' уже включала в себя практически значение 'захватывать', ср. нем. *jagen* 'гнать, гнаться' и 'охотиться за', а также *auftreiben* 'добывать', сложение глагола *treiben* 'гнать, прогонять' с приставкой. Префиксальный глагол *koristiti/ *koristati уже всецело выражал семантику захвата, обладания, использования. См. специально: Ж. Ж. Варбот. — Этимология. 1970 (М., 1972), 65—70: автор высказывает мысль об образовании *koristь с приставкой *ko-* от бессуффиксного имени *ristь, производного от *ristati, однако допускает появление приставки *ko-* еще при глаголе по аналогии русск. *колупать* и других подобных случаев. Существование имени *ristь (см.), обозначавшего определенный аллюр, бег (рысь), несомненно, очевиден и параллелизм *ristь и *koristь (интересные примеры приводятся у Варбот, там же), который мог, однако, сложиться вторично.

Прочие этимологии встречают серьезные возражения. Из них наиболее интересна этимология Махека, который, как уже упоминалось, также выдвинул девербальную концепцию: он считал исходным глагол *korystati (форма на *y* противоречит известным слав. соответствиям, см. выше), сложение усилительной при-

ставки *ko-* и глагола *rystati (реконструкция опять противоречит более первоначальному *ristati), который якобы, по Махеку, возник как интенсив *ryp-stati от корня, родственного нем. *rauben* 'грабить' и *lupiti (см.). См. Machek[2] 279. Но как последовательно глагольная версия точка зрения Махека свидетельствует, что он искал в верном направлении.

Этимологии остальных авторов отражают либо неясность представлений, либо явно ошибочные мнения на базе версии именного происхождения *koristь. См. Miklosich 130, где *koristь связывается с *koriti (см.). «Ничего неизвестно об образовании користь τὰ σκῦλα», — пишет Мейе, см. A. Meillet. Ètudes II, 286. Ср. Berneker I, 571: «Dunkel»; Преобр. I, 364: «Неясно». В сущности ничего не может к ним добавить и Фасмер (II, 343).

Брюкнер, взяв за исходную все ту же идею 'добыча', возводит ее к значению 'ободрать' (таково, по его мнению, первоначальное значение глагола *korzyścić*) и на этом основании связывает *koristь с *kora (см.), см. Brückner 258. Но мы видели выше, что значение 'добыча' — всего лишь специализация более общего значения 'захват'. Сближение с *kora абсолютно неприемлемо, поэтому ошибочна новая попытка Славского, повторяющего этимологию Брюкнера, см. Sławski II, 514. Славский неудачно отстаивает мысль Брюкнера о первоначальности формы праслав. *korystь, весьма ослабленной известными и ему фактами; далее, совершенно неудачно его объяснение *korystь от глагола *(s)korati, якобы лежащего в основе польск. *wskórać* 'добиться, достигнуть' и одновременно родственного слову *kora. Этот глагол, разумеется, не имеет ничего общего с названием коры, но объясним единственно как *vъ-skorati от прилаг. *skorъ(jь) 'скорый' (см.), как верно указано в упомянутой статье Варбот.

Ничего не дает крайне умозрительное толкование Чопа, который также исходит из первоначальности значения 'добыча' и даже — 'война', ср. лит. *kãras*, причем автора не смущает отсутствие соответствий последнему в слав.; в целом *koristь он реконструирует как сложение *kori-dh-ti- со ступенью редукции от и.-е. *dhē- 'класть', якобы продолжение и.-е. оборота *korī dhē- 'положить для войска'='отдать на разграбление'. См. B. Čop SR XIII, 1961—1962, 181—185. Поучительно лишь как пример отрицательного давления семантического схематизма.

***koristьnъ(jь):** цслав. користьнъ, прилаг. utilis (Mikl.), макед. *корисен* 'полезный' (И-С), сербохорв. *кòрӣстан, кòристан, -сна, -сно* 'полезный, выгодный' (PCA X, 263; RJA V, 335—337), диал. *korȉstan, -sna, -sno* (Hraste—Šimunović I, 446), словен. *korísten, -stna*, прилаг. 'полезный, благоприятный' (Plet. I, 439), чеш. *kořistný* 'корыстный, падкий на добычу' (Kott I, 753), слвц. *koristný*, прилаг. к *korisť* (SSJ I, 748), ст.-польск. *korzystny, korzysny* 'алчный, корыстолюбивый' (Sł. stpol. III, 353—354) 'полезный, ценный' (Sł. polszcz. XVI w., X, 672), польск. *korzystny*

'полезный', 'выгодный', 'благоприятный' (Warsz. II, 486), словин. *kʷořəstnï*, прилаг. 'выгодный' (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *корыстный*, *карысный*, прилаг. 'торговый, относящийся к торговле, к торговой прибыли' (1536 г. Новг. IV лет., 573), 'полезный' (Назиратель, 371. XVI в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 352; Срезневский I, 1292), русск. *корыстный*, *-ая*, *-ое* 'основанный на корысти, корыстолюбивый', диал. *корыстный* 'хороший' (перм., Опыт 90), 'полезный' (волог., свердл., краснояр.), 'уважаемый' (курган., иркут.), 'завистливый' (пск., твер., терск.) (Филин 15, 34), 'большой, обильный', 'хороший' (Сл. Среднего Урала II, 51; Иркутский областной словарь I, 222), *корысный* 'маленький, небольшой', 'худой, тщедушный, захудалый' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240), *корисный* 'хороший' (Словарь Красноярского края 92; Филин 14, 332), укр. *користний*, *-á*, *-é* 'полезный, выгодный' (Гринченко II, 283: Харьк. губ.), блр. *карысны* 'полезный'.

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **koristь* (см.).

***koriti I:** ст.-слав. корити βλασφημεῖν, ὑβρίζειν, probris onerare 'хулить, оскорблять', 'осуждать, стыдить' (Supr., Mikl., Sad., SJS), болг. *коря́* 'корить, бранить' (БТР), макед. *кори* 'корить, укорять, бранить' (И-С), сербохорв. *кòрити* 'корить, укорить', словен. *koríti* 'корить, укорять', 'наказывать', 'мучить', *koríti se* 'ссориться' (Plet. I, 439), *koríti* 'беспокоить, заботить' (Štrekelj Slov. 20), чеш. *kořiti* 'принижать, покорять', *kořiti se* 'покоряться', 'склоняться (перед кем-либо или чем-либо)', слвц. *korit' sa* 'покоряться, подчиняться, склоняться, склонять голову' (SSJ I, 748), диал. *korit'sa* 'насмехаться' (Prochot., Tekov. Диалект., Братислава), в.-луж. *korić* (обычно *pokorić*) 'унижать, покорять' (Pfuhl 274), ст.-польск. *korzyć* 'мучить' (Sł. polszcz. XVI w., X, 671), *korzyć się* 'смиряться' (Sł. stpol. III, 353; Sł. polszcz. XVI w., X, 671), польск. *korzyć* 'корить, унижать' (Warsz. II, 485), словин. *kùořëc są* 'унижаться, смиряться' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *kœřëc są* (Ramułt 76), др.-русск., русск.-цслав. *корити* 'ругать, хулить, осуждать' (1159 г. Моск. лет., 64; Ж. Нифонта, 278. 1219 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 314; Срезневский I, 1287), *коритися* 'каяться' (Пат. Син. XI в. 37), 'ругаться, браниться' (Якут. а., карт. 4, № 12, сст. 6. 1642 г.) 'насмехаться, издеваться' (984 г. Радзив. лет., 47 об.) (там же), русск. *кори́ть* 'укорять, упрекать, попрекать', диал. *кори́ть* 'упрекать' (яросл., новг., костр., тул.), 'разносить дурную молву, порочащие слухи о ком-либо' (ряз., ворон., тул.), 'угрожать' (пск., твер.), 'в свадебных песнях — петь песни, содержащие укор или насмешку' (астрах., пенз., влад., моск.), 'возводить на кого-либо ложное обвинение' (волог.), 'усмирять, укрощать' (олон., онеж.) (Филин 14, 333; Словарь говоров Подмосковья 218), 'ругать, бранить' (Картотека Словаря рязанской Мещеры), 'ругать, унижать' (Картотека Рязанского областного словаря),

кори́ться 'жаловаться' (калин., арх.), 'мучиться' (север., свердл.) (Филин 14, 333), 'покоряться, подчиняться' (Деулинский словарь 240; Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 248; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 237), ст.-укр. *коритися* 'покоряться' (XVII в., Картотека словаря Тимченко), укр. *кори́ти* 'покорять', 'упрекать, укорять' (Гринченко II, 284), *кори́тися* 'подчиняться, покоряться', 'повиноваться' (там же), диал. *корити* 'надоедать, докучать' (Онышкевич 368), ст.-блр. *коритися* 'каяться' (Скарына 1, 278), блр. *корыць* 'укорять, приучивать к повиновению, к покорности' (Носов.), *кары́ць* 'упрекать, укорять' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), *кори́цьца* 'покоряться, быть покорным', 'виниться, признаваться в вине', 'кланяться, прося прощения, или во время свадьбы' (Носов.), *кары́цца* 'покоряться, смиряться' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652).

Этимологически трудное слово. Обращает на себя внимание такая семантическая особенность как принадлежность к сфере морального и отрицательная экспрессивность ('осуждать, хулить, оскорблять, унижать'). Четко прослеживается и такая черта как обозначение преимущественно у с т н ы х действий (ссора-перебранка, ругань, насмешка, дурная молва, порочащие слухи, угроза, обвинение). Слово представлено достаточно богато и активно употребляется, но полное представление о широте употребления этого корня в слав. языках и диалектах можно получить лишь с учетом разнообразных его префиксальных сложений, ср. **ukorъ*, **ukoriti*, **pokoriti*, **perkorъ* (см. s. vv.). Наблюдается и экспрессивная суффиксация, ср. ниже **korizna* (см. об этом также Махек, ниже). Однако, при всей активности употребления, корневой вокализм явно статичен, и констатацию каузативных примет (*-o-* в корне и глагольный исход *-iti*, см. Machek[2] 279) можно принимать только с оговорками, потому что нет никаких следов отношений типа **merti* — (каузатив) **moriti*, иными словами — ступень *-e-* для **koriti* не восстанавливается. Может быть, поэтому следует остановиться на тех сближениях (ниже), которые предполагают и.-е. **kar-* с экспрессивным (неапофоническим) *-a-* вокализмом корня. Вместе с тем, учитывая вышесказанное, нужно довольно решительно отвести альтернативные сближения части авторов с и.-е. **koro-*, **korio-* 'войско, война' или с и.-е. *(*s*)*ker-* 'резать' (последнее см. Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9, 625).

Представляют поэтому интерес те сближения, которые последовательно отражают и.-е. **kar-*: греч. κάρνη, ζημία (Гесихий), лат. *carināre* 'насмехаться, издеваться', ирл. *caire*, кимр. *caredd*, корн. *cara* 'хула, порицание' (но уже лтш. *karinât* 'дразнить, раздражать', др.-в.-нем. *harawēn* 'высмеивать', также обычно приводимые в сравнение, двусмысленны фонетически). См. Berneker I, 578—579; Kuryłowicz. Études indo-européennes I, 9; Walde—Hofm. I, 168—169; Фасмер II, 320—321; Pokorny I,

530: *kar-* 1. 'schmähen, strafen'. Правда, не следует упускать из виду мнение специалиста о том, что глоссовое κάρνη у Гесихия — в общем темное слово, см. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 499. Это неудивительно тем более, что речь идет об экспрессивной лексике.

Поскольку слав. **koriti*, как и другие и.-е. соответствия, объединенные в словаре Покорного вокруг праформы **kar-* 1. 'порицать, наказывать', обозначают, как уже сказано выше, преимущественно (или первоначально) устные действия, было бы нелогично, следуя за Покорным (там же), отделять эти слова от тех, которые он помещает под **kar-* 2. 'громко хвалить': др.-инд. *carkarti* 'отзываться с похвалой', *karkarí-* 'вид музыкального инструмента', *kārú-* 'певец, поэт', греч. καρκαίρω 'прогреметь', κήρῦξ 'глашатай'. Можно не согласиться с семантической реконструкцией Покорного — **kar-* 2. 'laut preisen, rühmen'. Она, конечно, представляет собой слишком поверхностную транспозицию отдельных упомянутых выше значений (прежде всего др.-инд.). Исходным здесь было обозначение громкого голоса, причем в том числе и порицающего. Во всяком случае внимательное рассмотрение производного глагола греч. κηρύσσω, особенно же с префиксом ἀπο-κηρύσσω 'публично отрекаться', 'изгонять', вызывает в памяти конкретный слав. глагол **po-koriti*, **pokoriti se* 'признать унижение, отречься от прав', что перспективно, кажется, и семантически, и этимологически (учитывая родство префиксов *po-* и ἀπο- и корней этих глаголов).

До сих пор некоторые исследователи придерживаются также старого сближения **koriti* с лит. *kāras* 'война', Славский даже называет его «dokładnym odpowiednikiem» слав. **korъ* (Sławski II, 511). Конечно, если понимать войну как спор, брань, как это и делают соответствующие авторы, то мотивы для такого сближения имеются. Названия войны, как правило, оказываются старыми названиями боя, борьбы, немирного состояния; часто тесно связаны названия войны (похода) и войска, даже народа, ср. др.-русск. *рать* и сербохорв. *рат*, а также слав. **pъlkъ* (см.) в значениях 'поход', 'войско' и 'народ' из герм. **fulka-* 'народ' как 'войско'. Обозначение организованной группы людей, особенно воинов, повинующихся приказу, как 'призыва' тоже естественно, достаточно вспомнить лат. *classis* 'военный флот', 'эскадра', 'ополчение', буквально — 'призыв, сигнал, звук трубы' и нем. *Aufgebot* 'ополчение' как 'призыв'. Это, возможно, дало бы дополнительные серьезные аргументы к сближению нашего **koriti*, и.-е. **kar-* и лит. *kāras* 'война', *karias* 'войско', лтш. *karš* 'война, войско', др.-перс. *kāra-* 'войско; народ', гот. *harjis*, др.-в.-нем. *heri* 'войско'. Однако реальной праформой этих последних названий войны и войска является и.-е. **koro-*, **korio-* с корневым гласным *-o-*, ср. показательное в этом отношении родственное греч. κοίρανος 'полководец, царь' от *κορι̯ο-(см.

Pokorny I, 615—616), что сообщает данному имени регулярный облик в отличие от нашего экспрессивного **kar-*. Поэтому приходится учитывать возражения, отвергающие родство **koriti* с лит. *kāras*, см. Fraenkel I, 220.

***koriti II:** сербохорв. *кòрити се*, *кòрити се* 'покрываться корой, твердеть' (РСА X, 267), русск. диал. *кори́ть* 'снимать кору с дерева' (олон., петерб., арх., волог., пск., калин., сиб. Филин 14, 332—333; Куликовский 41; Опыт словаря говоров Калининской обл. 103; Словарь русск. гов. Новосиб. обл. 237), укр. диал. *кори́ти* 'сдирать кору с дерева' (Онышкевич 368), блр. *кары́ць* 'отчищать от коры' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 652), диал. *кары́ць* то же (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428; Матэрыялы для слоўніка 30), *кары́цца* 'очищаться от коры' (Юрчанка. Народнае слова 271).

Глагол на *-iti*, производный от **kora* (см.).

***korizna:** др.-русск., русск.-цслав. *коризна* ж. р. 'укор, укоризна' (1114 г. Ипат. лет., 279. СлРЯ XI—XVII в. 7, 313; Срезневский I, 1286), ст.-укр. *коризна* 'покорность, подчинение' (XVII в., Картотека словаря Тимченко), блр. *Кары́зна*, фам. (Бірыла 189).

Производное с суф. *-izna* от глагола **koriti* I (см.).

***korkatъ:** сербохорв. *крàкат*, *-а*, *-о* 'длинноногий', 'многоногий, разветвленный' (РСА X, 411—412; RJA V, 448), укр. *карака́тий*, *-а*, *-е* 'невзрачный на вид, кривоногий (о человеке)' (Словн. укр. мови IV, 100), диал. *карака́ти*, *-а*, *-е* 'кривоногий (о человеке)' (Лисенко. Словник поліських говорів 91), *карака́ти* мн. 'короткие сапоги' (Желех., см. Гринченко II, 220). — Ср. сюда же суффиксальное производное (субстантивация) *карака́тица* ж. р. 'морской слизень, слизняк Sepia' (Даль[3] II, 222).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от **korkъ* (см.).

***korkotočь:** полаб. *kort'ětüc* м. р. 'крот' (Polański—Sehnert 81, с реконструкцией **korkotočь*).

Сложение **korkъ* (см.) и корня глагола **točiti* (см.), т. е. 'роющий ногами'. См. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich 2, 275.

***korkъ/*korka:** цслав. крачь м. р. crus (Mikl.), болг. *крак* м. р. 'нога' (БТР; Геров также: 'паголенок, голенище'), также диал. *крак* м. р. (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70 (там же — специальные значения), 'нога, спица колеса' (С. Стойков. Днешно състояние на еркечкия говор 360; Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), макед. *крак* м. р. 'ответвление, отросток, ветка', (диал.) 'нога' (И-С), сербохорв. *крâк* м. р. 'продолговатая часть предмета', 'ответвление', 'нога (длинная)' (РСА X, 410—411; RJA V, 447—448; также в переносных значениях, см. FG. 12), словен. *krâk* м. р. 'длинная нога', 'окончания оленьих рогов', 'выступающая кость' (Plet. I, 455), *kráka* ж. р. 'нога свиньи, окорок' (там же), ст.-польск. *krok* м. р. 'шаг' (Słown. polszcz. XVI w., X, 198), польск. *krok* м. р. 'шаг' (Warsz. II, 556),

также диал. krok (Sł. gw. pol. II, 480), словин. krok м. р. 'шаг' (Sychta II, 255; Lorentz Pomor. I, 381; Ramułt 80), русск. диал. кóрок м. р. 'окорок' (том.), 'бедро' (смол.) (Филин 14, 359).

Некоторые формы двусмысленны, так, напр., польск., словин. krok (выше) допускают реконструкцию праслав. *krokъ (см.). Если добавить сюда близкородственное праслав. *korakъ (см.), то картина отношений в этом гнезде слов окажется довольно сложной, хотя было бы неверно видеть здесь «полное смешение», как это делает Брюкнер (Brückner 268). Перед нами бесспорная инновация или ряд инноваций. В формальном плане здесь имеется как регулярная формула tort — *korkъ, так и ее преобразование праслав. времени — *korakъ. Реальность также праслав. формы *krokъ проливает дополнительный свет на формантную сторону, показывая наличие суффиксального -k- (в сочетании с гласными и без них: -k-, -okъ, -akъ), вероятное и по соображениям другого рода, ср. нижеследующую этимологию.

При этимологизации слав. *korkъ надо иметь в виду его очевидную экспрессивную природу. Хотя происхождение образования *korkъ имеет относительную древность, его употребление в функции названия ноги — факт сравнительно поздний, с чертами вторичности и локальности. Сохранив на части слав. территории разные специальные значения ('нога свиньи, окорок', 'бедро'), это слово полностью вытеснило слово *noga (см.) в значении 'нога (вообще)' главным образом в болг. лексике. См. S. Stojkow. Dwie leksykalne izoglosy w języku bułgarskim: крак/нога, риза/кошуля. — Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Spławiński 270—271. Новообразования в лексике обозначений ноги появляются довольно интенсивно по причине своей экспрессивности (а отсюда иногда и недолговечности). Можно напомнить, что праслав. *noga (см.) тоже было в свое время экспрессивной заменой более древнего названия ноги (см. *podъ). При этом, если *noga первоначально значило что-то вроде 'копыто', то инновация *korkъ была почерпнута из иной экспрессивной сферы. Следы давнего происхождения слова *korkъ еще просматриваются в тех случаях, напр., когда *korkъ в некоторых слав. языках (сербохорв., словен.) до сих пор обозначает не всякую ногу, а только длинную. Но природа этого так и оставалась долгое время нераскрытой, пока ограничивались старым верным сближением *korkъ с лит. kárka '(передняя) нога свиньи', см. Miklosich 131; Berneker I, 571—572; Фасмер III, 130; Младенов ЕПР 255; Skok. Etim. rječn. II, 177; Fraenkel I, 222; Sławski III, 121. Лит. слово не проясняет особенно значение слав. *korkъ (хотя Траутман, ниже, вывел, видимо, из него реконструированное им значение балто-слав. *kārkā- 'Schweinefuß'), зато к числу имеющихся проблем добавляет новые, в данном случае — акцентологические. Дело в том, что акутовая интонация лит. kárka (из *korəkā?) не находит подтверждения (соответствия) в слав. *koȓkъ

с его циркумфлексной интонацией, ср. ударение русск. óкорок, болг. (членная форма) кракът, см. Trautmann BSW 118. Впрочем, древняя подвижность слав. ударения естественна в этом разветвленном словарном гнезде и может служить полезным дополнительным сигналом производности слова, ср. выше о суффиксальном характере -k-. В свете этого оправданы поиски отглагольного происхождения имени *korkъ и предложенная в свое время дальнейшая этимология слав. *korkъ, лит. kárka, ср., далее, сюда же лтш. kar̂cinêt 'сидя болтать ногами' (Mühlenbach—Endzelin II, s. v.; I. Papildinājumi, 588) и в более общем значении — лтш. kar̂cinât 'трясти, судорожно дергать' < *kark-. Семантика и форма этих экспрессивных лтш. глаголов указывает на родство, с одной стороны — с лит. kárka 'нога', а с другой стороны — с глаголом лит. kárti 'висеть', уже без суф. -k-. См. O. N. Trubačev ZfS IV, 1, 1959, 83—84. См. так же БЕР 2, 712. К этой первоначально экспрессивной глагольной семантике восходит также значение 'шаг' в ряде слав. языков. За счет этой экспрессивности стоит отнести и спорадическое префигирование своеобразными «подвижными» элементами s-, š-, ср. словен. диал. skrâk 'задняя нога', skraki 'длинные ноги', škrok 'шаг'. См. о них A. Debeljak SR V—VII, 1954, 176; Р. М. Козлова. Образования с корнем *(s)kork-, *(s)korč- в славянских языках. — Этимология. 1982 (М., 1984). Правда, едва ли нужно так глубоко датировать этот начальный элемент, предполагая его еще в производящем глаголе — и.-е. *(s)ker- 'сгибать, крутить', как это делает упомянутая исследовательница. Как видим, она тоже ищет производящую глагольную основу, хотя конкретный результат ее поисков и отличается от нашего. Еще одну глагольную основу — герм. *skrekk- — привлекает для сравнения Копечный (F. Kopečný. — Slovo a slovesnost 20, 1959, 2, 129). Вслед за Петерссоном сближает слав. *korkъ, *korakъ, *krokъ с др.-инд. *kráma- 'шаг', krấmati 'шагать' Махек (Machek[2] 294; H. Petersson LUÅrs NF I/XI, № 5, 1915, 171), сопровождая сближение оригинальными комментариями. Он полагает, что слав. *krokъ имеет соответствие только в арийских, причем первоначальная слав. форма, близкая др.-инд. kráma-, изменилась, возможно, под влиянием слова *skokъ (см.) или (другой вариант) др.-инд. *kraka- под воздействием рифмы с gámati 'идти' изменилось в kráma-. Очень затруднительно согласовать эти внешние сравнения с тесным взаимодействием внутрислав. формы *korkъ, *korakъ, *krokъ, о котором см. выше. К тому же, др.-инд. kráma-, krấmati сами недостаточно ясны этимологически, см. Mayrhofer I, 278.

См. еще V. Jagić AfslPh I, 1876, 390 (устаревшее толкование сербохорв. korak из редуплицированного *kokrak < *kokorkъ); Р. Брандт РФВ XXII, 1889, 140 (уже выделяет суфф. -kъ, -akъ, -okъ в известных нам трех слав. названиях шага и ноги); K. Oštir

«Etnolog» I, 1926/1927, 2 (слав. *korakъ, *krokъ сближает с алб. *krahë* 'плечо', но это старое сравнение, встречаемое и у других авторов, лучше оставить ввиду особого образования отличного алб. слова, где *h* < *sk*); В. Георгиев. — Slavia XLVII, 4, 1978, 350—351 (пытается объединить *korkъ и *krokъ в одной первоначальной парадигме склонения, а сербохорв. и словен. *korak* вообще считает не праслав. формой, а результатом вторичной контаминации *скок*+*крак*).

***korl'evъ:** цслав. кралєвъ, прилаг. regis (Mikl.), сербохорв. *krȃļev*, прилаг. 'принадлежащий королю, королевский' (RJA V, 452—453), диал. *krōjȇv* то же (Hraste—Šimunović I, 464), *Кра̏љев*, фам. (РСА X, 414), сюда же производное *krȃļević* м. р. 'сын короля, королевич' (с XIV в., RJA V, 455—456), словен. *králjev*, прилаг. 'принадлежащий королю' (Plet. I, 455), ст.-чеш. *králový*, *králevý* 'королевский' (Novák. Slov. Hus. 50), субстантивированное *křalová, králevá* ж. р. 'королева' (Cejnar. Čes. legendy 270; Vážný. Středověk. list. 31), чеш. *králův*, *-ova*, *-ovo* 'королевский', также *králový* (Kott I, 783), производное *královic* м. р. 'сын короля, королевич' (Kott I, 782), слвц. диал. *královi*, прилаг. 'королевский' (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236), ст.-польск. *królow(y)*, *królew(y)* 'королевский' (Sł. stpol. III, 404), польск. *królowy*, стар. *królów*, *królew*, диал. *królów*, *krolów* 'королевский', субстантив. *królowa* ж. р. 'королева' (Warsz. II, 570), словин. *krölovï*, прилаг. к *król* (Lorentz. Pomor. I, 383), *kröulòu̯* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 493), др.-русск. *королевъ*, прилаг. к *король* (1150 г. Ипат. лет., 407 (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 336—337; Срезневский I, 1289), *королева, королевая* 'королева' (там же), производное *королевичь* м. р. 'королевич, сын короля' (1219 г. Новг. I лет., 210. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 337; Срезневский I, 1289), русск. *Королёв*, фам., ст.-укр. *королевъ, королювъ*, прилаг. 'королевский' (1349 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499), укр. *королі́в*, *-ле́ва*, *-ве* 'королевский' (Гринченко II, 286), блр. *каралёў*, *-лёва* 'принадлежащий королю' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 637).

Притяжательное прилаг., производное с суф. *-ovъ* от *korlь' (см.).

***korl'evьskъ(jь):** цслав. кралєвьскъ, прилаг. regius (Mikl.), сербохорв. *krȃļevskī*, прилаг. 'королевский' (с XIII в., RJA V, 456—457), также диал. *krojȩ̑vski* (Hraste—Šimunović I, 464), словен. *kraljévski* прилаг. 'королевский' (Plet. I, 455), чеш. *královský* 'королевский' (Kott I, 782), слвц. *kráľovský* то же (SSJ I, 762), в.-луж. *kralowski*, *-a*, *-e* 'королевский' (Pfuhl 282—283), ст.-польск. *królewski* 'королевский' (Sł. stpol. III, 400), *krolewski* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 224), польск. *królewski*, диал. *królowski*, прилаг. от *król* (Warsz. II, 568), словин. *krölevsk'i* то же (Sychta II, 257), *krolevsk'i* (Lorentz Pomor. I, 381), др.-русск.

королевьскыи, королевский, прилаг. к *король* (1255 г. Ипат. лет., 826. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 337; Срезневский I, 1290), русск. *короле́вский*, ст.-укр. *королевскии, королевскіи*, прилаг. 'королевский' (1390 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 498), укр. *королі́вський*, *-а*, *-е* 'королевский' (Гринченко II, 286), блр. *каралёўскі*, *-ая*, *-ае*, 'королевский' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 637; Блр.-русск.).

Вторичное, относительно позднее прилаг., производное с суф. *-ьskъ* от *korl'evъ (см.). Межслав. влияния и заимствования вполне реальны.

***korl'evьstvo:** цслав. кралєвьство ср. р. regnum (Mikl.), сербохорв. *krȃļevstvo*, стар. (босн.) *krȃļestvo* ср. р. 'королевство, королевская власть' (с XIV в., RJA V, 457—458), также диал. *krajȇstvo*, (Hraste—Šimunović I, 455), словен. *kraljévstvo* ср. р. 'королевский сан', 'королевство' (Plet. I, 455), ст.-чеш. *královstvie* ср. р. 'королевство' (Vážný. Středověk. list. 31), *královstvo* (Kott I, 783), чеш. *království* ср. р. 'королевская власть', 'королевство' (Kott I, 782—783), слвц. *kráľovstvo* ср. р. 'королевство' (SSJ I, 762), ст.-польск. *królestwo*, *królewstwo*, *królowstwo* 'королевство', 'королевский сан' (Sł. stpol. III, 398—399), *krolestwo*, *krolewstwo*, *krolowstwo* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 212—222), польск. *królewstwo* 'королевство' (Warsz. II, 569), словин. *krelẽi̯stvȯ* ср. р. 'королевство' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 494), др.-русск. *королевство* ср. р. 'королевство' (Речи посла цес., 50. XV в.), 'власть, правление короля' (Ст. сп. Флетчера, 58. 1589 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 338), русск. *короле́вство* ср. р. 'государство, управляемое королем' (Даль^3 II, 428), ст.-укр. *королевство* ср. р. 'королевство' (1361 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 498), укр. *королі́вство* ср. р. 'королевство' (Гринченко II, 286), блр. *каралёўства* ср. р. 'королевство', 'правление короля' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 637).

Производное с суф. *-ьstvo*, образованное от прилаг. *korl'evъ (см.). Относительно позднее происхождение, распространение путем межслав. заимствований очевидны.

***korlica:** цслав. кралица ж. р. regina (Mikl.), болг. *крали́ца* ж. р. 'королева' (Геров), макед. *кралица* (И-С), сербохорв. *krȁļica* ж. 'королева', 'королевна' (RJA V, 459—460), диал. *krajȉca* ж. р. 'королева', 'матерь божья' (Hraste—Šimunović I, 455), словен. *kraljíca* ж. р. 'королева', 'пчелиная матка' (Plet. I, 456), чеш. *Kralice* мн. ж. р., местн. название (Jungmann II, 163), слвц. стар., поэт. *králica* ж. р. 'королева' (SSJ I, 762), др.-русск. *королица* ж. р. 'королевна и королева' (1377 г. Рог. лет., 117. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 338; Срезневский I, 1290), русск. диал. *короли́ца* ж. р. 'королева' (Филин 14, 361: олон., вят., самар., иркут.; Элиасов 165), ст.-укр. *королиця* ж. р. 'королева' (1388 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499).

Производное с суф. *-ica* от *korl'ь (см.).

***korl'ь:** болг. *крал* м. р. 'король' (БТР; Геров: *краль*), *Кралё* м. р., личное имя собств. (Геров), макед. *крал* м. р. 'король' (И-С), сербохорв. *krâļ* м. р. 'король' (RJA V, 449—452: «нельзя сказать, что это праслав. слово, уже из-за эпохи, в которую оно было заимствовано, а также потому, что в древнейших ст.-слав. книгах вместо кралъ всегда стоит цѣсарь»), также диал. *krõj* (Hraste—Šimunović I, 463—464), производное стар., редк. *kràļija* ж. р. 'королевство' (XVII и XVIII вв., RJA V, 461), также диал. *краљӥја* (Елез. I), *krâļskî*, прилаг. 'королевский' (с XVI в., RJA V, 461), словен. *králj* м. р. 'король' (Plet. I, 455), чеш. *král* м. р. 'король', производное *kralka*, *królka* ж. р. 'королева' (Kott I, 782), слвц. *kráľ* м. р. 'король' (SSJ I, 761), в.-луж. *kral* м. р. 'король' (Pfuhl 282), н.-луж. стар. *krol* м. р., наряду с *kral*, 'король' (Muka Sł. I, 698), ст.-польск. *Krol*, личное имя собств. (1369 г., Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 144), *król* м. р. 'король' (Sł. stpol. III, 396), *krol* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 201—202), польск. *król* м. р. 'король' (Warsz. II, 566), словин. *krŏųl* м. р. 'король' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 493), *krôl* (Sychta II, 256—257), др.-русск. *король* м. р. 'король' (Сл. о п. Иг., 80; 1348 г. Псков. лет., II, 26. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 338—339; Срезневский I, 1290), *Король*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 269; II, 673. Тупиков 254—255), *Королевъ* (1495 г. Писц. I, 616. Тупиков 645—646), русск. *коро́ль* м. р. 'государь, управляющий королевством' (Даль[3] II, 428), ст.-укр. *король* м. р. 'король' (1349 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499), укр. *коро́ль* м. р. 'король' (Гринченко II, 286—287), блр. *каро́ль* м. р., также диал. *каро́ль* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421), фам. *Кароль*, *Каралёў* (Бірыла 187).

Прежде всего стоит отметить абсолютную бесперспективность поисков исконнослав. этимологии слова **korl'ь*. Заимствованное, иноязычное происхождение названия монарха (как и других близких по значению названий — **cěsarь*, **kъnęzь*, см. последнее) естественно отнюдь не потому, что «славяне, по природе своей анархисты, не создали ни одного исконного названия царствующей особы», как выразился Брюкнер (см. Brückner 269). Причина — в живучем архаизме слав. родоплеменного устройства, при котором еще не было необходимости в более высоком сане, чем племенной вождь, тогда как свое название для вождя было у славян с ранней эпохи — **vodjь* (см.), следует иметь в виду, что оно засвидетельствовано в неслав. письменности VI в. — в рассказе Иордана о событиях IV в. (rex *Boz*, король антов, обычно читают *Бож*), см. О. Н. Трубачев ВЯ 1982, № 4, 11. Поэтому чисто умозрительными натяжками выглядят попытки объяснить слово **korlь* как исконнослав. образование — из **kor-ļo-* от глагола **koriti* I (см.), см. так M. Rudnicki SO 31, 1974, 97—102. И словообразовательно, и семантически эта этимология крайне сомнительна ('тот, кто покоряет, унижает'?), заметим, что там, где на-

звания короля исконны, они выросли из родоплеменной терминологии, ср. герм. **kuningа-* < **kunja-* 'род', и.-е. **rēg'-* из первоначального 'верховный жрец, распорядитель'. Не имеют под собой почвы и сближения слав. **korlь* с отдаленно созвучными словами и.-е. анатолийских языков (см. М. Будимир. — Зборн. Филоз. фак-та у Београду 2, 1952, 265). Очень древней эпохой датировать появление слова **korlь* у славян вряд ли можно, а у южных славян, особенно их вост. группы, наиболее близкой к Малой Азии, как раз продолжения **korlь* не имеют особенно глубокого народного характера, несмотря на (относительно позднюю) популярность образа и имени эпического героя Крали Марко. Следы позднепраслав. **korlь* ведут на запад и именно на западе славянства характеризуются первоначальностью и почти исключительностью употребления. Несколько предвосхищая нижеследующее, заметим, что это слово никогда не было по-настоящему народным для вост. славян и употреблялось в народе всегда о чужом (западном) государе, что сближает вост. славян с болгарами и в какой-то мере совпадает с ареалом православной Славии, включая и древнюю Сербию. В пределах Slavia orthodoxa свои монархи и древние монархи православных богослужебных книг (в основном — из стран Востока) назывались царями. В нашей современной политической литературе под влиянием унифицирующей западной терминологии (ср. англ. *king* как единый эквивалент наших слов *король* и *царь*) главы нынешних монархических режимов не только Запада, но и Востока именуются одинаково королями: король Иордании, король Непала, хотя традиционно этих последних надлежало бы звать царями, ср. царь Иудеи, царь Дарий, индийский царь.

Вместе с тем появление упомянутых попыток исконнослав. этимологии до известной степени симптоматично, так как является реакцией на некоторые трудности, с которыми сопряжена герм. этимология слова **korlь*. Эта последняя этимология была выдвинута очень давно и в общем выдержала проверку временем и научным языкознанием, и то обстоятельство, что ей сопутствуют некоторые накопившиеся за столь долгое время неясности, не может серьезно повлиять на общий итог. Еще Добровский объяснил слав. название короля как заимствование имени Карла Великого, императора франков, и позднее эта мысль прочно вошла во все этимол. словари и литературу. См. Miklosich 131; C. C. Uhlenbeck. Die germ. Wörter im Altslavischen. — AfslPh XV, 1893, 488; Berneker I, 572—573 (с литер.); A. Meillet. De l'unité slave. — RÉS I, 1921, 8; Преобр. I, 359 (с изложением сомнений Фортунатова касательно появления слова уже после основного осуществления слав. метатезы плавных, а также в связи с различиями в ударении); T. Lehr-Spławiński. Pochodzenie i rozpowszechnienie wyrazu *król* w polszczyźnie i w innych językach słowiańskich. — PF XII, 1927, 44 и сл.; Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter

aus dem Germ. 240 и сл.; Фасмер II, 333—334 (с дальнейшей литер., но трактовка слишком суммарна, многие проблемы оставлены без внимания); Sławski III, 153—155 (в изложении много спорного и противоречивого); Machek² 289; БЕР 2, 712—713; Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9, 662—663 (о заимствовании серболуж. формы *kral* из чеш. во время господства чеш. королей над Лужицей, вследствие чего было вытеснено первоначальное серболуж. **król*).

Воссоздание истории слова **korlь* предъявляло большие требования к науке, которые могли быть выполнены не сразу и вообще оказались под силу только современному сравнительно-историч. языкознанию с развитыми представлениями об относительной хронологии, звуковой субституции, лингвистич. географии и даже о социолингвистич. аспекте явления. Например, старое мнение о более раннем (до VIII в.) завершении процесса слав. метатезы плавных не учитывало гораздо более длительного функционирования различных местных фонетич. субституций уже после осуществления самого процесса. Мейе, признавая здесь наличие таких субституций (A. Meillet BSL 29, 1929, 202), все же усматривает в общеслав. распространении заимствованного **korlь* проявление слав. единства в эту эпоху, что, конечно, не соответствовало действительности. Действительность заключалась в способности новых явлений языка, лексики распространяться, преодолевая существующие языковые границы (лингвистич. география), а также в особой популярности и способности к проникновению слов социально престижных (социолингвистический аспект).

Слово **korlь* появилось вначале в области полабских славян. Эти славяне, главным образом к востоку от Эльбы, жившие в племенных группировках, довольно многочисленных, вступили в VII—VIII в. в довольно активный контакт с усиливающимся германским государством франков. Обе стороны представляли друг для друга реальную военную опасность. Франкское государство укрепляло в первую очередь именно эту границу со славянами (limes Saxonicus, limes Sorabicus), капитуларий Карла Великого 805 г. не случайно содержит запрет на продажу оружия славянам. И хотя историки отмечают наличие по обе стороны этой славяно-герм. границы совершенно разных общественно-политических организаций (славяне — на уровне развития военной демократии родоплеменного строя, а германские народности — в составе феодальной Франкской империи), все же политических точек соприкосновения было достаточно: у полабских и древнелужицких славян были князья, разные слав. племенные союзы даже обращались за помощью в спорах о княжеской власти к франкским монархам (эти сведения см.: G. Labuda. Frankonia. Frankowie. Stosunki ze Słowianami. — In: Słownik starożytności słowiańskich II (Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964) 68, 69, 70).

Создалась благоприятная ситуация для заимствования славянами более престижного иноязычного титула государя. В этой функции было употреблено имя знаменитого Карла Великого, которое у самих франков, германцев, правда, никогда не превращалось из имени в название сана, в отличие от случая с именем *Caesar*, с которым слав. **korlь* обычно сравнивают для аналогии. Но имя Карла Великого было, конечно, у всех полаб. славян на устах не одно десятилетие; после 780 г. он начал вести против них активную военную политику. Заимствование имени Карла Великого полаб. славянами делается иногда объектом прямолинейных критических замечаний. Так, например, указывают, что у полабских славян не было королевской власти, но при этом забывают, что объем древнего значения таких терминов как *rex*, βασιλεύς мог быть очень зыбким (вспомним латинско-слав. глоссу *rex Boz*=**vodjь* 'вождь' у Иордана), в известном эпизоде Жития Мефодия, о котором — ниже, «король», вопрошающий Мефодия, был, вероятнее всего, маркграфом баварским. Кроме того, высший титул мог относиться первое время не к своим полабским князьям, а к иноземному—франкскому монарху, ведь и на Руси слово *царь* длительное время употреблялось сначала о византийском императоре, затем даже о татарском хане и лишь позднее — о собственном государе. Любопытно сведение о том, что князь славян-велетов Дроговит, покорившись в 789 г. Карлу Великому, упоминает, что уже раньше подчинялся какому-то Карлу. Историки силятся сообразить, какого именно Карла имел в виду этот давний полабский князь, допускают, что это был Карл Мартелл (см. G. Labuda. Указ. соч., 69), на самом же деле здесь перед нами одно из первых свидетельств апеллативизации личного имени собственного (*Карл* → *король*). Далее, пытаются возразить, ссылаясь на тот факт, что как раз в полабском языке соответствие **korlь* неизвестно. Но полабский язык дошел до нас в виде таких скудных остатков и в такой степени германизации, что к указанному аргументу (случайного) отсутствия свидетельства прибегать некорректно. В антропонимии и топонимии полабской территории следы **korlь* отмечаются, причем как в послеметатезной, так и в дометатезной форме: *Kraul*, *Gruhlfeld*, *Gruhlstücke*, K a r l o w e (см. G. Labuda. *Król*. — In: Słownik starożytności słowiańskich II, 525). Такое колебание в отражениях форм *tort* как раз характерно для полабского и вообще для языка поморских славян, типично периферийных в отношении ряда слав. фонетических процессов, в частности — метатезы плавных, которая, вероятно, шла с юга (точнее — из центра) на север, тогда как **korlь* распространялось наоборот — с севера, северо-запада на юг и восток. Поэтому Мейе вслед за Лер-Сплавинским принимает в качестве исходной слав. формы полабскую форму с сохранением дометатезного *or*, см. A. Meillet BSL 29, 1929, 202. Герм. имя Карла Великого бытовало в двух основных вариантах —

др.-ниж.-нем. (др.-сакс.) *Karal*, *Karl* и собственно др.-в.-нем. *Charal*, *Charl*. Др.-сакс. форма пользовалась, очевидно, наибольшей популярностью, именно из нее заимствовано было далее лат. *Carolus* (*Magnus*) 'Карл Великий', она была основной для собственно франкских и саксонских земель, на рубеже с полабскими славянами. Слав. **korlь* может быть объяснено только из др.-ниж.-нем. *Kar(a)l*, но не из др.-в.-нем. *Charal*, *Charl* с придыханием, более характерного, видимо, для алеманнского и баварского юга Германии. Последняя форма дала бы только слав. **xorlь* (см. так уже Kiparsky. Указ. соч., 241), и это обстоятельство не позволяет нам согласиться с теми авторами, которые думают, что слово **korlь* возникло у славян впервые на Среднем Дунае, и в этом смысле толкуют данные Жития Мефодия, о которых см. также ниже. История и языкознание согласно свидетельствуют о том, что слав. **korlь* было заимствовано полабскими славянами и только из имени Карла Великого. Небезынтересно отметить, что после Карла Великого долгое время вообще не было соседнего германского монарха по имени Карл (после смерти Карла Великого в 814 г.): Людовик Благочестивый (814—840), в 843 г. — распад Франкской империи, затем — Людовик Немецкий (843—876), полоса смуты, затем — император Арнульф (887—899), Людовик Младенец (900—911), наконец распад каролингской державы. Карл Лысый правил после 843 г. к западу от Рейна, т. е. далеко от славян. Странно было бы поэтому думать, что в термине *король* Жития Мефодия отражено специально имя германского принца Карломана в одном месте (ЖМ IX, X) и Карла III (Толстого) — в другом (ЖМ XVI), монархов, кратковременно правивших в десятилетие с 876 по 887 г., см. так H. G. Lunt. Old Church Slavonic **kraljь*? — In: Orbis scriptus. Festschrift für D. Tschiževskij (München, 1966), 483 и сл. Автор обходит молчанием элементарный вопрос, почему тогда, напр., имя *Karloman* не было передано целиком, а подвергнуто непонятному усечению в слав. тексте, который Лант читает как врага моравьскаго Карла (вместо корола), т. е. 'моравского Карла' или даже «Карла Моравского», под которым якобы подразумевался именно Карломан (!). Дело можно объяснить только таким образом, что слово **korlь* было уже терминологизировано в слав. и употреблялось о чужом монархе, государе или принце. Оно наверняка уже было в протографе Жития Мефодия, таким образом, отрицать наличие **korlь* в моравско-паннонских текстах ст.-слав. языка нельзя. Не следует также забывать о социолингвистич. стороне проблемы, ставя на одну доску громкое имя Карла Великого и прочих незначительных Карлов, как это делает Лант, считая слово **korlь* не более как транскрипцией личного имени одного из этих последних. Другое дело (не решенное наукой до сих пор) — считать ли вторичной, русской записью полногласную форму *король*, исключительную в архаичном и чистом по

языку ст.-слав. тексте Жития Мефодия, как, кажется, считает и Лант, или вопрос сложнее, чем принято думать, и уже сейчас наука располагает иными вариантами ответа на него, ср. ниже. Резюмируя эту часть проблематики, можно лишь признать, что слушанием дела Мефодия едва ли занимался сам «король» (в нашем смысле слова) в присутствии синода епископов; источники о таком синоде не упоминают, но разбирательство спора Мефодия с нем. духовенством, очевидно, имело место в Баварии, под начальством крупного местного феодала, «врага моравского, короля», как допустимо читать ЖМ IX, 1 (ср. подробное изложение разных точек зрения в комментариях Б. Н. Флори в кн.: «Сказания о начале слав. письменности». М., 1981, 156). В свете допускаемой нами зыбкости значения апеллатива *король* делается понятным и употребление в ЖМ XVI, 1: пришьдъшю же на страны доунаискы королю оугъръскомоу. «Короля венгерского» тогда еще не существовало (конец IX в.), и в ЖМ явно имелся в виду какой-то из венг. воевод на Дунае (благополучный исход рискованной встречи праведника с языческим царьком — эпизод в духе житийной литературы), поэтому абсолютно излишня громоздкая и искусственная эмендация Ланта, прочитавшего здесь «огърьскомоу королю», что значило будто бы 'Карлу с реки Огрже', т. е. Карлу III, который в юности своей проехался долиной реки Огрже (Эгер) в походе на славян.

Единственное, пожалуй, к чему следует прислушаться в разбираемой статье Ланта, — это интерпретация исхода *-jь* в **korlь* как суффикса принадлежности с первоначальным значением целого 'Карлов, принадлежащий Карлу' (Lunt. Указ. соч., 488). В самом деле, из др.-сакс. *Kar(a)l* ожидалось бы слав. **korlъ* с твердой основой, и никаких чисто фонетических причин смягчения здесь не видно. Правда, может быть, не совсем ясна и мотивация притяжательности в данном случае (аналогия мягкого исхода **cěsarь*, которую приводит Славский, там же, совершенно не пригодна, так как исход имени **cěsarь* модифицировался по активному разряду имен на суф. *-arь*, с которым у нашего слова формально нет ничего общего), но факт производного характера имени **korlь* помогает прояснить очень важную — акцентологическую сторону проблемы. Герм., др.-сакс. *Karal* имело начальное ударение, как и заимствованное оттуда лат. *Carolus*, об этом же четко свидетельствует франц. *Charles* с сохранением подударного первого слога лат. *Carolus*. В противоположность этому в слав. **korlь* представлена окситонеза, наконечное ударение во всех падежах — русск. *король*, *короля́*, мн. *короли́*, а не ожидаемое **ко́роль*, **ко́роля*, **ко́роли*. Еще Фортунатов обратил внимание на это несоответствие ударений, но приемлемого истолкования до сих пор не предложил никто. Таковым нельзя считать мнение об исконнослав. происхождении слова **korlь*. Равным образом неудовлетворительна в данном примере известная новая теория

Куриловича об отражении герм. долготы в виде окситонезы в позднем слав. заимствовании, хотя эта теория получила довольно широкое признание, см. V. Kiparsky. Zur Datierung der gemeinslav. Lehnwörter aus dem Germ. — AION (sez. slava) I, 1958, 19; H. G. Lunt. Ibid.; Sławski III, 154 (здесь вообще неточно говорится о «сохранении долготы герм. вокализма»). Но наличие долготы в герм. личном имени собств. *Karal*, *Karl* само по себе сомнительно и сравнительными данными не подтверждается. Лежащий в основе герм., др.-в.-нем. апеллатива *karal* 'зрелый муж' (давшего личное имя *Karal*) и родственного ему нем. *Kerl* 'парень, субъект' и.-е. корень **ĝer-* 'зреть, стареть' выступал также в виде долгой ступени **ĝerə-/*ĝṝ-*, но эта долгота практически не отразилась в герм., ср. сюда же родственные нем. *Korn* 'зерно', *Kern* 'ядро' (< и.-е. **ĝṝno-*), отношения которых очень напоминают отношение *Karl* : *Kerl*. См. об этимологии герм. слова и имени (без каких-либо указаний на отражение долготы в герм.) Kluge[20] 365; Pokorny I, 391; Gutierre Tibón. Diccionario etimológico comparado de nombres propios de persona (Mexico, 1956) 98. Упомянутая теория Куриловича как бы имплицирует идею исторического тождества герм. *Karal* и слав. **korlь*, что не совсем верно ввиду наличия в слав. форме добавочного чисто слав. форманта, который заставляет трактовать все слово как слав. производное. С этим полностью согласуется и окситонеза, также сигнализирующая о производности, между прочим — в духе другой известной идеи Куриловича — об окситонном, наконечном ударении как показателе производных имен, т. е. ***кóроль, короля́, королúй*** аналогично *стол, столá, столы́*.

Герм. *Karal* дало слав. **korlь* (откуда затем все известные послеметатезные формы слав. языков, см. выше), вернее будет сказать, что оно ведет себя по формуле tort и ее рефлексов. Однако следует сказать, что механизм слав. метатезы плавных, ее древнейших и промежуточных состояний изучен не до конца, его изучению призваны как раз способствовать такие факты внешнелингвистической истории, как заимствование герм. имени *Karal*. Формула tort не вполне адекватно отражает исходное состояние в случаях метатезы плавных, данные об этом уже накопились, их исследовал Мареш в своей работе о фонологическом развитии праслав. языка. В нашем случае следует отметить, что герм. *Karal* (преобладающая полная огласовка) не обязательно должно было дать обычно принимаемую форму — слав. **korlь*. С достаточной вероятностью мы ожидали бы исходную слав. форму **kărălʼь*, или **korolʼь*, «русского» вида. Ср. аналогичное (правда, значительно более древнее) заимствование праслав. **korva* (см.) из кельт. *car(a)vos* 'олень', предполагающее стадию **kărăvā* или **korəvā*. Последующая рефлексация праформ **kărălʼь* и **kărăvā* как постметатезных trat, trot и torot в разных слав. языках проливает свет и на начальную стадию и на результат развития.

В этом свете, напр., вост.-слав. (русск., укр., блр.) *torot* уже не кажется наиболее далеко зашедшей эволюцией, оно скорее похоже на архаизм. Имеет смысл пересмотреть вопрос о ст.-слав. продолжении **korlʼь*. Вполне возможно, что форма *краль никогда не существовала в ст.-слав. Правильной ст.-слав. формой слова могло быть король, и эта форма совершенно закономерно присутствует в Житии Мефодия, не противореча ст.-слав. характеру текста и не будучи поздней русск. вставкой. Праслав. метатеза плавных в целом ряде случаев начиналась с раннего полногласия. Исходное сочетание двух гласных в корне для **korlʼь* предполагал еще, вслед за Сольмсеном, Вондрак. См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 309—310; Преобр. I, 359. К сожалению, последующие авторы не уделяли этим моментам внимания.

Другая герм. этимология слав. **korlʼь* (начиная с Томсена, ср. в последнее время Мартынов. Слав.-герм. лексич. взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, 68 и сл.) по материалу очень близка к рассмотренной этимологии, отличаясь от нее только допущением большей древности заимствования и апеллативного источника — герм. **karla-* '(свободный) муж'. В этих допущениях, однако, нет надобности.

kormola:** ст.-слав. крамола ж. р. στάσις, seditio 'бунт, восстание, крамола' (Zogr., Mar., Supr., Mikl., SJS), болг. ***крамолá ж. р. 'шум, ссора', 'волнение, мятеж' (Геров), сербохорв. стар. *kramola* ж. р. 'бунт, смута, возмущение' (до XIV в., RJA V, 463), *Kramol* м. р., личное имя собств. (XIV в., там же), словен. *kramola* ж. р. 'мятеж' (Plet. I, 456: «ст.-слав.»), ст.-чещ. *kramol* м. р., *kramola* ж. р. 'ссора, спор' (Gebauer II, 130), др.-русск. ***коромола, коромоля*** ж. р. 'мятеж, заговор; крамола' (СГГД II, 8. 1289 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 339; Срезневский I, 1290), укр. ***коромóла*** ж. р. 'крамола, заговор' (Гринченко II, 287).

В моравско-паннонскую эпоху истории ст.-слав. языка слово заимствовано из др.-в.-нем. (др.-бав.) *karmala* 'мятеж', откуда и ср.-лат. *carmula* то же. Постепенно распространилось в некоторые другие слав. языки.

См. Miklosich 131; Berneker I, 573; Б. М. Ляпунов ИОРЯС XXX, 1926, 13; Фасмер II, 365; Machek[2] 289.

korojědъ/*korojěda:** сербохорв. *кòрјед* м. р. 'жук-короед' (РСА X, 281), польск. *korojad* м. р. 'вид гусеницы, объедающей кору с деревьев' (Warsz. II, 478), русск. ***короéд м. р. 'насекомое Bostrychus' (Даль[3] II, 409), укр. ***короїда*** 'насекомое короед Bostrychus' (Гринченко II, 286), блр. ***караéд*** м. р. 'жук-короед' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 636).

Сложение **kora* (см.) и корня **ědmь*, **ěsti* (см.).

***korolupъ:** сербохорв. *Kralupi*, местн. название (XIV в., Босния, Герцеговина, RJA V, 449), сюда же производное диал. *крàљупина* ж. р. 'кожура', 'кора, отдирающаяся, отходящая от дерева' (РСА X, 419), чеш. *Kralupy*, местн. название (Kott I, 783; Profous

II, 363: **Korolupy* > **Korlupy* > *Kralupy*), русск. *королу́п* м. р. 'кто лупит, сдирает кору' (Даль[3] II, 409).

Сложение **kora* (см.) и корня глагола **lupiti* (см.). Близко по составу и образованию **skorolupъ* / **skorolupa* (см.). Достаточно старое образование, интересное своей трактовкой первоначального полногласного «звукосочетания» *torot* как *tort*. Ср. аналогичные данные на **korl'ь*, **korva* (см.).

***koroluščа:** русск. диал. *корлу́ша́* ж. р. 'кора', 'скорлупа', 'кожура', 'кожица ягод' (Сл. Среднего Урала II, 50; Иркутский областной словарь I, 220), производное *корлу́шина* ж. р. 'корка на заживающей ране' (волог., Филин 14, 335), блр. диал. *каралю́шчы* мн. 'яичная скорлупа' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 414), *каралю́шчо* ср. р. то же (З народнага слоўніка 43).

Несмотря на ограниченное распространение, достаточно старое образование — сложение **kora* (см.) и корня глагола **luščiti* (см.). Ср. предыдущее.

***korpa:** слвц. редк. *rapa* ж. р. 'рубец, оспинка (на лице)' (SSJ III, 696), укр. *коро́па* ж. р. 'жаба' (Вх. Зн. 28, Гринченко II, 287), сюда же диал. *коропа́н'а* (Онышкевич 370; П. П. Чучка. Українські говірки околиці Ужгорода (Фонетика и морфология). (Канд. дисс. рукопись). Ужгород, 1958, 324), *коропа́тий*, *-а*, *-е* 'шероховатый, в бугорках' (Гринченко II, 287), *коропа́та жаба* 'жаба' (там же), блр. *кура́па* 'жаба' (Гарэцкі 85), 'лягушка' (Расторгуев, Северск.-блр. 146).

Близкородственно лит. *kárpa*, лтш. *kãrpa* 'бородавка'. Балт. слова соответствуют слав. *korpa* вплоть до интонации, видимо, продолжая более древнее **korəpā*. В связи с этим, может быть, стоит рассматривать *-p-* как суф. производного имени, а не как губной расширитель глагольного корня **(s)kerp-* (см. так Pokorny I, 944). Ср. **xorpa* (см.).

См. Miklosich 131; Berneker I, 574—575; Фасмер II, 335; Machek[2] 204—205; Fraenkel I, 222.

***korpavica:** словен. *krápavica* ж. р. 'жаба' (Plet. I, 456), укр. *коропа́виця* ж. р. 'жаба' (Гринченко II, 287).

Производное с суф. *-ica* от прилаг. **korpavъ* (см.), **korpava*; субстантивация. О словен.-укр. изолексе см. Ф. Безлай ВЯ 1967, № 4, 53; Bezlaj. Jezikovne priče 137.

***korpavъjь:** слвц. *rapavý*, прилаг. '(о коже) покрытый рубцами, шрамами, побитый оспой' (SSJ III, 697), укр. *коропа́вий*, -а, -е 'шероховатый, в бугорках' (Гринченко II, 287), блр. диал. *каро́пава жаба* 'жаба' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 422). — Ср. сюда же суффиксальное производное укр. *коро́павка* ж. р. 'жаба' (Вх. Зн. 24, Гринченко II, 287).

Прилаг., производное с суф. *-(a)vъ* от **korpa* (см.). Ср. вариант **xorpavъ* (см.).

***korpъ:** болг. стар. обл. *крап* м. р. 'карп, сазан Cyprinus' (Младенов БТР; Геров: *крапъ*), макед. диал. *крап* (Р. Петковски. Охридски говор. — MJ I, 6, 1950, 137), сербохорв. диал. (ю.-зап.) *кра̏п* м. р. 'карп, сазан' (PCA X, 424; RJA V, 464; Leksika ribarstva 170), словен. *kràp* м. р. 'карп, сазан Cyprinus carpio' (Plet. I, 456), чеш. *kapr*, м. р. 'карп' (Kott I, 669), слвц. *kapor*, род. п. *-pra*, м. р. 'карп, сазан' (SSJ I, 674), др.-русск. *коропъ* м. р. 'рыба карп' (Х. Дан. иг., 102. 1496 г. ~ 1113 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342, с вар. *капоръ*, *карпъ*, *коропичь*, *коропчий*; Срезневский I, 1291), русск. диал. *ко́роп* 'вид белой рыбы, сазан' (кубан., В. Водарский РФВ LXVIII, 1912, 400), 'карп' (арх., брян., курск., смол., нижегор., донск., кубан., Филин 14, 365), ст.-укр. производное *коропинъ*, прилаг. 'нагруженный карпами' (Сучава, 1466 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 499), укр. *ко́роп* м. р. 'карп Cyprinus barbus' (Гринченко II, 287).

Обширный обзор форм см. В. В. Усачева. Материалы для словаря славянских названий рыб. IV (семейство Cyprinidae). — Этимология. 1976 (М., 1978), 79 и сл.

Название карпа имеет сложную, до конца не выясненную проблематику, происхождение слова по-прежнему неясно, положительный результат ограничивается лишь констатацией близости ряда форм и хронологических различий между ними, а также указанием на заимствование некоторых более поздних форм вроде русск. *карп*, польск. *karp*.

Наличие праслав. формы — **korpъ* — доказывает древность слова. Дальнейшие связи, однако, неясны. Почему-то обычно считают, что ср.-лат. название карпа — *carpa* (Кассиодор, VI в. н. э.) — происходит из герм., см. Walde—Hofm. I, 171; Berneker I, 575 (со ссылкой на Турнайзена); Kluge[20] 354 (лат. *carpa* из незасвидетельствованного гот. **carpa*). Однако реально приходится считаться с нем. формой — *Karpfen*, которая начиная с др.-в.-нем. *karpfo* отличалась такой характерной особенностью как наличие сочетания *pf*, встречающегося как правило в заимствованной лексике. Герм. название карпа не имеет этимологии и не является исконным словом. Неубедительно поэтому мнение о заимствовании слав. **korpъ* из герм. до VIII в. Так см.: В. Т. Коломиец. Ихтиологическая номенклатура славянских языков как источник для исследования межславянских этнических взаимоотношений. Киев, 1978, 21. Она же. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983. Ср. еще Фасмер II, 334—335: *ко́роп* 'карп Cyprinus carpio'. . . «Нельзя отделять от др.-в.-нем. *karpfo*, *karpo* 'карп' . . . Скорее всего, слав. из герм.» Ссылка Фасмера на давнее распространение этой рыбы «в районе Дуная и Альп» не укрепляет исконногерм. версию происхождения слова, так как достоверно известно, что германцы — не аборигены в Южной Германии, а пришельцы, пришедшие туда (т. е. на Верхний Дунай и в Альпы) во всяком случае после кельтов.

Из этого еще не вытекает, что герм., нем. название карпа было заимствовано обязательно из слав. **korpъ*, как думает Бернекер,

см. Berneker I, 575. Он предлагает слав. этимологию слова, считая его родственным слав. *korpavъ (см. у нас *korpa) на том основании, что карп (особенно зеркальный карп) со своими немногочисленными крупными чешуйками казался покрытым коростой или паршой (?). Неудивительно, что это толкование не вызвало особого одобрения ни у этимологов, ни у ихтиологов, см. специально против: Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. — В кн.: Л. С. Берг. Избранные труды. Т. 5. М., 1962, 34.

Таким образом, в литературе господствует пока неясность в вопросе происхождения слав. *korpъ. Этой неясности давно придали форму предположения о заимствовании названия карпа у первобытного, неизвестного, древнего, доиндоевропейского населения Европы. Ср. Miklosich 132: «Европейское слово темного происхождения»; Г. Майер у Бернекера, там же: «vorarisch-europäisch»; Machek[2] 240: «праевропейское» слово.

Карп «с давних пор водится в альпийской области» (Коломиец. Указ. соч., 20), иначе говоря — за пределами ареала древнего обитания славян, как его обычно понимают, т. е. (с вариантами) от Балтийского моря до Карпат и от Вислы до Днепра. Позднейшее развитие прудового рыбного хозяйства распространило довольно рано из Германии по Европе, в том числе в слав. странах уже чисто нем. форму названия рыбы: *karp*, *карп*. Это наиболее позднее культурное заимствование вытеснило в некоторых слав. языках древнее *korpъ, как напр. в польск. См. Sławski II, 82. Аккультурация карпа шла, таким образом, тоже из Центральной Европы, где он первоначально эндемичен. Возможно, его более древнее слав. название *korpъ — тоже культурное заимствование, предполагающее, в свою очередь, относительную близость к Центральной Европе и наличие обмена с ней у славян. Это не значит обязательно, что источником был неиндоевропейский язык. У нас нет никаких указаний о том, что *korpъ или лежавшее в его основе слово неизвестного языка *karpo- было неиндоевропейским. Единообразие форм *karpo- / *korpo- не способствует тому, чтобы рассеять неясность. И все же слав. соответствия дают некоторый материал для дальнейших поисков. Обращает в этой связи на себя внимание форма чеш. *kapr*, слвц. *kapor* (см. выше), резко выделяющаяся из всех остальных соответствий праслав. *korpъ в слав. языках. На этом основании принято считать чеш. *kapr* результатом метатезы первоначального *krap, см. Machek, там же. Если учесть, что это *krap (в чеш. и слвц.), в свою очередь, появилось в итоге общеслав. метатезы плавных из известного уже праслав. *korpъ, то на долю чеш. слова придется уже две метатезы, а это слишком сильное допущение в методологическом плане. Возможно, стоит попробовать пойти иным путем и факт выпадения чеш. *kapr* из общеслав. картины трактовать самостоятельно — как древнее локальное

явление. Изолированность чеш. формы кажущаяся, в более отдаленных языках имеются аналогичные названия карпа и близких ему рыб. Берг (указ. соч., 34) приводит перс. *копур* (в провинции Гилян, южн. берег Каспийского моря), не должно остаться в стороне и греч. κυπρῖνος 'карп' (Аристотель), производное с суф. -ινος, но отнюдь не от названия хны якобы по цвету (вопреки Frisk II, 51; Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 600). Ср. еще др.-инд. *śaphara-* 'вид карпа Cyprinus saphore', лит. *šāpalas* 'вид карпа Cyprinus dobula', суждения о которых затруднены.

В порядке гипотезы кажется полезным предложить реконструкцию и.-е. *ku̯əpro-/*ku̯apro- 'карп' < 'надутый' (ср. вокализацию тембра *u* в греч. κυπρ-ινος!). Округлость тела и брюшка характерна для карпа, сазана. Здесь опять на помощь приходит чеш. язык с его крайне любопытным словоупотреблением: *kaprovité nebe* 'небо в «карпах»' (пример из: Machek, там же), т. е. 'в отдельных облачках'. Если это метафора, то довольно странная. Скорее, это след давнего более общего значения и.-е. корня *ku̯əp-/*kūp- 'дуть, надувать', который мог лечь в основу обозначений всего округлого, надутого — и облака особой формы и живого существа.

Тогда еще более древней формой, преобразованной затем в *karpo-/*korpo- в слав. и других и.-е. языках Европы, оказывается — тоже и.-е. — форма *k(u̯)ap-ro-, суффиксальная производность которой не вызывает сомнений. Можно отметить ее сохранность в чеш.-слвц., наиболее «дунайской» группе из всех слав. языков.

***korsta:** ст.-слав. краста ж. р. στίγμα λέπρας, crusta leprae 'язва (проказы), короста' (SJS; Mikl.), болг. *кра́ста* ж. р. 'чесотка Scabies' (БТР; Геров—Панчев), также диал. *краста* (С. Ватев. Материали по народната медицина в България. — СбНУ XXI, 1905, 22; М. Младенов БД III, 93), *кра́стъ* ж. р. (С. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 207; Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), макед. *краста* ж. р. 'чесотка; парша' (И-С), диал. *краста* 'болезнь скота' (Б. Видоески. Поречкиот говор 61), *krásta*, мн. *krásti* (Małecki 54), сербохорв. *кра̏ста* ж. р. 'короста, струпья', 'оспа', 'проказа', 'ряска, зелень на стоячей воде' (PCA X, 432; RJA V, 470), также диал. *ка̏стра* (PCA IX, 324), *krãsta* (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krásta* ж. р. 'струп, короста' (Plet. I, 457), ст.-чеш. *krásty* 'парша' (Novák. Slov. Hus. 51), чеш. *chrásta* ж. р. 'парша', 'струп', *chrásty* 'чесотка' (Kott I, 541), диал. *chrásta* 'чесотка' (Hruška. Slov. chod. 35), *chrast* 'болячка' (Bartoš. Slov. 120—121), *chrasty* мн. (Kellner. Východolaš. II, 181), *chrásti* мн. 'чесотка' (Vydra. Hornoblan. 103), слвц. *chrasta* ж. р. 'струп', 'короста' (SSJ I, 572), диал. *krasta* (Kálal 269; Stanislav. Lipt. 191; 212; Habovštiak. Orav. 116), *xrasta* ж. р. (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 228), ст.-польск. *krosta* ж. р. 'короста, болезненная сыпь на коже' (Sł. stpol. III,

392; Sł. polszcz. XVI w., XI, 250), польск. *krosta*, диал. *chrosta* ж. р. 'сыпь', 'короста' (Warsz. II, 562), *krosta* 'костра, отделяющаяся при чистке конопли' (Sł. gw. p. II, 482), словин. *krosta* ж. р. 'сыпь,' 'короста' (Sychta II, 260), др.-русск. *короста* ж. р. 'короста, болячки на коже; болезнь чесотка' (Втз. XXVIII, 27. XIV в.), (мн.) 'струпья, чешуйки' (Назиратель, 474. XVI в.) (Срезневский I, 1291; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342), русск. *корóста* ж. р. 'чесотка' (Даль^{3} II, 430), 'гнойные струпья на коже при заболевании чесоткой', диал. *корóста* ж. р. (мн.) 'трещины на руках и ногах от холодной сырой погоды' (влад.), 'полосы грязи на теле' (влад.), 'корка, образующаяся на поверхности глинистых почв при засухе' (вят.), 'наплыв или нарост на древесном стволе' (костр.) (Филин 14, 366), 'растение белена' (твер., там же), *карóста* 'чесотка' (Картотека Словаря брянских говоров), укр. *корóста* ж. р. 'чесотка' (Гринченко II, 287), диал. *корóста* 'кострика' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 231; Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — Лексика Полесья 222), *кóрост* м. р. 'корни и пр. на поле' (Гринченко II, 287: Чигир. у.), ст.-блр. *короста* (Скарына 1, 279), блр. *карóста* ж. р. 'короста', 'чесотка', также диал. *карóста* 'короста', 'кострика' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 422), 'ряска' (там же).

Обычно сближали с лит. *kar̃šti* 'чесать (шерсть, лен)', др.-инд. *kaṣ-* (из **kars-*) 'скрести, царапать', см. Miklosich 132; F. Fortunatov KZ XXXVI, 1900, 2. Сравнение с лат. *carrere* 'скрести, чесать', нем. *harsch* 'грубый, жесткий' см., вслед за Вальде и И. Шмидтом, Berneker I, 575; Преобр. I, 360; Фасмер I, 335. Аналогия семантической связи русск. *чесотка* — *чесать*, нем. *Krätze* — *kratzen* как будто делает эту этимологию вполне вероятной, однако окончательно принять ее мешает акцентологический критерий, а при дальнейшем рассмотрении может быть иначе понята семантика. Еще Траутман обратил внимание на различие интонаций: слав. акут сербохорв. *кра̏ста*, русск. *корóста*, но балт. циркумфлекс лит. *kar̃šti*, см. Trautmann BSW 118. Однако он неубедительно толкует слав. акутовую долготу здесь аналогично отношению русск. *вóрон* (циркумфлекс) — *ворóна* (акут в производной форме с продлением корневого гласного). Похоже, что должным образом не оценили свидетельства слав. интонации и другие этимологи, ср. напр. Sławski III, 141, где содержится констатация акутового ударения праслав. **korsta* и одновременно говорится, что лит. *kar̃šti* — его ближайшее соответствие.

Исследователи, воспринимающие слав. **korsta* как отглагольное имя, не довольствуясь глагольными соответствиями за пределами слав. языков (выше), реконструируют или отыскивают исходные слав. глаголы **čersti* или **čьrxati*, **čьrsnǫti*, продолжающие, в общем, и.-е. **kers-* 'резать'. См. В. А. Меркулова. — Этимология. 1970 (М., 1972), 186; Ж. Ж. Варбот. — Этимология. 1971 (М., 1973), 7—8. Однако сомнительно, чтобы эти глаголы в данной апофонической связи дали акутовую интонацию слав. **kórsta*, которое имеет смысл трактовать как старую долготу в корне **korəstā*. Отглагольная этимология делается затруднительной. Точно так же не могла бы рассчитывать на успех, скажем, этимология **korsta* < **kostra* (см.) через метатезу.

Поэтому целесообразно обратить внимание на значение 'кора' как основное и, возможно, допускающее членение **kor-sta*, производное с суф. *-sta* от **kora* (см.).

***korstavica:** болг. *крáставица* ж. р. 'огурец Cucumis sativus' (РБЕ; Геров: 'огурец', 'волдырь'), диал. *крáставица* ж. р. 'огурец' (М. Младенов БД III, 93; Журавлев. Криничное 148), *крáставицъ* ж. р. 'огурец', 'шишка на голове от удара' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70), *крáстъвицъ* ж. р. то же (Колев БД III, 302; Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45; П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 123; Л. Ралев БД VIII, 138), *крáстъйцъ* ж. р. (Ст. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 207), макед. *краставица* ж. р. 'огурец' (И-С), также диал. *krastavíca* (Małecki 54), сербохорв. диал. *кра̏ставица* ж. р. 'огурец Cucumis sativus', 'вид тыквы с шершавой кожурой', 'болезнь виноградной лозы в виде желтой или красноватой сыпи на листьях' (РСА X, 433), 'жаба Bufo L.' (RJA V, 471), словен. *krástavica* ж. р. 'жаба Bufo cinereus' (Plet. I, 457).

Производное с суф. *-ica* от прилаг. **korstavъ* (см.), **korstava*.

***korstavъ(jь):** цслав. краставъ, прилаг. φωραγριῶν, scabie laborans (Mikl.), болг. *крáстав*, *-а*, *-о*, прилаг. 'чесоточный, шелудивый, паршивый' (РБЕ; Геров), диал. *крáстаф*, *-ва*, прилаг. (М. Младенов БД III, 93), *крáстъф* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), *крáстаў*, прилаг. 'чесоточный' (Журавлев. Криничное 148), макед. *крастав* 'чесоточный, больной чесоткой', 'паршивый' (И-С), также диал. *krástaf* (Małecki 54), сербохорв. *кра̏став*, *-а*, *-о* 'покрытый коростой', 'шероховатый, заскорузлый, потрескавшийся (о кожуре плодов, овощей)' (РСА X, 432—433; RJA V, 470—471), также диал. *krãstov* (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krástav*, прилаг. 'покрытый струпьями', 'чесоточный' (Plet. I, 457), также *hrástav* (Plet. I, 279), чеш. *chrastavý*, прилаг. 'покрытый струпьями, паршивый', ст.-польск. *krostawy* 'чесоточный' (1444 г., Sł. stpol. III, 392; Sł. polszcz. XVI w., XI, 251), польск. *krostawy* то же (Warsz. II, 563), др.-русск., *короставыи*, *короставыи* 'покрытый коростой, струпьями' (Изб. 1073 г., 49. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342; Срезневский I, 1291), *Короставый*, личное имя собств. (Псков, 1435 г., Веселовский. Ономастикон 157), укр. *корóставий*, *-а*, *-е* 'чесоточный', 'шероховатый (о твердой поверхности)' (Гринченко II, 287), диал. *корóстовы* 'костристый' (Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — Лексика Полесья 222), ст.-блр. *короставыи*, прилаг. от *короста*

(Скарына 1, 279), блр. диал. *каро́ставы*, прилаг. 'связанный с коростой, чесоткой' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі, 2, 422), *каро́ставая жаба* 'жаба' (там же).

Об исконности польск. *krostawy* см. специально M. Basaj, J. Siatkowski. — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej 8, 10.

Прилаг., производное с суф. -(*a*)*vъ* от **korsta* (см.).

***korstavъka:** сербохорв. диал. *кр̏ста̄вка* ж. р. 'сорт яблок', 'рыба Leuciscus virgo' (PCA X, 433; RJA V, 471), словен. *krástavka* ж. р. 'чесоточная женщина', 'огурец Cucumis sativus' (Plet. I, 457), польск. *krostawka* ж. р. 'растение Psoralia' (Warsz. II, 563), укр. диал. *коро́ставка* ж. р. 'женщина, больная чесоткой' (Шух. I, 34), 'жаба' (Вх. Зн. 28) (Гринченко II, 287), блр. диал. *каро́стаўка* ж. р. 'клоп' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 215).

Производное с суф. -*ъka* от прилаг. **korstavъ* (см.), **korstava*.

***korstavьcь:** болг. диал. (Геров—Панчев: Кавадарци—Македония) *краста́вецъ* м. р. 'растение Anchusa officinalis', сербохорв. *кр̏ставац*, род. п. -*а̄вца*, м. р. 'огурец Cucumis sativus', (диал.) 'сорт дыни с шершавыми плодами', 'сорт картофеля' (PCA X, 433; RJA V, 471: 'чесоточный человек', с XIV в.), *krȁstovac* 'чесоточный человек' (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krástavec*, род. п. -*vca*, м. р. 'чесоточный человек', 'огурец Cucumis sativus' (Plet. I, 457), ст.-польск. *krostawiec* 'растения Senecio Jacobaea L., Sanicula Europaea L.' (XV в., Sł. stpol. III, 392), польск. стар. *krostawiec* 'прокаженный' (Warsz. II, 563).

Производное с суф. -*ьсь* от прилаг. **korstavъ* (см.).

***korstelь/*korstělь:** ст.-слав. крастѣль ж. р. ὀρτυγομήτρα, coturnix 'коростель, перепел' (Psalt., Mikl., Sad., SJS), сербохорв. стар., книжн. *krastijel*, *krastjel*, *krastal* ж. р. 'перепел' (RJA V, 473), ст.-чеш. *chřiestel*, *chřástel* м. р. 'коростель' (Gebauer I, 556), чеш. *chřástal* м. р., слвц. диал. *χr̥ašt'el'* (Stanislav. Lipt. 212), польск. *chruściel* м. р. 'птица из сем. Rallidae' (Dorosz. I, 918), др.-русск. *коростель* м. р. 'птица коростель' (Ав. Кн. бес., 403. 1675 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 342), *Коростель*, *Коростелев* (XV в., Тупиков 255, 646), русск. *короcте́ль* м. р. 'птица из сем. пастушковых, отличающаяся резким скрипучим криком; дергач', диал. *короcте́ль* м. р. 'трещотка у сторожа на бахче' (донск., Филин 14, 366), *ко́ростель* м. р. 'коростель, дергач' (Словарь говоров Соликамского района Пермск. обл. 250), *ко́рось*, *ко́рость* 'коростель' (Картотека СТЭ).

Суффиксальное производное от звукоподражания **korst-* с вариантом **xorst-* (ср. выше примеры на начальный придыхательный), но не **xvorstъ* (см.), так как вариант **xorst-*, скорее всего, вторичен, см. Махек, ниже, а также Малиновский.

См. уже С. Микуцкий Изв. ОРЯС IV, 5, 1855, 334; Miklosich 132; L. Malinowski PF I, 1885, 155; Bernеker I, 575—576; Преобр. I, 360; Л. А. Булаховский. Общеслав. названия птиц. — ИАН ОЛЯ

VII, 2, 1948, 112 (производит от звукоподражательного глагола); Фасмер II, 335; R. Jakobson, — Word 11, 1955, № 4, 611 (сближает с чеш. *chrastiti*, как уже Микуцкий, выше, ровно за сто лет до этого); Machek[2] 207 (исходит из корня, родственного звукоподражательному глаголу лит. *kaȓkti*, что является уже лишним); Oštir. Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen 89 (**korstělь* < **korstěrь*, ср. лат. *cōturnix* 'перепел' < **kotr-* < **kosthr-* < **korsthr-*).

***korstiti:** сербохорв. диал. *кр̏стити* 'рубить, срезать ветки с листьями, подрубать' (PCA X, 434), русск. диал. *коростить* 'укрываться, шалить' (новг., влад., Филин 14, 367), *коро́ститься* 'чваниться, важничать' (волог.), 'капризничать, быть чрезмерно обидчивым и щепетильным' (твер., пск., костр.), 'жаловаться, плакаться' (пск., твер.) (Филин, там же; Даль[3] II, 430). — Не связано, по-видимому, с отыменным (см. **korsta*) производным глаголом словен. *krástiti se* 'рубцеваться, зарастать (о ране)' (Plet. I, 457).

Приведенные слова пропущены в соответствующих этимол. словарях (Скок, Фасмер); это вызвано тем, что они как бы затенены широкоизвестным словом **korsta*, к которому, скорее всего, не имеют отношения. Можно лишь допустить определенное вторичное акцентологическое влияние: **kŏrsta* → **kŏrstiti*. Наш глагол формально повторяет акутовое ударение, характерное для **korsta* и его производных. В действительности же есть основания говорить об особой этимологической связи для нашего **korstiti*, ср. лит. *kir̃sti*, *kertù* 'рубить, бить, ударять', лтш. *cìrst*, *cèrtu* 'рубить, кусать, колоть' с корнем *kert-* и его именной производной формой лит. *kar̃tas* 'раз' (см. у нас **kortъ*; о балт. словах см. Fraenkel I, 258, без упоминания разбираемого здесь слав. глагола **korstiti*). Слав. **korstiti* можно было бы интерпретировать в таком случае как глагольный интенсив **kort-t-iti* или **kort-st-iti*, производный от **kortъ*.

Довольно показательна семантика **korstiti*, ср. первичное значение 'рубить, срезать, подрубать' (сербохорв., выше) и ряд производных, переносных значений: 'шалить', 'капризничать', 'жаловаться, плакаться' (русск.). Производность этих последних от 'бить, рубить' весьма правдоподобна, ср. аналогии нем. *Streich* 'удар' и (вторично) 'шалость', а также лит. *plàkti* 'бить, ударять' и слав. **plakati* (см.), русск. *пла́кать*.

***kortati (sę):** болг. диал. *кра́там се* 'кончать' (Горов. Страндж. БД I, 100), *кра́там* 'кончать', *кратам са* 'кончаться' (Стойчев БД II, 192), русск. *корота́ть* 'проводить, занимать чем-либо время', диал. *корота́ть* 'делать что-либо короче, укорачивать' (волог., смол., заурал.), 'делаться короче' (яросл.), 'проходить (о времени)' (пск.) (Филин 14, 368), укр. *корота́ти* 'коротать, проводить' (Гринченко II, 287), также *карата́ти* (Гринченко II,

220), диал. *коротáти* 'перебиваться, бедствовать', 'донимать' (Онышкевич 370), блр. *коротáць* 'проводить, сокращать время' (Носов.).

Глагол на *-ati* (итератив-дуратив), производный от **kortъ* (см.) и соотносительный с прилаг. **kortъkъ* (см.). Формально идентично лит. *kartóti* 'повторять', но эти образования совершенно независимы, так как семантика краткости, укорачивания манифестируется в балт. лексике другими средствами (ср. об этом подробнее на **kortъkъ*).

***kortelь:** сербохорв. диал. *крàтељ* м. р. 'тяжелая инфекционная болезнь с непродолжительным течением и смертным исходом', 'мор, эпидемия', 'короткая, маленькая пашня', 'короткая ядовитая змея' (РСА X, 436—437; RJA V, 479—480), русск. диал. *коротéль* ж. р. 'рыба небольшого размера', 'низкая трава' (Элиасов 165).

Производное с суф. *-elь* от **kortъ*, **kortъkъ* (см.). Совершенно очевидна лежащая в основе разных значений идея краткости, поэтому более сложная этимологизация неуместна (см. Ð. M. Škarić. Nast. V. XV, 737—741. Цит. по: RS I, 1908, 299). Дополнительно о значениях сербохорв. слова см. П. К. Булат. JФ V, 1925—1926, 139.

***kortěti:** сербохорв. стар., редк. *krátjeti* 'становиться короче' (XVII в., RJA V, 483), польск. *krócieć* 'становиться короче, сокращаться' (Warsz. II, 565), русск. диал. *коротéть* 'делаться короче' (яросл., смол., Филин 14, 369), блр. *караце́ць* 'укорачиваться, становиться короче' (Блр.-русск.), *короце́ць* (Носов.).

Глагол на *-ěti*, производный от **kortъ*, **kortъkъ* (см.).

***kortiti:** болг. (Геров) *кратѫ* 'окончить', диал. *крáти се* 'кончиться' (М. Младенов БД III, 93), *крáт'ъ съ* (Т. Бояджиев. Дедеагачко. — БД V, 230), *крáт'ъ* 'кончить' (Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), *крâте* 'обломать' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 468), *крâте се* 'бороться', 'ругаться, ссориться' (там же), макед. *крати* 'укорачивать' (И-С), сербохорв. *крâтити* 'укорачивать, сокращать', 'обрубать', 'запрещать', 'препятствовать, мешать' (РСА X, 437—438; RJA V, 483), также диал. *krõtit* (Hraste—Šimunović I, 465), словен. *krátiti* 'укорачивать, сокращать', 'притеснять, мешать' (Plet. I, 458; Tominec 118), чеш. *krátiti* 'укорачивать, сокращать', 'коротать (время)', слвц. *krátit'* 'укорачивать, сокращать' (SSJ I, 764), ст.-польск. *krocić* 'сокращать (время)' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 193), польск. *krócić* 'укорачивать, сокращать', 'сдерживать, удерживать, унимать' (Warsz. II, 565), словин. *krùọcěc* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 495), *krocәc* (Lorentz Pomor. I, 380), русск. *короти́ть* 'делать короче, урезывать, ушивать' (Даль[3] II, 432), укр. *короти́ти* 'укорачивать' (Гринченко II, 288), блр. *караці́ць* 'укорачивать, делать короче' (Блр.-русск.), *короци́ць* (Носов.).

Глагол на *-iti* (каузатив), производный от **kortъ*, **kortъkъ* (см.).

***kortonogъ:** сербохорв. диал. *крäтонога* ж. р., кличка вола (РСА X, 445), ст.-чеш. *Kratonohy* мн., местн. название (Ст.-чеш., Прага), чеш. *Kratonohy* то же (Kott I, 807; Profous II, 372—373), др.-русск. *Коротоноговъ*, фам. (в Сибири, 1680 г. Тупиков 646).

Сложение **kortъ* (см. **kortъkъ*) и безаффиксного прилаг. *-nogъ* (обычно в роли второго компонента адъективных сложений, напр. **beznogъ*), тождественного **noga* (см.). Ср. **kortъkonogъ* (см.).

***kortostь:** цслав. краткость ж. р. brevitas 'короткость, краткость' (SJS), польск. стар. *krótość* ж. р. 'краткость' (Warsz. II, 564).

Производное с суф. *-ostь* от **kortъ* (см. **kortъkъ*). Ср. более распространенное **kortъkostь* (см.).

***kortošьjьjь:** цслав. кратошии, прилаг. breve collum habens (Mikl.), сербохорв. *кратòшија*, *крäтошија* ж. р. 'сорт черного винограда' (РСА X, 445; RJA V, 468), др.-русск. *коротошии*, прилаг. 'имеющий короткую шею' (Хрон. И. Малалы, V, 10. XV в. ~ XIII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 344; Срезневский I, 1291).

Адъективное сложение **kortъ* (см. **kortъkъ*) и прилагательного от **šьja* (см.).

***kortъ:** ст.-слав. кратъ, крата, краты, нареч. числ. 'раз', дъва краты δἰς, bis (Zogr., Mar., Euch., Supr., Mikl., Sad., SJS), болг. диал. *крáта* ж. р. 'конец' (Горов. Страндж. БД I, 100), макед. диал. *крат*, *крáта* 'часть аршина, равная 2 см' (Св. Николско MJ II, 7, 1951, 166), сербохорв. стар. *крâт* м. р. в сочетаниях с количественными числ. 'раз' (РСА X, 435; RJA V, 474—476), словен. *krât* м.р. 'краткость' (Plet. I, 457), *kràt* м.р. 'раз' (там же), ст.-чеш. *krát* 'раз' (mnoho jste mi krat psali. 1453 г. Vážný. Středověk. list. 31), чеш. *krát* (Jungmann II, 170), *Kraty*, местн. название (Profous II, 374), слвц. *-krát* в составе нареч. числ.: *dvakrát* 'два раза, дважды' и т. п. (SSJ I, 764), н.-луж. *krot* м. р., несклон. сущ., только в сочетаниях с числит. 'раз' (Muka Sł. II, 700), словин. *krót*, нареч.=*kroc* (Lorentz Pomor. I, 384).

Весьма любопытно отсутствие соответствий в вост.-слав. языках, где рано появилось заимствованное ст.-слав. (др.-болг.) кратъ и числительных оборотов с ним. См. Фасмер II, 368. В остальных — южн. и зап. — слав. языках слово представлено достаточно широко, ср. также вариант **korta* ж. р., который мог бы быть реконструирован на базе болг. диал. *крáта* ж.р. 'конец' (выше). Любопытно, что Миклошич дает для ст.-слав. кратъ (дъва краты) особую реконструкцию *kartŭ*, отличную от праформы *kortŭ*, которую он дает для ст.-слав. кратъкъ, см. Miklosich 132. Между прочим, уже выявление варианта ж. р. **korta* помогает путем внутренней реконструкции констатировать для праслав. **kortъ* наличие основы на *-o-*, факт, кажущийся настолько очевидным, что о нем забывают, переходя к рассмотрению близкородственного **kortъkъ* (см.), связь с которым, действительно, очень тесная, ср. варьирование этимологически тождественных, более простых форм на *korto-* (вместо *kortъko-*) в словообразовании и формообразовании.

Родственно лит. *kar̃tas* 'раз', *kartà* ж. р. 'слой', 'поколение', которые объединяет со слав. также интонация корневого гласного (циркумфлекс), ср. сербохорв. *крâт* (выше). Древняя семантика вполне ясна: '(счетный) раз' < 'бить, ударять'. Как балт., так и слав. слово являются производными от близкородственных глаголов — лит. *kertù*, *kir̃sti* 'рубить, ударять' слав. **čersti*, *čьrtǫ* (см.). См. Berneker I, 576; Trautmann BSW 130—131; Brückner 267—268; Fraenkel I, 258; Sławski III, 115—117; Machek[2] 290; БЕР 2, 721 (болг. диал. *крáтạ* ж. р., выше, не учитывают; любопытно, что циркумфлексную интонацию восстанавливают не только для праслав. **kortъ*, в БЕР — **kãrtъ*, но и для **kortъkъ* — **kãrtъkъ*, хотя последнее неверно); Skok. Etim. rječn. II, 182 (неточно говорится об общеслав. распространении **kortъ*, ср. выше); Otrębski. Studia indoeuropeistyczne 72 (связывает **kortъ* и **koltъ*, см.).

***kortъkonogъjь:** сербохорв. *kratkònog*, прилаг. 'коротконогий' (RJA V, 484), словен. *kratkonòg*, прилаг. то же (Plet. I, 458), чеш. *krátkonohý*, прилаг. 'коротконогий' (Jungmann II, 171; Kott I, 806), слвц. *krátkonohý* (SSJ VI, 46), в.-луж. производное *krótkonohaty*, *-a*, *-e* 'коротконогий' (Pfuhl 292), польск. *krótkonogi* (Warsz. II, 571), русск. *коротконóгий* (Даль[3] II, 432), укр. *коротконóгий*, *-ая*, *-ое*, 'с короткими ногами' (Желех., Гринченко II, 288), блр. *каратканóгі*, *-ая*, *-ое* (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 639).

Сложное прилаг. из **kortъkъ* (см.) и *-nogъ* (см. **noga*).

***kortъkonosъ(jь):** сербохорв. *kratkònos*, прилаг. 'коротконосый' (RJA V, 484), словен. *kratkonòs*, прилаг. то же (Plet. I, 458), чеш. *krátkonosý*, прилаг. 'коротконосый' (Jungmann II, 171; Kott I, 806), в.-луж. производное *krótkonosaty*, *-a*, *-e* 'коротконосый', ст.-польск. *krotkonosy* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 259), польск. *krótkonosy* (Warsz. II, 571), др.-русск. *коротконосый*, прилаг. 'имеющий короткий нос' (Новг. каб. кн., 260. 1594 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 343), русск. *коротконосый*.

Сложение **kortъkъ* (см.) и адъективного компонента *-nosъ* (см. **nosъ*).

***kortъkookъ(jь):** сербохорв. *kràtkôk*, *kratkook*, прилаг. 'близорукий' (RJA V, 484), чеш. *krátkooký*, прилаг. то же (Jungmann II, 171), польск. редк. *krótkooki* 'близорукий' (Warsz. II, 571).

Сложение **kortъkъ* (см.) и адъективного *-okъ* (ср. **bezokъ*) от **oko* (см.).

***kortъkorǫkъ(jь):** сербохорв. *kratkòruk*, прилаг. 'короткорукий' (RJA V, 484), словен. *kratkoròk* то же (Plet. I, 485), чеш. *krátkoruký*, прилаг. 'короткорукий' (Jungmann II, 171), в.-луж. производное *krótkorukaty*, *-a*, *-e* (Pfuhl 292), польск. *krótkoręki* то же (Warsz. II, 571), русск. *короткорýкий*, диал. *короткорýкий*, *-ая*, *-ое* 'склонный к плутовству, плутоватый' (Элиасов 165), укр. *короткорýкий* 'короткорукий' (Укр.-рос. словн. II, 380), блр. *караткарýкі* 'короткорукий' (Блр.-русск.).

Сложение **kortъkъ* (см.) и адъективного *-rǫkъ* (см. **rǫka*).

***kortъkostь:** болг. *крáткост* ж. р. 'краткость' (РБЕ), макед. *краткóст* ж. р. (И-С), сербохорв. *крáткост* ж. р. 'краткость' (РСА X, 443; RJA V, 485: «Слово праслав.»), словен. *kratkôst* ж. р. (Plet. I, 458), чеш. *krátkost'* ж. р. (Kott I, 806), *krátkost*, слвц. *krátkost'* ж. р. (SSJ I, 764), в.-луж. *krótkosć* ж. р. 'краткость' (Pfuhl 292), н.-луж. *krotkosć* ж. р. 'короткость' (Muka Sł. I, 700), ст.-польск. *krótkość* 'краткость', 'ущемление в правах, кривда' (Sł. stpol. III, 406), *krotkość* ж. р. 'краткость', 'малость', 'конец, предел' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 259—260), польск. *krótkość* ж. р., сущ. от прилаг. *krótki* (Warsz. II, 571), словин. *krótkosc* ж. р. 'близость', 'кратковременность' (Sychta II, 261), *krŏu̯tkosc* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 494), *krŏtkᵘosc* (Lorentz Pomor. I, 384), русск. *корóткость* ж. р. 'свойство короткого' (Даль[2] II, 169), укр. *корóткість*, род. п. *-кості*, ж. р. 'короткость; краткость, непродолжительность' (Укр.-рос. словн. II, 380), блр. *карóткасць* ж. р. (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 646).

Производное с суф. *-ostь* от прилаг. **kortъkъ* (см.). Ср. **kortostь* (см.).

***kortъkověkъ(jь):** сербохорв. *kratkòvjek*, прилаг. 'недолговечный' (RJA V, 485), чеш. стар. *krátkověký* то же (Jungmann II, 171), польск. *krótkowieki*, прил. недолговечный' (Warsz. II, 572).

Сложение **kortъkъ* (см.) и адъективного *-věkъ* (см. **věkъ*).

***kortъkъ(jь):** цслав. кратъкъ, прилаг. βραχύς, brevis 'короткий, краткий' (Mikl., SJS), болг. *крáтък*, прилаг. 'короткий, краткий' (РБЕ; БТР), также диал. *крáтък* (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 240), макед. *краток* (И-С), сербохорв. *krátak*, *krátka*, прилаг. 'короткий, краткий' (RJA V, 476—479), также диал. *krõtak* (Hraste—Šimunović I, 465), *kràtka vòda* 'непродолжительный, кратковременный подъем уровня воды' (Leksika ribarstva 170), словен. *krátek*, *-tka*, прилаг. 'короткий, краткий' (Plet. I, 457—458), ст.-чеш. *krátký* 'краткий, скудный, недостаточный' (řeč česká v tom jest krátká. Novák. Slov. Hus. 51), чеш. *krátký*, прилаг. 'короткий, краткий', также диал. *krátký* (Kubín. Čech. klad. 190), *krátkyj* (Hruška. Slov. chod. 45), слвц. *krátky* 'короткий, краткий' (SSJ I, 764), в.-луж. *krótki* (Pfuhl 291), н.-луж. *krotki* 'короткий' (Muka Sł. I, 700), полаб. *kort'ĕ*, прилаг. 'короткий, краткий' (Polański—Sehnert 81), ст.-польск. *krótki* 'короткий, непродолжительный', 'краткий' (Sł. stpol. III, 405—406), *krotki* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 253—257), польск. *krótki* (Warsz. II, 570), словин. *krŏu̯tkï* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 494), *krótk'i* также 'густой (о кушаньях)' (Sychta II, 260—261), др.-русск. *коротъкыи* (И нбо и лѣта ны су коротка, и трудъ малъ на земли. Паис. сб. 181. Пр. соб. Срезневский I, 1291; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 343), *Короткой*, личное имя собств. (1495 г. Писц. I, 649. Тупиков 255), русск. *корóткий*, *-ая*, *-ое* 'небольшой, малый по длине', 'непродолжительный, малый по времени' (разные употребления диал. *корóткий* см. Филин 14, 369), укр. *корóткий*,

-*a*, -*e* 'короткий,' 'краткий' (Гринченко II, 288), блр. *карóткі* 'короткий', также диал. *карóткі* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 422, фам. *Карóткі* (в XVI—XVIII вв. — *Короткий*, *Коротки*, *Каротки*. Бірыла 187).

Собственно говоря, еще во времена Миклошича было ясно, что речь идет о производном от глагольного корня **kert-*, ср. лит. *kiřsti*, *kertù* 'рубить', т. е. об имени с корневым гласным -*o*- **kortъ*, см. Miklosich 132; A. Meillet MSL 14, 4, 1907, 384. Таким образом, это **kortъ*, абстрагируемое из **kortъkъ*, этимологически тождественно другому нашему **kortъ* (см.) 'раз, (счетный) удар' < 'режущий удар'; при этом значение 'короткий' развилось из 'куцый, обрезанный', см. Berneker I, 576—577. Этого тождества, а также наших сведений о том, что **kortъ* 'раз' было -*o*- основой (ср. лит. *kar̃tas* 'раз', а также вариант ж. р. с исходом -*a*, разбираемый выше в статье о **kortъ*), казалось бы, вполне достаточно для того, чтобы считать и этимологически идентичное **kortъ* в составе **kortъkъ* основой на -*o*-. Однако, начиная с Фика, были выдвинуты этимологические сближения, которые, несмотря на очевидное противоречие достоверным фактам, утвердились в качестве основной характеристики слав. **kortъkъ* и некритически повторяются до сих пор большинством исследователей, временами даже вытесняя единственно достоверное тождество двух **kortъ*. Так, у Фасмера (II, 336) уже совершенно не упоминается тождество с **kortъ* 'раз', которое Бернекер ставит в первый ряд, но дается лишь ссылка на связь чередования гласных с русск.-цслав. *чрьтѫ*, *чрѣсти* 'резать', явно недостаточная сама по себе. На первый план выдвинулись сближения с др.-инд. *kaṭúṣ* 'острый, едкий' и лит. *kartùs* 'горький'. Однако оба слова вызывают особые замечания, подрывающие надежность этих сравнений. Еще Мейе указал, что *kaṭúṣ*, *kaṭúḥ* — это форма на своеобразном санскритизированном пракрите и что ей соответствовала бы правильная санскритская форма **kṛtu-*, которая вместе с тем не соответствует слав. **kortъkъ*. См. Meillet. Études II, 325; ср. так же о др.-инд. слове Mayrhofer I, 143. Тем самым, строго говоря, отпадает и тождество *kaṭúḥ* — лит. *kartùs*. Лит. слово в значении 'горький' достоверно образовано от лит. глагола *kiřsti* 'горчить', а также (первоначально и до сих пор) 'рубить, бить, ударять' (см. о них Fraenkel I, 225, 258). Нет никакой уверенности в том, что *kartùs* — старое образование. Напротив, оно полностью укладывается в наши представления о вторичной (поздней) продуктивности основ на -*u*- среди прилагательных лит. языка. Мейе, опираясь на Лескина, судил об этом достаточно четко, см. Meillet. Études II, 324. Он отметил там, что позднее развитие типа прилагательных на -*us* в лит. имеет аналогию во вторичном развитии слав. прилагательных на суф. -*ko*-. Вторичность прибавления последнего ясна из того обстоятельства, что во всех мало-мальски старых производных от прилагательных на -*ko*- суф. -*ko*- отсут-

ствует. Это относится в полной мере и к прилаг. **kortъkъ*. Все производные от него произведены в сущности от **kort-* в формах словоизменения, как напр. сравн. степ. **kortje*) или — что особенно показательно — от **korto-* (в сложениях **kortonogъ*, **kortošьjь* и др., вариантных к более поздним сложениям с **kortъkъ*). Никаких данных в пользу образования слав. **kortъkъ* от основы на -*u*- нет. Единственное точное лит. соответствие для праслав. **kortъkъ* — это *kar̃tas* 'раз' (< 'удар'), как и для праслав. **kortъ*. Лит. *kartùs* 'горький', как и др.-инд. *kaṭúṣ* 'острый', должны, по всей вероятности быть удалены из числа форм, этимологически родственных слав. **kortъkъ*. Последнее лишь чисто внешне оказывается в одном ряду с другими слав. прилагательными на -*ko*-, которые действительно являются расширенными формами более древних прилагательных на -*u*- (ср. N. Troubetzkoy. Les adjectifs slaves en -ъkъ. — BSL 24, 1923, 131, где в разряд таковых зачисляется и кратъкъ, сближаемое с др.-инд. *kaṭuḥ*). В свете сказанного нам представляется скомпонованной из разнородного материала статья о (балто-слав.) **kartu-* 'schneidend, bitter; abgeschnitten, kurz' в словаре Траутмана (Trautmann BSW 131). К слову сказать, семема 'короткий' выражена в балт. лексике совсем иначе, хотя на тех же основаниях развития значения, ср. лит. *trumpas* 'короткий' — из **tru-n-pas*, с носовым инфиксом, к этимологическому *trùpùtis* 'крошка', *trupė́ti* 'крошиться, ломаться' (см. подробно V. Urbutis. Žodžio trumpas etimologija. — In: V. Urbutis. Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981, 85 и сл.). В итоге все существенные положения о праслав. **kortъkъ*, которые приводит согласно с традицией, напр., в своем польск. этимол. словаре Славский («Продолжает древнее прилаг. с основой на -*u*-: **kortu-*. . .»; «Точное соответствие: лит. *kartùs* 'горький'. . .», см. Sławski III, 159), должны быть подвергнуты пересмотру. Любопытно, что он только констатирует родство с праслав. **kortъ*, но о принадлежности последнего к -*o*- основам и о словообразовательных формах **korto-*, соотносительных с **kortъkъ* (у нас, выше), даже не упоминает. Критик Славского Э. Хэмп, к сожалению, лишь повторяет реконструкцию **kortъkъ* < **kortú-* и сравнение с лит. *kartùs* 'горький', см. E. Hamp RS XXX, № 1, 43 (лат. *curtus* 'короткий' < **kṛto-*, к которому апеллирует и этот автор, лучше всего, говоря о слав. слове, оставить в стороне).

Известно, что это слав. прилагательное имело акутовую интонацию: **kórtъkъ*, ср. русск. *корóткий*, но есть основания думать, что это ударение сменило более древний циркумфлекс (ср. и Хэмп, там же). Таким путем мы приходим к реконструкции того же **kor̃tъ*, что и для **kortъ* 'раз'. Инновационное появление у этой основы значения 'обрезанный, короткий' отразилось и в акцентуационной инновации (продление корневого гласного в про-

изводном): *koȓto- > *kȍrto-, ср. *voȓno- > *vȍrnā (см. *vorna, *vornъ).

Особняком стоящую этимологию Махека — *kortъ(kъ) к ирл. garit, gairit 'короткий' (Machek[2] 290) едва ли можно принять; для Махека важнее всего тождество значений, тогда как типологически значение 'короткий' прежде всего — значение вторичное и задача состоит во вскрытии пути, которым оно пришло к конечному результату, а пути бывают разными.

***kortyšь:** н.-луж. krotuš м. р. 'маленький человек, карлик' (Muka Sł. I, 700—701), русск. коротыш м. р. 'малыш, низенький человек' (Даль[3] II, 431), диал. коро́тыш м. р. 'животное с коротким туловищем (арх., Филин 14, 370), 'короткий обрубок бревна' (волог., костр., яросл., нижегор., новосиб., там же), укр. диал. коротиш м. р. 'короткое бревно' (Лексика Полесья 141), блр. каратыш м. р. 'человек невысокого роста' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 639), коротиш м. р. 'малорослый мужчина' (Носов.).

Производное с суф. -yšь от *kortъ, см. *kortъkъ.

***kortь:** сербохорв. стар., редк. krât ж. р. = krat м. р. (только в тв. ед. krâti, Дубровник, XVII в., RJA V, 474), словен. krât ж. р. 'раз', 'срок' (Plet. I, 457), слвц. диал. krát' (Habovštiak. Orav. 265), в.-луж. króć м. и ж. р. 'раз' (Pfuhl 290), польск. kroć 'раз' (dwakroć 'два раза, дважды', trzykroć 'три раза, трижды' (Warsz. II, 556), словин. kroc (Lorentz Pomoř. I, 380).

Этимологически тождественно *kortъ (см.).

***koruba/*korupъ:** болг. кору́ба ж. р. 'дупло в дереве' (БТР; РБЕ: 'дупло; полость', 'выпуклость'; Геров: 'дуплистое дерево'; коруба жаба 'черепаха'; Геров—Панчев: кору́ба 'срубленный ствол дерева', 'желоб'), диал. кору́ба ж. р. 'скорлупа (ореха, яйца)' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), 'раковина улитки' (М. Младенов. Из лексиката в Кюстендилско. — БД VI, 143), 'толстое бревно, чурбан', 'мельничный желоб', 'внутренность тела' (Д. Маринов. Думи и фрази из западна България. — СбНУ XII, 1895, 289; СбНУ, XIV, 203; С. Стойков, К. Костов и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско 309; Кепов СбНУ XLII, 264; М. Младенов БД III, 92), 'колода, выдолбленная внутри', 'опалубка колодца' (с. Веригово, Карловско, РРеч XIII, 186. Архив Болг. диал. словаря, София), кору́бъ ж. р. (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 196), кору́ба ж. р. 'толстая кора тыквы вместо посуды для корма животным' (Стойчев БД II, 191), куру́бъ ж. р. 'пустой внутри ствол, пень' (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 26; П. Петков. Еленски речник. — БД VII, 75), корлу́ба ж. р. 'скорлупа' (Гълъбов БД II, 86), производное кору́ба се 'гнуться, нагибаться' (Кепов СбНУ XLII, 264), кору́п м. р. 'дуплистое дерево, пень' (Г. Горов. Страндж. — БД I, 99), макед. диал. коруба 'сухая древесная кора' (Б. Видоески. Поречкиот говор 61), корупка ж. р. 'корка, кожура; скорлупа',

'панцирь (черепахи и т. д.)' (И-С), сербохорв. ко̀руба ж. р. 'кора; кожура', 'раковина', 'желоб из дерева или коры', 'деревянное корыто' (РСА X, 288), диал. ко̂руб м. р. 'сетка с обручем из гнутого прута (для ловли птиц)' (там же), производное кору̀бати 'чистить (кукурузу)' (РСА X, 288; RJA V, 348), также кору̀жбати (РСА X, 289), кору̀пина ж. р. 'кора, кожура, шелуха' (РСА X, 290), блр. диал. ко́руп м. р. 'сброшенная гадюкой или ужом кожа во время линьки' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 504).

Г. П. Клепикова (Сб. в честь С. Б. Бернштейна 419 и сл.) обращает внимание на карпатскоукр. кару́ба 'ящик', 'старая рассохшаяся бочка', на основании сравнения которого с многочисленными ю.-слав. примерами она говорит о карп.-укр.-ю.-слав. лексической параллели. Приведенный выше у нас интересный блр. пример позволяет расширить названную изоглоссу.

Форма на -b- *koruba, несмотря на ее широкое распространение, видимо, вторична, представляет собой озвончение («ослабление») первоначального *korupъ, которое мы считаем этимологически наиболее авторитетным вариантом. В общем уже Миклошич был близок к признанию наличия здесь корня kor- от *kora (см.), ср. отмеченную им суффиксальную вариантность укр. закорублий, закорузлий (см. Miklosich 132). Словарь Бернекера представляет регресс в исследовании этого слова, поскольку опускает наиболее достоверные данные Миклошича, довольствуясь его случайным сравнением с рум. cărîmb 'стебель' и собственной резолюцией «Dunkel» (см. Berneker I, 577).

Исследование слова *koruba / *korupъ затрудняется определенным влиянием со стороны словосложений *korolupa, *skorolupa (см.), даже фактом существования слов *čerupa / *čerolupa (см.), ср. хотя бы упомянутый выше болг. диал. вариант корлу́ба. Тем не менее, и после этих замечаний основным образованием в данном случае должно быть признано *korupъ, производное от *kora с суф. -upъ, ср. с тем же формантом слово *gorupъ / *gorupa (см.), известное не только у южных, но и у вост. славян (и, кстати, тоже подвергшееся осложняющему влиянию форм с полнозначным компонентом -лупа).

См. S. Romanski RÉS II, 1922, 53 (который сюда напрасно относит также *korabjь, см.); БЕР 2, 647—648; Skok. Etim. rječn. II, 151 (говорит об образовании «с помощью редкого суф. -uba»). Ошибочно поэтому толкование производного отсюда глагола сербохорв., словен. korubati 'чистить, шелушить (кукурузу)' как якобы сложения префикса ko- и глагола rubati, rubiti 'рубить' (так A. Debeljak SR V—VII, 1954, 170).

***koruša/*korušь:** сербохорв. диал. ко̀рушка ж. р. 'растрескавшаяся поверхность земли', 'кора, кожура' (РСА X, 292; Mić. 11), производные korùšati 'сдирать кору' (RJA V, 349), кору̀шав, -а, -о 'заскорузлый' (РСА X, 291), кору̀шити се 'покрываться корой,

ссыхаться' (РСА X, 292), русск. диал. *коруша́* ж. р. 'кожура' (олон., Филин 15, 28), *кору́ш* 'корка хлеба' (Картотека Псковского областного словаря).

Производное с суф. *-uš-* от **kora* (см.).

***koruza:** макед. диал. *коруза* ж. р. 'струп' (И-С), словен. диал. *korúze*, род. п. *-eta*, ср. р. 'кляча, скверная лошаденка' (Štrekelj 16), блр. диал. *кару́за* ж. р. 'задира, забияка' (Матэрыялы для слоўніка 99, 114).

Производное от **kora* (см.) с суф. *-uza* подобно **koruša* (см.) — с суф. *-uša*. Судя по производному **koruzlъ* (см.) в зап. и вост.-слав., слово **koruza* отличалось вначале значительно более широким распространением. О производности с суф. *-uz-* от **kora*, правда — только применительно к словен. *korúze* (выше) см. Л. В. Куркина. — Этимология. 1970 (М., 1972), 95.

Скорее всего, сюда же — к исконнослав. **kor-uz-a* — восходит распространенное название злака Zea mays — болг. *кукуру́з*, сербохорв. *куку̀руз*, *кокоруз*, русск. *кукуру́за* и др. Большинство исконнослав. этимологий этого названия (начиная с Бернекера) построены на допущении производности его от слав. **kokora* (см.), см. БЕР 3, 110—111 (с литер.), однако происхождение от **kora* вероятнее реально-семантически, если учесть жесткое покрытие зрелого початка кукурузы. Вторичный перенос с местных (балканских) видов растений на импортированную позднее американскую культуру вполне естественен. Вопросом этого переноса и ранней, «доколумбовской» датировки ю.-слав. названия занимался в последнее время М. Шимундич.

***koruzlъ(jь):** словин. *k'oruzel*, род. п. *-zla*, м. р. 'кривое, карликовое дерево' (Sychta II, 210), русск. диал. *корю́злый*, *карю́злый* 'небольшой, корявый (о дереве и т. п.)', (смол.), 'скрученный' (том.), 'небольшого роста (о человеке)' (калуж. тамб.) (Филин 13, 113), 'сухой, заскорузлый' (орл., Даль³ II, 438); блр. *кару́злы* 'корявый, закорузлый' (Байкоў—Некраш. 143), диал. *кару́злы* (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 216).

Прилаг., производное с суф. *-lъ* от **koruza* (см.).

***korva:** цслав. крава ж. р. βοῦς, vacca (Mikl.), болг. *кра́ва* ж. р. 'корова' (БТР; Геров); также диал. *кра́ва* (М. Младенов БД III, 92), *кра́wa* (П. И. Петков. Еленски речник. — БД, VII, 70), *кра́въ* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 45), *кр́ба* (Стойчев БД II, 193), макед. *крава* ж. р. 'корова' (И-С), сербохорв. *кра̏ва* ж. р. 'корова' (РСА X, 388; RJA V, 486—487), также диал. *krãva* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *kráva* ж. р. 'корова' (Plet. I, 459), чеш. *kráva* ж. р. 'корова', слвц. *krava* ж. р. (SSJ I, 764), в.-луж. *kruwa* ж. р. 'корова' (Pfuhl 294), *krowa* (Pfuhl 292), н.-луж. *krowa* ж. р. (Mųka Sł. I, 701), полаб. *korvo* ж. р. 'корова' (Polański—Sehnert 81), ст.-польск. *krowa* 'корова' (Sł. stpol. III, 392—393; Sł. polszcz. XVI w., XI, 264), польск. *krowa* ж. р. 'корова' (Warsz. II, 564), также диал. *krova* (Kucała

73; Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 190—191), *krᵘova* (Tomasz. Łop. 141), *karwa* (Sł. gw. p. II, 483; Warsz. II, 285), словин. *krova* ж. р. 'корова' (Sychta II, 262), *krùǫvă* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497; Ramułt 80: «Более старая форма *karva* сохранилась еще кое-где в северо-западных повятах»), др.-русск. *корова* ж. р. 'корова' (Правда Рус. (кр.), 72. XV в. ~ XI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 333; Срезневский I, 1289), *Корова*, личное имя собств. (XV в., Тупиков 254), русск. *коро́ва* ж. р. 'крупное парнокопытное домашнее животное, дающее молоко', ст.-укр. *корова* ж. р. 'корова' (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 497), укр. *коро́ва* ж. р. (Гринченко II, 285), блр. *каро́ва* ж. р. 'корова', диал. *карова*, *коро́ва* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421).

История слав. **korva* — пример того, как этимология, казалось бы, с полной ясностью установленная еще свыше ста лет назад, с течением времени, с притоком фактов и уточнением методов исследования предстает перед нами во всей сложности, которую не вправе односложно интерпретировать даже краткий вариант изложения. Правильное сравнение ст.-слав. крава, лит. *kárvė* 'корова' с авест. *çrva-* (*çruva-*) 'рога́', лат. *cervus* 'олень', греч. κεραός 'рогатый', см. Fick³ I, 58; J. Schmidt KZ XXV, 1881, 127; Miklosich 132.

Таким образом, давно пришли к выводу, что **korva* этимологически обозначало рогатое животное, собственно — 'рогатая'. См. A. Meillet MSL 8, 4, 1893, 298 (авторская интерпретация *k* неубедительна). Но соответствующая и.-е. лексика восходит к и.-е. **k̑er(ə)-*, **k̑eru-* **k̑ern-* с выразительным наличием *k̑* палатального, ср. сюда еще греч. κέρας 'рог', др.-инд. *śŕ̥ṅga-* то же, герм. **herut* 'олень', нем. *Hirsch*, кимр. *carw*, корн. *carow*, брет. *karo* то же, др.-прусск. *sirvis* 'косуля' (из соответствующей последнему прабалт. формы **širvis* 'рогатое животное, олень' было заимствовано фин. *hirvi* 'лось, олень' с переходом *š* > *h*; не следует смешивать с этим балт. **širvis*, которому отвечало бы лит. **šìrvis* с древней долготой корня < **k̑r̥̄-u̯-* или **k̑erəu̯-*, другое лит. *šir̃vis*, ц в е т о о б о з н а ч е н и е, обозначающее животное серой масти, ср. и разницу в интонации; путаница на этот счет несомненно наличествует у Френкеля, см. Fraenkel II, 989). Обзор и.-е. названий рога и производных см. Pokorny I, 574 и сл. Нельзя преуменьшать тот факт, что слав. **korva* содержит как раз задненебный *k* «зап.-и.-е.» типа (ср. Walde—Hofm. I, 208), т. е., достоверно принадлежа к перечисленным названиям рогатых животных, в то же время отклоняется от нормальной для славянского сатэмной рефлексации и.-е. *k̑* > *s*. Это отклонение нельзя списать ни за счет фонетич. позиции, ни за счет случайности («исключение»). Дело в том, что слав. **korva* с его велярным *k* наряду с **sьrna* (см.) < и.-е. **k̑r̥n-* явно маркировано в слав. словарном составе подобно тому, как и лит. *kárvė* наряду

с регулярным балт. *širvis, др.-прусск. *sirvis* (выше) выступает как отмеченный член терминологической оппозиции в балт. лексике. Лаконичная констатация родства, скажем, русск. *корова* и *серна* и вариации задненебных в них (ср. Фасмер II, 331—332) просто недостаточна в современном этимол. словаре, ср. и Sławski III, 146: «Psł. *kórva 'vacca' . . . Prapokrewne: łac. *cervus* . . .». Здесь нет также оснований говорить о нарушениях нормальной спирантизации и.-е. *k̑* > слав. *s*, балт. *š*, на периферии, так как существующие рядом слав. *sьrna, балт. *širvis 'косуля, рогатое животное' имеют эту спирантизацию. Маркированность кентумных рефлексов *k̑* в слав. *korva, лит. *kárvė* состоит в том, что они — названия домашнего, хозяйственно важного животного, знаменуют как бы нововведение и в экономике, и в языке сравнительно с более архаичным и фонетически правильным *sьrna — о привычном диком животном. См. Трубачев. Дом. жив. 40—41.

Строго говоря, название коровы должно было бы иметь форму праслав. *sorva, лит. *šárvė (ср. и Moszyński. Pierwotny zasiąg 18—19), поэтому реально засвидетельствованные нарушения в виде *korva и *kárvė* могут быть истолкованы единственно как отражение культурного и языкового влияния. Предположения об иноязычном происхождении слав. *korva строились уже давно. Ср. Корш у Преобр. I, 358 (критику Корша см. Berneker I, 577); Moszyński, там же. Культурное значение 'корова', т. е. 'самка домашнего крупного рогатого скота' имеют только слав. *korva* и лит. *kárvė*. Еще приводят в этой связи алб. *ka* 'вол', реконструируя его из *karv- вслед за Г. Майером, см. N. Jokl. Zur Vorgeschichte des Albanischen und der Albaner. — WuS XII, 1929, 68. Алб. слово семантически стоит несколько особняком, поскольку не имеет в общем никакого отношения к молочному хозяйству, термином которого по преимуществу было название коровы в балт. и слав. Вместе с тем иллирийский, принявший участие в генезисе албанского, определенно имел формы, близкие к слав. *korva фонетически и семантически, о чем, возможно, говорят личные собственные имена *Carvius*, *Carvanius* в античной Далмации, на что указал Йокль, там же. Разумеется, трудно уверенно судить о семантике древнего апеллатива по свидетельству ономастики (с равным успехом эти древние имена могли иметь значение 'Олень', 'Олений'). Поэтому особый интерес представляет апеллативное глоссовое κάρτην·τὴν βοῦν. Κρῆτες (Гесихий), т. е. κάρτη(ν) — 'корова' у критян. Широкое распространение получила основанная на этой критской глоссе реконструкция *kr̥tā у Перссона, см. P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung 2 (Uppsala — Leipzig, 1912), 585, сноска 4; Pokorny I, 576: *k̑r̥-tā 'рогатая'. Однако эта реконструкция представляется нам спорной: во-первых, кажется более правильным предположить здесь долготу корня — и.-е. *r̥̄* или *erə*, во-вторых, зубной

расширитель оформляет в известных нам случаях этот корень иначе, ср. герм. *herut- 'олень' < и.-е. *k̑er-u̯-d-, сюда же греч. κόρυδος 'alauda c r i s t a t a', к тому же, это достоверно другой расширитель — *d*, а не *t* (греч. κέρας < *k̑erəs- лишь вторично получило флексию на *-t-* κέρατος и т. д., см. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 517). Предложенное отступление понадобилось нам для обоснования иного прочтения упомянутой глоссы: не κάρτην, а κάρϜην, через дигамму (графический символ древнего *u̯*) или просто через гамму, имевшую, в частности в словаре Гесихия, нередко то же факультативное фонетическое значение, спутать же оба написания, особенно в маюскульном письме — ΚΑΡΓΗΝ и ΚΑΡΤΗΝ — очень легко. Эмендация глоссы (ср. еще Specht. Ursprung. 221), кроме мотивов неудовлетворительности прежнего чтения, имеет в свою пользу то обстоятельство, что данное прочтение сразу ставит эту глоссу в один ряд с равнооформленными слав. *korva, лит. *kárvė*, имеющими то же самое инновационное значение 'к о р о в а' (τὴν βοῦν). Глоссовое κάρτην (*κάρϜην) не было в сущности греч. словом. Слав. *kórva (сербохорв. *крäва*, русск. *корóва*) и лит. *kárvė* продолжают форму со старой долготой корня — *korəu̯ā; в этих языках (а также, видимо, в языках, откуда было перенято это древнее слово) срединное и.-е. *ə* исчезло, оставив лишь интонационно-акцентуационный след в виде долготы предшествующего слога. В греческом это *ə* в середине слова, как известно, сохранялось, напр. в родственном греч. κεραός < *k̑erəu̯os[1]. Следовательно, критский диалектизм κάρτη(ν) (*κάρϜη-) имеет принципиально негреч. вид и может быть связан с достигшей древнего Крита волной дорийского вторжения, в котором допустимо предполагать иллир. компонент. Время дорийского нашествия на Грецию (XII в. до н. э.) совпадает с вероятным временем распространения иллир. племен на Балк. полуострове. Локальное культурное обстоятельство подтверждает наши рассуждения. Эта эпоха была близка ко времени действия гомеровских поэм, а гомеровские греки, как и раньше них — древние индоевропейцы, не употребляли в пищу молока (см. Трубачев, Указ. соч. 8). Только этой индифферентностью объясняется фактическое терминологическое неразличение мужской и женской особи крупного домашнего скота в греч. ὁ, ἡ βοῦς 'бык, корова', восходящее к древнему неразличению в и.-е. *gʷōu-s, вторично затем преодоленному в разных языках по-разному, ср. вытеснение общего и мужского значения женским в герм. (нем. *Kuh* 'корова'), развитие супплетивности противопоставления мужского — жен-

---

[1] Эта же причина заставляет нас отвести и совершенно иную этимологию слав. *korva — через сближение с греч. κόρος, κόρη, ион. κοῦρος, κούρη 'юноша, девушка', якобы из κορəϜος, κορəϜᾱ (J. Rozwadowski BSL 25, 3, 1925, 116—117), потому что тогда мы ожидали бы рефлекса и.-е *ə* > греч. *α*.

ского терминов (лат. *bos* — *vacca*). Последнее относится и к способу появления слав. **korva*. Критское глоссовое κάρτην (*κάρϜην) 'корова' также было маркированным лексическим элементом на фоне первоначальной греч. ситуации. Его следы ведут в северные районы Балканского полуострова, быть может, — в приальпийские районы. Здесь находился древний очаг одомашнивания, а затем и молочного использования самок крупного рогатого скота длиннорогой породы. Они были прозваны поэтому не просто 'рогатые', а 'оленьи' или 'оленихи'. Расселявшийся с древности на западе, вплоть до альпийского ареала, кельтский также подсказывал такую возможность своим *car(a)vos* 'олень', ср. другие формы названия оленя из кельт. языков, выше. Слав. **korva* лучше объясняется из др.-кельт. *caravos* с сохранением долготы корня, отразившейся в слав. старой долготе (акуте). См. О. Н. Трубачев ВЯ 1982, № 4, 19. Здесь опять, как и в ряде других случаев сохранности внешних свидетельств, мы получаем возможность говорить (как о реконструкции, эквивалентной **korəva*, выше) о раннеполногласной праслав. стадии **kărăvā*, лежащей в основе всех слав. дометатезных и послеметатезных форм. Для реконструкции исходного **kărăvā*, как и для локализации древнего очага возникновения, имеет значение название гор на австрийско-югославской границе: нем. *Karawanken*, ит. *Caravanche*, словен. *Karavánke* мн. Этимологическую связь оронима с кельт. *carvos*, *karvos* 'олень' подтверждает название одного хребта этих гор по-словенски — *Košúta* 'о л е н и х а, л а н ь' (см. Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978, 317; О. Н. Трубачев, рец. на указ. кн. — Этимология. 1979. М., 1981, 189). Топонимическая глосса *Karawanken*=словен. *Košúta* подтверждает реконструкцию древней внутренней формы 'олениха' для праслав. **korva*. Исходное для последнего слова кельт. название имело и.-е. вид **kărăvā*, или **ḱorəvā*, будучи генетически прилагательным, тождественным греч. κεραός 'рогатый' (ср. выше). Слав. **kórva* исчерпывающим образом, включая интонацию долготы и адъективную форму, отражает этот древний тип, лишь отклонением рефлекса и.-е. *ḱ* выдавая свое иноязычное происхождение. Очень близкое к слав. слову лит. *kárvė* обнаруживает одну лишнюю черту — вторичный суф. *-i̯ē-* (*-i̯ā*) (Meillet. Études II, 372), который, может быть, отражает первоначальное сознание адъективности образования раннего балт. **kārva*. Таким образом, уже априори балт. образование здесь объясняется из слав. формы как более простой. Изолированность *kárvė* среди балт. лексики свидетельствует о том же явлении, которое можно сформулировать как передачу из центральноевропейского очага возникновения через слав. в балт. И хотя Френкель видит в лит. *kárvė* форму, родственную описанным выше и.-е. названиям рога и рогатого животного, оговаривая лишь возможность чередования здесь задненебных (Fraenkel I, 225), положение в балт. далеко

от простоты и по-своему весьма поучительно. Обобщенный прототип **kāru̯ā*, который можно предположить для балт. (см. Trautmann BSW 119), далеко не является общебалт., его нельзя признать общим даже для вост.-балт. группы, поскольку уже лтш. именует корову архаично — *govs*, *guovs* от недифференцированного и.-е. *g$^{u̯}$ŏu̯-* (ср. выше), а лтш. *kar̃va* — насмешливо о женщине — представляет собой, скорее всего, литуанизм (Fraenkel, там же). Следы явной замены более новым **kāru̯ā* первоначального **guo-*, **gu-* в том же значении встречаются и в других частях балт. территории, ср. характерное упоминание деревни *Guty* в Белостоцком воеводстве с вероятным балт. (ятвяжск.) субстратом: Guthi alias Karwowo, XV в. (пример из: Топоров. Прусский язык. Словарь: I — K. M., 1980, 241). Балт. **kāru̯ā* 'корова' в зап.-балт. (др.-прусск.) нам неизвестно. Др.-прусск. название коровы *klente* — явно позднее слово, по-видимому, местное заимствование (Топоров, там же), что из общей перспективы первоначального отсутствия и вторичного появления особого названия для коровы (о чем — выше) представляет дополнительный интерес. Однако было бы неверно считать, что др.-прусск. совершенно не знал балт. **kāru̯ā* 'корова'. Др.-прусск. *curwis*, *kurwan* 'вол' не заимствовано из польск. *karw*, как думал Брюкнер (Brückner 271), но оно равным образом не восходит и к какому-то особому балт. **kūru̯a-* 'вол', как считал Траутман (там же). Естественнее всего видеть в др.-прусск. *curwis*, *kurwan* характерное др.-прусск. фонетическое развитие *ā* (**kāru̯ā*) > *ū*, в частности, после задненебных. Описание этого явления как в древней, так и в более поздней лексике см. Stang. Vgl. Gr. 38; однако ни там, ни в этимологической литературе нам не встретилась такая интерпретация примера *curwis*. Свидетельства др.-прусск. топонимии, богато представленной в цитированном труде Топорова, подчас двусмысленны, но в них можно выделить также ряд вероятных продолжений балт. **kāru̯ā*, причем как в форме *Karv-*, так и в форме *Kurv-*, каковое разнообразие допустимо отчасти объяснять естественным консерватизмом топонимии (*Karv-*) сравнительно с апеллативной лексикой, отчасти — диал. различиями (иначе Топоров, там же: «трудно объяснимая мена элементов *Karv-* : *Kurv-* (как в синхроническом, так и в диахроническом плане)»). В остальном же в случае с др.-прусск. *curwis*, как и с польск. стар. *karw*, о котором — ниже, нет оснований говорить о каком-то исходном тождестве названия для коровы и быка. Балт. **kāru̯ā*, как и слав. **korva* — это femininum tantum, и на вола (не на быка!), к тому же старого и ленивого, как в польск. *karw*, это название коровы перенесено вторично, употреблено экспрессивно, чтобы принизить мужские качества животного. Правильна поэтому лаконичная характеристика у Брюкнера (там же): *karw* 'вол' (презрительно) вторично произведено от *karwa* ж. р. вариант к польск. *krowa* 'корова'. Трез-

вое мнение Брюкнера упорно оспаривалось, и польск. *karw* возводилось к нулевой ступени огласовки нашего корня — и.-е. **kr̥u̯-*, см. Berneker I, 577; в последнее время — E. Hamp RS XXX, 1, 44—45 (там же неверные суждения о др.-прусск. *kurwan*).

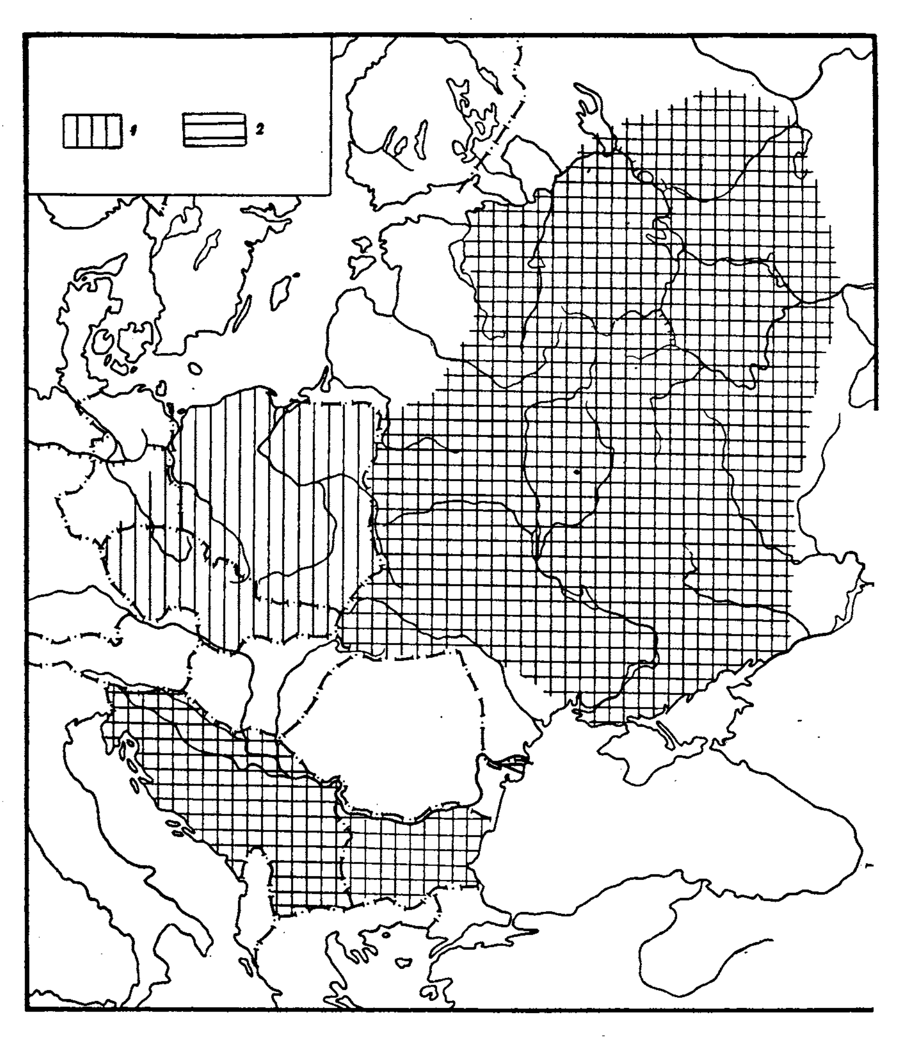
Таким образом, ни **kъrvъ*, ни **korvъ* не реконструируются нами ни для праслав., ни для более древних эпох на примере польск. *karw*. Исходя из наиболее достоверных первичных особенностей слав. **korva* (femininum tantum, термин молочного хозяйства, этимологически 'оленья, олениха'), мы, равумеется, не можем принять концепцию **korvъ* и **korva* как праслав. имен деятеля, якобы родственных с др.-инд. *carvati* 'жевать' (Machek[2] 290). Идея Махека о том, что **korvā* — производное с продлением корневого вокализма (врддхи) от **korvъ* по типу **vórna* < **vornъ*, неверна, в **korva*, *kárvė*, как мы видели из родственных соответствий, мы имеем дело не с морфологическим продлением, а со старой долготой (греч. κεραός < **k̑erəu̯os*). Тем не менее, эта идея была некритически подхвачена Славским, который также считает, вопреки показаниям лит. *kárvė* и другим моментам, что **korva* — производное от реликтового **korvъ*. См. Sławski III, 146.

Из прочей литературы см. K. Oštir. — Etnolog IV, 1930, 6 (сближает протобалтослав. **kārw-* 'корова' с правенет. **kērw-* > *ceva*); см. еще Oštir. Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen 9; V. Pisani. Miscellanea etimologica. Roma, 1933, 123 (цит. по: RS XIV, II, 1938, 190): предпочитает сравнивать с лат. *curvus* 'кривой', а не с *cervus*; E. Fraenkel. Zur Verkürzung von Komposita in den indogermanischen Sprachen. — ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ, Gedenkschrift Paul Kretschmer, I, 101: считает, что глосса Гесихия κάρτη (выше) — всего лишь усечение сложения καρταῖπος 'крупный рогатый скот', καρταίπους, также κραταίπους 'крепконогий (о быке)', однако это наталкивается на более тонкую спецификацию глоссы — τὴν βοῦν 'корова'; см. так же E. Fraenkel. — Glotta 35, 1956, 87; Fraenkel I, 225; N. Jokl. — Die Sprache 9, 2, 1963, 150; БЕР 2, 700—701; Skok. Etim. rječn. II, 183 (высказывает наблюдение, что *-u̯a* в **korva* — суф. прилагательного).

О лит. гидронимах, производных от *kárvė* 'корова', об их сравнительно не очень старом образовании см. специально A. Vanagas. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas (Vilnius, 1981) 148—149.

***korvajь:** цслав. кравам м. р. panis (Mikl.), болг. *кравáй* м. р. 'ритуальный круглый хлеб с отверстием посредине' (БТР; Дювернуа: *кравай восък* 'круг воска'), 'свадебный каравай' (Ф. К. Волков. Свадбарските обреди. — СбНУ III, 166), диал. *крáвай* м. р. (с. Покровник, Благоевградски окр. — Дип. раб. 1977 г., Архив Софийск. ун-та), *кръвáй* 'хлеб с узором или с отверстием посредине, которым потчуют гостей' (Песни от село Войнягово. — СбНУ XLVI, 2, 230), *карвáй* м. 'ритуальный хлеб' (Попгеоргиев БД I, 211), макед. *кравај* м. р. 'каравай', 'круг, кружок (сыра, воска и т. п.)' (И-С), сербохорв. *кра̀ва̄ј* м. р. 'свадебный подарок (пирог)', 'подарок роженице и новорожденному (пирог)' (РСА X, 389; RJA V, 487), диал. *кравај* 'обрядовый пирог' («коледарски кравај», LM. 329), *крава̂ј* (Елез. I), *кра̀ва̂љ*, род. п. *-аља*, м. р. (Срем, Бачка) 'свадебный пирог', словен. *kravâj* м. р. 'каравай, краюха хлеба' (Plet. I, 459), др.-русск. *короваи* м. р. 'круглый белый хлеб; сдобный пирог из пшеничной муки разных способов приготовления, испеченный в круглой конусообразной посудине' (Рим. имп. д. II, 498. 1597 г.; Дм., 146. XVI в.), 'кусок топленого сала, масла, застывший в виде круга, а также ветчина, свернутая кругом' (Кн. п. Моск. I, 293. 1578 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 333—334; Срезневский I, 1289: Короваи имъ ломя҄ и кѹры имъ рѣжѹ҄. Ио. Злат. 1523 г.), *Короваи*, личное имя собств. (XV в., Тупиков 254), *Короваевъ* (ок. 1450 г. Тупиков 645), русск. *каравáй* м. р. 'большой круглый хлеб', диал. *каравáй*, *коровáй* м. р. 'буханка ржаного или пшеничного хлеба' (новосиб., ряз., тул., север., вост., сарат., костр., перм., свердл., волог. и др.), 'большой, отрезанный от буханки кусок хлеба' (ряз.), 'пресная лепешка' (ряз.), 'в свадебных обрядах — ржаной или пшеничный хлеб особой выпечки, приготовление которого и вручение молодым сопровождается определенными действиями' (курск., донск., краснодар., оренб., сталингр., калуж., смол., брян., костр., новг., новосиб., тул., моск.), 'круглый пирог с начинкой' (новг., перм., свердл., тюмен., новосиб.) (Филин 13, 66; Опыт 90; Даль[3] II, 427), производное *каравáец* 'тонкий блин' (Картотека Рязанского областного словаря), *Каравай*, местн. название в бывш. Калуж., Псков. губ. (Russisches geographisches Namenbuch IV, 51), ст.-укр. *Короваи* м. р., личное имя собств. (1428 г., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 498), укр. *коровáй* м. р. 'свадебный хлеб' (Гринченко II, 285), диал. *коровáй*, *корогвáй*, *курогвáй* 'большая буханка хлеба', 'свадебный хлеб' (Онышкевич 369; Матеріали до словника буковинських говірок 6, 81), производное *коровáйничка* 'коровница' (Онышкевич 368), блр. *каравáй* м. р. 'коровай; свадебный пирог' (Байкоў-Некраш. 142), также диал. *каравáй* м. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 412; З народнага слоўніка 300).

Слово **korvajь* без видимых для нас причин полностью отсутствует у всех зап. славян (см. карту 1), в отличие от близкого по значению слова **kolačь* (см.), которое имеется не только у южн. и вост. славян, но и у западных. Возможно, это отличие (отсутствие у зап. славян слова **korvajь*) коренится в различии соответствующих обычаев, потому что **korvajь* у тех славян, которые знают это слово, обозначает не просто печеное изделие из теста круглой формы, как **kolačь*, но в большинстве случаев ритуальный хлеб, пирог, приготовляемый в праздники и в первую очередь, — в свадебных обрядах.

Карта 1

1 — **kolačь*; 2 — **korvajь*

Наиболее вероятна этимология **korvajь* как производного с суф. *-ajь*, точнее — *-jь*, от **korva* (см.). См., вслед за Потебней, Преобр. I, 358; А. Соболевский. — Slavia V, 1927, 447—449 (нельзя согласиться с авторским объяснением суф. *-ай*, причем *коровай*, **korvajь* якобы диссимилировано из **korvarь*); Фасмер II, 332; БЕР 2, 701—702; Skok. Etim. rječn. II, 184. Что касается словообразовательной модели на суф. *-(a)jь*, нельзя сказать, что она исследована вполне. Можно говорить о малочисленной группе производных, построенных по непродуктивной модели. Обычно приводят единичные примеры: русск. *голендай*, *холодай*, польск. *nogaj* 'длинноногий человек' (Miklosich. Vgl. Gr. II, 83); русск. *долгáй*, *голодáй*, *коротáй*, словен. *čuvâj* 'сторож, страж' (Vaillant. Gramm. comparée IV, 532); **bъrzajь*, ст.-польск. *nogaj* 'длинноногий человек', *łabaj* 'большая собака', укр. *носáй* 'длинноносый человек' (Słownik prasłowiański I, 88). Вайян предпочитает сводить все образования к первоначальной модели на *-ějь*, *-(j)ajь*, т. е. типично отглагольным производным, сохраняющим связь с глаголами на *-ěti* и *-iti*; видимо, под влиянием нескольких относительно поздних экспрессивных производных на *-aj-* он считает модель на *-aj-* вторичной, хотя приводит тут же балт. параллели отыменных производных на *-āj-*: лит. *vasarójis* 'яровой хлеб' — *vasarà* 'лето', лтш. *eglājs* 'сосняк' — *egle* 'сосна'. Ни один из перечисленных трудов по слав. словообразованию не упомянул **korvajь*, хотя оно является достаточно старым и в целом прозрачным производным с суф. *-jь* от *-a*-основы **korva* подобно ст.-польск. *nogaj* — *noga* и лит. *vasarójis* — *vasarà*. Суф. *-jь* оформляет здесь неизменную номинативную падежную основу аналогично тому, как он в других случаях может оформлять основу род. п. — **našь* (см.) < **nasъ+-jь* или, напр., древнего отложительного (аблатива) — **domatjь* (см.) < **domōt+-jo-*. Эти последние примеры являются прилагательными. Не является ли и **korvajь* генетически прилагательным, может быть, функционально отличным (ритуальное употребление) от другого известного прилагательного — **korvьjь* (см.)?

В народном (напр. вост.-слав.) свадебном обряде корова служит символом невесты, и это вполне согласуется с тем, что устанавливается о слове **korva* (см.) этимологически и исторически как о femininum tantum. Тогда сущность коровая — в противопоставлении невесте-корове как мужского начала женскому. Лучше всего это раскрыл Потебня (у Преобр., там же) в формуле «коровай есть бык-жених». Первоначальное значение слова **korvajь* не исчерпывается отнесенностью к круглому испеченному тесту (это лишь символ, оставшийся на поверхности лексики и семантики). Праслав. **korvajь* обозначало одушевленное лицо, активного мужского исполнителя брачной церемонии (ср. *коровай-воропай*, т. е. 'налетчик, похититель' в вост.-слав. народной свадебной терминологии). Богатый фольклорный (главным образом белорусский) материал на эту тему собран в книге: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей (М., 1974), 243 и сл.: глава 9. К символике коровая в связи с происхождением коровайного обряда. — Правда, авторы, кажется, несколько растворяют сущность коровая в мифе о мировом дереве.

Не совсем ясно отношение ударений русск. *корóва* — *корова́й*: постоянное восходящее ударение (акут) на корне производящего

слова сменено постоянным ударением на суф. (новый акут?) в производной форме.

Иные суждения о **korvajь* либо устарели (как напр. Berneker I, 578: «Dunkel»), либо неприемлемы этимологически и исторически, ср. L. Loewenthal AfslPh XXXVII, 1920, 386 (о связи с лат. *curvus* 'кривой'); Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. LXXVI. Русск. коровай 'большой круглый хлеб'. — ИОРЯС XXIV, 1, 1923, 121—122 (производит вместе с греч. κορωνός 'кривой' от и.-е. **koru̯-*); K. Oštir.—Etnolog IV, 1930, 7 (сближает с галльск. *cervisia* 'вид пива', в котором усматривает **kă/ĕrw-* 'ячмень или пшеница'); V. Machek. Aus der slavischen Hochzeitsterminologie. — ZfslPh XVIII, 1942, 323—331 (сравнивает **korvajь* с др.-инд. *carú-* 'жертвенное кушанье из риса' < **keru-*); Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования (Л., 1967), 214—216 (членит **korvajь* как **kor-u̯-aj-* и связывает с русск. *коротáй* 'короткий кафтан', сюда же относя вышеупомянутое крит. χάρτη 'корова' (?), откуда якобы *коровай* всего-навсего — 'отрезанный ломоть', к и.-е. **ker-/*kor-* 'резать' с меной суффиксов, что будто бы лучше объясняет значения *коровай* 'кусок сыра, сала', вторичные, по нашему убеждению).

***korvarь:** цслав. кравар҄ь м. р. βουκόλος, bubulcus (Mikl.), болг. *краваáр* м. р. 'работник, ухаживающий за коровами' (РБЕ), диал. *краваáр* м. р. 'коровий пастух' (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), *Краваáрев*, *Краваáров*, фам. (С. Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 274), макед. *кравар* м. р. 'пастух (пасущий коров)', 'скотник' (И-С), сербохорв. *krȁvâr* м. р. 'скотник, работник, ухаживающий за коровами' (RJA V, 487), *Kravari* мн., местн. название в Сербии (там же), словен. *kravár*, род. п. *-rja*, м. р. 'коровий пастух, скотник' (Plet. I, 459), чеш. *kravař* м. р. то же (Kott I, 808), также диал. *kravař* (Bartoš. Slov. 162; Svěrák. Karlov. 120), слвц. *kraviar* м. р. (SSJ I, 765), также диал. (Banská Bystrica, Slovanské Pravno v Turč. ž., Kálal 269), в.-луж. *kruwaŕ* м. р. 'коровий пастух', 'владелец коров, скотник' (Pfuhl 294), н.-луж. *krowaŕ* м. р. 'коровий пастух', 'продавец коров' (Muka Sł. I, 701), ст.-польск. *krowiarz* м. р. 'коровий пастух' скотник' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 266), польск. *krowiarz* м. р. 'коровий пастух' (Linde II, 1143), 'скотник', 'молочник' (Warsz. II, 564), также диал. *krowiarz* (Sł. gw. p. II, 483), *krovi̯ař* (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 191), *krovóš* (W. Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 103), словин. *krovåř* м. р. 'владелец одной коровы', 'доильщик' (Sychta II, 264), *krùǫvjöř* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), *krovẘř* (Lorentz Pomor. I, 382).

Производное с суф. *-arь* от **korva* (см.). Древность образования проблематична. Любопытно отсутствие слова в вост.-слав.

***korvěti/*korviti (sę):** болг. (Дювернуа) *кравѭ* 'делаю толстым', *кравѭ са* 'толстею', сербохорв. *крáвити* 'растоплять', *крáвити се* 'таять, растопляться' (РСА X, 391—392; RJA V, 488), диал. *крȁвити се* 'валяться, бездельничать' (РСА X, 391; RJA V, 488: 'валяться ничего не делая («как корова»)'), словен. *kráviti* 'лентяйничать, валяться в постели' (Plet. I, 459), словин. *krovė́* 'толстеть (о женщине)' (Sychta II, 265), русск. диал. *корóвиться* 'плакать; капризничать' (пск., твер., Филин 14, 352; Даль [3] II, 427), укр. диал. *коровúти* 'развращать, сбивать с правильного пути' (Онышкевич 369).

Вполне возможно, что укр. диал. *коровúти* с его специфическим значением (выше) преобразовано из *курвити* (см. **kurъviti*). Основное же значение **korvěti/*korviti sę* — 'толстеть' (ср. наличие его в болг. и словин., выше) на базе первоначального 'уподобляться корове, делаться как корова', откуда ответвляются и такие переносные значения, как 'валяться как корова', 'плакать'='реветь как корова'). Образ «тучных коров» древен и символически емок, достаточно сослаться на библию. Поэтому естественно видеть здесь производное от **korva* (см.), несмотря на отдельные неясности, напр. приводимое выше *крáвити се* 'таять', кстати, отличное и по ударению от *крȁвити се* 'валяться, бездельничать', возможно, скорее, связано с **koravъ*, **kora* (см.), ср. сюда же русск. диал. *от-коровéть* 'отбухнуть, отомкнуть, оттаять (напр., о каше, прикипевшей к горшку)', см. Преобр. I, 699; неоправданные сомнения см. Фасмер I, 171: *откровéть*, *откоровéть*.

Едва ли следует считать слово темным (так см. Berneker I, 578, который, правда, имеет в виду только глагол со значением 'таять' и в сущности не учитывает наше **korvěti*, **korviti sę* 'толстеть' и т. д.). Прочие этимологии просто неправдоподобны. Ср. толкование от *korvъ* 'кора' (Х. Бариħ. Прил. I, 1921, 231—237; цит. по ЈФ III, 1922—1923, 200; ср. еще Skok. Etim. rječn. II, 184); V. Machek ZfslPh XVIII, 1942, 23 (**korviti* в значении 'оттаивать' производит от балто-слав. **k̂orvo-*, ср. лит. *šarvai* мн. 'menses'); БЕР 2, 703 (неправильная интерпретация болг. *кравя́*, диал. *кравя са* 'толстеть', как *кръвя́* и *кравéн* 'толстый, тучный' — как *кръвéн* от *кръв* 'кровь'; достаточно обратить внимание на словин. *krovėc* 'толстеть', выше, чтобы убедиться в иных связях).

***korvica:** болг. *крáвица* ж. р., ум. 'коровка' (РБЕ; Геров), также диал. *крáвица* (М. Младенов БД III, 92), сербохорв. *krȁvica* ж. р., ум. 'коровка', 'божья коровка Coccinella septempunctata L.' (RJA V, 488), диал. *krȃvica* (Hraste—Šimunović I, 456), словен. *krávica* ж. р. то же (Plet. I, 459), чеш. *kravice* ж. р. 'коровка' (Kott I, 808), в.-луж. *kruwica* ж. р. (Pfuhl 294), н.-луж. *krowica* ж. р. 'коровка' (Muka Sł. I, 701), польск. диал. *krowica* 'корова', 'коровий навоз' (Sł. gw. p. II, 483; Warsz. II, 564), русск. диал. *корóвица* ж. р. 'корова' (новг., Филин 14, 352), укр. *корóвиця* ж. р. 'корова' (Гринченко II, 285), блр. диал. *карóвiца* ж. р.

'корова' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421; Мінска-маладзеч. 62), *каравіца* (Юрчанка. Народнае слова 268).

Производное с суф. *-ica* от **korva* (см.).

***korvina:** сербохорв. *кра̏вина* ж. р. 'коровья шкура' (РСА X, 391; RJA V, 488), словен. *kravína* ж. р. то же (Plet. I, 459), ст.-чеш. *kravina* ж. р. 'коровья шкура' (XIV в., Slovník Velešínův, Gebauer II, 136), чеш. диал. *kravina* 'корова' (Kubín. Čech. klad. 191), 'запах коровы' (Bartoš. Slov. 162), слвц. *kravina* ж. р. 'коровья шкура' (SSJ I, 765), ст.-польск. *krowina* ж. р. 'коровья шкура или коровьи кости' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 266), польск. диал. *krowina* 'коровенка' (Sł. gw. p. II, 483; Warsz. II, 565), словин. *kr'ovína* ж. р. (Sychta II, 263), *króvina* ж. р. 'коровье мясо' (Lorentz Pomor. I, 382), *krů̀ǫvjină* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), стар. *k'arvína* ж. р. 'стадо из коров, телят и волов' (Sychta II, 143), русск. диал. *коро́вина* ж. р. 'говядина' (пск., ленингр.), 'шкура коровы' (камч., свердл.), 'коровья шерсть' (иван., нижегор., волог.) (Филин 14, 352), *коро́вина, коро́виня* ж. р. 'корова' (арх., смол., там же), укр. диал. *корови́на* ж. р. 'корова, плоховатая корова' (Гринченко II, 285), также диал. *коро́вина* ж. р. (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 81), блр. диал. *каро́віна* ж. р. 'говядина' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 421), 'телятина' (Народнае слова 199).

Производное с суф. *-ina* от **korva* (см.). Ср. параллельное лит. *karvienà* 'коровье мясо' (см. Trautmann BSW 119).

***korvinъ:** сербохорв. *кра̏вин, -а, -о* 'коровий' (RJA V, 488: в словаре Вука), чеш. *kravín* м. р. 'коровник' (Kott I, 808), н.-луж. *krowiny, -a, -e*, прилаг. притяж. 'коровий' (Muka Sł. I, 702), словин. *kröv̈in*, прилаг. притяж. 'коровий' (Lorentz Pomor. I, 382), *krů̀ǫvjïn* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), русск. диал. *коро́вин* 'коровий' (Картотека Псковского областного словаря), блр. *каро́вiн* 'коровий' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 645).

Первоначальное прилаг. с суф. *-inъ* (сюда же случай субстантивации в чеш. *kravín*), производное от **korva* (см.). Ср. **korvina* (см.).

***korvъka:** чеш. *kravka* ж. р. 'коровка' (Jungmann II, 175), слвц. *kravka* ж. р., ум. то же (SSJ I, 765; Kálal 269), н.-луж. *krowka* ж. р. 'коровка', 'навозный жук' (Muka Sł. I, 702), ст.-польск. *krówka* 'растения Polygonatum officinale All., Glechoma hederacea L., Veronica chamaedrys L.', 'жук Melolontha vulgaris L.; Geotrupes stercorarius L.', 'саранча locusta' (Sł. stpol. III, 406), *krowka* ум. 'коровка' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 266), польск. *krówka* ж. р. 'коровка', 'гриб Agaricus subdulcis', 'насекомые Geotrupes, Lucanus cervus' (Warsz. II, 572), диал. *krówka* 'навозный жук' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 58), *krófka* 'Lactarius rufus Fr.' (Kucała 67), *krůfka*, ум. 'коровка' (Tomasz., Łop. 141), 'навозный жук' (там же), словин. *krövka* ж. р., ум. 'коровка' (Sychta II, 263), др.-русск. *коровка* ж. р., ум. к *корова* (Дм., 115. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 335), *Коровка*, личное имя собств. (XV—XVI вв., Тупиков 254), русск. *коро́вка* ж. р., ум. к *коро́ва*, диал. *коро́вка* ж. р. 'порода небольших диких голубей' (влад., Филин 14, 353), 'букашка из сем. божьих коровок' (яросл., смол.), 'жук-носорог Oryctes nasicornis L.' (калуж., ряз.), 'белый гриб' (влад., твер., новг., костр., пск., моск., орл.), 'гриб-свинушка' (калуж.) (там же; много других вторичных значений), укр. *корі́вка* ж. р., ум. от *корова*, 'коровка' (Гринченко II, 284), диал. *коро́вка* ж. р. 'гриб-сыроежка', 'растение дурман' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 81), блр. диал. *карőўка* ж. р. 'вид гриба' (Матэрыялы да дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 215).

Ум. производное с суф. *-ъka* от **korva* (см.).

***korvьjь:** ст.-слав. кравии, прилаг. τῶν βοῶν, boum 'коровий' (Bon., SJS), болг. *кра́ви*, прилаг. 'коровий' (БТР; РБЕ; Дювернуа), диал. *кра́ве ма́сло* 'коровье масло' (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), *кра́в'о мле́ко* (М. Младенов БД III, 92), макед. *крави* 'коровий' (И-С), сербохорв. *krȁvijî, krȁvļî*, прилаг. 'коровий' (RJA V, 488—489), производное диал. *кра̏вл̂ак* м. р. 'коровяк, коровий навоз' (РСА X, 392), словен. *krȃvji*, прилаг. 'коровий' (Plet. I, 459), ст.-чеш. *kraví* 'коровий' (Novák, Slov. Hus. 51), чеш. *kraví*, прилаг. 'коровий', ст.-слвц. *kraví* (XVIII в., Ист. слвц., Братислава), полаб. *korvĕ*, прилаг. 'коровий' (Polański-Sehnert 81, с реконструкцией **korvьjь*), ст.-польск. *krowi* 'коровий' (Sł. stpol. III, 393; Sł. polszcz. XVI w., XI, 265—266), польск. *krowi*, прилаг. 'коровий' (Warsz. II, 564), диал. *krove mlyk*ʷ*o* (Kucała 73), *krovi̯i gnui̯* 'коровий навоз' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 102), *krowi* (сохраняется только в микротопонимии, Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 191), словин. *krů̀ǫvjï*, прилаг. 'коровий' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 497), *kröv̈i* (Sychta II, 263), стар. *karv̈a* ж. р. 'пастбище, выгон' (Sychta II, 142), др.-русск. *коровии*, прилаг. 'относящийся к корове' (Правда Рус. (пр.), 154. XV в. ~ XII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 335; Срезневский I, 1289), русск. *коро́вий, -ья, -ье* 'относящийся к корове, принадлежащий ей'.

Прилаг., производное с суф. *-ьjь* от **korva* (см.).

***korvьna/*korvьnъjь:** словен. *krȃvnji*, прилаг. 'коровий' (Plet. I, 459), ст.-чеш. *kravný*, прилаг.: *kravné peníze* 'плата за выпас' (1418 г., Ст.-чеш., Прага), ст.-польск. *krowne*, род. п. *-ego*, ср. р. 'подать, выплачиваемая первоначально рогатым скотом' (Sł. stpol. III, 393; Linde II, 1143; Sł. polszcz. XVI w., XI, 266—267). польск. диал. *krówny* 'коровий' (Siatkowski. Sł. Warm. i Mazur 55), *krůvńå, krównia* 'коровник' (там же), словин. *krövńå* ж. р. то же (Sychta II, 264), *krovńɒ* (Lorentz Pomor. I, 382), др.-русск. *коровный: коровной дворъ* 'скотный двор' (Кн. расх. Ипат. м., 127, ок. 1553 г.), *коровня* ж. р. 'коровник' (АХУ III, 193. 1636 г.)

(СлРЯ XI—XVII вв. 7, 336), русск. диал. *коро́вня* ж. р. 'коровник' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 238), *коро́вный* 'коровий' (кемер., Филин 14, 354), укр. диал. *коро́вня* 'коровник' (белоцерк., Курило 88), *кoрі́вне*, род. п. *-ного* ср. р. 'молочные продукты' (Гринченко II, 284). — Ср. сюда же производные сербохорв. диал. *кра̂вни̑к* м. р. 'коровник' (РСА X, 393), словен. *kravnják* м. р. то же (Plet. I, 459), чеш. диал. *kravňák* 'общинный пастух' (Kott. Dod. k Bart. 44), польск. диал. *krówniák* 'коровник' (Siatkowski. Sł. Warm. i Mazur 55), словин. стар. *krôvńik* м. р. 'общинный пастух' (Sychta II, 264), др.-русск. *коровникъ* м. р. 'хлев для скота' (Строг. столб. 1578 г.), 'скотник, работник, ухаживающий за скотом' (Кн. расх. Болд. м. РИБ II, 298. 1586 г.) (Сл. РЯ XI—XVII вв. 7, 335), русск. *коро́вник* м. р. 'хлев для крупного рогатого скота', диал. *коро́вник* м. р. 'пастух, пасущий коров' (ворон., курск., ряз., новг.), 'тот, кто ухаживает за коровами' (твер., моск.), 'скупщик скота' (арх.) (Филин 14, 353; там же, далее, в значении названий ряда грибов и растений, а также в некоторых специальных значениях), укр. *корівня́к* м. р. 'коровий помет' (Гринченко II, 284), блр. *коро́вница* ж. р. 'хлев для коров, коровник' (Носов. 247).

Производное (первоначально прилаг.) с суф. *-ьn-* от **korva* (см.). Ср. **korvinъ*, **korvina* (см.), с количественным чередованием суффиксальных гласных (*ĭ* : *ī*).

***korvьskъjь:** болг. (с дополнительными преобразованиями) *кра́вешкый*, прилаг. 'коровий' (Геров), также диал. *кра́вешки* (М. Младенов БД III, 92), сербохорв. *krȁvskī*, прилаг. 'коровий' (RJA V, 489—490), чеш. *kravský* прилаг. 'коровий' (Jungmann II, 175), слвц. *kravský* (SSJ I, 764—765), польск. диал. *krówski* 'коровий' (Warsz. II, 572; W. Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 103; Siatkowski. Sł. Warm. i Mazur 55), *krůfski* (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 192), словин. *kròu̯skœ* ср. р., уничиж. 'старая, плохая корова' (Ramułt 80), русск. диал. *коро́вский* 'коровий' (ЛатвССР, новосиб., Филин 14, 356), блр. диал. *каро́ўскі*, прилаг. 'коровий' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 423), *каро́ўскій* (Юрчанка. Народнае слова 270).

Прилаг., производное с суф. *-ьskъ* от **korva* (см.).

***korъ:** цслав. корь м. р. πονηρὸν ῥῆμα, contumelia (Mikl.), болг. (Геров) *коръ* м. р. 'прозвище, кличка', диал. *кор* м. р. 'укор, упрек; обвинение' (Хитов БД IX, 269), сербохорв. диал. *ко̏р* м. р. 'укор, упрек' (РСА X, 228).

Соотносительно с глаголом **koriti* (см.).

***korъdjavъjь/*korъdjava:** русск. диал. *коржа́ва* ж. р. (новг.) 'ржавое болото', 'спорынья в хлебе' (Даль[3] II, 417), *коржа́вый* 'ржавый, покрытый осадком' (Даль[3] II, 416), *коржа́вый* 'хилый, слабый; покрытый коростой, струпьями' (Деулинский словарь 240; Филин 14, 329), *ко́ржавой* 'заржавленный' (Сл. Среднего Урала II,

49), укр. *коржа́вий, -а, -е* 'высохший и жесткий (о коже)' (Гринченко II, 283).

Сложение местоименного префикса *ko-* и прилаг. **rъdjavъ* (см.). См. Фасмер II, 326. Вместе с тем было бы искусственно отделять *коржа́вый* 'ржавый' от *коржа́вый* 'жесткий' (последнее значение естественным путем восходит к первоначальному 'покрытый осадком, коростой, струпьями'), как это делает Фасмер (там же) вслед за Бернекером и другими, производя *коржавый* от *корж* 'вид лепешки, испеченной на сале'.

***korъka:** болг. *ко́рка* ж. р., ум. 'корка, корочка' (Младенов БТР), макед. *корка* ж. р. то же (И-С), сербохорв. диал. *ко̑рка* ж. р., ум. 'корка (напр. хлеба)' (РСА X, 272; RJA V, 344), чеш. *kůrka* ж. р. 'корка, (поджаренная) корочка', слвц. *kôrka* ж. р. 'корка (хлебная и т. п.)' (SSJ I, 759), также диал. (Banská Bystrica, Slovenské Pravno v Turč. ž., Kálal 257), польск. *korka* ж. р. 'кора (дерева)' (Warsz. II, 476), диал. *korki* 'доски с корой' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 152), др.-русск. *корка* ж. р. 'затверделый верхний слой печеного хлеба' (Назиратель, 478. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 315), русск. *ко́рка* ж. р. 'наружная оболочка, кожура некоторых плодов', 'твердый наружный слой хлеба, пирога и т. п.', 'кора', диал. *ко́рка* ж. р. 'кора дерева' (волог., пск., петерб.), 'скорлупа ореха, яйца' (вят.), 'кожура овощей, фруктов' (вят., арх.), 'пенка на молоке, сливках' (пск., твер., арх.) (Филин 14, 334), 'болезнь корь' (иркут., Филин 14, 334; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 237), укр. *кі́рка* ж. р., ум. от *кора*, 'кожица, корка плодов' (Гринченко II, 245), также диал. *к'і́рка* (Онышкевич 332), *ко́рка* 'деревянная посуда для воды' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 80), блр. *ко́рка* ж. р. 'хлебная корка' (Носов.), 'корка вообще' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 714), диал. *ко́рка* ж. р. 'шелуха, мякина на хлебных зернах' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 503).

Ум. производное с суф. *-ъka* от **kora* (см.).

***korytiti (sę):** сербохорв. *ко̀ритити се* 'изгибаться, гнуться, коробиться (обычно о досках)' (РСА X, 267), словен. *korítiti se* то же (Plet. I, 439), польск. диал. *korycić się* 'изгибаться, коробиться (о досках, о сухих листьях)' (Warsz. II, 483; Sł. gw. p. II, 436), русск. диал. *коры́тить* 'коробить, изгибать' (Словарь Красноярского края 93), *коры́титься* 'делаться неровным, искривленным; коробиться' (Даль), 'падать' (пск., твер.) (Филин 15, 36).

Гл. на *-iti* (каузатив), производный от **koryto* (см.).

***koryto:** цслав. корыто ср. р. δεξαμενή, canalis 'корыто' (SJS), болг. *кори́то* ср. р. 'корыто', 'русло (реки)' (БТР; РБЕ; Дювернуа; Геров: *коры́то*), диал. *кори́то* ср. р. 'корыто' (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 186), *кури́ту* ср. р. (Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 47), *кру́тọ* (Стойчев БД II, 193), *Кори́тото*, *Кори́тоно*, *Корита́*, местн. названия (Христов. Местните имена в Маданско 222, 223),

макед. *корито* ср. р. 'корыто', 'русло (реки)' (И-С; Кон.), сербохорв. *кȍрито* ср. р. 'корыто', 'желоб', 'русло (реки)' (РСА X, 267—269; RJA V, 340—341), диал. *korîto* ср. р. 'корыто' (Hraste—Šimunović I, 446—447), *корито* 'сосуд для молока' (Vis. 41), *Кȍрито* ср. р., местн. название, напр. ряда горных долин и т. д. (РСА X, 267), словен. *koríto* ср. р. 'корыто', 'улей в виде долбленой колоды', 'желоб, канавка', 'русло реки' (Plet. I, 439), диал. *koryto* в топонимии (Бодуэн. Материалы I, 86), чеш. *koryto* ср. р. 'корыто, кормушка', 'желоб, канава', 'русло', слвц. *koryto* ср. р. (SSJ I, 750), диал. *korito* 'корыто для стирки' (Palkovič. Z vecn. slovn. Slovákov v Mad'ar. 326), в.-луж. *korto* ср. р. 'корыто', 'желоб' (Pfuhl 275), н.-луж. *kóryto* ср. р. 'корытце', 'русло реки; желоб, канавка' (Muka Sł. I, 678), полаб. *t'örâitě* ср. р. 'корыто' (Polański—Sehnert 155, с реконструкцией **koryto*), ст.-польск. *koryto* 'кормушка', 'корыто' (Sł. stpol. III, 348—349), 'желоб (деревянный)', 'долбленый челн' (Sł. polszcz. XVI w., X, 660), польск. *koryto* ср. р. 'кормушка', 'корыто', 'русло реки', 'желоб' (Warsz. II, 483—484), диал. *koryto* 'корыто' (Sł. gw. p. II, 436), 'квашня' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 133), *k*ᵘ*oryto* 'корыто для солонины' (Kucała 142), *korito* 'кормушка', 'поилка' (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 180), словин. *korëto* ср. р. (Sychta II, 208; VII. Suplem., 128), *kùǫrätə* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 515), *k*ᵘ*ōrəto* (Lorentz Pomor. I, 417), др.-русск., русск.-цслав. *корыто* ср. р. 'корыто, деревянный, чаще долбленый сосуд продолговатой формы' (Х. Ант. Новг., 27. XVI в. ~ 1200 г.; Быт. XXX, 38. Библ. Генн. 1499 г.), 'вместилище, бассейн из камня для сбора воды' (Георг. Ам., 128. XIV—XV вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 354; Срезневский I, 1292), русск. *коры́то* ср. р. 'открытый продолговатый сосуд с округленными, расширяющимися кверху боковыми стенками, предназначенный для стирки белья, кормления скота и т. п.', также диал. *коры́то* ср. р. (в разных значениях, Словарь русских донских говоров II, 81; Иркутский областной словарь II, 222; Филин 15, 37), *коры́та* ж. р. 'корыто' (Волго-Камье, Филин 15, 36), укр. *кори́то* ср. р. 'корыто, из которого кормят животных', 'в ручной мельнице: ларь, в который падает мука', 'русло реки' (Гринченко II, 284), диал. *кори́то* 'желоб, по которому подводится вода к мельничному колесу' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 287), 'русло реки' (шепетов., Курило 72), ст.-блр. *корито* (Скарына 1, 278), блр. *кары́та* ср. р. 'корыто (для скота)', также диал. *кары́та* ср. и ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428).

О слов. **koryto* в словаре Миклошича находим осторожную и слишком лаконичную фразу: «Man denkt an die W. (urzel) *ry*» (Miklosich 133), т. е. «думают о связи с корнем *ry* (*ti*)», если Миклошич имел в виду предыдущих, неизвестных нам авторов, думавших так же. Впрочем, вполне возможно, что это мысль самого Миклошича, и тогда уместнее перевод иным неопределенно-личным оборотом, что-то вроде «думаешь о связи с корнем *ry*(*ti*)». Миклошич был не уверен в правильности этой мысли, поэтому сразу вслед за ней добавил сравнение с др.-прусск. *pracartis* 'корыто', ставшее затем настолько популярным, что первое сближение автора забылось и исчезло из дальнейшей литературы. Можно лишь признать полное отсутствие его аргументации у Миклошича, отчего этимология **koryto* < **ryti* представлялась элементарно повисшей в воздухе, тогда как во втором случае 'корыто' (**koryto*) сравнивалось с 'корытом' же (pracartis), и одно это уже выглядело убедительно. Однако убедительность этого последнего сближения кажется возможной лишь при нетребовательности к формально-морфологическим и словообразовательным деталям (которые как раз все решают), что побуждает нас сейчас, как побуждало уже раньше (см. ниже), вернуться к рассмотрению связи **koryto* с глаголом **ryti* (см.).

Слово **koryto* обозначало и обозначает в слав. языках (см. выше) продолговатое желобообразное углубление в дереве, камне, земле — как искусственное, так и естественное. Не исключено, что отнесенность к естественным объектам (русло реки, выбоина в камне) древнее, чем обозначение специально изготовленной утвари. Это объяснило бы участие местоименной приставки *ko-* в образовании слова: 'словно вырытое, как вырытое'? Во всяком случае словообразовательно-семантическая модель приставки *ka-/ko-* и основа глагола 'рыть, долбить' представлена со всей очевидностью еще в таком названии полой колоды, как **kadьlbъ* (см.). Это объяснение **koryto* по аналогии с **kadьlbъ* см. Трубачев. Ремесленная терминология 169. Определенное подтверждение изложенной этимологии, а именно — отнесенности слова **koryto* первоначально к естественному рельефу почвы и членения слова **ko-ryto* мы черпаем из любопытных свидетельств русск. диал. *коры́твина* ж. р. 'корыто' (ворон., Филин 15, 36), далее также *коры́товина* ж. р. 'углубление в земле; ложбина' (твер., пск.), (Филин 15, 37), которые так естественно соотносятся с русск. *ры́твина*, ср. еще укр. *кори́тчуватий* (из **коритчуватий*) 'корытообразный, усеянный рытвинами' (Гринченко II, 284).

В литературе рано утвердилось мнение о **koryto* как о слове, оформленном тем же суф. *-yto*, что и **kopyto* (см.). См. Meillet. Études II, 301; Berneker I, 579. Очевидная соотносительность **kopyto* с глаголом обычно не принималась при этом в расчет, и **koryto* сближали с **korьcь* (см.) (Meillet, ibid.; Berneker, ibid.; последний развивал это сравнение в том смысле, что допускал дальнейшее родство с др.-инд. *carúṣ* 'котел'), с др.-инд. *kárakas* 'кувшин' (A. Meillet MSL 9, 1896, 377, сн. 1), с **kora* (см.) (S. Romanski RÉS II, 1922, 52—53; Brückner 258; Фасмер II, 343). Впрочем, давно обсуждается также версия отглагольного образования **koryto*, начиная с опыта сближения этого имени с глаголом греч. κορέσκω 'насыщать', см., вслед за Бурдой, F. Solmsen

KZ XXXV, 1899, 484. Эта этимология была вскоре признана неудовлетворительной и оставлена, см. Berneker, ibid.; Фасмер, там же. Признаваемое обычно уникальное формантное родство **koryto* и **kopyto* и отглагольность последнего (**kopati*) заставляли искать слав. глагол с корнем **kor-* 'рыть, долбить и т. п.', но ничего такого обнаружить не удавалось. Поэтому реконструировалась более дальняя и опосредствованная связь с и.-е. глагольными корнями, напр. через слав. **kora* — с и.-е. *(*s*)*ker-* 'резать, долбить, бить'. См. так Trautmann BSW 119, под «балто-слав.» праформой **karūta-* 'корыто', которая, строго говоря, лишена точных балт. соответствий. См. еще Младенов ЕПР 252; Sławski II, 503. Под и.-е. праформой *(*s*)*ker-* 'резать' помещено «праслав. **karūta-* ср. р.» в словаре Покорного (Pokorny I, 942).

Несмотря на отсутствие точных балт. соответствий слав. **koryto*, все же укоренилось мнение о наличии близких балт. форм. При этом называют несохранившееся балт. **karta-*, косвенно засвидетельствованное в фин. *kartta* 'корыто', балт. происхождения, см. Trautmann, ibid. Сюда же относят, далее, др.-прусск. *pracartis* 'корыто', лит. *prãkartas* 'корыто, кормушка, ясли'. Очевидно, что это совершенно самостоятельное образование, что в общем более или менее сознается исследователями, которые вынуждены свою практику объединения этих слав. и балт. форм снабжать оговорками, ср. Sławski, ibid.: «koniec końcem do tej samej rodziny». Славский, вслед за рядом других ученых, отмечает производность балт. слов от балт. глагольного корня *kert-* 'бить, ударять, рубить' (*-t-* относится к корню глагола), что элементарно не соответствует признаваемому им (и другими) словообразовательному членению слав. **kor-yto* (*-t-* относится к суф.). Ср. также Skok. Etim. rječn. II, 156: «Балт. соответствия не совсем совпадают с праслав. в суффиксе». Другими авторами родство слав. **koryto* и др.-прусск. *pracartis*, лит. *prãkartas* принимается безоговорочно, вслед за предшественниками, см. БЕР 2, 639. Весьма показательна трактовка вопроса у Вайяна: выделяя вместе с остальными исследователями только два слав. производных на *-yto*: цслав. копыто от копати и ст.-слав. корыто, он считает «самым точным в том, что касается значения, сравнение с др.-прусск. *pracartis* 'корыто', лит. *prãkartas* 'кормушка'» (Vaillant. Gramm. comparée IV, 700).

Для суждения о слав. слове необходимо, следовательно, разобраться в сравниваемой с ним лексике балт. языков. Если оставить пока в стороне лтш. *karaûte*, *kaŗuôte* 'ложка', в котором некоторые сторонники балто-слав. единства видят соответствие слав. суфф. *-yt-* < *-ūt-* в **koryto* (см. P. Arumaa. — Scando-Slavica IX, 1963, 79; ср. еще Фасмер, там же, со ссылкой на Шпехта), то речь идет о неоднократно уже упоминавшихся выше др.-прусск. *pracartis*, лит. *prãkartas*. Как отмечалось выше, их возводят к балт. корню *kert-* 'ударять, рубить', вместе с тем у спе-

циалистов, занимавшихся этим вопросом более пристально, полной уверенности в таком словопроизводстве нет. Знакомство с главным современным справочником по балт. этимологии — лит. этимол. словарем Френкеля — убеждает в этом. Правда, к колебаниям автора насчет этимологии слова *prãkartas* добавляется еще такая типичная особенность словаря Френкеля, как излишне совокупная, гнездовая трактовка, смазывающая собственный путь каждого слова и затрудняющая объективную оценку также нашего случая. Так, на алфавитном месте, под *prãkartas*, мы находим только отсылку на *kir̃sti*, *kertù* 'рубить, бить', которое, по мнению, разделяемому и автором, восходит к и.-е. **ker-* 'резать'. В конце статьи *kir̃sti* Френкель упоминает мнение Егерса о возможности дальнего родства этого глагола с лит. *kárti* 'вешать' и только после этого пишет буквально: «ср. также лит. *prãkartas* 'кормушка, ясли', др.-прусск. *pracartis* 'корыто' (см. об этих двух словах еще под *kar̃klas*)». См. Fraenkel I, 258. Эту манеру изложения трудно назвать ясной; отнесение *prãkartas* к *kir̃sti* потребовалось для того, чтобы в заключении последней статьи поставить в сущности эту связь под сомнение. Но эти сомнения в общепринятом производстве *prãkartas* < *kert-* 'рубить' разделяем и мы. Лит. *prãkartas*, вероятнее всего, — местное балт. производное от глагола лит. *kárti* 'вешать'. Странно, что обычно не обращают внимание на наличие здесь приставки *pra-*. Активное значение этой лит. (балт.) приставки — 'про-, мимо', но более старым и этимологическим было, конечно, значение 'перед, вперед, впереди', ср. лит. *pradžià* (<**pra-djā*) 'начало', буквально 'пред-поставленное'. Вполне естественно поэтому понимать *prãkartas* этимологически как 'повешенное спереди', т. е. 'торба с кормом для скотины', что близко к нынешнему значению лит. *prãkartas* 'кормушка, ясли'. Правда, акутовая долгота исходного глагола *kárti* заставляла бы ожидать сохранения ударения на корне (**prakártas*, а не *prãkartas*, ср. ударение *pakárti* 'повесить'), но все-таки это трудность преодолимая, если иметь в виду действие балт. метатонии, возможной также в этом глагольно-именном гнезде, особенно при участии семантического фактора и при условии достаточно раннего образования балт. слова (ср. др.-прусск. соответствие). Главный вывод для нас: эти др.-прусск. и лит. слова не имеют ничего общего с праслав. **koryto*.

Неудовлетворенность оспоренным выше традиционным объяснением слав. **koryto* вызывала к жизни и другие, менее приемлемые попытки его этимологии. Напр., Отрембский устанавливал отношение метатезы между слав. **koryto* и др.-исл. *þrô* 'корыто', англосакс. *þrûh* 'ящик', лит. *traukai* 'посуда', лтш. *traũks* то же. См. Otrębski. Studia indoeuropeistyczne 187; ср. и Machek[2] 279: *koryto* связывает с герм. **trogo-*, нем. *Trog* 'корыто', с перестановкой согласных, квалифицируя и то, и другое как «праевропейского» происхождения. Но герм. названия корыта не нужно за-

числять в таинственный «праевропейский» пласт, они имеют хорошую и.-е. этимологию: герм. **troga-* < и.-е. **dru-ko-* 'деревянное' (Kluge[20] 792). Нет оснований относить к субстрату и слав. **koryto*.

***korytъko:** чеш. *korýtko* ср. р. 'корытце' (Jungmann II, 135), диал. *koryjtko* 'тормоз колеса' (Hruška. Slov. chod. 44), слвц. *korýtko* ср. р., ум. (SSJ I, 750), диал., вост.-слвц. *korytko* (Kálal 260), н.-луж. *kórytko* ср. р. 'ясли', 'корытце, лоток' (Muka Sł. I, 678), ст.-польск. *korytko* ср. р. 'корытце', 'желоб' (Sł. polszcz. XVI w., X, 660), польск. *korytko* ср. р., ум. от *koryto*, 'лопасть (доска) мельничного колеса, о которую ударяет вода, вращая колесо', 'корытце, мельничный ларь', 'желоб, канавка', 'шина, лубок, накладываемый при переломе костей конечностей' (Warsz. II, 483), диал. *korytko* ср. р. (Sł. gw. p. II, 437) 'долбленое корытце для изготовления брынзы' (W. Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 96), 'поилка у колодца' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 129), *k^w^orytk^w^o* 'корытце' (Tomasz., Łop. 139; Kucała 126), *koritko* (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 180), словин. *korëtko* ср. р., ум. от *korëto* (Sychta II, 209), др.-русск. *Корытко* (1500 г.), *Корытковъ* (1545 г.), личное имя собств. (Тупиков 257, 647), русск. диал. *корытко*, ум. от *корыто*, 'корытце' (камч., пск., арх., Филин 15, 36), (Картотека Псковского областного словаря), *корытки* 'желобки для сбора стекающей со стекол воды' (Сл. Среднего Урала II, 52), укр. *корúтко* ср. р. 'коробок, прикрепленный под кошем над жерновами, сквозь который высыпается в жернова зерно' (Гринченко II, 284), блр. *Карытка*, *Карыткін*, фам. (Бірыла 190).

Ум. производное с суф. *-ъko* от **koryto* (см.).

***korytьce:** цслав. корытьце ср. р. cisterna (Mikl.), болг. (Геров) *корытце* ср. р., ум. от *корыто*, макед. *корите* ср. р., ум. от *корито* (Кон.), сербохорв. *кòрице* ср. р. (род. п. мн. *кòрита̄ца̄*), ум. от *корито* (РСА X, 270—271; RJA V, 326), словен. *korítce* ср. р., ум. 'корытце', 'мельничный лоток' (Plet. I, 439), ст.-чеш. *korytce* ср. р. 'alveolus' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *korýtce* ср. р. 'корытце' (Kott I, 756), слвц. диал. *korece* ср. р. 'русло реки' (Matejčík. Novohrad. 83), н.-луж. *kóryšco* ср. р. 'корытце' (Muka Sł. I, 678), др.-русск. *корытце* ср. р. 'корытце, лоток' (Арх. Гамеля, № 256, 3 об. 1670 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 354), русск. *корытце* ср. р., ум. (Даль[3] II, 437), диал. *корытце* 'желоб, желобок' (калин., перм., том.), 'прорубь для подледного лова сетью' (пск.), 'след от копыта; копыто' (курск., арх., Филин 15, 37), укр. *корúтце* ср. р., ум. от *корúто* (Гринченко II, 284), блр. диал. *карытцó* ср. р., ум. 'корытце, в которое вставляется точило' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 428).

Ум. производное с суф. *-ьce* от **koryto* (см.).

***korь I/*korъ:** сербохорв. диал. *кôр* м. р. 'вид болезни' (РСА X, 228), польск. *kur*, диал. *kor*, *kór*, *chór* м. р. 'корь, инфекционная болезнь, сопровождаемая красной кожной сыпью' (Warsz. II, 471, 638), др.-русск., русск.-цслав. *корь* 'кора' (Дан. иг., Срезневский I, 1293), *корь* м. и ж. р. 'название болезни' (Травник Любч., 541. XVII в. 1534 г. и др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 355), 'вредитель (тканей, меха, кож, хлеба) типа моли' (Крым. д. I, 310. 1500 г. Там же), русск. *корь* ж. р. 'заразная, преимущественно детская болезнь, сопровождаемая сыпью, воспалением дыхательных путей и жаром', диал. *корь* м. и ж. р. 'детская заразная болезнь, корь' (Деулинский словарь 242; Филин 15, 38), 'моль' (там же), 'моль, личинка моли' (Сл. Среднего Урала II, 52; Иркутский областной словарь I, 223: Словарь Красноярского края 93; Элиасов 166), *корь* ж. р. 'моль, тля' (волог., Даль[3] II, 438), сюда же, возможно, производное *хорёк* (если из **корёк*) 'жучок, точащий дерево' (Картотека Псковского областного словаря), укр. *кір*, род. п. *кóру*, м. р. 'корь' (Гринченко II, 245; Укр.-рос. словник II, 335), блр. диал. *кор* м. р. 'корь' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 503).

Этимологически тождественно **kora* (см.), ср. подробную реально-семантическую аргументацию: В. А. Меркулова. Народные названия болезней. II (на материале русского языка). — Этимология. 1970 (М., 1972), 172: 'кора, верхний слой дерева' → 'сыпь, покрывающая, как кора' → 'болезнь с такой сыпью'; ср. в диалектах *кора* в значении 'болезнь корь'. См. еще Преобр. I, 365.

С равным, если не с бóльшим правом можно было бы выделить особое **korъ* 'насекомое моль, тля' (см. выше), которое вместе с греч. κόρις 'клоп' продолжает и.-е. имя с корневым *-o-*, производное от глагольного **(s)ker-* 'резать'. С этой существенной оговоркой следует принимать совмещенное рассмотрение названного **korъ* с **korь* 'болезнь' тем более, что последнее тоже восходит, как и **kora*, к и.-е. **(s)ker-* 'резать, отделять', чем и продиктована традиция рассматривать их вместе. См. K. Štrekelj AfslPh XXVIII, 1906, 485, 486; H. Petersson AfslPh XXXVI, 1916, 153—154 (отличия в деталях). Впрочем, ср. раздельно — *корь* I 'название детской болезни', *корь* II 'моль': Фасмер II, 343—344. В конечном счете это, разумеется, этимологически тождественные, вторично омонимизировавшиеся образования.

Столь же старая традиция сближать **korь* 'болезнь' с лит. *kãrai* 'корь' (Miklosich 133; Berneker I, 579; Фасмер, там же; Sławski III, 387—388) вызывает существенное возражение, что лит. слово — только название болезни, без близких внутриязыковых соответствий со значением 'кора' — скорее всего заимствовано из слав. См. Trautmann BSW 117; возражения Френкеля (Fraenkel I, 219) неубедительны.

***korь II:** русск. диал. *корь* ж. р. 'упрек, укор' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240).

Соотносительно с глаголом **koriti* (см.).

***korьba:** цслав. корьба ж. р. ἧττα, clades (Mikl.), сербохорв. стар. *кдрба* ж. р. 'укор, упрек', (диал.) 'ссора' (РСА X, 238; RJA V, 322), *kōrba* ж. р. 'шумная ссора' (Hraste—Šimunović I, 445), др.-русск. *Корьба*, личное имя собств. (1538 г., Тупиков 257), русск. диал. *корьбá* ж. р. 'перекор, перебранка', 'укор, укоризна' (Васнецов 111; Филин 15, 38).

Название действия, производное с суф. *-ьba* от глагола **ko-riti* (см.).

***korьcь I:** ст.-слав. корьць м. р. κόρος, corus 'мера' (Mar., Mikl., Sad., SJS), болг. диал. *кбрьц* м. р. 'деревянная посуда для сбора и перевозки винограда' (с. Здравковец, Габровско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), сербохорв. *кдрац*, род. п. *-рца*, м. р. 'кадочка' (РСА X, 237), стар., диал. *korac*, *korec* (Mažuranić 526), словен. *kórec*, род. п. *-rca*, м. р. 'черпак, ковш', 'мера (зерна)' (Plet. I, 437), также диал. *koràc* (Бодуэн де Куртенэ. Терские славяне в Сев. Италии. Словарный материал. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 11, л. 25, 360), *korci* 'кровельная черепица' («Narodopisje Slovencev» I, 81, 96), ст.-чеш. *kořec*, род. п. *-rcě*, м. р. 'сосуд для сыпучих тел, а также для жидкостей', 'мера' (Gebauer II, 103; Novák. Slov. Hus. 49), также *korec* (Brandl 104), производное *korčák* м. р. 'сосуд, кубок' (Gebauer II, 102), чеш. *ko-rec*, род. п. *-rce*, м. р. 'старая мера зерна', производное *korčák* м. р. (Kott I, 749), слвц. *korec*, род. п. *-rca*, м. р. 'мера (напр. зерна)', 'лопасть на колесе водяной мельницы' (SSJ I, 746; Kálal 258), производное *korček* м. р. (SSJ I, 745), в.-луж. *kórc* м. р. 'мера' (Pfuhl 273), н.-луж. *kórc* м. р. 'четверик, корец' (Muka Sł. I, 676), полаб. *t'öräc* м. р. 'мера' (Polański—Sehnert 155), ст.-польск. *korzec* 'мера сыпучих тел', 'лопасть мельничного колеса' (Sł. stpol. III, 349—350), польск. *korzec*, род. п. *-rca*, м. р. (Warsz. II, 484), диал. *korzec* 'сто литров (напр. пива)', 'сто килограммов' (Sł. gw. p. II, 437; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 210), *kʷožec* (Kucała 226), *kořec* 'старая мера зерна' (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 180), производное *korczak* '(деревянный) черпак' (Warsz. II, 473), словин. *korc* м. р. 'мера' (Sychta II, 208), *kʷorc* (Lorentz Pomor. I, 416), *kʷořec* (Lorentz Pomor. I, 418), производное *kùorčök* м. р. 'черпак' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 515), др.-русск., русск.-цслав. *корьць*, *корець* м. р. 'ковш' (Псков. суд. гр., 24. XVI в. ~ XV в.), 'берестяной или металлический сосуд, тара и мера зерна, масла' (Кн. п. Обон. пят., 23. 1496 г.), 'часть сохи' (Там. кн. Тихв. м., № 1318, 18 об. 1659 г.), 'мельничный ковш, ящик над жерновом, откуда сыплется зерно' (Кн. Тул. и Каш. зав., 115. 1690 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 312; Срезневский I, 1293), русск. диал. *корéц*, род. п. *-рцá*, м. р. 'ковш' (твер., влад., калуж., тул., ряз., арх., олон., вят., новг., волог., яросл., перм. и др.), 'совок для насыпания зерна или муки' (ворон., ряз., тамб., орл., донск., брян., сарат.), 'окошко у жерновов, в которое засыпают зерно' (тамб., моск.) (Филин 14, 326; Куликовский 41; Добровольский 343; Говоры Прибалтики 128; Словарь говоров Подмосковья 215; Деулинский словарь 240), 'берестяной ковш' (Сл. Среднего Урала II, 49), ст.-укр. *корецъ* м. р. 'мера емкости' (XV в.; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 497), укр. *корéць*, род. п. *-рця́*, м. р. 'мера сыпучих тел', 'железный или деревянный ковш', 'пара соединенных под углом поперечных досок на окружности колеса водяной мельницы, — в них ударяет вода' (Гринченко II, 283; Укр.-рос. словник II, 376), также *кірéць* (Гринченко II, 245), диал. *корӧц* м. р. 'кружка' (Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. — Лексика Полесья 85), *кóриц*, *кóрец* 'единица емкости, 100 литров', 'черпак' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 79), производное *корчáк* м. р. 'водяная мельница с наливным колесом' (Гринченко II, 288), ст.-блр. *корец* 'мера сыпучих тел' (Скарына 1, 277), блр. *карӧц* м. р. 'берестовый ковш' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 654; Байкоў—Некраш. 143), *корец* 'ковш, из дерева выдолбленный, с рукояткою' (Носов.), *кóрац*, род. п. *-рца*, м. р. 'поставец (сосуд для питья)', *корец* 'ковш, нечто вроде большой деревянной ложки из елового дерева' (Белорусский сборник 362), диал. *карӧц* 'ковш, колодка с отверстием в верхнем жернове' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 429), *корӧц* 'посуда для питья воды (скрученная из коры, вырезанная из корня, медная, глиняная и др.)' (З народнага слоўніка 192), *кóрчык* (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 243).

Наиболее вероятно образование от **kora* (см.) с суф. *-ьсь*. Регулярное уменьшительное образование от основы на *-а* ж. р. ожидалось бы с суф. *-ica*, но, по-видимому, сказалось влияние других названий мер объема сыпучих тел, ср. в первую очередь **gъrnьcь* (см.). В этом смысле можно было бы ответить на сомнения Бернекера относительно словообразования **korьcь* ← **kora* (см. Berneker I, 580); к тому же словообразовательный акт здесь сложнее, чем простое производство ум. формы. Собственная этимология Бернекера (там же) — сближение с др.-инд. *carúṣ* 'котел', др.-исл. *huerr* 'котел', гот. *hwairnei* 'череп', ирл. *cern* 'миска', *coire* 'котел', кимр. *pair* то же — отнюдь не убедительнее и во всяком случае труднодоказуема. Ср. еще раньше A. Meillet MSL 8, 1893, 281. Равным образом, вопреки мнению Мейе (см. A. Meillet MSL 14, 1907, 382), **korьcь* не связано ни с **čara* (см.), ни с **ko-ryto* (см.). Исконнослав. слово **korьcь* первоначально обозначало предмет из древесной коры, см. А. Соболевский РФВ LXX, 1913, 85—86. Это значение и по сей день известно в слав. (напр. блр., см. выше) говорах, носители которых до недавнего времени сохраняли прежний уровень культуры. Ср. и Brückner 258: «Произведено от (названия) коры, которая служила для самых первобытных мер-сосудов, опережая всякий прочий материал». Следует при этом иметь в виду преимущественно «деревянный» характер народной культуры славян, как и других народов Северной Ев-

ропы. Деревянный, берестяной корец непротиворечиво вписывается в эту культуру. Широкое распространение слова *korьсь также у северных славян противоречит концепции этого слова как заимствованного культурного термина южного происхождения. См. Machek[2] 277. Мысль о заимствовании по крайней мере ст.-слав. корь, корьць из созвучного названия меры — греч. κόρος высказывалась тоже давно, см. Miklosich 133. Некоторые авторы распространяли это объяснение вообще на все слав. формы, см. Skok II, 150; ср. еще J. Kelemina. — Glasnik. . . XIV, 1933, 66. Однако, как уже сказано, широкое распространение и народный характер слова *korьсь у всех славян (включая болгар и сербов, хорватов, у которых, по старым сведениям, соответствия отсутствовали) делает сомнительным книжное заимствование слова семитского происхождения через библейское греч. κόρος (предположительно объясняемое из др.-евр. *kōr* 'круглый сосуд', см. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 568).

Продолжающиеся до недавнего времени попытки нащупать особые исконно-и.-е. связи слав. *korьсь, т. е. не со словом *kora, к сожалению, способствуют скорее затемнению картины. Ср. прежде всего гипотезу Махека — сначала о родстве *korьсь с др.-инд. *khārá-* 'крупная мера зерна' (V. Machek. — Slavia XVI, 2, 1939, 170), а позднее о существовании и.-е. *koro-s, якобы на базе родства слав. *korьсь, др.-инд. *khārá-* и греч. κόρος (Machek[2] 277). Однако эта мысль не выдерживает критики; о греч. слове уже сказано выше, можно добавить, что др.-инд. *khāra-* само по себе неясно, а сравнение со слав. *korьсь элементарно затруднительно фонетически, см. Mayrhofer I, 309; W. Merlingen. — Idg. *x*. — Die Sprache IV, 47 (о сомнительности соответствия *kh* слав. *k* по этимологии Махека). В этом же ряду можно упомянуть остроумное, но маловероятное сближение слав. *korьсь из и.-е. *koriko-s с и.-е. *koruko-s в ирл. *curach*, кимр. *corwc* 'плетеный челн' (J. Loewenthal WuS VII, 1921, 177—178).

Словом *korьсь обстоятельно занимался Фасмер, см. «Jagić-Festschrift» (1908), 272—273; Фасмер II, 325—326. См. еще Sławski II, 504—506; Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9, 622.

***korьсь II**: русск. диал. *корéц*, род. п. *-рцá*, м. р. 'укорщик, доказчик (свидетель)' (ряз., Филин 14, 326).

Имя деятеля, производное с суф. -ьсь от *koriti (см.).

***korьje**: сербохорв. *kȍrje* ср. р., собир. 'кора' (с XVI в., RJA V, 342), др.-русск. *корье* ср., собир. 'кора деревьев' (ААЭ I, 320. 1571 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 355), русск. *корьё* ср. р., собир. 'снятая с дерева кора', диал. *корьё* ср. р., собир. 'ивняк' (Словарь говоров Подмосковья 222; Филин 15, 38), 'измельченная дубовая кора для обработки кожи' (Словарь русских донских говоров II, 81), укр. диал. *кір'йе* 'кора' (Онышкевич 332).

Производное с суф. -ьје от *kora (см.). Условно допустимо-

для *korьje праформа *korịom удивительно совпадает с лат. *corium* 'кожа, шкура', 'кожура, шелуха', будучи по всей видимости независимым параллелизмом.

***korza?**: русск. диал. *карёза* ж. р. 'птица сойка' (смол.), 'иволга' (смол.) (Добровольский 313; Филин 13, 86), блр. *карóза* ж. р. 'сойка', 'иволга обыкновенная Oriolus galbula' (Байкоў—Некраш. 142; Гарэцкі 76), *Карóза*, фам. (Бірыла 187).

Это локальное, в сущности только блр. слово (русск. смол. говоры граничат и во многом генетически связаны с блр.), характеризуемое Фасмером (II, 198) как темное, при всей проблематичности древности своего образования, представляет собой вероятное звукоподражание, праформу которого трудно уточнить. Сойка — птица с резким криком, о чем говорят ее названия в разных языках, ср. нем. *Häher* < *kraikr- 'крикун' (Kluge[20] 281—282, там же другие старые и областные названия с такой же семантикой), лат. *garrulus* 'сойка', собственно 'болтливый, болтливая'. Звукоподражаниями, вероятно, являются балт. названия сойки — лит. *rą̃šis*, *rañšis* (стар. *ranžis), лтш. *ruozis* (*ranžis), ср. несколько иначе Fraenkel II, 701. Звукоподражание же, в конечном счете, наверное, представлено и в русск. *сóйка*, вопреки однозначному иному мнению Фасмера (III, 731).

***kosa I**: цслав. коса ж. р. coma (Mikl.), болг. *косá* ж. р. 'волосы (на голове у человека)' (РБЕ; БТР), также диал. *косá* ж. р. (М. Младенов БД III, 92), *кóса* ж. р. (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 239; Шапкарев—Близнев БД III, 234), *кóса* (Г. Горов БД I, 99), *кóсъ* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), макед. *коса* ж. р. 'волосы' (И-С), сербохорв. *kòsa* ж. р. 'волосы', 'шерсть, ворс', (диал.) 'ткацкая основа' (РСА X, 293—294; RJA V, 351—354), *kȍse* мн. 'косы (на голове)' (Hraste—Šimunović I, 449), ст-чеш. *kosa* ж. р. 'волосы на голове' (Gebauer II, 108), в.-луж. *kosa* ж. р., обычно *kosy* мн. 'созвездие Волосы Береники' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósy* мн. 'косари (созвездие)' (Muka Sł. I, 683), полаб. *t'ösă* ж. р. 'серп', 'коса' (Polański—Sehnert 155), ст.-польск. *kosa* ж. р. 'коса (на голове), грива' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 1—2), польск. диал. *kosa* ж. р. 'коса (волосы)' (Sł. gw. p. II, 438), 'метелка льна' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 114), 'ткацкая основа, сплетенная косой' (Falińska. Pol. sł. tkackie I, 121), др.-русск., русск.-цслав. *коса* ж. р. 'заплетенные волосы, коса' (Х. Афан. Никит., 13. XV—XVI вв. ~ 1472 г.; Юдифь XIII, 9—10. Библ. Генн. 1499 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 356; Срезневский I, 1294), русск. *косá* ж. р. 'заплетенные волосы', диал. *косá* ж. р., *кóсы* мн. 'волосы мужские и женские' (волог., ряз., тамб., пенз., сарат., Филин 14, 44, там же ряд вторичных употреблений), *кóсы́* мн. 'усы, стебли огурцов' (Сл. Среднего Урала II, 55; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 243), укр. *косá* ж. р. 'коса, сплетенные волосы', (мн.) 'волосы вообще' (Гринченко II, 289), ст.-блр. *коса* 'коса

(волосы)', блр. *касá* ж. р. 'коса', также диал. *касá* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 430; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217), *кóсы* мн. 'волосы' (Белорусский сборник 365; З народнага слоўніка 102).

Ср. сюда же суффиксальные производные: польск. диал. *kosacz* 'конь с большой гривой' (Sł. gw. p. II, 438; Warsz. II, 487), русск. диал. *косáч* м. р. 'конь с длинной густой гривой' (орл., Филин 15, 47); сербохорв. диал. *кȍсāнка* ж. р. 'коса (заплетенная)' (РСА X, 296).

Производное с корневым вокализмом *-o-* от глагола **česati* (см.), вернее — от предшествующего ему и.-е. **kes-*, несмотря на сомнения Мейе, который полагал, что родство **kosa* и **česati* плохо согласуется с основным значением глагола **česati*, см. A. Meillet MSL 14, 1907, 338. Однако как раз основное значение этого глагола — 'скрести, чесать, причесывать' — непротиворечиво связано со значением имени **kosa* — не вообще 'волосы', а 'расчесываемые, определенным образом причесанные волосы', что придает слову **kosa* функцию термина культуры. Далее сближают слав. **kosa* с лит. *kasà* 'коса (волосы)', лтш. *kasa* то же, см. Berneker I, 581; Фасмер II, 344; Trautmann BSW 120; Fraenkel I, 226. Имеются и другие именные соответствия слав. **kosa* — др.-исл. *haddr* 'длинные женские волосы' <герм. **hazdaz* — и.-е. **kas-dho-s*, ирл. *cass* 'локон' — **kas-to-s* 'причесанный' (ср. W. Steinhauser.—Die Sprache II, 1950, 1—2) и нем. *Haar* м. р. 'лен-сырец' (не смешивать с нем. *Haar* ср. р. 'волос(ы)'!), др.-в.-нем. *haro*, род. п. *harwes*, < герм. **hazwa-* 'чесаное' < **kasu̯o-*/**kosu̯o-* (ср. Kluge[20] 278). На этом фоне, конечно, близость форм и значений слав. **kosa* и лит. *kasà* особенно бросается в глаза. Безоговорочному принятию мнения об исконном родстве этих слов, на котором настаивают вышеназванные ученые, мешает одно существенное обстоятельство: соответствующий балт. глагол — лит. *kàsti* 'рыть, копать, грести (землю)', *kasýti* 'скрести, царапать' и его лтш. пара — как раз не имеют важного культурного значения 'чесать, расчесывать, причесывать'. Думать при этом, что речь идет о каком-то маловажном оттенке употребления, мы не можем, речь идет о важном культурном терминологическом значении 'чесать, причесывать волосы', которое в слав. **česati* весьма древне и имеет и.-е. соответствия, а в балт., как и в ряде других и.-е. языков вытеснено особыми новообразованиями, обозначающими, собственно, 'чесать гребнем', ср. лит. *šukúoti*, лат. *pectere*, нем. *kämmen*. Таким образом, комплектной глагольно-именной пары вроде слав. **česati*—**kosa* балт. языковой материал не обнаруживает. Недаром проницательный Брюкнер, говоря о слове *kosa*, не приводит лит. *kasà*, но только глаголы *kàsti*, *kasýti* (см. Brückner 259), что вызвано, разумеется, не кратким характером словаря, а соображениями, побудившими Брюкнера еще раньше видеть здесь слав. заимствование, что встретило еди-

нодушный, хотя и не очень аргументированный протест у Бернекера (там же) и у других.

Далее см. **kosa* II.

***kosa II:** цслав. коса ж. р. falx 'коса' (Mikl.; SJS: ζιβύνη, zibyna 'вид оружия', Parim.), ббблг. *косá* ж. р. 'коса (чем косят сено)' (РБЕ; БТР), также диал. *косá* ж. р. (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 290; М. Младенов. Говорът на Ново село, Видинско 239; М. Младенов БД III, 92), *кóса* ж. р. 'косьба' (Стойчев БД II, 191), *кóсъ* ж. р. 'коса', 'серп' (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кусъ* ж. р. 'коса' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 76), макед *коса* ж. р. 'коса' (И-С), диал. *kósa* 'коса' (Małecki 53), *кóса* 'кожевенный струг' (Св. Николско MJ II, 1951, 166), сербохорв. *кȍса* ж. р. 'коса (косить траву)' (РСА X, 294—295; RJA V, 350—351), диал. *kosä* ж. р. то же (Hraste—Šimunović I, 449), словен. *kósa* ж. р. 'коса' (Plet. I, 440), ст.-чеш. *kûsa*, *kosa* 'алебарда' (Brandl 112), чеш. *kosa* ж. р. 'коса', слвц. *kosa* ж. р. (SSJ I, 750), в.-луж. *kosa* ж. р. 'коса' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósa* ж. р. (Muka Sł. I, 679), ст.-польск. *kosa* 'коса (для косьбы)' (Sł. stpol. III, 354—355; Sł. polszcz. XVIw., XI, 1—3), польск. *kosa* ж. р. 'коса' (Warsz. II, 486), диал. *kosa* (Maciejewski. Chełm-dobrz. 99, 119; Sychta. Słown. kociewskie II, 82), *kᵘosa* (Kucała 107), словин. *kosa* ж. р. 'коса' (Sychta II, 211), *kœsa* (Ramułt 76), *kᵘosa* (Lorentz Pomor. I, 419), *kŭọ̄să* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), др.-русск., русск.-цслав. *коса* ж. р. 'оружие, имеющее широкую режущую часть, широкое лезвие (резак, секира, боевой топор и т. п.)' (Флавий. Полон. Иерус. I, 216. XVI в. ~ XI в.), 'орудие для срезания травы, коса' (Кн. законные, 47. XV в. ~ XII—XIII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 356—357; Срезневский I, 1294), русск. *косá* ж. р. 'сельскохозяйственное орудие в виде узкого изогнутого лезвия, насаженного на длинную рукоятку, служащее для срезывания травы и хлебных злаков', также диал. *косá* (Подвысоцкий 72; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 240; разнообразные местные частные значения см. Филин 15, 44), укр. *косá* ж. р. 'коса' (Гринченко II, 289), диал. *косá* ж. р. 'огрех, пропуск при косьбе' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 83), ст.-блр. *коса* 'коса' (Скарына 1, 279), блр. *касá* ж. р. 'коса', также диал. *касá* ж. р. (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217). —

Ср. сюда же суффиксальные производные: болг. *косáч* м. р. 'косец' (РБЕ), также диал. *косáч* (М. Младенов БД III, 92), макед. *косач* м. р. 'косец, косарь' (И-С), сербохорв. *kòsâč* м. р. 'косец' (с XVII в., RJA V, 355), словен. *kosáča* ж. р. 'плохая коса' (Plet. I, 440), чеш. *kosáč* м. р. 'садовый нож' (Kott I, 757), русск. диал. *косáч* м. р. 'косец' (свердл., Филин 15, 47); сербохорв. *kòsak* м. р. 'резак' (RJA V, 355), словен. *kosák* м. р. 'косец' (Plet. I, 440), чеш. *kosák* м. р. 'серп', 'садовый нож' (Kott I, 757), также диал. *kosák* (Bartoš. Slov. 156; Svěrák. Karlov. 119), слвц. *kosák* 'серп'

(Kálal 260), н.-луж. *kósak* м. р. 'садовый нож' (Muka Sł. I, 679), польск. диал. *kosak* м. р. 'серп без зубьев' (Sł. gw. p. II, 438—439; Warsz. II, 487), *k*ᵘ*osåk* (Kucała 108), русск. диал. *коса́к*, *ко́ся́к* 'косец' (Сл. Среднего Урала II, 52; Филин 15, 45, 98: вят., волог., свердл. и др.), 'косарь' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 241; Опыт словаря говоров Калининской обл. 104), укр. *коса́к* м. р. 'большой нож для сечения капусты' (Гринченко II, 289), блр. *Каса́к*, фам. (Бірыла 190); болг. диал. *ко́сан'* ж. р. 'косьба' (Стойчев БД II, 191), сербохорв. *ко̀саница*, *ко́саница* ж. р. 'сенокос, луг' (РСА X, 295—296).

В согласии с частью исследователей мы считаем **kosa* II и **kosa* I (см.) этимологически тождественными, т. е. производными по одной модели от одного и того же глагола. Тождество между обоими словами наблюдается во всем, кроме значения: значение **kosa* II 'орудие для срезания, ссекания травы' четко отделяет слово **kosa* II от балт.-лит. *kasà*, которому это значение уже неизвестно. Это наблюдение можно развить в том смысле, что слав. **kosa* II совершенно не имеет и.-е. соответствий. Приводимое обычно др.-инд. *śásati* 'резать' имеет характер глагола, а *śastrám* 'нож' является особым суффиксальным производным именем от этого глагола, далее — лат. *castrāre* 'резать, скопить' — это вторичный отыменной глагол от имени предыдущего типа (др.-инд. *śastrám*). Дальнейшие сближения предпринимаются на уровне и.-е. **kes-*. См. A. Meillet BSL XII, 2, 1903: Procès verbaux CX (сближение *kosa*: *śastrám* и идея о диссимиляции свистящих в слав.); Он же. — MSL 13, 1905, 243—245; Berneker I, 581. Мысль особого родства **kosa* II с др.-инд. *śasati*, *śāsti* (см. выше) поддерживает Махек, см. V. Machek. — Slavia XVI, 2—3, 1939, 187; Machek² 280: *kosa*². Совсем уже невероятны сравнения с др.-инд. *kákṣā* 'подмышка', авест. *kaša-* 'плечо', откуда 'коса' якобы из первоначального 'изогнутая' (E. Lewy KZ XL, 419—423. Цит. по: RS I, 1908, 272; Berneker, там же). Можно лишь согласиться с тем, что **kosa* II не является производным от прилаг. **kosъ(jь)* (см.). Все разнообразие «особых» этимол. сближений **kosa* II собрано также у Фасмера (II, 345: *коса́* II).

Как явствует из охарактеризованной выше семантической изоляции **kosa* II, оно представляет собой инновацию, вторичное образование, при котором полностью повторен словообразовательный акт **kes-* > **kosa* (I), но без видимой производности значения **kosa* II 'коса режущая' от значения **kosa* I 'коса (волосы причесанные, заплетенные)'. С этой оговоркой можно принять простейшую и хронологически правильную схему Брюкнера: «*kosa* — одно слово в двух значениях: 'коса — волосы' от их чесания и 'коса — орудие для «счесывания» травы, злаков, как серпом'. Праславянское в обоих значениях, однако первое более первоначально, а второе производно: *kosa* — серп названа по форме косы из волос» (Brückner 259). На общем происхождении **kosa* I и **kosa* II настаивал Якобсон (R. Jakobson.— Word 11, № 4, 1955, 611), см. и Г. Якобссон. — Scando-Slavica IV, 1958, 300—303. Своеобразную крайность представляет собой трактовка Славского (Sławski II, 516—518), который даже для отдельного слав. языка — польского — дает о д н у словарную статью *kosa*, объединяя здесь и 'орудие для срезания травы' и 'длинные, заплетенные волосы'. Так утрировать, очевидно, не стоит, зная о том, что даже для праслав. уровня здесь реальнее реконструировать две особые словарные единицы, впрочем этимологически близко родственные в указанном выше смысле.

Обширно относительно **kosa* II, интересно в деталях, но спорно в главном выводе — **kosa* 'орудие' первоначально 'обрубленная жердь' см. А. С. Мельничук. — Этимология. 1966 (М., 1968), 224 и сл., особенно 228. По нашему мнению и в духе изложенных выше данных, **kosa* II — лексико-семантическая инновация на базе **kes-*, **česati* и уже существовавшего **kosa* I. Инновация всегда или часто предполагает фигуральное употребление. Так появилось значение **kosa* II: 'орудие для «счесывания» травы'.

***kosarь**: болг. книжн., стар. *коса́р* м. р. 'косарь' (Речник РОДД; Дювернуа: *коса́ръ* 'косарь, косец'), диал. *ко́сар* м. р. 'кривой серповидный виноградарский нож' (М. Младенов БД III, 92), в прозвищах и фам-иях *Коса́р*, *Коса́ров*, *Коса́рски* (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 271), макед. *косар* м. р. 'мастер, делающий косы' (И-С), сербохорв. *ко̏са̄р* м. р. 'кузнец, кующий косы' (РСА X, 296), словен. *kosár*, род. п. *-rja*, м. р. 'кузнец, кующий косы', 'косарь' (Plet. I, 440), *kosaríca* ж. р. 'большой нож' (там же), ст.-чеш. *kosař* м. р. 'кузнец, кующий косы и серпы, *falcifer*' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *kosář*, *kosař* м. р. (Kott I, 757), диал. *kosárek* 'серп' (Kott. Dod. k Bart. 43), слвц. *kosiar* 'садовый нож' (Kálal 260), в.-луж. *kosař* м. р. 'кузнец, кующий косы, косарь' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósař* м. р. 'косарь' (Muka Sł. I, 679), ст.-польск. *kosarz* 'косарь' (Sł. stpol. III, 355; Sł. polszcz. XVI w., XI, 3), польск. *kosarz*, *kosiarz* м. р. 'косарь' (Warsz. II, 487), также диал. *k*ᵘ*ośåš* (Kucała 111), *košař* (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 181), *kosarze* 'созвездие Ориона' (Sł. gw. p. II, 439), словин. *k*ᵘ*ósωř* м. р. 'косарь' (Lorentz Pomor. I, 420; Slovinz. Wb. I, 517), др.-русск. *косарь* м. р. 'легкий топорик с удлиненным лезвием, тяжелый нож на топорище; палаш' (Изм., 214. XVI в. ~ XIV—XV вв.), 'тот, кто косит сено; косец, косарь' (Южновеликорусск. письм., 234. 1705 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 357), *Косаръ*, личное имя собств. 1495 г. Писц. II, 592. Тупиков 257), русск. *коса́рь* м. р. 'кто косит траву' (Даль³ II, 440), диал. *коса́рь* м. р. 'большой нож для хлеба' (новг., иркут.), 'топор' (тул., арх.) (Филин 15, 46), 'рыба чехонь' (влад., там же), *косари́* мн. 'одно из созвездий Млечного пути' (тул., Филин 15, 46; Даль³ II, 441), ст.-укр. *косарь* м. р. 'косарь' (1386—1418 гг., Словник староукраїнської мови XIV—

XV ст. 1, 502), укр. *косáрь* м. р. 'косарь, косец', 'нож из обломка косы', 'созвездие Орион' (Гринченко II, 290), ст.-блр. *косар* 'нож из обломка косы' (Скарына 1, 279), блр. диал. *касáр* м. р. 'косец' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431), *касары́* мн. 'созвездие Плеяды, стожары' (там же).

Отсутствие слова *косар* в Черногории отмечает П. Шоћ. Косир, косиjер. — НЈ I, 254.

Производное с суф. *-arь* от **kosa* II (см.).

***kosati (sę):** болг. диал. *кóса се* 'нервничать, сердиться' (с. Веригово, Карловско, Р. Реч XIII, 186. Архив Болг. диал. словаря, София), сербохорв. *кȍсати* 'рубить, измельчать' (РСА X, 296; RJA V, 357), диал. *кȍсати се* 'ссориться' (РСА X, 296), словен. *kôsati se* 'бороться, состязаться' (Plet. I, 440), русск. диал. *кóсáть* 'сильно бить, колотить' (твер., влад., перм.), 'красть что-либо из огорода' (пск.), 'рубить, тесать' (костр.) (Филин 15, 47), *кóсáться* 'драться, биться' (костр., перм., Филин 15, 47).

Этимологически тождественно **kasati* (см.), сохраняя при этом более первоначальный вокализм, непосредственно соотносительный с **kes-*, см. **česati*. Болг. слово фактически отсутствует в БЕР; сербохорв. слово прямо связывали с **kositi* (см.; см. Skok. Etim. rječn. II, 162), но последнее — глагол вторичного, отыменного образования. Фасмер (II, 345) считал русск. диал. слово неясным, высказав лишь неаргументированную догадку, что оно «скорее к *коснýться*». Представленная выше семантика резкого удара, скользящего движения ('красть'), не говоря о производных значениях, вполне укладывается в то, что известно о корне **kes-/*kos-*.

***kosatъ(jь) I:** болг. (Геров) *косáтый*, прилаг. 'тот, у кого длинные красивые волосы', диал. *косáт*, прилаг. 'длинноволосый' (с. Суходол, Софийско, СбНУ XLIII, 12. Архив Болг. диал. словаря, София), *Косáтев*, фам. (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 271), сербохорв. *кȍсат, -а, -о* 'длинноволосый, волосатый', 'гривастый (о лошади)' (РСА X, 296; RJA V, 357 с XVIII в.), польск. *kosaty* 'имеющий косу (заплетенные волосы)' 'гривастый' (Warsz. II, 487), др.-русск. *Косатый*, личное имя собств. (1639 г. Тупиков 257), русск. диал. *косáтый, косáтий -ая, -ое* 'имеющий длинные заплетенные в косу волосы' (арх. петерб., новг., зап.-брян., перм., том., Филин 15, 47), *касáт* м. р 'о дорогом, желанном человеке' (влад., иван., Филин 13, 115) укр. *косáтий, -а, -е* 'с большими косами' (Гринченко II, 290) блр. диал. *касáты*, прилаг. 'длинноволосый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от **kosa* I (см.).

***kosatъ(jь) II:** болг. *косáт* м. р. 'речная костистая рыба Abramis ballerus, лещ' (РБЕ), чеш. *kosatý* 'серповидный, косовидный (Kott I, 757), 'имеющий косу (орудие)', в.-луж. *kosaty, -a, -e* 'имеющий косу', 'косовидный' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósaty* 'в виде

косы' (Muka Sł. I, 679), польск. *kosaty* то же (Warsz. II, 487), словин. *kosati*, прилаг. 'колючий, язвительный' (Sychta II, 211), русск. диал. *касáтый* 'с косой' (Расторгуев. Словарь народных говоров Зап. Брянщины 133).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от **kosa* II (см.).

***kosenina:** болг. диал. *кóсенúна* ж. р. 'свежескошенное сено' (РБЕ; Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467; Гълъбов БД II, 86), 'скошенный луг' (Хитов БД IX, 269), 'трава и бурьян, скошенные с межи и полян' (Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), макед. *косенина* ж. р. 'сенокос', 'скошенное сено' (Кон.), диал. *косенина* (вост., см. К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — МЈ XXI, 1970, 129), слвц. *kosenina* 'луг (отава?)' (Kálal 260, 928), русск. диал. *косенúна* ж. р. 'скошенный луг' (иркут., Филин 15, 49).

Производное с суф. *-ina*, соотносительное с глаголом **kositi* I (см.). Ср. **košenina* (см.).

***kosenьje:** цслав. косениѥ ср. р. ἀφή, tactus (Mikl.), болг. (Геров) *косéниѥ* ср. р. 'косьба', *кóсене* ср. р. 'косьба, укос' (Дювернуа), также диал. *кóсене* (М. Младенов БД III, 92), *косéн'е* (Шапкарев—Близнев БД III, 234), *кóсен'е* (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), макед. *косење* ср. р. 'косьба' (Кон.), чеш. *kosení* ср. р. 'косьба' (Kott I, 757), русск. диал. *косéнье* ср. р. 'косьба, кошение' (Филин 15, 48).

Производное (имя действия) с суф. *-ьje* на базе глагола **kositi* I (см.). Ср. **košenьje* (см.).

***koserъ/*kosera:** болг. *кóсер* м. р. 'кривой серповидный виноградарский нож' (БТР; Младенов БТР), 'садовый нож' (Речник РОДД 217), диал. *кóсер* (Шклифов БД VIII, 256), *кóсир* (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 239; Ралев БД VIII, 137), сербохорв. *кȍсиjер* м. р. 'серповидный садовый, виноградарский нож, резак, косарь' (РСА X, 298; RJA V, 358—359: «Riječ je praslav.»; см. еще Mažuranić 528), *кȍсӣр* (РСА X, 298—299), словен. *kosér* м. р. 'кривой нож' (Plet. I, 440), чеш. *kosíř* м. р. 'садовый нож' (Kott I, 757), слвц. *kosier* (Kálal 261), ст.-польск. *kosior* м. р. 'кочерга' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 4; Sł. stp. III, 355), польск. диал. *kosior, kosiór* м. р. 'кочерга, дощечка, насаженная на длинную палку, для выгребания жара из печи' (Warsz. II, 488; Sł. gw. p. II, 440), блр. диал. *касёра* ж. р. 'кочерга' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Не всегда ясна чересполосица форм с указанной выше реконструкцией и форм на **kosyrь* (см.). Возможна также вариантная реконструкция **kosěrъ/ь*.

Лер-Сплавинский относил сюда же название племени *Chozirozi* < **kosěr-ovьci* 'люди с кривыми ножами', см. T. Lehr-Spławiński. Z uwag nad tzw. 'Geografem Bawarskim'. — AUC 1962, № 3, 426.

Производное с суф. *-erъ/-era*, соотносительное прежде всего с **kosa* II (см.) и **kositi* I (см.). Все это названия орудий, названные по принципу действия — срезания, сгребания. Настаивать на прямой производности от **kosa* (так см. Berneker I, 581; Machek[2] 280; Skok. Etim. rječn. II, 162), видимо, не следует. Случаем суффиксальной вариации в рамках этих nomina instrumenti является, очевидно, и **kosarь* (см.) в значениях, близких **kosyrь* (см.) и рассматриваемым здесь **koserъ*, **kosera*. С подобной суффиксальной вариацией ср. **bъlkarь/*bъlkyrь* (см.), **mazgarь/*mezgyrь* (см.) и, возможно, **bъtarь* II/**bъtyrь* (см.).

Менее убедительно произведение от прилаг. **kosъ* как якобы 'кривой нож' и т. п. (см.), см. так Sławski II, 523; БЕР 2, 658.

***kosěja:** русск. диал. *косе́я* ж. р. 'женщина, косящая траву' (яросл., твер., Филин 15, 49).

Производное (имя деятеля) с суф. *-ěja* от глагола **kositi* I (см.).

***kosęzь/*kasęzь:** словен. стар. *kasezi*, *kasazi* мн. 'свободные земледельцы, землевладельцы; дружинники', в топонимии — *Kázaze*, несколько раз в Каринтии, близ Клагенфурта, в том числе двойное герм.-словен. название (глосса) *Edling-Kázaze*, а также в форме *Kosêze*, несколько случаев в Крайне (Lessiak, цит. по: M. Vasmer. *Edlinge-Kazaze*. — Сборник в чест на Л. Милетич. София, 1933, 164 и сл.; то же см. M. Vasmer. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. II. Berlin, 1971, 904).

Гипотетически связывалось с тюрк. *kazak* 'вольный человек', якобы аварский элемент в языке местных славян (Лессиак, выше), что маловероятно в формальном отношении ввиду доказанного Рамовшем наличия в словен. слове суф. *-ęzь* (*-ęgъ*), ср. также топонимическое диал. (резьян.) *kasêginja gorica*: «tà na *kasîginej* hö-гу́сое» (Бодуэн де Куртенэ. Материалы 360), на основании которого можно говорить о форме ж. р. *kosęgyni*, ср. **kъnęgyni* (см.) от **kъnęzь* (см.). Вскрытый суф. в большинстве случаев представлен в древних германизмах, ср. уже упомянутое **kъnęzь*, что рассматривалось другими исследователями как основание для герм. этимологии словен. слова — из лангобардского имени *Gausing-* (F. Ramovš. Praslovensko *kasęgъ* 'Edling'. — Razprave Znanstvenega društva za humanistične vede II, 1925, 303 и сл.; цит. по работам Фасмера и Нахтигаля, ниже) или из герм. **Kasing-* (Фасмер, там же; автор критикует предыдущую герм. этимологию за несоответствия в вокализме и консонантизме слов). Герм. генезис принимает и Вайян, см. Vaillant. Gramm. comparée IV, 503. Правда, герм. источник, как видим, до конца с точностью не выяснен, и предлагавшиеся герм. этимологии больше опираются на общее вероятие, что снижает их ценность ввиду возможности оформления с помощью *-ęzь* (*-ęgъ*) также достаточно старых слав. производных. Нельзя полностью исключать также вторичного выравнивания исхода, особенно если речь идет о заимствовании, каковым скорее всего является **kosęzь/*kasęzь*. Вполне возможна, напр., связь этого слова с именем Κοσέντζης, которое носил один из вождей хорватов, пришедший с ними в Далмацию, согласно преданию у Константина Багрянородного (De adm. imp. 29). См. R. Nahtigal. O etimologiji izraza *kosez*. — SR VIII, № 3—4, 1955, 164—167. Нахтигаль напоминает об ирано-сарматском происхождении самого этнонима хорватов, ср. у нас **xъrvatъ* (см.). Продолжаются и поиски тюрк. источников означенного имени. См. подробнее G. Labuda. *Kosentzes*. — Słownik starożytności słowiańskich II, 482; S. Roman. *Kosezi*. — Там же, 482—483 (с дальнейшей исторической и лингвистической литературой).

***kosiba:** слвц. диал. *kosiba* 'кривое дерево, кривуля' (Kálal 260), 'циркуляр, оповещение сельского старосты' (Диалект., Братислава).

Производное с суф. *-iba* от глагола **kositi* II (см.). Ср. родственное **kosьba* (см.), более распространенного типа. Суффиксальная модель на *-iba* малопродуктивна в слав. и — соответственно — малоизвестна и недостаточно изучена. Так, Вайян совершенно не упоминает таких производных (см. Vaillant. Gramm. comparée IV: La formation des noms. XXVII. Suffixes en *-b-*), Славский знает только укр. *сади́ба*, блр. *садзíба* 'siedziba, siedlisko' (F. Sławski. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. — In: Słownik prasłowiański I, 62). С инфинитивами на *-iti* нормально соотносятся отглагольные имена на суф. *-ьba*, с которым *-iba* находится в отношении суффиксальной апофонии (**kosьba* : **kosiba*). Славский видит здесь выравнивание по долготе гласного в инфинитиве; но «выравнивание», «влияние» плохо вяжется с крайней непродуктивностью модели на *-iba*.

Значение приведенного выше слвц. диал. *kosiba* 'оповещение старосты' нормально развилось из первоначального 'кривая палка, кривуля', ибо первобытным сигналом, оповещением, предназначенным для немедленной передачи от дома к дому, могла быть кривая палка или пучок хвороста (ср. у нас предположение на слово **dereždžьje / *derężdžьje*), или пучок шнурков, см. о последнем Brückner 613: *wić*.

***kosica I:** болг. *коси́ца* ж. р. 'коса (заплетенная)' (Геров), макед. *косица* ж. р., ум. (Кон.), диал. *косица* то же (Љ. Рабаџиска. Зборови од Беровско. — MJ IV, 10, 1953, 237), сербохорв. *ко̀сица* ж. р., ум. 'волосики (на голове)', (диал.) 'плетенка', 'плетка' (PCA X, 301; RJA V, 357—358: с XVI в.), *kȍsica* ж. р. 'косичка' (Hraste—Šimunović I, 449), слвц. диал. *kosica* ж. р. 'коса, косичка' (Диалект., Братислава), др.-русск. *косица* ж. р. (в назв. бортного знамени) 'название знака, условно изображающего косицу, нити, сплетение в виде косички' (Ряз. п. кн. II, 455. 1568 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359), *Косица*, личное имя собств. (XVI в., Новгород, Веселовский. Ономастикон 158), русск. *коси́ца* ж. р., ум. *коси́чка*, диал. *коси́ца* ж. р. 'волосы (че-

ловека)' (волог.), 'женская коса', 'заплетенные волосы конского хвоста' (курск.), 'висок' (яросл., волог., арх., олон., новг., твер., калин., костр., вят., перм., свердл., челябин.) (Филин 15, 53; Опыт 91; Подвысоцкий 72; Куликовский 41), 'половина головы животного, разрубленной вдоль' (Элиасов 167), укр. *косúця* ж. р. 'небольшая коса', (мн.) 'начесы на висках у девушки' (Гринченко II, 290), диал. *косúц'а* 'листок травы', 'хохол' (Онышкевич 372—373), блр. *касíца* ж. р. 'коса (женская)' (Байкоў—Некраш. 143).

Ум. производное с суф. *-ica* от **kosa* I (см.).

***kosica II:** болг. *косúца* ж. р. 'коса (для косьбы)', 'струг (бондарный, кожевенный и т. д.)' (Младенов БТР; Геров—Панчев), также диал. *косúца* (М. Младенов. Говорът на Ново село, Видинско 239; Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 290), сербохорв. *кòсица* ж. р., ум. 'коса (для косьбы)', 'тесло', 'резак' (РСА X, 301; RJA V, 357: с XVIII в.), также диал. *косица* (Tr. 74), *kòsica* ж. р. 'жнея' (RJA V, 358: только в словаре Стулли), *kosìca* ж. р. 'сенокос' (Hraste—Šimunović I, 449), словен. *kosíca* ж. р., ум. 'маленькая коса', 'серп' (Plet. I, 441), чеш. диал. *kosice* ж. р. 'шалаш, где хранятся косы' (Kott I, 757), н.-луж. *kósyca* ж. р. 'коса' (Muka Sł. I, 683), польск. диал. *kosica* 'резак для капусты' (Warsz. II, 487; Sł. gw. p. II, 439), *k*ᵘ*ośicka* 'резак (серп) на длинной палке для срезания веток в лесу' (Kucała 116), русск. диал. *косúца* ж. р. 'коса (орудие косьбы)' (смол.), 'женщина, которая косит' (яросл., калин.) (Филин 15, 54), *косúчка* ж. р. 'столовый нож' (Иркутский областной словарь I, 223).

Ум. производное с суф. *-ica* от **kosa* II (см.).

***kosidlo:** болг. *косúло* ср. р. 'ручка косы' (РБЕ; БТР; Геров; Дювернуа: то же, что *косилка*), также диал. *косúло* (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 290; М. Младенов БД III, 92; Он же. Кюстендилско. — БД VI, 143; СбНУ XLIV, 528; Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467; Хитов БД IX, 269), *кусúлу* то же (Традиционен бит и култура на банатските българи. — СбНУ LI, 1963, 34), *косúлце* ср. р., ум. от *косúло* (М. Младенов БД III, 92), *кусúлкъ* ж. р. 'ручка косы' (С. Ковачев. Троянският говор. — БД V, 209), макед. *косило* ср. р. 'ручка косы' (И-С), сербохорв. *кòсило* ср. р. 'то, чем косят', 'ручка косы' (РСА X, 298; RJA V, 359), диал. *косило* 'ручка косы' (Tr. 27), словен. *kosílo*, словен. (Blače: *kosidwo*) < **kosidlo* (L. Tesnière RÉS XIII, 1—2, 1933, 55), слвц. *kosidlo* ср. р. 'орудие для косьбы' (SSJ I, 751), *kosídlo* ср. р. 'петля' (Kálal 260), в.-луж. *kosydło* ср. р. 'петля, силок' (Pfuhl 277), н.-луж. *kósydło* ср. р., диал. *kósyło* 'ствол пера; маховое перо у птиц', 'перо', 'силок' (Muka Sł. I, 684), стар. *kósuło* ср. р. (Wo. Ps.) 'грифель' (Muka Sł. I, 683), польск. *kosidło* ср. р. 'ручка косы',

др.-русск. *Косиловъ*, личное имя собств. (Волоцк. уезд, 1491 г. А. К. III, 97. Тупиков 648), русск. диал. *косúло* ср. р. 'узкое изогнутое лезвие косы' (рост., моск., ряз., Филин 15, 50), *косúло* 'ручка косы' (Словарь русск. донских говоров II, 81; Картотека Словаря брянских говоров), сюда же производные *косúлище* ср. 'рукоятка косы' (Словарь говоров Подмосковья 224), *косúльнó* ср. р. 'косовище' (новосиб., Филин 15, 50; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 241), укр. диал. *косúло* 'ручка косы' (Лисенко. Словник поліських говорів 104), *косúл'но* 'длинное косовище' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 170), *косúлно* (Лексика Полесья 106), блр. *косúльно* ср. р. 'рукоятка косы' (Носов. 248), *Касíла*, ст.-блр. *Косило*, личное имя собств. (XVI—XVII вв., Бірыла 191).

Производное (название орудия) с суф. *-dlo* от глагола **kositi* I (см.). Общую картину семантико-словообразовательной производности **kosidlo* < **kositi* < **kosa* II весьма усложняют интересные проявления «досенокосной» семантики 'силок', 'петля', 'перо' ('то, чем машут'), см. выше.

***kosina:** макед. *косина* ж. р. 'откос', 'перекос, скос' (И-С), сербохорв. *косѝна*, *кòсина* ж. р. то же (РСА X, 298), чеш. диал. *kosina* ж. р.: *kosiny* 'krajiny (prkna), Schwarten' (Kott I, 757), слвц. *kosina* 'женский убор' (Kálal 928—929), польск. *kosina* ж. р. 'стелющееся растение' (Warsz. II, 488), др.-русск. *косина* ж. р. 'скос, косой срез, косина' (Сим. Перепл. худ., 12. XVI в.), 'наклон, отклонение от прямой линии' (Устав ратных д. I, 181. XVIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359), русск. диал. *косинá* ж. р. 'искривление, перекос', 'косоглазие' (Словарь говоров Соликамского района Пермск. обл. 252; Иркутский областной словарь I, 223), 'длинная узкая отмель, идущая от берега, коса' (Иркут., Филин 15, 51), 'косынка, головной платок треугольной формы' (нижегор., влад., перм., калуж., Филин 15, 50), укр. *косинá* ж. р. 'кривая линия, кривизна' (Гринченко II, 290), диал. *косúна* 'дверной или оконный косяк' (Лексика Полесья 141).

Производное с суф. *-ina* от прилаг. **kosъ(jь)* (см.).

***kosišče:** макед. диал. *косиште* 'покос', 'стерня после косьбы' (Б. Видоески. Зборови од Порече. — MJ II, 2, 1951, 45), *kȍsište* то же (Hendriks. The Radožda-Vevčani dialect of Macedonian 266), сербохорв. *кòсиште* ср. р. 'древко, рукоятка косы', (диал.) 'покос, луг' (РСА X, 301; RJA V, 360: с XVIII в.), словен. *kosíšče* 'das Sensengestell' (Plet. I, 441), диал. *kosíšče* 'рукоятка косы' (Бодуэн де Куртенэ. Терские славяне в Север. Италии. 1873 г. Словарный материал. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 11, л. 91), *küšýšhe* (Бодуэн. Материалы I, 157), чеш. *kosiště* ср. р. 'рукоятка косы', также диал. *kosiště* (Hruška. Slov. chod. 44), *kosisko* (Bartoš. Slov. 156), *kośisko* 'ручка косы' (Kellner. Východolaš. II, 199), *kosesko* (Svěrák. Boskov. 115), слвц. *kosisko* ср. 'ручка косы' (SSJ I, 751), (диал.) 'ручка косы', 'плохая коса',

'покос' (Kálal 261; Matejčík. Východonovohrad. 270), в.-луж. *kosyšćo* ср. р. 'ручка косы' (Pfuhl 277), *kosysko* ср. р. 'большая или плохая коса' (там же), н.-луж. *kósyšćo* ср. р. 'косовище, древко косы' (Muka Sł. I, 684), полаб. *t'üsaistě* ср. р. 'рукоятка косы' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией **kosišče*), ст.-польск. *kosisko* 'ручка косы' (Sł. stpol. III, 355; Sł. polszcz. XVI w., XI, 4: персонификация смерти), польск. диал. *kosiszcze* (Warsz. II, 488), *küosiszczo* то же (Sł. gw. p. II, 440), *kosisko* (там же; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 98), *k°ošisk°o* (Kucała 107), *košisko* (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 181), словин. *k'osěšče, k'osěsko* ср. р. 'рукоять косы' (Sychta II, 211), *k°ósəšče* (Lorentz Pomor. I, 419), укр. *косúще* ср. р., ув. от *коса* (Гринченко II, 290), блр. *косище* ср. р. 'рукоятка косы' (Носов. 248), *Косищи*, местн. название (бывш. Слуцк. у. Минск. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 450).

Производное с суф. *-išče* от **kosa* II (см.), соотносительное в ряде случаев ('покос', 'стерня после косьбы') с глаголом **kositi* I (см.).

***kositi I**: болг. *кося́* 'косить (косой)' (БТР; Дювернуа), также диал. *кóс'ъ* (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *кóса* (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), макед. *коси* (И-С), диал. *kós'a* (Małecki 53), сербохорв. *кòсити* 'косить' (РСА X, 300; RJA V, 361), диал. *kosît* то же (Hraste—Šimunović I, 449) словен. *kosíti* то же (Plet. I, 441), ст.-чеш. *kositi* 'косить' (Žilinská kniha. Ст.-чеш., Прага), чеш. *kositi* 'косить (косой)', слвц. *kosit'* (SSJ I, 751), ст.-польск. *kosić* 'косить' (Sł. stpol. III, 355), польск. *kosić* (Warsz. II, 487), диал. *kośić* 'косить' (Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. *kosëc* (Sychta II, 211), *kùǫsëc* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *k°osə-* (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *косити* 'косить, срезать косой' (Девг. д., 5. XVIII в. ~ XI—XII вв. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359; Срезневский I, 1294), русск. *косúть* 'срезывать траву, злаки', диал. *косúть* 'брить, стричь наголо' (ворон., Филин 15, 52), укр. *косúти* 'косить' (Гринченко II, 290), блр. *касíць* 'косить', также диал. *касíць* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Глагол на *-iti*, производный от **kosa* II (см.). Правда, возможность возникновения разных производных с этой формой, т. е. не обязательно от **kosa*, также следует иметь в виду, ср. напр. сербохорв. *kòsiti* 'lacerare, vellere', объясняемое как итератив от **česati*, см. Berneker I, 582, s. v. *kosnǫ, kosnǫti*. См. диал. материал: M. Tentor JФ V, 1925—1926, 207—208. Точно так же преимущественно соотносительным с **kosnǫti* (см.) является болг. диал. *кусé сѫ* 'задевать ногой за ногу при ходьбе', 'сердиться' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 75), *кóсим се* 'сердиться, злиться' (Гълъбов БД II, 87), макед. *коси* 'волновать' (И-С).

***kositi II**: сербохорв. *кòсити, кóсити* 'косить, кривить', 'косить глазом, взглядом' (РСА X, 299—300), чеш. редк. *kositi* (*oči*) 'смотреть косо', слвц. *kosit'* 'косо, вкривь идти', 'косо смотреть' (Kálal 261), польск. диал. *kosić* 'косить, искривлять' (Warsz. II, 487), *kosić oczy* 'смотреть косо' (Sł. gw. p. II, 439), русск. *косúть* 'отклоняться от прямого направления; находиться в косом положении', диал. *косúть* 'делать косым, искривлять' (арх.), 'сводить судорогами, корчить' (арх.), 'кроить по косой линии' (кемер.) (Филин 15, 52), 'клеветать, наговаривать на кого-либо' (Сл. Среднего Урала II, 53), укр. *косúти* 'смотреть искоса', 'косить, быть косоглазым', 'смотреть косо, неприязненно' (Словн. укр. мови IV, 305; Укр.-рос. словн.), блр. *касíць* 'косить, делать косым, перекашивать', 'смотреть искоса', 'косить, быть косоглазым' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 657).

Глагол на *-iti*, производный от прилаг. **kosъ* (см.).

***kositva/*kositьba**: болг. *косúтба* ж. р. 'скошенное сено', 'сенокос' (БТР; РБЕ; Дювернуа), макед. *косидба* ж. р. 'косьба' (И-С), сербохорв. *кòсидба* ж. р. 'косьба, сенокос' (РСА X, 297; RJA V, 358: с XVII в.), стар. *kositba* (Mažuranić 528), *kòsitva* то же (в словарях Белостенца и Стулли, RJA V, 362), диал. *kosîdba* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 449), словен. *kosîtva* ж. р. = *kositev* (Plet. I, 442), др.-русск. *коситва* ж. р. 'косьба' (Кн. законные, 47. XV в. ~ XII—XIII вв. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 359), *коситьба* ж. р. 'покос, место, где косят' (ДТП IV, 36. 1596 г. Там же).

Производное (название действия) с суф. *-tva* (вар. *-ьba*) от глагола **kositi* I (см.). Возможно, здесь представлено суффиксальное переосмысление (*-ьba*) первоначального расширения на *-a* исхода глагольного супина **kositŭ* > **kositv-a*.

***kosivo**: сербохорв. *кòсиво* ср. р. 'косьба, кошение' (РСА X, 297; RJA V, 362), ст.-польск. *kosiwo* ср. р. 'косьба' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 4; ср. также Warsz. II, 488), др.-русск. *косиво* ср. р. 'режущая часть косы' (Колл. Зинченко, № 72, 1. 1651 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 358), русск. диал. *кóсево, кóсиво* ср. р. 'часть косы' (горьк.), 'косьба, место, где косят' (яросл., урал., влад.), 'трава, созревшая для кошения' (свердл.) (Филин 15, 48; Сл. Среднего Урала II, 52), 'рукоятка, древко косы' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 241).

Производное с суф. *-ivo* от глагола **kositi* I (см.).

***kosmačь**: сербохорв. *кòсма̄ч* м. р. 'косматый человек или зверь' (РСА X, 303; RJA V, 363—364), *Кòсма̄ч*, фам. (РСА X, 303), словен. *kosmáč* м. р. 'бородач', 'косматый зверь' (Plet. I, 442), ст.-чеш. *kosmáč* 'грубое сукно' (Brandl 107), чеш. *kosmáč* м. р. 'косматый человек', 'грубое сукно' (Kott I, 758), диал. *kosmáč* 'хилое деревце в лесу' (Kott. Dod. k Bart. 43), в.-луж. *kosmač* м. р. 'косматый человек' (Pfuhl 276), н.-луж. диал. *kósmac* м. р. 'хвощ Equisetum palustre L.', 'космач Equisetum arvense L.', 'щетинистое животное, свинья' (Muka Sł. I, 681), ст.-польск. *kosmacz* м. р. 'сатир, леший' (Sł. polszcz. XVI w.,

XI, 5; ср. также Warsz. II, 488), польск. диал. *kosmacz* 'волк (в загадке)', 'черт' (Sł. gw. p. II, 440), др.-русск. ***космачь*** м. р. 'о косматом, гривастом (как кличка)' (Росп. лошадей, 173. 1666 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 360—361; Срезневский I, 1295: Афан. Алекс. Толк. пс. XVI в. запис.), русск. диал. ***космáч*** м. р. 'человек с непокрытой головой, без головного убора' (яросл., Филин 15, 56), *Космач*, название реки в басс. Дона (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 472), блр. ***касмáч*** м. р. 'космач, лохмач' (Блр.-русск.), также диал. ***касмáч*** (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 218), *Касмáч*, *Касмачоў*, фам. (Бірыла 191).

Производное (название лица) с суф. *-ačь* от **kostъ* (см.).

kosmarь:** болг. (Геров) ***космáринъ м. р. 'косматый человек', сюда же производное *Космарáнски*, фам. (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 271), др.-русск. *Космаревъ*, личное имя собств. (1673 г., Тупиков 649), русск. диал. ***космáрь*** м. р. 'дикая утка' (арх., Филин 15, 55), 'порода утки — чернеть хохлатая' (Картотека Печорского областного словаря).

Производное (название лица) с суф. *-arь* от **kostъ* (см.). Древний характер проблематичен.

kosmatъ(jь):** цслав. космдтъ, прилаг. δασύς, pilosus 'волосатый, косматый' (SJS), болг. ***космáт, прилаг. 'косматый' (РБЕ; Геров: ***космáтый***), макед. ***космат*** 'косматый, волосатый' (И-С), сербохорв. *кȍсмат*, *кȍсмат*, *-а*, *-о* 'густой, косматый (о бровях, усах, бороде, волосах)' (РСА X, 302—303; RJA V, 364: «Riječ je praslav.»), производное *Kosmatac*, род. п. *Kosmaca*, м. р., личное имя собств. (XIV в., RJA V, 364), словен. *kosmàt*, прилаг. 'косматый, лохматый' (Plet. I, 442), ст.-чеш. *kosmatý* то же (Gebauer II, 110), чеш. *kosmatý* (Jungmann II, 137), слвц. *kosmatý*, прилаг. 'косматый, лохматый' (SSJ I, 751), в.-луж. *kosmaty* (Pfuhl 276), н.-луж. *kósmaty* 'косматый, взъерошенный, растрепанный' (Muka Sł. I, 682), ст.-польск. *kosmaty* 'косматый, лохматый' (Sł. stpol. III, 355; Sł. polszcz. XVI w., XI, 5), польск. *kosmaty* (Warsz. II, 488), также диал. (Sł. gw. p. II, 441, в разных вторичных употреблениях), словин. *kosmati*, прилаг. 'волосатый, косматый' (Sychta VII. Suplement, 129), *kəsmãtï* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 469), *k*^{u}*osmati* (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. ***косматыи*** 'волосатый', 'лохматый', 'ворсистый, не гладкий (о тканях)' (Новг. Корм. 1280 г.; Дан. иг. и др., Срезневский I, 1295; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 360), *Косматый*, личное имя собств. (1664 г., Тупиков 257), русск. ***космáтый***, *-ая*, *-ое* 'имеющий длинную, густую шерсть; лохматый', 'волосатый', диал. ***космáтый***, *-ая*, *-ое* 'с непокрытой головой, без головного убора' (волог., влад., моск., яросл., вят., тул., иркут.), 'имеющий волокнистую, пушистую или неровную поверхность' (ряз.) (Филин 15, 56; Словарь говоров Подмосковья 224), *Косматая Балка* (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 472), укр. ***косматíй*** м. р. 'человек в космах,

косматый' (Гринченко II, 290), ст.-блр. ***косматыи*** (Скарына 1, 279), блр. ***касмáты*** 'косматый, лохматый, мохнатый' (Блр.-русск.), также диал. ***касмáты*** (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 432).

Прилаг., производное с суф. *-atъ* от **kosma* / **kostъ* (см.). Впрочем, справедливее было бы сказать о слав. слове, что оно, сохраняя описанную выше прозрачность структуры, тем не менее, продолжает целиком и.-е. диал. **kosmātos*. Именно прозрачностью структуры **kosmatъ* вызвано то, что оно оставалось в тени и не пользовалось особым вниманием этимологов. Изучение связей этого слав. прилагательного тесно сопряжено с вопросом и.-е. прошлого производящего имени, все еще недостаточно выясненного. Разительно, напр., сходство слав. **kosmatъ* и лат. *comatus* 'волосатый, длинноволосый', однако считается, что производящее для последнего — лат. *coma* 'волосы' заимствовано из греч. κόμη то же, см. Walde—Hofm. I, 253; Ernout—Meillet[3] I, 241. Греч. κόμη '(причесанные) волосы', до сих пор этимологически неясное, имеет опять-таки весьма древнее производное κομήτης (ион.-аттич.) 'волосатый, длинноволосый человек', подкрепляемое свидетельством микенского антропонима *komata* (Chantraine. Dictionnaire étymologique la langue grecque 1—2, 561) < **ko(s)m-ātā?*

***kosmenь:** польск. диал. *kośmień*, *kosmień* 'загривок лошади' (Warsz. II, 502), словин. *kosm̀ėń* м. р. 'часть шеи у лошади между лопатками' (Sychta II, 214), *kùǫsmjeń* м. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), *k*^{u}*ósm̀ėń* (Lorentz Pomor. I, 420); ср. еще AJK, I/II, 31: *kośmień*.

Родственно **kosmъ* / **kosma* (см.). Форма **kosmenь* позволяет предположить здесь тематизацию (-ь) первоначального консонантного исхода на *-men-* (связанного, возможно, с *-mn-* в **kosma*, если последнее из **kos-mn-ā*, как это предполагается относительно **zima* (см.), но нельзя исключать также древность формы и.-е. **kosmo-*).

kosmina:** макед. диал. (вост.) *космúна* 'волосы' (К. Пеев. За македонската диjалектна лексика. — MJ XXI, 1970, 130), сербохорв. диал. *кȍсмина* ж. р. 'длинные, лохматые волосы' (РСА X, 304; RJA V, 364), словен. *kosmína* ж. р. 'ворс меха', 'клок шерсти' (Plet. I, 442), чеш. *kosmina* ж. р. 'длинные волосы' (Jungmann II, 137), в.-луж. *kosmina* ж. р. '(лохматые) волосы' (Pfuhl 277), русск. диал. ***космúна ж. р. 'длинные растрепанные волосы' (волог., Филин 15, 57), укр. ***космúна*** м. р., 'название вола с неправильно посаженными рогами: один имеет наклон вперед, другой назад' (Гринченко II, 290—291).

Родственно **kosmъ* / **kosma* (см.). Сравнение с близким **kosmenь* (см.) и некоторыми другими данными позволяет предполагать здесь в суф. *-mina* преобразованное *-men-*.

kosmъ/*kosma:** болг. *кóсъм* м. р. 'волос', 'волокно', 'масть, цвет шерсти (животного)' (БТР), диал. ***космé ср. р. 'волосы (на го-

лове)' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), *космѣ* 'стричь' (Геров), макед. *косма* 'шерсть, волос' (И-С), стар. *косми* 'стричь' (Кон.), диал. (ю.-зап.) *ко́сми* 'волосы' (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — MJ XXI, 1970, 129), *kósmi* мн. 'волосы' (Małecki 53), *ко́сме* мн. (М. Петрушевски. Неколку црти на говорот од Жировница. — MJ II, 3—4, 1951, 65), сербохорв. книжн., црк. *kosma* ж. р. =*kosa* (RJA V, 363), словен. *kósem*, род. п. *-sma*, м. р. 'клок' (Plet. I, 441), *kósma* ж. р. то же (там же), *kosmúlja* ж. р. то же (Plet. I, 443), ст.-чеш. *kosmy* мн. 'волосы' (Gebauer II, 109; Ст.-чеш., Прага), чеш. стар. *kosm* м. р. 'клок, прядь (волос)' (Jungmann II, 137), поэт. *kosma* ж. р. 'локон, завиток', *kosmek* м. р. 'клочок, прядь, волосок' (Kott I, 758), слвц. диал. *kosmi* мн. 'растрепанные волосы' (Диалект., Братислава), в.-луж. *kosm* м. р., *kosma* ж. р. 'волос, ворсинка' (Pfuhl 276), н.-луж. *kósm* м. р., *kósma* ж. р. 'косма; кисть и т. п.' (Muka Sł. I, 681), ст.-польск. *kosm* м. р. 'волос' 'прядь волос', 'клок шерсти' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 4), польск. *kosm*, *kosmyk* м. р. 'прядь, клок волос' (Warsz. II, 488, 490), также диал. *kośmyk* (Sł. gw. p. II, 441; Falińska. Pol. sł. tkackie I, 121), словин. *kosmo* 'часть спины лошади, коровы' (AJK I/II, 31), *k*[u]*ostmək* м. р. 'заячий хвостик' (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск., русск.-цслав. *космъ* м. р. 'волос, прядь волос' (Ж. Нифонта, 326. 1219 г.), 'прядь шерсти' (?) (Пролог. Ф., 28. XIII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 360; Срезневский I, 1294—1295), русск. *ко́смы* мн. 'пряди, клоки волос, обычно спутанных, всклокоченных', диал. *косма́* ж. р. (мн.) 'кучки волокон льна' (арх., Филин 15, 55), производное *космы́ль* м. р. (мн.) 'длинные, растрепанные волосы; космы' (киров.), 'нечесаная голова' (вят.) (там же), ст.-укр. *космок* (Обачилемо улей лежачий на боцѣ . . . и *космок* вовни недогорѣлои. XVII в. Картотека словаря Тимченко), укр. *косом*, род. п. *-сма*, м. р. 'клок, клочок (перьев, шерсти)' (Гринченко II, 291), также *космо́к*, *-сомка́*, м. р., ум. (там же), блр. *касмы́ль* м. р. 'клок' (Блр.-русск.), диал. *ко́смы* мн. 'волосы' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 243), *касму́к* м. р. 'пучок, прядь, горсть' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433), *касмы́к* м. р. 'клок' (Жывое слова 71).

Слово **kosmъ* / **kosma*, которое в литературе по слав. этимологии однозначно определяется как производное от **kosa* I (см.) (см. Berneker I, 580; Преобр. I, 366; Фасмер II, 345—346; Sławski II, 525; Machek [2] 280; БЕР 2, 668; Skok. Etim. rječn. II, 161), наиболее полное и адекватное объяснение получает как образование, восходящее еще к и.-е. древности. В этом вопросе не было ясности до самого последнего времени. Еще Мейе, которого почему-то цитируют в связи со словопроизводством **kosa* > **kosmъ*, ощущал сложность проблемы и отнес слово **kosmъ* скорее к числу темных ввиду отсутствия данных по его и.-е. предыстории, а также ввиду двусмысленности форманта *-m-*, который мог

появиться в результате чередования с *-mn-*, почему Мейе и удовольствовался лаконичным упоминанием: «*kostŭ* 'cheveux', pol. *kosm*, r. *kosmá*; à côté de *kosa*», см. Meillet. Études II, 426—427. Именно «à côté de», т. е. «наряду с» *kosa* (а не из *kosa*), что можно оценить как проявление проницательности, отличавшей выдающегося французского лингвиста. Сейчас словообразовательные связи **kosmъ* / **kosma* постепенно проясняются, подтверждая эти предвидения, ср. данные об основе на согласный **kos-men-*, см. **kosmenь*, **kosmina*. В их свете несколько по-иному выглядит и образование **česminъ* / **česmina* (см.). Но имеется также и серьезное вероятие существования древней и.-е. формы **kosmo-s*, предшествовавшей слав. **kosmъ*. В последнее время И. Кноблох убедительно отождествил этимологически слав. **kosmъ* с греч. κόσμος 'порядок, украшение', вторично 'миропорядок, мир'. Если учесть, что греч. слово, несмотря на многочисленные попытки, не получило удовлетворительного объяснения (Frisk I, 929; Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 571: «Obscure»), привлечение слав. слова для его разъяснения в высшей степени своевременно, так как резервы этимологизации κόσμος явно исчерпаны. Случай **kosmъ*: κόσμος представляется нам исключительным — оба слова как бы дополняют друг друга: слав. слово отличается натуральностью и архаизмом семантики, оно как бы ближе к природе ('волос', 'прядь', 'волосы, в том числе длинные и лохматые'), и равно — к природе языка, ср. связь **česati*: **kosmъ*, греч. слово ближе к цивилизации, обозначая порядок, упорядоченность, но и понятийно, семантически и формально оно оторвалось от своей и.-е. базы, в отличие от слав. слова, затмив его своей космической траекторией.

Продолжает оставаться неясным отношение наших слов к греч. κόμη '(причесанные) волосы'. Не было ли здесь диал. упрощения **kosmā* > **komā?* Трудно целиком отрицать близость κόσμος и κόμη. Ср. далее **kosmatъ* (см.).

Мысль о происхождении **kosmъ* из скрещения **koma*, соответствующего греч. κόμη, и **kosa* (см.) (V. Pisani. — Paideia VIII, 4—5, 1953, 312; XXI, 3, 1966, 171), по-видимому, устарела.

***kosmyni:** русск. диал. *космы́ня* ж. р. 'косматая женщина' (Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 253), *космы́ни* мн. 'космы' (арх., перм., кемер., Филин 15, 57). — Ср. сюда же производные: др.-русск. *Космынинъ*, личное имя собств. (1495, 1501 гг., Тупиков 649; Веселовский. Ономастикон 159); *Космынино*, местн. название в Костр. у. (Russisches geographisches Namenbuch IV, 452); русск. *Космынка*, название рек в бывш. Новг. губ., Симб. губ. (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 472).

Производное с суф. *-yni* от **kosmъ* / **kosma* (см.). Ср. еще **kosmenь*, **kosmina* (см.).

***kosnǫti (sę):** ст.-слав. коснѫти сѧ ἅπτεσθαι, tangere 'тронуть, коснуться' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *ко́снувам* 'коснуться' (Младе-

нов БТР), макед. книжн. косне 'прикасаться' (И-С), сербохорв. книжн. *kosnuti (se)* 'коснуться' (RJA V, 365), диал. *kȍsnut* 'тронуть (душевно)', 'озадачить' (Hraste—Šimunović I, 450), др.-русск., русск.-цслав. *коснути* 'тронуть, дотронуться' (Сл. о богаче. Свед. и зам. I, 31. XII в.), также *коснутися* (Лук. VIII. 45. Остр. ев.; Изб. Св. 1076 г., 639), (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 363; Срезневский I, 1295), русск. *коснýться* 'дотронуться, прикоснуться', диал. *коснýть* 'качнуть, мотнуть' (новг.), 'ударить, убить' (костр.) (Филин 15, 60), *коснýться* 'кинуться в сторону' (смол., там же), 'случиться, произойти' (моск., там же), укр. диал. *коснутис'а* 'коснуться' (Онышкевич 373), *каснýтися* 'кинуться' (Матеріали до словника буковинських говірок 4, 26), блр. диал. *каснýцца* 'коснуться', 'случиться' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433).

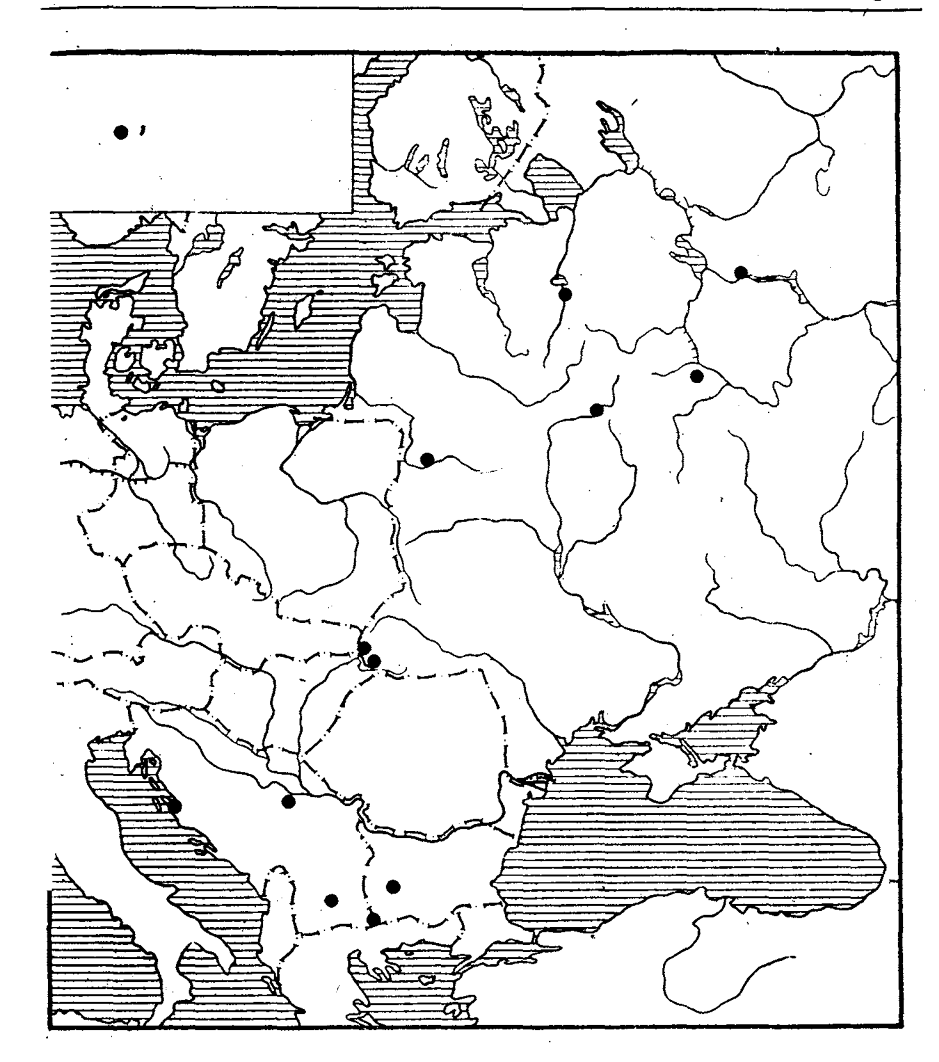
Связано чередованием гласных с **česati* (см.), **kasati* (см.) и **kosati* (см.), из них непосредственно — со ступенью *-o-* корневого гласного. См.: J. Zubatý AfslPh XVI, 1894, 395; A. Meillet MSL 14, 1907, 338; Berneker I, 581—582; Фасмер II, 346; БЕР 2, 657.

Глагол **kosnǫti* носит отнюдь не только книжный характер. Это относится не только к вост.-слав. и прежде всего — русск., где он достаточно засвидетельствован в диалектах, но и к сербохорв. (см. выше диал. пример). В остальном **kosnǫti* распространено лишь на части слав. территории: в ю.-слав. (в указанных выше пределах) и вост.-слав. (см. карту 2). Зап.-слав. примеры **kosnǫti* нам неизвестны. Причина — в совершенно ином направлении семантического развития, которое получили зап.-слав. продолжения **kasati*, которое (наряду с предшествующими ему формами **kos(a)ti*) легло в основу **kosnǫti*. Весьма интересна конкретная семантика прежде всего вост.-слав. (диал.) примеров: 'мотнуть', 'ударить', 'кинуться', 'кинуться в сторону', 'случиться'. Она показывает, какими нитями связаны форма и значение **kosnǫti* с **česati*.

***kosobokъjь:** русск. *кособóкий* (Даль³ II, 444; Ушаков I, 1484: 'перекошенный, кривобокий'), сюда же *Кособокова*, местн. название (бывш. Соликамск. у. Перм. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 453), укр. *кособóкий* 'кривобокий' (Словн. укр. мови IV, 306), блр. *касабóкi* 'кособокий' (Блр.-русск.), *Касабóка*, *Касабóкаў*, фам. (Бірыла 190).

Сложение прилаг. **kosъ(jь)* (см.) и *-bokъ*, тождественного производящему существительному **bokъ* (см.).

***kosogorъ:** др.-русск. *косогоръ* м. р. 'возвышенное место, имеющее наклонный спуск с одной стороны' (Кн. п. Балахн., 86. XVIII в. ~1676 г.), 'крутой отрог горы или горного хребта; отвесный спуск' (Арс. Сух. Проскинитарий, 95. 1653 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 365), русск. *косогóр* м. р. 'спуск под гору, наклонный к одному боку' (Даль³ II, 447), диал. *косогóр* м. р. 'возвышенное место, гора' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), *Косогор*, ряд местн.

Карта 2

1 — **kosnǫti (sę)*

названий (Russisches geographisches Namenbuch IV, 454), *косогóрица* ж. р. 'склон холма, горы, косогор' (иркут., Филин 15, 63), укр. *косогíр*, род. п. *-гóру*, м. р. 'косогор' (Гринченко II, 291), также диал. *косогір* (Марусенко. Названия рельефов Хмельницкой обл. 286), блр. *касагóр* м. р. 'склон, косогор' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 656), диал. *касагóрак* м. р. 'холм, склон' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217).

Сложение прилаг. **kosъ(jь)* (см.) и **gora* (см.).

***kosoklepъ:** ст.-чеш. *Kosoklep*, фам. (1542 г., Ст.-чеш., Прага).
Сложение **kosa* II (см.) и корня глагола **klepati* (см.), основанное на обороте **kosǫ klepati*.

***kosolapъjь:** польск. диал. (вост.) *kosołapy* 'кривоногий (о лошади)' (Sł. gw. p. II, 442; Warsz. II, 490), др.-русск. *косолапый*, прилаг. 'косолапый' (Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 2, 160 об. 1574 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 366), *Косолапъ*, личное имя собств. (1510 г., Веселовский. Ономастикон 159), русск. *косола́пый* 'колченогий' (Даль [3] II, 447), *Косолапое*, *Косолапово*, в гидронимии и топонимии (Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 473; Russisches geographisches Namenbuch IV, 455), блр. *касала́пы* 'косолапый' (Блр.-русск.), также диал. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431) *Касала́паў*, фам. (Бірыла 190).
Сложение прилаг. **kosъ(jь)* (см.) и **lapa* (см.).

***kosonogъ(jь):** сербохорв. *косо̀ног, -а, -о* 'кривоногий' (РСА X, 308), ст.-чеш. *kosonohý? kosonožě?* (In pedibus curiosa conposicio gressum, nohamy *kossonorzyo* kraczyety (1384 г., Ст.-чеш., Прага), ст.-польск. *kosonogi* 'кривой', 'скошенный' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 6), польск. диал. *kosonogi* 'кривой, косой, перекошенный (о доске, стене)' (Sł. gw. p. II, 442), др.-русск. *косоногий*, прилаг. 'имеющий поврежденную ногу, хромоногий' (Новг. каб. кн. I, 33. 1602 г СлРЯ XI—XVII вв. 7, 366), русск. диал. *косоно́гий, -ая, -ое* 'кривоногий' (астрах., волог.), 'одноногий' (ряз.) (Филин 15, 66; Деулинский словарь 243), 'одноногий, с искалеченной ногой (Картотека Словаря рязанской Мещеры), *Косоногово*, местн название (в бывш. Яросл., Костром., Псков., Твер. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 455), укр. *косоно́га* м. р 'насекомое фалангид Phalangium opilio' (Вх. Лем. 427, Гринченко II, 291).
Сложение прилаг. **kosъ(jь)* (см.) и прилагательного **nogъ(jь)* тождественного производящему имени **noga* (см.).

***kosookъ(jь):** сербохорв. стар. *kosook*, прилаг. 'косоглазый' (RJA V 366: «в словаре Стулли, со ссылкой на *gverok* и добавлением, что это слово русское»; но ср. Mažuranić 528: «Возможно, все-таки это наше народное слово: фам. *Koso(o)ković*, очевидно, связан с ним»), чеш. редк. *kosooký*, прилаг. 'косоглазый', слвц. *kosook* то же (SSJ I, 751), польск. *kosooki* 'косоглазый' (Warsz. II, 490, диал. *kosooki* 'косоглазый' (Sł. gw. p. II, 442: «из Литвы»), русск диал. *косово́кий, -ая, -ое* 'косоглазый' (зап., Филин 15, 63), укр *косо́кий, -а, -е* 'косоглазый' (Гринченко II, 291), блр. *касаво́кі* 'косоглазый' (Блр.-русск.) также диал. *касаво́кі*, *каса́кі* (Слоўн паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).
Сложение прилаг. **kosъ(jь)* (см.) и старого безаффиксного прилагательного *-okъ*, тождественного производящему имени **oko* (см.).

***kosorogъ(jь):** сербохорв. *ко̀сорог, -а, -о* 'с косыми, косо посаженными рогами' (РСА X, 309), чеш. *kosorohý* 'трапециевидный

(Kott I, 758), слвц. редк. *kosorohý*, прилаг. 'косорогий, криворогий' (SSJ I, 751), русск. диал. *косоро́гий, -ая, -ое*: *косорогий бык* 'однорогий бык' (чкалов., Филин 15, 68), укр. *косоро́гий, -а, -е* 'с рогами, обращенными в разные стороны' (Павлогр. у., Гринченко, II, 291).
Сложение прилаг. **kosъ(jь)* (см.) и старого прилагательного **rogъ*, тождественного производящему имени **rogъ* (см.).

***kosorǫkъjь:** русск. *косору́кий* 'у кого руки от локтей до запястья идут на́кось, в сторону' (Даль [3] II, 447), диал. *косору́кий, -ая, -ое* 'поврежденный (о руке)' (ряз.), 'однорукий' (ряз.), 'неловкий' (калуж.) (Филин 15, 68; Деулинский словарь 244).
Сложение прилаг. **kosъ(jь)* (см.) и старого безаффиксного прилагательного **rǫkъ* от **rǫka* (см.). Ср. **bezrǫkъ* (см.).

***kosorъ/*kosorь:** цслав. косо͡рь м. р. falx 'коса' (SJS), болг. диал. *ко́сор* 'маленький топорик для обрубания веток и побегов лозы' (БЕР 2, 658), макед. *косор* м. р. 'резак, серп' (Кон.), сербохорв. диал. *ко̀сор*, *ко̏сор* м. р. 'резак' (РСА X, 309; RJA V, 366: с XVI в.), *Косор*, фам. (РСА X, 309; RJA V, 366: с XVIII в.), также *kosȍr* м. р. (Hraste—Šimunović I, 450), *Kȍsor* м. р., местн. название (Герцеговина, RJA V, 366; Skok. Slavenstvo i romanstvo I, 205, 208), *Kosorci* мн., местн. название (Хорватия, RJA V, 366), ст.-чеш. *Kosoř* м. р., фам., местн. название (XV в., Ст.-чеш., Прага; Jungmann II, 138; Profous II, 318), слвц. *kosor(ec)* м. р. 'вершина скалы', 'верхушка дерева' (Kálal 261; SSJ I, 751), полаб. t'ösör м. р. 'крупа' (Polański—Sehnert 156: **kosorь*, происхождение неизвестно), др.-русск., русск.-цслав. *косоръ* м. р. 'легкий топорик с удлиненным лезвием, тяжелый нож на топорище' (Изм., 214, сп. 1509 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 357; Срезневский I, 1295: *косоръ*, *косорь*), русск. диал. *ко́сор* м. р. 'большой кривой нож для рубки сучьев' (новг., ленингр.), 'нож для щепанья лучины, косарь' (смол., калин.) (Филин 15, 67), *ко́сорь* 'большой нож с загнутым и немного утолщенным концом' (Куликовский 41), укр. *ко́срий, -а, -е*: *ко́сра вівця́* 'овца с рогами, похожими на косы' (Желех., Гринченко II, 291).
Сюда же производный глагол укр. диал. *kosoryty s'a* 'сердиться, дуться', см. Э. Балецкий. — Studia Slavica V, 1959, 187—188.
Особо следует сказать о полаб. *t'ösör* м. р. 'крупа', которое признавалось словом неизвестного происхождения (Polański—Sehnert 156: «origin unknown»), однако продолжает тождественную праформу **kosorь* и, несмотря на обособленное значение 'крупа, каша', этимологически едино с другими случаями **kosorъ* / **kosorь*, будучи названо как продукт измельчения. См. О. Н. Трубачев. — Этимология. 1968 (М., 1971), 63—64.
В целом производное с суф. *-orъ/-orь* от **kosa* II (см.), в ряде случаев мотивированное глаголом **kositi* I (см.). Ср. **koserъ* (см.). См.: Berneker I, 581; Skok. Etim. rječn. II, 162.

***kosovica:** ст.-польск. *kosowica*, возможно, 'подать со скошенного луга' (Sł. stpol. III, 356), польск. диал. *kosowica* 'косьба, сенокос', 'жатва, уборка урожая' (Sł. gw. p. II, 442; Warsz. II, 490), др.-русск. *косовица* ж. р. 'место покоса' (Псков. п. кн., 223. 1587 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 365), русск. *косовúца* ж. р. 'покос, сенокос; луг', 'время, пора косьбы' (Даль [3] II, 441: юж., зап.), диал. *косовúца* ж. р. 'зеленый корм для скота' (калин., Филин 15, 62), 'ряд скошенной травы' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), 'часть косы' (Мар. АССР, Филин 15, 62), 'ручка косы' (Картотека Псковского областного словаря), *Косовица*, местн. название (бывш. Холмск. у. Псковск. губ., Russisches geographisches Namenbuch IV, 453), укр. *косовúця* ж. р. 'время уборки сена' (Гринченко II, 291), диал. *косовúц'а* то же (Онышкевич 373), блр. *касавíца* ж. р. 'косьба, покос' (Байкоў—Некраш. 143), 'время сенокоса' (Гарэцкі 77), диал. *косовы́ца* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 505).

Образование с суфф. *-ov-ica*, производное от **kosa* II (см.), **kositi* I (см.).

***kosovidlo:** русск. диал. *косовúло* ср. р. 'часть косы' (свердл., Филин 15, 62), производное *косовúльно* 'деревянная часть косы' (Картотека Псковского областного словаря), блр. диал. *касавíла* ср. р. то же (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 430), также *късавíлна* ср. р. (Народнае слова 114).

Производное с суф. *-ov-idlo* от **kosa* II (см.).

***kosovišče:** русск. диал. *косовúще* ср. р. 'коса, орудие косьбы' (ср.-урал.), 'место косьбы (луг, поле)' (калин.) (Филин 15, 62), 'рукоятка, древко косы' (Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), укр. *косовúще* ср. р.=*кісся* (Гринченко II, 291), блр. *Косовище*, название озера (бывш. Бобруйск. у. Минск. губ., Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 475).

Производное с суф. *-ov-išče* от **kosa* II (см.).

***kosovьje:** русск. диал. *косовьё* ср. р. 'косовище' (пск., смол., твер., новг., волог.), 'рукоятка на косовище для правой руки' (калин.), 'узкое изогнутое лезвие косы' (моск.), 'место, где косят' (свердл.), 'сенокос' (калин.) (Филин 15, 63; Опыт словаря говоров Калининской обл. 105; Сл. Среднего Урала II, 53; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 242), укр. диал. *косов'é* ср. р. 'рукоятка косы' (Лисенко. Словник поліських говорів 104), блр. диал. *касаўё* ср. р. 'рукоятка косы' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Производное с суф. *-ov-ьje*, соотносительное с **kosa* II (см.) и **kositi* I (см.). Посредствующая роль прилагательных на *-ovъ* вроде в.-луж. *kosowy* 'связанный с косой' (Pfuhl 277), ст.-польск. *kosowy* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 7) не кажется необходимой. Ср. показательное в этом отношении **kosьje* (см.).

***kostarь:** болг. обл. *костáр* м. р. 'гадальщик по овечьим или куриным костям' (Младенов БТР; Геров—Панчев: *костáрь*), словен. *kostár* м. р. 'тот, кто собирает кости' (Plet. I, 443), ст.-польск.

kostarz 'игрок в кости, шулер' (Sł. stpol. III, 356; Sł. polszcz. XVI w. XI, 7: 'страстный игрок в кости или карты; шулер'), др.-русск. *костарь* м. р. 'игрок в кости' (Уст. Важ. гр. 1552 г. Срезневский I, 1295; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 367), *Костаревъ*, личное имя собств. (1648 г., Тупиков 649), русск. диал. *костарь* м. р. 'искусный игрок в бабки' (арх.), 'психически больной человек' (перм.) (Филин 15, 70; Сл. Среднего Урала II, 54), *Костари*, местн. название (бывш. Остров. у. Псков. губ. Russisches geographisches Namenbuch IV, 457), ст.-укр. *костарь* м. р. 'игрок в кости' (XV в., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 502).

Производное с суф. *-arь* от **kostь* (см.).

***kostatъ:** сербохорв. *кȍстат, -а, -о* 'костистый', 'костлявый', 'тощий' (РСА X, 311; RJA V, 373: *kȍstast*). — Ср. сюда же, с отклонением в форме, в.-луж. *kosćaty, -a, -e* 'костистый', 'костлявый' (Pfuhl 275).

Производное с суф. *-atъ* от **kostь* (см.).

***kostelь:** болг. диал. *кустéл* м. р. 'вид травы' (с. Трънчовица и Малчика, Свищовско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *кóстел* м. р. 'орех с толстой скорлупой' (Тетевен, СбНУ XXXI, 287. Архив Болг. диал. словаря, София), сербохорв. *кȍстēљ* м. р. 'вид ореха' (РСА X, 311; RJA V, 373: 'костлявый' (прилаг.!), у Стулли, 'скупец', там же), польск. редк. *kościel* 'костяк, скелет' (Warsz. II, 498), словин. *kùǫscȯ̃ul* м. р. 'дрова' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), русск. диал. *кóстéль* м. р. 'костыль' (твер., пск., новг., петерб., Филин 15, 71), *кастéль* м. р. 'костыль' (пск., твер., Доп. к Опыту 78), *костéль* ж. р. 'сорная трава из семейства злаков, Bromus' (Словарь говоров Подмосковья 225), *костéл* 'скелет' (Картотека Псковского областного словаря). — Ср. сюда же производные макед. *костелив* 'костлявый, костистый', 'трудно очищаемый (об орехе)' (И-С), словен. *kostelíčevje* ср. р., собир. 'жимолость Lonicera' (Plet. I, 443), н.-луж. *kóśćelnica* ж. р. 'здание, предназначенное для хранения костей усопших' (Muka Sł. I, 680).

Производное с суф. *-elь* от **kostь* (см.). Ср. отношения вариантности с **kosterь* (см.).

***kosteriti (sę):** сербохорв. диал. *костéрити (се)* 'торчать, ощетиниваться (о шерсти, волосах)' (РСА X, 312), польск. диал. *kościerzyć się* 'разрастаться', 'разваливаться сидя' (Warsz. II, 499), словин. *kosceřëc sq* 'разрастаться' (Sychta II, 212), *kəscìęřëc sq* 'пускать корни, разрастаться вширь' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 469), *kᵘoseeřəc sq* (Lorentz Pomor. I, 419), русск. диал. *костéрúть* 'сильно ругать, бранить' (свердл., нижегор., влад., костр., волог. и др.), 'говорить пустяки, молоть вздор' (арх.), 'бить' (нижегор., донск., свердл.) (Филин 15, 73; Словарь русских донских говоров II, 82; Элиасов 167), *костéриться* 'напускать на себя важность; быть недоступным для других, не имея на то оснований', 'противиться' (Васнецов 113),

Глагол на *-iti*, производный от **kosterь* (см.). Ср. **kostiti* (см.).

***kosterь:** болг. диал. *кóстер* м. р. 'кривой виноградарский нож' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), макед. диал. *кóштерица* 'вид змеи' (Б. Видоески. Кумановскиот говор 251), сербохорв. *кȍстер* м. р. 'вид осетра Acipenser Güldenstädtii' (РСА X, 311—312), польск. диал. *kościer* м. р. 'сорная трава костерь Bromus secalinus' (Warsz. II, 499), словин. стар. *koscéř* м. р. 'ветвистое, развесистое дерево' (Sychta II, 212), *kᵘoscéř* ж. р. 'кустарник' (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *костеръ* м. р. 'грубый, толстый стебель некоторых растений' (1484 г. Псков. лет., II, 64. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369), *Костеря*, личное имя собств. (1615 г., Веселовский. Ономастикон 159), *костерка* ж. р. 'мелкий осетр' (ДПТ I, 1574 г., 1671 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368), русск. *костéрь* м. и ж. р. 'сорная трава из сем. злаков', *костéрь* м. и ж. р. 'молодой осетр или севрюга, отличающаяся большим количеством наружных косточек', диал. *костéрь* м. р. 'сорная трава Bromus secalinus L., костер ржаной' (моск., смол., калуж., тул., яросл., волог.), 'костра' (влад., калин.) (Филин 15, 73—74), *костéрь* ж. р. 'рыба Acipenser sterrhynchus; осетр' (там же), *костéря* ж. р. 'сорная трава Bromus secalinus L.' (волог., новг., яросл., там же), 'костра' (нижегор., костр., влад., яросл., перм., волог., новг., свердл., там же), *костéрь* м. р. 'молодой осетр' (том., Филин 15, 74), *костéря* ж. р. 'рыба из сем. осетровых' (енис., том., там же), также *костерá* ж. р. (Филин 15, 72). — Ср. сюда же производное блр. *косцерня́* ж. р. 'место, где собраны человеческие кости' (Носов. 249).

Производное с суф. *-erь* от **kostь* (см.). Близкородственно **kostrъ*, **kostra* (см.). Ср. Berneker I, 583—584; Фасмер II, 347—348.

***kostěnica/*kostěnika:** болг. (Геров) *костяни́ца* ж. р. 'черепаха Testudo', также диал. *кóстеница* ж. р. (Хитов БД IX, 269; с. Попица, Врачанско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та; Ц. Сталийски. Към терминологията на българската фауна от Видинско, Царибродско и др. — СбНУ X, 1894, 216), сербохорв. *kostènica* ж. р. 'место (обычно на кладбище), где хранятся кости мертвых' (в словарях Беллы, Белостенца, Стулли, RJA V, 374), *kostenica* ж. р. 'какое-то растение' (там же), диал. *костѐница* ж. р. 'узор в виде костей руки на ковре' (РСА X, 311), *koštenica* ж. р. 'растение Achillea millefolium L.' (с XVIII в., RJA V, 387), словен. *kostenîca* ж. р. 'персик, плод которого плохо отделяется от косточки', 'ревматизм, подагра' (Plet. I, 443), диал. *kostenîca* ж. р. 'вишня, плод которой плохо отделяется от косточки' (Slovarski doneski iz brežiškega okraja 161), сюда же *kostenîka* ж. р. 'растения Ligustrum vulgare; Daphne mezereum' (Plet. I, 443), чеш. *Kostěnice*, местн. название (Profous II, 325—326), в.-луж. *kosćeńca* ж. р. 'Beinhaus' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósćenica* ж. р. 'здание, назначенное для хранения костей усопших' (Muka Sł. I, 680), польск.

диал. *kościenica* ж. р. 'ягода Rubus saxatilis' (Warsz. II, 498), также диал. *kościanika* ж. р. (там же), др.-русск. *костяница* ж. р. 'ягода костяника' (Котош., 76. 1667 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 375), русск. диал. *костяни́ца* ж. р. 'растение Rubus saxatilis L., костяника каменистая' (новг., петерб., олон., волог., твер., моск., яросл., костр., арх., вят., урал., сиб., Филин 15, 89), *костяни́ца* ж. р. 'болезнь костоеда' (Эст. ССР, там же), *костяни́ка* ж. р. 'растение Evonymus verrucosus, бересклет бородавчатый' (сарат.), 'сорт вишни' (ряз.) (Филин 15, 89), укр. *костяни́ця* ж. р. 'растение костяника' (Гринченко II, 292), блр. *касцянíцы* мн. 'костяника Rubus saxatilis L.' (Блр.-русск.; Байкоў—Некраш. 144), диал. *касцянíка* ж. р. то же (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 436).

Производное с суф. *-ica/-ika* от прилаг. **kostěnъ* (см.), субстантивация последнего. Ср. о словообразовании V. Kiparsky. Über slav. *-ika* und *-ica* als Allomorphe. — Scando-Slavica XVI, 1970, 138.

***kostěnъ(jь):** цслав. костѣнъ, прилаг. osseus 'костяной' (Meth., SJS), болг. *кóстен*, прилаг. 'костяной' (РБЕ; Геров: *кóстяный*), *кóстенъ зѫбъ* 'растение Erythronium dens canis' (Геров—Панчев), диал. *кóстена жáба* 'черепаха' (К. Стойчев. Тетевенски говор. — СбНУ XXXI, 287; с. Кремиковци, Софийско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. *костен*, прилаг. 'костяной, костный' (И-С), сербохорв. *kȍsten*, прилаг. 'костяной', 'костистый, костлявый' (RJA V, 374), также *košćen* (RJA V, 383), словен. *kostên*, прилаг. 'костяной, костный' (Plet. I, 443), чеш. *kostěný*, прилаг. 'костяной', слвц. *kostený* (SSJ I, 751), в.-луж. **kosćany* 'костяной' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósćany* (Muka Sł. I, 680), польск. *kościany*, прилаг. 'костяной' (Warsz. II, 498), словин. *kəscanî* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 468), *koscanî* (Lorentz Pomor. I, 419), *kœscany* (Ramułt 76), др.-русск., русск.-цслав. *костяныи*, *костяной*, прилаг. 'относящийся к кости' (Назиратель, 389. XVI в.), 'полученный из кости' (Мат. медиц., 1249. 1679 г.), 'сделанный из кости' (Кн. п. Моск. I, 333. 1578 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376; Срезневский I, 1298: Пал. XVI в.), русск. *костянóй*, *-áя*, *-óе* 'изготовленный, сделанный из кости', 'добываемый из кости', диал. *костя́на* ж. р. 'растение и ягода Rubus saxatilis L., костяника каменистая' (свердл., вят., заурал., Филин 15, 89), *костя́нка* ж. р. 'мелкая стерлядь' (новг., Филин 15, 90), 'Rubus saxatilis L., костяника каменистая' (твер., новг., олон., волог., яросл., моск., костр. и др. Там же), укр. *кістяни́й*, *-á*, *-é* 'костяной' (Гринченко II, 246), блр. *касцяны́* 'костяной' (Блр.-русск.), также диал. *касця́ны* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 436).

Прилаг., производное с суф. *-ěnъ* от **kostь* (см.).

***kostica/*kostika:** болг. диал. *кушти́ца* ж. р. 'косточка' (с. Секирово, Пловд. окр. Дип. раб., Архив Софийск. ун-та), сербо-

хорв. стар., редк. *kȍstica* ж. р., ум. 'косточка' (только в словарях Беллы, Вольтиджи, Стулли, RJA V, 374), *кȍстица* (РСА X, 313), *кȍстика* ж. р. 'косточка плода' (РСА X, 312), диал. *kośćîca* ж. р. 'косточка', 'лодыжка', 'рыбья кость' (Hraste—Šimunović I, 450), словен. *kostíka* ж. р. 'Rainweide' (Plet. I, 444), чеш. *kostice* ж. р. 'рыбья кость' (Jungmann II, 139), слвц. *kostica* ж. р. 'китовый ус' (SSJ I, 751), др.-русск. *костица* ж. р.: *рожь костица* 'зерно вместе с отходами, невеяный хлеб' (Кн. прих. Корел. м. № 941, 16. 1575 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368), русск. диал. *костúца* ж. р. 'растение костяника' (вят., Филин 15, 75), 'костра' (арх., волог., костр., яросл., твер., пск., новг., олон., вят.), 'мякина' (новг.) (Филин 15, 75; Опыт 91; Куликовский 42), *костúка* ж. р. 'костра' (волог., костр., перм., урал., курган., тобол., сиб.), 'пустые головки льна' (свердл.) (Филин 15, 75), также *костúга* ж. р. (Филин 15, 74), *костúга* ж. р. 'бабка' (волог., там же).

Производное с суф. *-ica/-ika* от **kostь* (см.).

***kostistъjь:** польск. *kościsty*, прилаг. 'костистый, костлявый' (Warsz. II, 500), словин. *kʷoscəstï* то же (Lorentz Pomor. I, 419) русск. *костúстый* 'ширококостный или плотный костьми, костливый' (Даль³ II, 453), 'имеющий много костей, с заметными, выступающими костями' (Ушаков I, 1485), укр. *костúстий, -а, -е* 'костистый, ширококостный', 'костлявый' (Словн. укр. мови IV, 307), блр. *касьцíсты* 'костистый, костлявый' (Байкоў—Некраш. 144).

Прилаг., производное с суф. *-istъ* от **kostь* (см.).

***kostišče:** сербохорв. *kostište* ср. р. 'место, где хранятся голые кости мертвых' (RJA V, 374), словен. *kostíšče* ср. р. то же (Plet. I, 444), в.-луж. *kosćišćo* ср. р. то же (Pfuhl 276), русск. диал. *костúще* ср. р. 'место, где много костей; кладбище' (смол.), 'щиколотка, лодыжка' (Эст. ССР) (Филин 15, 75).

Производное с суф. *-išče* от **kostь* (см.).

***kostiti:** слвц. диал. *kostit'* 'отделять мясо от костей' (Диалект., Братислава); в.-луж. *kosćić* 'превращать в кость', *kosćić so* 'окостеневать' (Pfuhl 276), польск. редк. *kościć* 'превращать в кость' (Warsz. II, 498), сюда же производное ст.-польск. *koszczony* 'инкрустированный, расписной' (Sł. polszczyzny XVI w., XI, 13), русск. *костúть* 'осыпать бранью, ругать', диал. *костúть* 'бить сильно, наотмашь' (перм., кубан., свердл., Филин 15, 75), 'бранить, ругать' (влад., Опыт 91; Васнецов 113), укр. *костúти* 'костить' (Укр.-рос. словник II, 383).

Глагол на *-iti*, производный от **kostь* (см.). См. Berneker I, 583. Однако аналогия польск. *drwić* 'насмехаться' : *drwa* 'дрова', приводимая Бернекером там же, верна лишь формально (тоже отыменный глагол на *-iti*), но исходные образы в обоих случаях разные — 'считать деревом' и 'бранить, ругать, бить, драть до самой кости', т. е. 'в самую суть', 'обращать в кость'. Судя по тому, как применено было в старой религиозной терминологии

производное **koščunъ* (см.), глагол **kostiti* — достаточно раннее образование. Разнообразные возражения против связи **kostь* → → **kostiti* (см. А. Соболевский РФВ LXX, 1913, 86: сравнивает с **kazati*, см.; A. Vaillant. — Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Spławiński 156: считает **kostiti* депревербацией образования типа др.-русск. *испокастити* 'погубить, испортить', XV в.) неубедительны.

***kostivalъ:** чеш. *kostival* м. р. 'растение Symphytum officinale' (Kott I, 760), также диал. *koštivál* м. р. (Svěrák. Karlov. 120), слвц. *kostival* м. р. (SSJ I, 751), диал. *koščivál* 'Symphytum officinale' (Palkovič. Z vecn. slovn. Slovákov v Mad'ar. 314), н.-луж. *kóscował* м. р. 'живокость, окопник Symphytum officinale L. A.' (Muka Sł. I, 681).

Сложение **kostь* (см.) и корня глагола **valiti* (см.).

***kostobolь:** болг. (Геров) *костоболъ* м. р. 'костолом', макед. *костобол* м. р. (Кон.), сербохорв. диал. *костȍбољ* м. р., *костȍбоља* ж. р. 'боль в костях, ревматизм, подагра' (РСА X, 313, 313—314; RJA V, 375: с XVIII в.), словен. *kostobôlje* ср. р. 'подагра' (Plet. I, 444), слвц. диал. *kostibol'* м. р. 'лекарственное растение' (Диалект., Братислава), русск. *Костобал*, название реки (бывш. Белозерск. у. Новг. губ., Wörterbuch der russischen Gewässernamen II, 475).

Сложение **kostь* (см.) и **bolь* (см.).

***kostogryzъ/*kostogryza:** цслав. производное *костогрызьць* м. р. ossa frangens (Mikl.), сербохорв. стар., редк. *kostogrizica* ж. р. 'то, что кости ломит' (в словаре Стулли, RJA V, 375), чеш. стар. *Kostohryz*, фам. (1729 г., Ст.-чеш., Прага), польск. диал. *kostogryz*, *kostohryz* 'плодожорка' (Warsz. II, 492; Sł. gw. p. II, 442), укр. *костогрúз* м. р. 'птица Frangilla coccothraustis' (Гринченко II, 291), *костогрúза* 'бедняк' (там же).

Сложение **kostь* (см.) и корня глагола **gryzti* (см.).

***kostojědъ/*kostojěda:** сербохорв. *костȍјед* м. р. 'костоеда, кариес' (РСА X, 314), слвц. *kostijed* м. р. (Kálal 261; Kott I, 760: na Slov.), русск. *костоéда* ж. р. 'кариес, воспаление костной ткани или зуба', также диал. *костоéд* м. р. (калуж., моск., краснояр. Филин 15, 77; Словарь говоров Подмосковья 226; Картотека Псковского областного словаря), укр. *костоїда* 'костоеда' (Укр.-рос. словник II, 384), блр. *кастаéда* ж. р. 'костоеда' (Блр.-русск.).

Сложение **kostь* (см.) и корня глагола **ědmь*, **ěsti* (см.).

***kostolomiti (sę):** сербохорв. *костȍломити* 'обременять, мучить' (РСА X, 314; RJA V, 376), русск. диал. *костолóмиться* 'мнить о себе, выказывая пренебрежение к окружающим, зазнаваться' (Элиасов 167).

Глагол на *-iti*, производный от **kostolomъ* (см.).

***kostolomъ/*kostilomъ:** болг. (Геров) *костилóмъ* м. р. 'растение Lathyrus sylvestris', сербохорв. *костȍлом* м. р. 'костный перелом', 'ломота в костях', 'лекарственное растение Narthecium ossifra-

gum' (PCA X, 315; RJA V, 375), словен. *kostolòm* м. р. 'перелом ноги', 'птица Gypaëtus' (Plet. I, 444), ст.-слвц. *kostilom* м. р. 'ossifragum' (1725 г., Ист. слвц., Братислава), ст.-польск. *kostołom* м. р. 'ломота, боль в теле' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 9), польск. *kościołom* м. р. 'ломота, боль в костях' (Warsz. II, 499), др.-русск. *костоломъ* м. р. 'болезнь с ломотой в костях' (1414 г. Ник. лет. XI, 225. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369; Срезневский I, 1296), русск. *костолóм* м. р. 'ломота во всем теле при некоторых болезнях', диал. *костолóм* м. р. 'ревматизм' (сиб., новг., костр.), 'боль в теле от усталости' (ленингр.) (Филин 15, 77), 'растение Dianthus superbus L., гвоздика пышная' (арх.), 'Geranium silvaticum L., герань лесная' (волог.) (Филин 15, 77, там же и другие значения), блр. *кастал́ом* м. р. 'чернокорень Cynoglossum L.' (Байкоў—Некраш. 143), диал. *късталóм* м. р. (Жывое слова 202).

Сложение **kostь* (см.) и корня **lomъ*, **lomiti* (см.), возникшее на базе словосочетания **kostь lomiti*.

***kostopravъ:** болг. (Геров—Панчев) *костопрáвъ* м. р. 'костоправ', также диал. производное *куступрáшиц* м. р. (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 76), польск. диал. *kostopraw* м. р. 'костоправ' (Sł. gw. p. II, 443; Warsz. II, 492), русск. *костопрáв* м. р. 'кто правит переломы и вывихи' (Даль[3] II, 454), диал. *костопрáва* ж. р. 'женщина-костоправ' (арх., пск., Филин 15, 78), укр. *костоправ* м. р. 'костоправ' (Гринченко II, 291), блр. *кастапрáў* м. р. (Блр.-русск.), также диал. *костопрáв* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 505).

Сложение **kostь* (см.) и корня глагола **praviti* (см.) на базе словосочетания **kostь praviti*.

***kostožerъ/*kostižerъ:** сербохорв. *kostòžer* м. р., *kostòžder* 'ястреб' (с XVII в., RJA V, 376), *костòждер* м. р. 'вид орла Gypaëtus barbatus, Pandion haliaëtus' (PCA X, 314), *Костòждер*, фам. (там же), слвц. *kostižer* м. р. 'костоеда' (Kott I, 760: na Slov.), диал. *kost'ižer* м. р. 'костоеда, кариес' (Matejčík. Východonovohrad. 271).

Сложение **kostь* (см.) и именного производного от глагола **žerti/*žьrati* (см.), возникшее на базе словосочетания **kostь žerti*, **žьrati*.

***kostra:** болг. производное *кострáк* м. р. 'рыба с твердой чешуей, которую трудно чистить' (Младенов БТР), сербохорв. диал. *кóстра* ж. р. 'взъерошенная курица' (PCA X, 315), производное *кȍстрēт* ж. р. 'козья шерсть' (там же; RJA V, 377—378 с XVI в.), *кȍстрина* ж. р. 'козья шерсть', 'костра, отходы при обработке льна' (PCA X, 316), чеш. *kostra* ж. р. 'скелет, костяк' (Jungmann II, 141), производное *kostroun* м. р. 'станина для сушки клевера и т. п.' (Kott I, 761), слвц. *kostra* ж. р. 'скелет, костяк' (SSJ I, 752), производное *kostrn*, *kostron* 'стержень пера' (Kálal 262), в.-луж. *kostrjanc*, *kostrjank*, *kostřanc* м. р. 'василек Centaurea cyanus' (Pfuhl 277), н.-луж. *kóstšeń* м. р. 'хвощ полевой Equisetum arvense L.' (Muka Sł. I, 683) *kóstšeńc* м. р. 'василек Centaurea cyanus L.' (там же), польск. *kostra* ж. р. 'кострика' (Warsz. II, 492), др.-русск. *костра* ж. р. 'жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания' (Кн. сбор. и расх. Дорогобуж., 312 об. 1689 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370), русск. *кострá* ж. р. то же, диал. *кострá* 'мякина' (смол.), 'мелкие зерна ржи, которые остаются при просеивании' (КАССР) (Филин 15, 79), 'растение Apera Adans., метлица, Agrostis spica venti L., полевица' (пск. Там же), 'рыба Acipenser Güldenstädtii, русский осетр' (волж. Там же), укр. диал. *кострá* 'кострика' (Лисенко. Словник поліських говорів 104; Лексичний атлас Правобережного Полісся 231), *кýштря* 'растрепа, лохматый человек' (Ващенко. Словник полтавських говорів I, 35), блр. *кострá* ж. р. 'костра, кострика' (Носов. 248), диал. *кастрá* ж. р. 'кострика', 'острые косточки рыбы' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433), *кайстрá* ж. р. 'кострика' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 195), *кастрынá* ж. р. 'рыбья кость' (там же).

Специально о генезисе чеш. и слвц. слов см. Machek[2] 281.

Близкородственно **kosterъ* (см.), вместе с которым образовано с помощью суф. *-r(a)* от **kostь* (см.). См. Berneker I, 583—584. Значения 'твердая чешуя', 'жесткая кора', 'скелет, костяк', 'остроносая рыба' хорошо согласуются со словом **kostь* и его значениями. Однако едва ли можно сводить все значения **kostra* к исходному 'острие (кости)', как это делает Бернекер (там же), см. так еще Sławski II, 533.

Слово **kostra* представляется нам сейчас словом с двойной мотивированностью, поскольку нельзя отрицать также связь формы и значений **k o s t r a* 'ш е р с т ь', 'о ч е с к и' с глагольной основой **kes-*, **česati* (см.). См., с колебаниями, Преобр. I, 368: «Вероятно, к *коса*, *чесать*. . . Но не исключена возможность отнести к *кость*». Возражение Фасмера (II, 348) против сближения Преображенского с *чесать* не считается с полным объемом значения **kostra*. Правда, исключительное предпочтение этимологического сравнения **kostra*: **česati* с одновременным отрицанием связи **kostra*: **kostь* (так см. Трубачев. Ремесленная терминология 83—85) тоже страдает односторонностью. Двойную мотивацию нашего слова (**kes-* → **kostra* ← **kostь*) надо понимать не только в том смысле, что часть значений **kostra* объяснима из значений **kostь*, а другая часть — из значений **česati* (см. выше), но также и в том, что некоторые значения слова **kostra* как бы нейтральны, т. е. в равной мере включают семантические черты, казалось бы, далеких слов — **kostь* и **česati*. Таковы значения 'рыба с твердой чешуей, которую трудно чистить' (болг. диал., выше) и подобные (напр. 'взъерошенный'). Имеющая место в семантике слова **kostra* нейтрализация противопоставления слов **česati* и **kostь* показывает нам, кажется, до-

вольно объективно, что все три слова этимологически родственны между собой. Особенно перспективен этот вывод для анализа слова *kostь (см.), обычно представлявшего большие трудности. Формальное родство *kostra — *kostь — *česati подробно обосновано уже А. С. Мельничуком — Этимология. 1966 (М., 1968), 233 и сл. Правда, его семантическая реконструкция для слова *kostra значения 'обрубки, обломки', а для *kostь — 'мертвая кость, часть трупа убитого' с обобщением у исходного для обоих слов корня *kes-/*kos- первоначального значения 'рубить, убивать' не представляется нам вполне адекватной изложенным выше отношениям, которые как будто лучше объяснимы, если исходить из празначения *kes- 'махать, задевая, касаясь', откуда произошли и всевозможные названия действий чесания и отходов от них и (экспрессивное) название кости («махалка»), ср. у нас ниже *moslъ (см.), русск. *мосол* < *mot-slъ.

Прочие этимологии *kostra неубедительны, ср. сближение с ирл. *cass* (<*kast-) 'курчавые, волнистые волосы' (A. Schachmatov AfslPh XXXIII, 1911, 90.

***kostrava/*kostravъ(jь):** болг. *кощрáва* ж. р. 'лисий хвост, лисохвост Alopecurus pratensis', 'Loghum vulgare' (Геров—Панчев), *кущрáва* (Геров), *кощря́ва* ж. р. 'сорная трава Setaria verticillata' (БТР), диал. *коштрáва* ж. р. 'дикорастущая трава Loghum vulgare L.' (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 291), *куштр'áвъ* ж. р. 'сорная трава', 'растрепа' (Колев БД III, 303; В. Денчев. Поповско. — БД V, 250), *кóщравъ, -ва, -во,* прилаг. 'лохматый, растрепанный' (Геров—Панчев: Прилеп), сербохорв. диал. *кòстрава* ж. р. 'растение Setaria verticillata' (РСА X, 315; RJA V, 376), *kòštrava* ж. р. (с XVI в., RJA V, 388), *кȍстрав, -а, -о* 'с взъерошенными перьями' (РСА X, 315), *кӱштрав, -а, -о* то же), чеш. диал. *kostřava* 'камешки в каше' (Bartoš. Slov. 156), слвц. *kostrava* ж. р. 'вид дикорастущей травы Festuca ovina; F. pratensis' (SSJ I, 752), также диал. *kostrava* ж. р. (Matejčík. Novohrad. 86), *koštrava* ж. р. (Lipták. Zempl. 389), в.-луж. *kostrjawa* ж. р. 'овсец, кострец Bromus secalinus' (Pfuhl 277), русск. диал. *костря́вый, -ая, -ое* 'содержащий костру' (смол., Филин 15, 83), блр. *костря́вый* то же (Носов.), *кастрáвы* (Байкоў—Некраш. 143), *кастравый* (Юрчанка. Народнае слова 272).

Первоначально прилаг. с суф. *-av-*, производное от *kostra (см.).

***kostreva/*kostriva:** болг. диал. *кощрéва, коштрéва* 'вспыльчивый человек' (Геров—Панчев 176; Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 291), *кощрéва* ж. р. 'растения Setaria verticillata и Setaria viridis' (СбНУ XLIV, 528), также *кóштрева* ж. р. (М. Младенов БД III, 92), *куштрéва* ж. р. (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 183), сербохорв. диал. *кȍстреба* ж. р. 'злая, сварливая баба' (Банат, РСА X, 315),

стар. *Kostreva* м. р., личное имя собств. (XIV в., RJA V, 378), словен. *kostréva* ж. р. 'кострец' (Plet. I, 444), также *kostréba* ж. р. (там же; см. еще J. Stabéj JiS XIV, 4, 1969, 122), диал. *koštríva* ж. р. 'растрепа' (Barlè 17), в.-луж. *kośćerwa* ж. р. 'овсец, кострец Bromus secalinus' (Pfuhl 276), н.-луж. *kóstŕowa* ж. р. то же (Muka Sł. I, 693), диал. *kóstŕawa, kóstŕewa* ж. р. (Muka Sł. I, 683), полаб. *t'üstraivă* ж. р. 'сорняк, кострец' (Polański—Sehnert 157, с реконструкцией *kostriva), ст.-польск. *kostrzewa* 'хлебные сорняки' (Sł. stpol. III, 357; Sł. polszcz. XVI w., XI, 10), польск. *kostrzewa, kostrzeba* ж. р. 'Festuca' (Warsz. II, 492), словин. *kostřeva* ж. р. (Sychta II, 214), *kəstři̯evă* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 469), *kᵘostřéva* (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кострева* ж. р. 'сорная трава, метлика' (Назиратель, 287. XVI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370), русск. диал. *кострúва* ж. р. 'крапива' (твер., Филин 15, 79), *кострúвый, -ая, -ое* 'содержащий костру' (смол., там же), 'вспыльчивый, легко раздражающийся' (моск., там же; Словарь говоров Подмосковья 226), укр. диал. *костерéва* ж. р. 'мышей Setaria P. B.' (Лисенко. Словник поліських говорів 104), *кострóва* ж. р. 'костра, кострика' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 281), блр. *кастрúвы*, прилаг. 'с кострой' (Блр.-русск.), диал. *кастры́вы* 'с кострой', 'костистый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 435), *кастрыва* ж. р. 'крапива Urtica dioica L.' (Касьпяровіч 157).

Первоначально прилаг. с суф. *-ev-/-iv-*, производное от *kostra (см.).

***kostrežь/*kostrižь:** болг. *кóстреж* м. р. 'окунь Perca fluviatilis' (Младенов БТР; Геров—Панчев), сюда же диал. *кóструж* м. р. то же (с. Ново село, Видинско. Архив Болг. диал. словаря, София), ср. сюда же макед. *костреши се* 'ерошиться, щетиниться, топорщиться' (И-С), сербохорв. *кȍстреш* 'все взъерошенное, ощетиненное', 'окунь Perca fluviatilis' (РСА X, 315; Leksika ribarstva 164), также *кȍстрӣш* м. р. (РСА X, 317), *kostriž* м. р. (RJA V, 379: XVIII в.), польск. диал. *kostryż* 'окунь' (Warsz. II, 492), укр. диал. *кóстриж, кóструж* м. р. 'окунь' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 84; Областной словарь буковинских говоров 434), *кóстрúж* 'окунь', 'ерш', 'вид рыбы' (Карпатский диалектологический атлас 86; Колесник. Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини 73), *кастрúж* м. р. 'окунь' (Й. О. Дзендзелівський. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я. — Лекс. бюл. VI, 1958, 44).

Польск. диал. форма, возможно, из укр. (см. выше). В остальном — типичный ю.-слав. (балканский) элемент лексики, с включением укр. (буковинских и ю.-зап.) говоров.

Производное с суф. *-ežь/-ižь* от *kostra (см.). Видимо, сюда же относится словен. *kostrúži* мн. 'грубые отруби', с вариантным суфф., ср. выше болг. диал. *кóструж* 'окунь'. Неверно — из сло-

жения с префиксом *ko-* см. J. Schütz WdS X, 1965, 323. См. еще БЕР 2, 665.

***kostrica/*kostrika:** сербохорв. *кдстрица* ж. р. 'мелкая рыбья кость' (РСА X, 316), *кдстрика* ж. р. 'травянистое растение Ruscus aculeatus L.' (РСА X, 316; RJA V, 378; черногорск., Ровинский 658: «листья на концах с колючками»), *kȍštrika* ж. р. 'какое-то растение' (в словарях Стулли и Вука, RJA V, 388), словен. *koštríka* ж. р. 'Ruscus' (Plet. I, 446), чеш. *chustřice* ж. р. 'копчик, гузка' (Jungmann I, 833; Kott I, 551), польск. диал. *kostrzyca* ж. р. 'кострика' (Warsz. II, 492), словин. *k°ostřə̂ca* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кострица* ж. р. 'кострище, место, где лежат в поленницах (кострах) дрова для соляных варниц' (АХУ II, 244, 1647 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370), *кострика* ж. р. 'жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания, кострика' (Цар. ик., 25. 1642 г. Там же), *Кострика*, личное имя собств. (1562 г., Веселовский. Ономастикон 160), русск. диал. *кострúца* ж. р. 'костра' (вят., пск., том., новосиб., Филин 15, 81), 'растение Nasturtium brachycarpum C. A. M.' (южн.), 'ягода растения Rubus saxatilis L., костяники каменистой' (олон., новг.), 'сорная трава' (донск., брян.), 'мелкая солома' (брян.) (Филин 15, 81), *кострúка*, *костры́ка* ж. р. 'костра' (тул., ворон., курск., новосиб.), 'крапива' (ряз., ворон., перм.) (Филин 15, 80; Диттель. Сборник рязанских областных слов. ЖСт. VIII, 1898, II, 214; Даль³ II, 449), укр. *кострúця* ж. р. 'кострика' (Гринченко II, 291), также *кiстрúця* (Гринченко II, 246), диал. *кострúц'а* 'какая-то трава' (Онышкевич 374), блр. *кастры́ца* ж. р. 'костра, кострика', диал. *кастры́ца* ж. р. 'кострика', 'хвоя', 'ость' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 434; З народнага слоўніка 44), *Кастры́ца*, *Кастры́цки*, фам. (Бірыла 191).

Производное с суф. *-ica/-ika* от **kostra* (см.; там же подробно об этимологии). Элементарно неверно утверждение о наличии здесь префиксального сложения **k-ostr-* (J. Schütz. Das präfigierende Element *ka-/ko-/k-* in der Wortbildung des Slavischen. — WdS X, 1965, 326).

***kostriti:** болг. диал. *кóсра* 'соблазнять, дразнить' (с. Веригово, Карловско. Р. Реч XIII, 186. Архив Болг. диал. словаря, София), русск. диал. *кострúть* 'врать, лгать, хвастать, бахвалить' (тул., Даль³ II, 449), *кастрúть* 'рубить дрова' (Добровольский 315).

Глагол на *-iti*, производный от **kostra* (см.) с дальнейшим переносом значения, заметным уже у таких производных от **kostra*, как **kostrivъ*, **kostriva*, **kostrava* (см.; там же примеры со значением 'вспыльчивый'). Впрочем, в русск. диал. *кастрúть* 'рубить дрова' скорее имеет место мотивация со стороны русск. *костёр* (см. **kostrъ*). Выпадение *-t-* в болг. диал. *кóсра* вторично, см. БЕР 2, 661 (догадка о происхождении от балк.-лат. *castro* 'резать, оскоплять', высказанная там, не имеет под собой никаких оснований).

***kostrǫba/*kostrъba/*kostroma:** ст.-чеш. *kostruba* ж. р.: *koſtrubi capilli* (Slovník Prešpurský 429. Gebauer II, 113), чеш. *kostrba* 'лохматый человек' (Kott I, 761), слвц. *kostruba* 'взлохмаченные волосы', 'костра, кострика' (Kálal 262), *kostrba* 'растрепа' (Kálal 262), 'метелка растения' (SSJ I, 752), *kostrub* м. р. 'торчащий волос, пучок волос' (там же), русск. диал. *костромá* ж. р. 'большое чучело из рогожи и соломы, которое носят с песнями и шутливыми обрядами топить в реке, озере или луже, празднуя проводы весны и встречу страдного лета' (влад., сарат., новг., калуж., Филин 15, 82), *кóструб* м. р. 'растрепа' (юго-зап., Филин 15, 82), *кострýбый* 'упрямый' (твер., Даль³ II, 449), производное *кострубáтый*, *-ая*, *-ое* 'шероховатый' (твер., донск.), 'хохлатый (о курах)' (юго-зап.), 'своенравный' (твер.) (Филин 15, 82), укр. *кóструб* м. р. 'весенняя хороводная игра девушек', 'неряха' (Гринченко II, 291), *кострубáтий*, *-а*, *-е* 'косматый, вихрастый' (Лебед. у., там же), блр. диал. *кострубá* ж. р. 'женщина-неряха' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 500), *кастрамá* ж. р. 'костра, кострика' (Жывое слова 11), *коштрóба* ж. р. 'лохматый человек' (З народнага слоўніка 143), *Каструбá*, фам. (Бірыла 191).

О праформе **kostrǫb-* см.: А. Соболевский. — Slavia V, 1927, 440.

Производное от **kostra* (см.) с суф. *-ъba*, *-ǫba* и *-oma* (если только форма русск., блр. *кострома* не продолжает более первоначальную **коstроба*, **коструба*). Название костры, кострики прекрасно годилось метонимически для обозначения взлохмаченных волос, лохматого человека, растрепы. В русск. народной культуре слово *костромá* (первоначальное значение 'костра, кострика' сохранилось в блр. диал. *кастрамá*, см. выше) послужило термином, обозначавшим фигуру, соломенную куклу, выступавшую в символическом обряде перехода от весны к лету, см. Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян. М., 1981, 378. См. еще Фасмер II, 348—349 (без слав. соответствий). В свете словообразовательно-семантической продуктивности гнезда **kostra* маловероятна идея Махека о наличии здесь сложения с приставкой **ko-strъbъ*, причем корень якобы родственен нем. *struppig* 'взъерошенный, лохматый' (V. Machek ZfslPh XXIII, 1954, 118—119; Он же LP VIII, 1960, 58; Machek ² 281).

***kostruka:** слвц. диал. *kostruka* ж. р. 'шип, колючка, ость' (Kott I, 761: «na Slov.»), блр. диал. *каструкí* мн. 'овсяная мякина', 'ость в колосе ячменя', 'стержни перьев' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 434).

Производное с суф. *-uk-* от **kostra* (см.).

***kostrъ:** словен. *kóster*, род. п. *-stra*, м. р. 'костер, куча дров' (Plet. I, 444), др.-русск. *костьръ*, *костеръ* м. р. (Не токмо на боищи *костры* мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ лежаше трупіе, овіи мертвы, а друзіи еще дышуще. Тверск. л. под 1216 г.; И превратися много ржи на метлу и на *костеръ*. Псков. I л. под 1484 г. Срезневский I, 1298), производное *костровый*, прилаг.:

костровые дрова 'поленья, которые складываются в штабеля (костры)' (АХУ II, 1232. 1688 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 371), *костровый* 'посконный, изготовленный из льна с невычесанной кострой' (Арх. бум. Петра, II, 64. 1717 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 371), *Костеръ*, личное имя собств. (1649 г. Ю. З. А. III, 88 (доп.). Тупиков 257), *Костровъ* (1490 г. Ак. Юр. 12. Тупиков 649—650), русск. *костёр*, род. п. *-тра́*, м. р. 'горящая или подготовленная для горения куча хвороста, дров и т. п.', диал. *костёр* м. р. 'куча хвороста, сучьев, бревен, дров' (влад., иван., калуж., тул., моск., яросл. и др.), 'мера дров' (волог., арх.), 'большая укладка снопов в поле' (пск., волог., Башк. АССР), 'деревянный сруб под печью' (вят.) (Филин 15, 72; Даль[3] II, 448), 'костра' (новг., пск.), 'мякина' (пск., новг., калин.) (Филин 15, 72), *костёр кровельный* 'растение Phragmites communis Trin., тростник' (донск., брян.), 'болезнь злаковых, головня' (КАССР), (Филин 15, 72), *костёр* 'рыба Acipenser Baerii, сибирский осетр' (Там же; Даль[3], II, 449), укр. *костéр*, род. п. *-тра́*, м. р. 'сажень дров', 'куча камыша' (Гринченко II, 291), диал. *костéр* 'поставленные в конусовидные кучки пучки конопли или снопы камыша' (Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області 43), 'большая куча (вещей, имущества)' (Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району, Житомирської обл.).— Лекс. бюл. VI, 1958, 27), *кос'т'óр*, *кост'óр* 'сложенная из дров или бревен поленница' (Лексика Полесья 141), блр. *касьцёр* м. р. 'костерь Bromus secalinus L.' (Байкоў-Некраш., 143), *касцёр*, род. п. *-стра́*, м. р. 'поленница', диал. *касцёр* м. р. 'укладка дров', 'куча', 'костер, разложенный огонь в поле, лесу', 'кострище' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 435; Народнае слова 94).

Этимологически тождественно **kostra* (см.), ср. сюда также **kostь* (см.). Прочие этимологии неверны. См. Berneker I, 584; Фасмер II, 347; Х. Барић. — Прил. I, 1921, 231 и сл. (цит. по: ЈФ III, 1922—1923, 200 — из **ko-stьrъ* к лат. *struo*).

***kostrьсь**: макед. *кострец* м. р. 'название одной рыбы' (Кон.), чеш. *kostřec*, род. п. *-trce*, м. р. 'нижний конец позвоночника, копчик', также *kostrč* ж. р. слвц. *kostrč* ж. р. то же (SSJ I, 752), др.-русск. *кострьць*, *кострецъ* м. р. 'нижняя часть крестца' (Травн. Любч., 95. XVII в. ~ 1534 г.), 'часть мясной туши' (Рим. имп. д. II, 498. 1597 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 370; Срезневский I, 1296), русск. *кострéц* м. р. 'нижняя часть крестца у человека или животного', 'верхняя часть задней ляжки мясной туши', диал. *кострéц* м. р. 'несвязанный сноп только что выдерганного льна из крест-накрест лежащих пучков' (волог., Филин 15, 79), 'бок человека' (ворон.), (мн.) 'ребра лошади' (ворон.) (там же), *кострéц* м. р. 'растение Bromus L.' (твер., там же), *кострéц* 'небольшой костер' (Элиасов 167), укр. *кустрéць* м. р. 'чирей, прыщ, струп' (Гринченко II, 332).

Производное с суф. *-ьсь* от **kostra*, **kostrъ* (см.).

***kosturъ/*kostura**: болг. *костур* м. р. 'скелет, костяк', 'ножик', 'вид рыбы' (Геров; Младенов БТР: стар., обл.), *костýра* ж. р. 'кривой карманный ножик' (РБЕ), 'испорченный, поломанный ножик, б е з ч е р е н к а' (Геров; Народописни материали от Гра-ово, СбНУ XLIX, 779; И. Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112; Божкова БД I, 253), 'нож, ножик' (Речник РОДД), 'поломанный карманный ножик' (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 238: рум.), 'перочинный нож' (Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы 90), 'острие ножа' (М. Младенов БД III, 92), стар. *кóстур* м. р. 'скелет, костяк' (Речник РОДД), диал. *кустýра* ж. р. 'поломанный ножик без черенка' (Горов. Страндж. — БД, I, 102; Колев БД III, 303; П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 125; П. К. Гжбювъ. Материал за български речник. От с. Конопчие (Чирпанско). — СбНУ IX, 1893, 231: *кустýрѫ*), *костýрка* ж. р. 'нож без черенка' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), макед. *костур* м. р. 'скелет', 'остов, костяк' (И-С), диал. *костура* 'карманный ножик' (Г. Попова. Зборови од Малешево. — MJ II, 3—4, 1951, 95), *костурка* 'нож без черенка' (Б. Видоески. Кумановскиот говор 253), сербохорв. диал. *кȍстура* ж. р. 'карманный нож, бритва' (РСА X, 318; RJA V, 828, s. v. *kùstura* 'негодный нож'; «Riječ je rumuńska»), *кȍстӯр* м. р. 'скелет', 'тощий человек' (РСА X, 317—318; RJA V, 379), также *кȍштӯр* м. р. (РСА X, 378), *кȍштура* ж. р., увелич. от *кост* (там же), словен. *kostûra* ж. р. 'крупный складной нож с костяной рукояткой' (Plet. I, 444), чеш. диал. *kostúr* 'сухая ветка, суковатая палка, дубинка', 'тощая скотина', 'накрахмаленное белье', 'злой, вздорный человек' (Bartoš. Slov. 156), слвц. диал. (вост.) *kostur(a)* 'большой нож' (Kálal 262), ст.-польск. *kostur* м. р. 'костяная или деревянная палка', 'палка, обитая железом или заостренная, применялась как оружие' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 10), польск. *kostur*, *kosztur*, диал. *kośtur*, *kostor* м. р. 'костяная палка', 'большая палка, окованная железом', 'костыль', 'тесак', 'рыба Cyprinus cultratus' (Warsz. II, 496), *kostur* 'палка' (Olesch., S. Annaberg 90), *kostór* 'кличка коровы' (Sł. gw. p. II, 443), русск. диал. *кóстур* м. р. 'дубина, большая палка' (ворон., южн., Филин 15, 83), *кóстурь* ж. р. 'рыба чехонь Pelecus cultratus' (новг., там же), укр. диал. *костýра* ж. р. 'нож для убивания животных' (Вх. Уг. 246, Гринченко II, 292), *кóстур* м. р. 'клюка, посох' (Гринченко II, 292), *костýра* 'нож' (Онышкевич 374), *костýр*, *коштýр*, *коштýр'* 'палка (гнутая)', (там же).

Форма **kosturъ/*kostura* является развитием первоначального **kostrъ*, **kostra* (см.) с постоянной мотивацией со стороны **kostь* (см.). О праслав. древности образования и вместе с тем — об экспрессивном его характере см. Sławski II, 534 (**kosturъ* < **kostь*). Бернекер и Фасмер не уделили должного внимания этому слову.

Исследователи ю.-слав. и балканских языков выдвигали версию происхождения соответствующих болг., сербохорв. слов, особенно со значением 'нож', из различных рум. форм, см. Капидан в работе: P. Skok. O bugarskom jeziku u svjetlosti balkanistike. — JФ XII, 1933, 85 (ср. осторожнее Skok II, 163). Сомнения на этот счет см. С. Младенов, рец. на кн.: Th. Capidan. Raporturile lingvistice slavoromâne. Influenţa română asupra limbei bulgare. — Slavia V, 1926, 157. Новый болг. этимол. словарь разграничивает *кóстур* 'вид пресноводной рыбы, Perca fluviatilis', объясняя его от *кост* 'кость' с суф. *-ур*, и *костýр* 'ножик', усматривая в последнем вслед за другими авторами производное от **kes-/*kos-* (см. **česati*) с суф. -tr-, но цитируя при этом также далее, без комментариев, этимологию от рум. *custura*, стар. *cuţitura*, см. БЕР 2, 666. Заимствование из рум. маловероятно ввиду более широкого распространения (у всех славян), а следовательно — большей древности слова, в том числе в значении 'нож особого вида и свойства', ср. напр. упомянутое выше русск. диал. (новг.!) *кóстурь* 'рыба чехонь Pelecus cultratus': известно, что чехонь нередко называется как 'нож-рыба', ср. нем. *Messer-fisch* 'чехонь', лат. название ее — *Pelecus cultratus* от *culter* 'нож', ср., собственно, сюда же и русск. *чехóнь* — к **česati*, **čexati* (см.).

***kostъka:** цслав. костъка ж. р. στέμφυλον, vinacea (Mikl.), болг. *кóска* ж. р. 'кость' (Геров; Младенов БТР: «обл., стар.»), также диал. *кóска* ж. р. (Шклифов БД VIII, 256), макед. *коска* ж. р. 'кость', 'косточка (плода)' (И-С), сербохорв. *кȍска* ж. р., ум. 'косточка' (РСА X, 302; RJA V, 363), *kȍcka* ж. р. 'кость (игральная, гадальная)' (RJA V, 140), *kȍske* (Leksika ribarstva 164), словен. *kôstka* ж. р., ум. 'косточка', 'кость (игральная), кубик' (Plet. I, 444), *kôcka* ж. р. 'кость (игральная), кубик' (Plet. I, 417), чеш. *kostka* ж. р. 'косточка', 'кость (игральная), кубик', 'косточка (плода)' (Kott I, 760), *kůstka* ж. р., ум. 'косточка', диал. *kustka* ж. р. 'лодыжка' (Lamprecht. Slovn. středoopav. 67), *kostka* ж. р. то же (Svěrák. Brněn. 109), слвц. *kôstka* ж. р. 'косточка', 'косточка (плода)' (SSJ I, 759), *kocka* 'жареный хлеб' (Kálal 248), диал. *koska* ж. р. 'косточка (плода)' (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236), в.-луж. *kóstka* ж. р. 'лодыжка, бабка', 'игральная кость'. (Pfuhl 277), н.-луж. *kóstka* ж. р. 'косточка', 'игральная кость' (Muka Sł. I, 682), полаб. tös(t)kă ж. р. 'лодыжка' (Polański—Sehnert 156), ст.-польск. *kostka* 'лодыжка', 'костный нарост, окостенение кожи', 'косточка плода', 'игральная кость, кубик' (Sł. stpol. III, 356; Sł. polszcz. XVI w., XI, 8—9), польск. *kostka* ж. р. 'кость', 'talus astragalus', 'игральная кость, кубик' (Warsz. II, 491), диал. *kostka* 'бабка у лошади' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 68), *kostka* 'лодыжка' (Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 181), *kᵘostka* (Kucała 168), словин. *kostka* ж. р. 'лодыжка' (Sychta II, 214), *kᵘostka*, ум. 'косточка', 'лодыжка', 'кость (игральная)' (Lorentz Pomor. I, 420), *kœstka* (Ramułt 76), др.-русск. *костка* ж. р. 'косточка плодов' (Назиратель, 249. XVI в.), ум. к *кость* (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368; Срезневский I, 1296), русск. диал. *костóк*, род. п. *-сткá*, м. р. 'сустав пальца' (пск., Филин 15, 77), ст.-укр. *костки* мн. 'азартная игра в кости' (XV в., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 503), укр. *кíстка* ж. р. 'кость' (Гринченко II, 246), диал. *кістки́* мн. 'козны, бабки' (Матеріали до словника буковинських говірок 4, 47), блр. диал. *кóстка* ж. р. 'кость', 'кадык' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 505). — О дублетах слвц. *kocka* и *kôstka* см. Blanár. Hist. lexikol. 113.

Ум. производное с суф. *-ъka* от **kostь* (см.).

***kostylь:** словен. *kostílja* ж. р. 'дерево Celtis australis', 'кнутовище (из этого дерева)' (Plet. I, 444), др.-русск. *костыль* м. р. 'гвоздь, верх которого загнут под прямым углом' (А. Кир. Б. м., отд. I. Г. № 104. 1656 г.), 'железный прут с загнутым концом' (Сим. Перепл. худ., 22. XVII в.), 'костыль, палка с поперечной насадкой наверху или загнутым верхним концом, служащая опорой при ходьбе' (Сим. Посл., 114. XVII в.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 372), *Костылевъ*, личное имя собств. (1500 г. Писц. III, 580. Тупиков 650), русск. *косты́ль* м. р. 'палка, клюка, посох', 'гвоздь с загнутым верхним концом вместо шляпки', диал. *косты́ль* 'искусственная деревянная нога' (ряз., краснояр.), 'большой деревянный гвоздь' (ряз., брян.), 'палка, которой поддерживают бредень' (арх.), 'рогулька для наматывания пряжи в мотки' (смол.) (Филин 15, 85), 'трава стрелолист' (костр.), 'стебель щавеля с соцветием' (иркут.) (там же), *кóстыль* 'палочка для вязания лаптей' (арх., Картотека СТЭ), укр. диал. *костéль*, *кости́ль* м. р. 'часть большой продольной пилы' (Лисенко. Словник поліських говорів 104), *костýль* м. р. 'палка, посох' (там же; Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся 37), блр. диал. *касты́ль* м. р. 'костыль', 'крюк' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 434), *Кастылёў*, фам. (Бірыла 191).

Производное с суф. *-ylь* от **kostь* (см.).

***kostyrь:** словен. производное *kostîrnica* ж. р. 'большой складной нож с костяной ручкой' (Plet. I, 444), польск. диал. *kośtyr* 'увалень' (Warsz. II, 502), русск. диал. *косты́рь* м. р. 'заноза, щепочка' (ряз.), 'посох зверолова (с кольцами на конце, как у лыжной палки)' (енис.) (Филин 15, 86; Даль[3] II, 449), *кóсты́рь* м. р. 'палка, костыль' (Словарь русских донских говоров II, 83), *kasztýrъ* 'хромой человек' (Słown. starowierców, 113), укр. *кости́рь* м. р. 'растение Bromus secalinus, костерь' (Гринченко II, 291), диал. *касты́рка*, *касты́р'ка*, *косты́рка* 'белка Sciurus vulgaris' (Дзендзелівський. Атлас II, карта 126), блр. производное *каштыра́ць* 'толкать, пихать' (Жывое слова 116).

Соотносительно с **kosturъ* (см.) и **kostylь* (см.).

***kostь:** ст.-слав. кость ж. р. ὀστοῦν, os 'кость' (Zogr., Mar., As., Euch., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *кост* ж. р. 'кость'

(БТР; РБЕ), также диал. *кос* ж. р. (М. Младенов БД III, 92; Шапкарев—Близнев БД II, 282), сербохорв. *kȍst* ж. р. 'кость' (RJA V, 368—371), также диал. *kôst* (Hraste—Šimunović I, 450), словен. *kôst* ж. р. 'кость', 'косточка (плода)' (Plet. I, 443), чеш. *kost* ж. р. 'кость', слвц. *kosť* ж. р. 'кость' (SSJ I, 751), 'кость игральная' (Kálal 261), в.-луж. *kósć* ж. р. 'кость' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósć* ж. р. (Muka Sł. I, 679), полаб. *t'üst* ж. р. 'кость' (Polański—Sehnert 157), ст.-польск. *kość* ж. р. 'кость', 'человек, плоть людская (в библ. текстах)' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 69—74), польск. *kość* ж. р. 'кость' (Warsz. II, 500), также диал. *kość* м. р. (Sł. gw. p. II, 448; Kucała 163; Sychta. Słown. kociewskie II, 82), *kość* 'льняная кострика' (B. Falińska. Pol. sł. tkackie I, 122), *kość* 'кость' (Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 183), словин. *kosc* м. р. (Sychta II, 212), *kùǫsc* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *kœsc* ж. р. (Ramułt 76), др.-русск., русск.-цслав. *кость* ж. р. 'кость' (Панд. Ант. 62, XI в.), 'тело, все существо человека в целом' (Библ. Генн. 1499 г.), 'род, племя (о тех, кто связан общим происхождением, родственными узами)' (Жит. Петр. Берк. Мин. Чет. июн. 415. XV—XVI вв.), 'останки, тело умершего' (Правда Рус., 105. XIV в. ~ XII в.), 'косточка плодов' (Леч. II, гл. 110. XVIII в. ~ XVII в. — XVIII в.), 'игральная кость' (АХУ III, 131. 1632 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 372—375; Срезневский I, 1297—1298; Сл.-справ. «Слова о полку Игореве» 3, 8—9) русск. *кость* ж. р. 'отдельная составная часть скелета человека и позвоночных животных', диал. *кость* ж. р. (мн.) 'игральные бабки' (влад., сиб.), 'льняная костра' (пск.) (Филин 15, 87), укр. *кість*, род. п. *кóсти*, ж. р. 'кость', 'игральная кость' (Гринченко II, 246), диал., стар. *кóста* ж. р. 'кость' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 84), *костá* (Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра 246), ст.-блр. *кость* (Скарына 1, 279), блр. *косць* ж. р. 'кость', также диал. *косць* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 506).

И.-е. названием кости было старое имя с гетероклитическими признаками **ost-*, **osti-*, **ostr-*, **ostn-*, **ostr̥k-*, см. Pokorny I, 783. Ввиду древности этого слова его этимологический генезис не очень ясен для нас. Можно предположить, что корень этого имени — производное с *-e/o-* апофонией от и.-е. **es-* 'быть, существовать', откуда празначением и.-е. **ost-* было бы тогда 'сущее, свершившееся, осуществленное'. Правда, хетт. *ḫaštāi-* (из **osti-*, **ostei-*) 'кость' как будто указывает на возможность реконструкции и.-е. **əost-* с начальным ларингальным согласным, а хетт. *e-eš-mi*, соответствующее и.-е. **esmi* 'есмь', такого ларингального начала не имеет, что служит упомянутому сближению препятствием, хотя, возможно, и преодолимым, поскольку это различие засвидетельствованных начал допустимо считать скорее диахроническим, вторичным. Трудно, например, настаивать на том, что между регулярными продолжениями и.-е. **es-* и хетт. *ḫaš-* 'производить, рождать' нет абсолютно ничего общего, хотя эти отношения и находятся в тени (в словаре Покорного хетт. *ḫaš-* вообще отсутствует). О связи хетт. *ḫaštāi-* 'кость': *ḫaš-* 'производить, рождать' на фоне более общей семантической иерархии 'рождаться, становиться' > 'часть тела' см. Трубачев. Слав. терм. родства 160. И хотя по-прежнему остается вне поля зрения значительной части индоевропеистов связь и.-е. **ĝenə-* 'рождать(ся)' и **ĝenu-* 'колено', а также 'челюсть, подбородок', сюда же **ĝonədh-* и нем. *Knochen* 'кость', освещавшаяся в упомянутой только что книге (достаточно справиться об этом в словарях Покорного и Клюге или в словаре Buck[3] 207, s. v. Bone, где, понятно, обобщен прежний этап этимол. исследований, причем этимологизация и.-е. **ost-* просто отсутствует, этимология нем. *Bein*, англ. *bone* 'кость' признана темной, а значение нем. *Knochen* 'кость' производится из 'лодыжка', вопреки наличию хотя бы родственной формы и значения нем. *Nacken* 'затылок, затылочная кость'!), все же отношения и.-е. **ost-* 'кость' и **es-* 'быть, существовать' нуждаются в специальном всестороннем обсуждении ввиду серьезных вероятий в пользу древности и изначальности связи между ними. Гипотетически реконструируемое при этом значение **ost-* как 'сущее, осуществленное' недаром перекликается с наличествующим у таких производных от **es-* 'быть' форм как **sent-*, **sont-*, **sn̥t-* значением 'сущий, сущее, присутствующее, наличное', а также 'в и н а, г р е х, п р е с т у п л е н и е' (нем. *Sünde* 'грех' и родственные). Развитые религии мира, наделив кость атрибутами греховности, бренности сущего, похоже, лишь оживили при этом древние этимологические истоки прежде всего и.-е. **ost(i)-* 'кость'. Достаточно сослаться на ир. *astvant-* 'бренный, преходящий, материальный' (буквально 'костяной'), производное от ир. *ast-* 'кость' (напомним здесь мысль Куриловича о том, что слав **koščunъ* (см.) своим основным значением 'мирской, связанный с профанацией' обязано влиянию указанного ир. слова, образованного от названия кости, см. J. Kuryłowicz. Irańsko-słowiańskie stosunki językowe. — Słownik starożytności słowiańskich II, 2, 291; О. Н. Трубачев. — Этимология. 1967 (М., 1969), 321).

Для этимологии слав. **kostь* важно знать слав. продолжения и.-е. **ost-* 'кость'. Можно думать, вслед за Махеком, что и.-е. **ost-* (ср. др.-инд. *ásthi-* 'кость' и т. д.) отражено в слав. **ostь* (см.), которое приобрело значения 'ость колоса', 'рыбья кость', (см. Machek[2] 419—420 (мы не разделяем, однако, его «преформантного» толкования формы **kostь*, о чем — ниже). В поддержку связи и.-е. **ost-* > слав. **ostь* высказывается также А. С. Мельничук. — Этимология. 1966 (М., 1968), 234. Большинство же исследователей предпочитает производить слав. **ostь* в указанных выше значениях от и.-е. **ak̂-*, **ok̂-* 'острый', см. еще Miklosich 227; Фасмер III, 167 (там же прочая литература); Pokorny I,

22: *ak̂-sti-, откуда лит. akstìs 'коптильный вертел', русск. ост, остъ (колоса); Fraenkel I, 5—6. Впрочем, Френкель сочувственно приводит мнение о вторичной вставке k в лит. слове, а это может оказать существенное влияние на всю оценку происхождения лит. akstìs, слав. *ostь и их значений. Если принять уже априори правдоподобную мысль об этимологическом тождестве и.-е. *ost- и слав. *ostь, то следует обратить внимание на то, что ни употребление и.-е. *ost- (др.-инд. ásthi-, авест. ast-, asti-, греч. ὀστέον, лат. os, алб. asht, хетт. ḫaštāi- — все со значением 'кость'), ни допустимые древние этимологические связи (см. о них выше) не содержат указаний на остроту, острое. Создается впечатление вторичности появления этих значений у слав. *ostь, лит. akstìs, а также элемента k в последнем слове. Лит. akstìs в таком случае отражает влияние (народноэтимологическое?) со стороны и.-е. *ak-, *ak̂- (вар. *akō̆-) 'острый', а в слав. *ostь это воздействие, пожалуй, прослеживается уже только семантически. Зная двухвариантное отражение названного корня в родственных — и столь различных — слав. *kamen- (см. *kamy) и лит. akmen- (akmuõ 'камень'), казалось бы, нетрудно допустить подобную вариантность и.-е. *(a)kō̆: *ak- 'острый' и в слав. *kostь: лит. akstìs / слав. *ostь. Но зыбкость подобного допущения тотчас же демонстрирует семантика слова *kostь, которое не обнаруживает значения 'острый, острота', но только 'кость' и достаточно специфическое 'льняная костра' (в польск. и русск. диал., см. выше), что, по-видимому, показывает особый путь развития значения 'кость' у слова *kostь.

Слова *kostь и *ostь образуют «рифму», что отмечается и в литературе, ср. Brückner, 260: «kość rymuje do ość». Однако, кроме этой рифмы номинатива, у них есть и серьезные расхождения, которые позволяют взглянуть на их «рифму» как на нечто вторичное и в известной мере случайное. Даже природа подвижности акцентных парадигм с первоначально наконечным ударением *kostь́, *ostь́ (об окситонезе *ostь́ см. В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. — Слав. языкознание. V Междунар. съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1963, 80; о значительной подвижности ударения *kostь см. V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, 21) у этих слов разная. Слав. *ostь сменило древнюю основу на согласный *ost-, а *kostь существует в кругу многочисленных производных *kosterь, *kostiti, *kostra, *kostrъ, *kosturъ, *kostylь, *kostyrь (см. s. vv.), принципиально ничем из них не выделяясь. Это значит, что, например, и *kostь и *kostra при анализе обнаруживают элементы значения и структуры, полностью не сводимые к одному из них (ср. значение 'костра' у *kostь), но восходящие к общей для них производящей форме.

Наконец, если *ostь, как мы видели, обнаруживает соответствия, наряду с другими и.-е. языками, также в балт., то слав. *kostь

«не имеет соответствия в литовском» — очевидный факт, на который четко указал один Брюкнер (Brückner 261). Другие ученые пробовали всевозможными способами установить связь между *ostь и *kostь, но критическое разнообразие этих способов (ниже) и совершенно несхожее распределение форм по языкам (*kostь — отсутствие в балт. и сомнительность соответствий в других языках, *ostь — наличие соответствий в ряде — в том числе древних — и.-е. языков) лишь подготавливает вывод о том, что слова *kostь и *ostь организованы совершенно различным и независимым способом. Это дает нам право предпочесть для *kostь внутриславянскую этимологию — производность от глагольного корня *kes- (ср. *česati, см.), см. А. С. Мельничук. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — Этимология. 1966 (М., 1968), 234 и сл. Однако нам трудно последовать за автором в его реконструкции для *kes- применительно к *kostь значения 'рубить, убивать', а для самого производного *kostь — первоначального значения 'тело убитого, труп' и лишь вторично — 'кости'. Напротив, нам представляется, что употребление др.-русск. слова кость, кости как названия убитого (на поле брани) ярко фигурально и первичным считаться не может. Разбираемые А. С. Мельничуком случаи на костѣхъ (стати) 'на поле битвы. . .', по нашему убеждению, принадлежат к той же вторичной сфере образного употребления (pars pro toto), что и обороты на крови в значении 'на месте убийства'. Если снять эти разногласия, то *kostь может быть охарактеризовано как субстантивация на -ь (-i-основа) первоначального причастия или, скорее, отглагольного прилаг. *kosto-, образованного с суф. -to- и корневым чередованием e : o от корня *kes- (*česati). Словообразование *kes- : *kos-to- может быть охарактеризовано как архаичное, сравнительно с регулярным типом праслав. *česati : *česanъ. У реконструированного таким образом отглагольного производного *kos-to- могут быть определены чисто формальные параллели на уровне глагольной морфологии вроде лит. kàstas, прич. прош. страд. от kàsti 'рыть, копать', но акт лексикализации *kostь принадлежит одному праслав. Лексическая инновация *kosto-, *kostь как обозначение кости имела экспрессивный характер: кость названа как то, чем размахивают, семантика česati 'проводить, касаясь' это позволяла, ср. такую близкую аналогию как русск. мосол (праслав. *moslъ, см.), а также мотолыга, мостолыга — о крупных костях. Старые, а тем более лексикализованные отглагольные прилагательные на -to- подчас не имели четкого противопоставления переходности—непереходности, ср. *šьstъ (см.), русск. шест, если из *šьd-tъ 'то, с помощью чего ходят, опираясь', и.-е. *mr̥to- 'мертвый, умерший'. Сказанное относится и к *kosto-, *kostь 'мосол, то, что болтается, задевает'.

Между прочим, сближение *kostь и *kes- фактически выдвигалось уже очень давно, см. С. Микуцкий ИзвОРЯС V, 1856, 58: от санскр. *kas* 'ire' (принадлежность др.-инд. *kásati* 'идти' к и.-е. *kes- 'чесать и т. д.' неправомерно оспаривается Майрхофером против Уленбека, см. Mayrhofer I, 191).

Практически не менее старо и мнение о родстве *kostь и лат. *costa* 'ребро', до сих пор пользующееся популярностью. Ср. уже Miklosich 134: «Man vergleicht lat. *costa*». Особенно последовательно отстаивал сближение *kostь : *costa* Мейе, который осмысливал оба слова на фоне известного и.-е. *ost- 'кость', считая при этом элемент *k-* префиксом. См. A. Meillet MSL 8, 4, 1893, 279; Meillet. Études II, 262; A. Meillet. Le genre féminin de *kostĭ* et de *solĭ*. — Prace lingwistyczne (Kraków, 1921), 1—3; A. Meillet. Latin *asser*. — BSL 33, 1932, 53—54 (лат. *costa* < *c-osta*: слав. *kostь*); Ernout—Meillet[3] I, 261. Ср. еще Walde—Hofm. I, 281. Но само лат. слово лишено каких бы то ни было других внешних соответствий и является темным словом (возможно, местным народным новообразованием?), что признают и лат. этимологические словари, поэтому методологически целесообразно сначала продолжить поиски его объяснения на собственной лат. языковой почве, а не связывать его судьбу с проблематичной историей слав. слова. Ср., например, попытку анализа лат. *costa*, *costae* 'ребра' как сложения *co-stae*, что якобы отражает представление о таком качестве этих костей как 'con-stantia': E. W. Fay. Derivation of the root *stha* in composition. — AJPh XXXIV, 1913, 27 (автор, правда, вовлекает в круг соответствий и ст.-слав. ко-сть, как он себе представляет структуру этого слова). В каком-то смысле сюда примыкает сближение *kostь и др.-инд. *kāṣṭhá-* 'дерево, полено' (А. Погодин РФВ XXXII, 1894, 273), хотя др.-инд. слово по-прежнему признается «недостаточно объясненным», см. Mayrhofer I, 205 (ср., впрочем, у нас ниже, на *kustъ).

Особняком стоящее сближение *kostь с алб. *kashtë* 'солома, мякина' (K. Treimer MRumWI 366—367; цит. по: RS VII, 1914—1915, 203) любопытным образом подводит нас к гнезду отношений *kostra : *kostь : *česati, о котором см. у нас выше.

В остальном же, несмотря на неутешительное заключение Бернекера (Berneker I, 583: «Попытки объединить *kostь* с др.-инд. *ásthi* ср. р. 'кость', греч. ὀστέον, лат. *os*, *ossis*. . . неубедительны»; ср. почти теми же словами Преобр. I, 368), родство *kostь и лат. *costa*, с одной стороны, и др.-инд. *ásthi*, авест. *ast-*, греч. ὀστέον, лат. *os*, *ossis* — с другой, постулируется почти всеми лингвистами, причем — без преувеличения — на все лады. Так, вслед за Мейе и другими здесь выделяют и.-е. префикс, иначе — преформант Схрейнена. См. Фасмер II, 349; Sławski II, 555 («вероятнее всего с протетическим *k-*, ср. *koza*, см. Schrijnen KZ XLII, 97—113 . . ., к и.-е. *ost(h)-, *ost(h)i 'кость' . . .»); Machek[2] 280—281; Skok II, 164. Некоторые авторы, до конца не найдя внутреннего объяснения анлаутному *k-* в слав. *kostь, предположили здесь заимствование в праиндоевропейский из доиндоевропейского субстрата, см. F. Schröder. — Die Sprache 9, 1963, 1 и сл. (цит. по обзору: A. Scherer. — Kratylos X, 1965, 8). Подобные предположения, мягко выражаясь, слишком легковесны методологически, ибо о до-и.-е. субстрате мы не знаем ровно ничего (во всяком случае, не можем ответить на вопрос, были ли в этом языке — или языках — префиксы), кроме того, у нас нет никаких данных в пользу пра-и.-е. датировки форм праслав. *kostь или лат. *costa*, вполне возможно после вышеизложенного обратное, т. е. сравнительно молодой возраст слова *kostь и — независимо от него — *costa*.

Далее, Ондруш, например, видит причину возникновения слав. *kostь из и.-е. *ost- в синтагматическом употреблении типа *nowā ost- (в эпоху ларингальных — *neweH H^{w}est-), где зияние, образовавшееся после падения ларингальных, было заполнено близким согласным *k-*: *nowa kostь*. См. Š. Ondruš. — Actes du Xe congrès international des linguistes (Bucarest, 1970) 658. Миккола (Urslavische Grammatik 3, 40; цит. по: Фасмер II, 349) объяснял *k-* в *kostь путем метатезы *k* в первоначальной форме типа *osthr̥k-, но различие парадигм *kostь и *osthr̥k- (ср. др.-инд.), а также вероятная хронологическая дистанция между ними таковы, что в это объяснение трудно поверить. Впрочем, и другая метатезная этимология, так сказать, приближенная к слав. хронологии: *kostь из ум. *ostьka от *ostь (A. Steffen JP LI, 1971, 47) — не отличается правдоподобием ни фактически, ни типологически. Видя натянутость всех попыток объяснить «появление» *k-* в *kostь («*k*-mobile»), Вайян предположил изменение *ostь > *kostь путем народноэтимологического сближения с корнем *kos-* в *kosnǫti, *česati (A. Vaillant. Рец. на кн.: Shevelov. A prehistory of Slavic. — BSL 60, 2, 1965, 125; Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 173), т. е., как видим, вплотную подошел к нашему этимологическому решению (выше), только в духе вторичного осмысления. Георгиев говорит о контаминации *ostь и *kost(a) 'ребро', см. БЕР 2, 662.

См. еще Schuster-Šewc. Hist.-etymol. Wb. 9 (Bautzen, 1981), 634. Лишь для полноты упомянем сравнение слав. *kostь с японским (!) *kotsu* 'кость', см. С. Младенов. — Сб. в чест на А. Теодоров-Балан 325.

***kostьcь:** болг. (Геров) *кóстецъ* м. р. 'спор, драка', макед. *костец* м. р. 'рукопашная' (И-С), сербохорв. *кòштац*, род. п. *-ȁца* (*кòшца*), м. р. 'рукопашная' схватка, борьба, драка' (РСА X, 374), чеш. *Kostec*, род. п. *-tce*, м. р., местное название в Силезии (Kott I, 759), польск. *kościec*, род. п. *-ćca*, м. р. 'скелет, костяк' (Warsz. II, 498), др.-русск. *костецъ* м. р. 'вид рыболовной снасти' (Д. патр. Никона, 381. 1677 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 368), русск. диал. *костéц* м. р. 'сорная трава Bromus L., сем. злаков' (смол., Филин 15, 74), *костéц* 'спина' (Элиасов 167).

Производное с суф. *-ьsь* от **kostь* (см.). Поражает разнообразие «некостяных» значений, как бы противоречащее близкой мотивации со стороны **kostь*.

***kostьje:** сербохорв. стар., редк. *кôшħе* ср. р., собир. 'кости' (РСА X, 379; RJA V, 383: XVIII в.), также диал. *košćę*, *košćô* ср. р., собир. (Hraste—Šimunović I, 450), чеш. диал. *košče* 'метла' (Bartoš. Slov. 156), др.-русск. *костье* ср. р., собир. к *кость* (Якут. а., карт. 3, № 2. 1640 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 375), русск. *костьё* ср. р., собир. 'кости' (Даль[3] II, 452), укр. диал. *косцє* мн. 'кости' (Лисенко. Словник поліських говорів 104).

Собир. производное с суф. *-ьje* от **kostь* (см.).

***kostьl'avъjь/*kostьlavъjь:** болг. диал. *коштил'аф*, *коштийáф*, прилаг. 'костистый, твердый', 'худощавый', 'упрямый, настырный' (Хитов БД IX, 270), *косталáф* (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), сербохорв. диал. *кȍшљав*, *-а*, *-о* 'костлявый (о рыбе)' (РСА X, 368), ст.-чеш. *kostlavý* прилаг. 'костлявый' (Jana Vodn. Lactifer, Plz. 1511 г., Gebauer II, 112), чеш. *kostlavý* 'костлявый, костистый' (Kott I, 761), слвц. *košl'avý* 'твердый (об орехе)', 'костлявый, тощий' (Kálal 262), ст.-польск. *koślawy*, *koszlawy* 'кривоногий' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 74), польск. *koślawy*, *koszlawy* 'кривой', 'косой', 'кривоногий, хромой' (Warsz. II, 502), также диал. *koślavi* (Sychta. Słown. kociewskie II, 83), *koszlawy* 'кривой, хромой' (Sł. gw. p. II, 446), *k[u̯]oślavy* (Tomasz., Łop. 139; Kucała 189), *košlavi* (Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 183), словин. *košlavi*, прилаг. 'косой, кривой, погнутый' (Sychta II, 217), *k[u̯]šlavi* 'кривоногий' (Lorentz Pomor. I, 421), русск. *костля́вый* 'худой, исхудалый, у кого кости наружу' (Даль[3] II, 453), диал. *костля́вый*, *-ая*, *-ое* 'имеющий много косточек (о плодах)' (том., Филин 15, 76), укр. *кістля́вий*, *-а*, *-е* 'костлявый' (Гринченко II, 246), блр. *костля́вый* 'костливый' (Носов.).

Прилаг., производное с суф. *-l'-avъ* от **kostь* (см.). О специфической проблематике польск. формы см. Otrębski. Życie wyrazów w języku polskim 289—290, который возражает против прямой идентификации польск. *koślawy* с русск. *костлявый* 'ossuosus' (Łoś. Gramatyka II, 21), видя здесь контаминацию *kulawy* и *kosy*. Возможно, однако, это вторичное переосмысление.

***kostьlivъ(jь):** цслав. костьливъ, прилаг. ὀστώδης, osseus (Mikl.), болг. (Дювернуа) *костелѝвъ*, прилаг. 'костлявый' (Геров: *костелѝвый* 'костистый', 'костлявый'), диал. *костелѝв* 'худощавый, костлявый' (Бели Осъм, Троянско. Арх. Болг. диал. словаря, София), *кóстелиф* 'твердый (об орехе)' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), *кустилѝф* 'костлявый (о рыбе)', 'худощавый, костлявый' (Л. Ралев БД VIII, 140), макед. *костелив* 'костлявый, костистый', 'трудно очищаемый (об орехе)' (И-С), сербохорв. *кȍшљив*, *-а*, *-о* 'костлявый (о рыбе)' (РСА X, 368; RJA V, 385), диал. *коштѐљив* 'худощавый, костлявый' (РСА X, 374), словен.

kostljìv, прилаг. 'костлявый (о рыбе)' (Plet. I, 444), ст.-чеш. *kostlivý*, прилаг. 'костяной', 'костистый, костлявый' (XV в., Gebauer II, 112), чеш. *kostlivý*, прилаг. 'костлявый, костистый' (Kott I, 761), 'тощий', слвц. редк. *kostlivý* (SSJ I, 752), польск. производное *kostliwka* 'сорт сливы' (Warsz. II, 491), др.-русск. *костливыи*, прилаг. 'костлявый' (М. Гр. III, 209. XVI—XVII вв. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369), русск. диал. *костли́вый*, *-ая*, *-ое* 'имеющий много костей' (яросл., мурман., сиб.), 'исхудалый, с выступающими плечами' (влад.) (Филин 15, 76).

Прилаг., производное с суф. *-livъ* от **kostь* (см.).

***kostьnъ(jь):** цслав. костьнъ, прилаг. ossium (Mikl.), болг. *кóстен*, прилаг. 'костный' (БТР), макед. *костен* (И-С), сербохорв. *kȍstan*, *kȍsna*, прилаг. 'костный, костяной' (с XVI в., RJA V, 372), *кȍстнӣ*, *-ā*, *-ō*, также *кȍснӣ* (РСА X, 305, 313), словен. *kósten*, *-stna*, прилаг. 'костный' (Plet. I, 443), чеш. *kostní*, прилаг. 'костный', 'костяной', в.-луж. *kóstny* 'костный', 'костяной' (Pfuhl 277), н.-луж. *kóstny* 'костяной' (Muka Sł. I, 683), ст.-польск. *kostny*, прилаг. 'костный', 'костяной' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 9), польск. *kostny* (Warsz. II, 492), также диал. *kostny* (Sł. gw. p. II, 442), словин. *kùǫstnï* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), k[u̯]*ostnï* (Lorentz Pomor. I, 420), *koestny* (Ramułt 76), др.-русск., русск.-цслав. *костьныи*, прилаг. от *кость* (Ио. Лест. XII в. Срезневский I, 1298; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 369), русск. *кóстный*, *-ая*, *-ое* 'относящийся к кости', 'изготовленный, добытый из кости'.

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **kostь* (см.).

***kosъ:** болг. *кос* м. р. 'черный дрозд Turdus merula' (БТР; Геров), также диал. *кос* (М. Младенов БД III, 92), производное *косáк* м. р. то же (Младенов БТР), также *косáр* м. р. (Речник РОДД), *кóсер* (Младенов БТР), макед. *кос* м. р. 'дрозд' (И-С), сербохорв. *кôс* м. р. 'дрозд Turdus' (РСА X, 293; RJA V, 350), словен. *kôs* м. р. 'черный дрозд Turdus merula L.' (Plet. I, 440), *kosíca* ж. р. 'самка дрозда' (Plet. I, 441), чеш. *kos* м. р. 'черный дрозд Turdus merula', также диал. *kůs* (Vydra. Hornoblan. 107; Hruška Slov. chod. 47), слвц. диал. *kos* м. р. 'дрозд' (Buffa. Dlhá Lúka 166), производное *kosovec* м. р. 'черный дрозд' (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236), в.-луж. *kos* м. р. (Pfuhl 275), н.-луж. *kós* м. р. 'черный дрозд Turdus merula L.' (Muka Sł. I, 678), ст.-польск. *kos* м. р. 'черный дрозд Turdus merula L.' (Sł. polszcz. XVI w., XI, I), польск. *kos* м. р. то же (Warsz. II, 486), также диал. *kos* м. р. (Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. k[u̯]*os* м. р. (Lorentz Pomor. I, 419), русск. цслав. *косъ* κόσσυφος, merula 'дрозд' (Ио. екз. Бог. 160. Срезневский I, 1298), русск. *кос* м. р. (Даль[3] II, 455: «стар., а местами доныне, птица скворец, шпак»), диал. *косѝк* м. р. 'птица дрозд черный' (южн., Филин 15, 50), *косáк* м. р. 'птица дрозд?' (арх., Филин 15, 45), укр. диал. *кiс*, род. п. *кoсá*, м. р. 'дрозд черный Turdus merula' (Желех., Гринченко II, 246), *косѝц'а* 'самка дрозда' (Онышкевич 372).

Названия дрозда достаточно разнообразны в и.-е. языках и носят в основном местный или ареальный характер. Ср. например, лат. *merula*, нем. *Amsel*, лит. *šẽžis*, неизвестные слав. языкам. Наиболее распространено название с возможной и.-е. праформой **tr̥sdos/*trosdos*, куда принадлежат слав. **drozdъ* (см.), лит. *strazdas*, лат. *turdus*, нем. (производное) *Drossel*. Слав. **kosъ* распространено в общем во всех слав. языках, как и **drozdъ*, лишь кое-где уступая последнему. Занимаясь происхождением названия **kosъ*, надо иметь в виду, что другое слав. обозначение этой (или близкой) птицы — **drozdъ* — сложилось как звукоподражание. В отличие от него слово **kosъ* не имеет надежных соответствий ни в балт., ни в других и.-е. языках, что затрудняет реконструкцию более древней формы, а может быть, и вовсе ставит ее под сомнение.

Свыше ста лет тому назад была предложена этимология, сближающая слав. **kosъ* с греч. κόψιχος 'дрозд', см. A. Bezzenberger, A. Fick BB VI, 1881, 237. Ср. так же, далее, V. J<agić> AfslPh XXX, 1909, 298 (сноска); A. Meillet. A propos de gr. κόσσυφος. — MSL 18, 2, 1913, 171—172; Berneker I, 585 («Возможно, из **kopsъ*, ср. греч. κόψιχος»); Преобр. I, 369; Фасмер II, 344; Pokorny I, 614—615: **kopso-* 'дрозд' (:**k̂op-*, звукоподражательный корень?); Sławski II, 515; Machek[2] 279; Skok II, 160 («одна из крайне редких греч.-слав. параллелей из области орнитологии»); БЕР 2, 652.

Сходство слав. **kosъ* 'дрозд' и греч. κόψιχος 'дрозд', действительно, велико, но оно не может заслонить от нас фактическую неясность собственной истории каждого из них в рамках соответствующего языка. Ср. поэтому Brückner 259: «неизвестного происхождения». Отсюда попытки дальнейшего осмысления природы обоих слов, в общем продолжающиеся до сих пор, ср. истолкование слав. **kosъ* и греч. κόψιχος как 'копатель', ср. κόπτω и родственные формы, см. J. Knobloch. Die slavisch-griechische Benennung der Schwarzdrossel. — Glotta 57, 1—2, 1979, 76—77. Но отглагольное образование слав. **kosъ* в указанном выше смысле (**kop-s-* от **kopati*, см.) все-таки представляется маловероятным. Ср. Л. А. Булаховский. Общеславянские названия птиц. — ИАН ОЛЯ VII, 2, 1948, 111. Собственно говоря, давно высказывались мнения о звукоподражательном происхождении этого слав. названия дрозда, ср. еще D. Boranić. Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima. — Rad 178, 1909, 16: приводит. хорв. *čoktati*, чеш. *ščoktati* — о крике дрозда, а также нем. название *Stock-amsel*. Ономатопоэтическое объяснение принимают и некоторые из уже цитированных нами лингвистов (напр. Покорный, выше), ср. еще Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9, 631. Понятно, что в случае принятия звукоподражательной версии, значение слав.-греч. параллелизма весьма снижается, и при этом лишь ярче проступают самобытные особенности каждого из этих

слов. Греч. название засвидетельствовано только в производной, суффиксальной форме, или формах, и эти формы весьма существенно варьируют, как, впрочем, и форма корня: κόσσυφος, аттич. κόττυφος, а также κόψιχος, сюда же еще антропоним в форме Κοξυφίων, см. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 1—2, 571, где этимология сводится к реконструкции праформы **kopso-* общей для греч. и слав. слов, вслед за Покорным (см. выше). Boisacq [4] 501: выделяет -φος как формант названий животных, при неясности начального элемента («l'élément initial est obscur»), ср. мнение Прельвица об ономатопее, ср. др.-инд. *kukkubha-* 'фазан', пракритское из **kurkubhá-* («но, впрочем, крик этих птиц не имеет между собой ничего общего»). Ср. еще Frisk I, 930.

При этой затемненности отношений неудивительно обращение к иным связям или вероятиям связей, например Вайян, отказываясь от слав.-греч. сближения, отождествляет **kosъ* 'дрозд' и **kosъjь* (см.) 'косой, obliquus', ссылаясь при этом на подозрительность дрозда и на характерные косые, «ныряющие» направления его полета. См. A. Vaillant. Slave *kosŭ* 'merle'. — RÉS XXXV, 1958, 94—95. С гнездом **kosnǫti* (см.) связывал **kosъ* Шуман (см. Šuman AfslPh XXX, 1909, 297—298).

kosъ(jь)**: болг. диал. ***кос, прилаг. 'отвесный', 'прямой' (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 24), макед. *кос*, прилаг. 'косой' (И-С), сербохорв. *kȍs*, *kôs* 'косой' (РСА X, 293; RJA V, 350), субстантивированное *kȍsa* ж. р. 'склон (горы)', 'обрыв, утес', 'горная гряда' (РСА X, 295; RJA V, 354: с XIII—XIV вв.), также диал. *kosȁ* ж. р. (Hraste—Šimunović I, 449), словен. *kósa* ж. р. 'мель, перекат, где течение также изгибается' (Štrekelj. Slov. 20), чеш. *kosý*, прилаг. косой', слвц. *kosý* (SSJ I, 752), диал. *kosito*, *kosom* 'косо' (Banská Bystrica, Kálal 261), в.-луж. *kosa* ж. р. 'косое положение, перекос' (Pfuhl 275), н.-луж. *kósa* ж. р. 'откос, кривизна' (Muka Sł. I, 679), польск. *kosy* 'косой, кривой' (Warsz. II, 493), также диал. *kósy* (Sł. gw. p. II, 444), словин. *kʷosï*, прилаг. 'косой', 'косоглазый' (Lorentz Pomor. I, 419), др.-русск. *косыи* 'косой, кривой' (Вых. Ал. Мих. 1653 г. Срезневский I, 1299), *Косои*, личное имя собств. (1496 г. Летоп. VIII, 231. Тупиков 257), русск. ***косóй -áя, -óе*** 'расположенный или идущий наклонно', 'искривленный, перекошенный', диал. ***косóй*** 'хромой' (донск.), 'одноглазый' (терск., краснодар., ворон., курск., ряз., перм.) (Филин 15, 65; Миртов. Донской словарь 147), 'хромой, безрукий' (Словарь русских донских говоров II, 82), сюда же ***косá*** ж. р. 'узкая, косая полоса, клином', 'длинная песчаная отмель, идущая клином от берега' (Даль [3] II, 439), ***косá*** ж. р. 'селезенка' (Говоры Прибалтики 130), 'поджелудочная железа' (пск., Латв. ССР, Лит. ССР, Филин 15, 45), ***косоýрый*** 'о дуге: косой и кривой, однобокий или с двойным погибом', 'о человеке: угрюмый, глядящий исподлобья' (Даль[3] II, 445), ***косýра*** ж. р. 'нож с загнутым кон-

цом для очистки прутьев от коры' (олон., Филин 15, 91; Причитания Северного края I, IX), укр. *ко́сий*, *-а*, *-е* 'косой', 'о столе: треугольный', 'название вола с неправильно посаженными рогами' (Гринченко II, 290), сюда же *коса́* ж. р. 'селезенка' (Гринченко II, 289), 'низменность возле речки', 'небольшая отлогая насыпь песку возле реки' (Марусенко. Названия рельефов. — Полесье 232), блр. *ко́сы* 'косой', диал. *ко́сы*, *ко́сый*, *касы́*, прилаг. 'косоглазый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 506), *каса́* ж. р. 'селезенка' (Сержпутовский, Чудина 54; Касьпяровіч 157; Мінска-маладзеч. 63; Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217; AGWB I, рукоп.), *каса́* ж. р. 'отмель, коса' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 217), 'косяк рыбы' (там же).

Прилаг. **kosъ* родственно **kosa* (I, II, см.), как принималось уже давно, см. Miklosich 134: «*kosŭ* ist wahrscheinlich mit *kosa* Sense verwandt». Это родство имеет смысл понимать как в известном смысле равноправную, параллельную производность всех этих слов от глагольного корня **kes-*, значение которого 'чесать, проводить задевая, срезать', откуда 'срезать косыми движениями, вкось', вполне объясняет генезис слова и значения **kosъ(jь)* 'косой, кривой'. Уместно привести наблюдение Махека на этот счет, освещающее реальный фон этой семантической эволюции: «Значение 'косой' произошло, видимо, от того, что более прочные предметы режутся для облегчения труда скорее вкось, чем под прямым углом (напр. деревянные прутья)» (Machek² 281).

Надо сказать, что последующими лингвистами это сближение **kosъ* : **kosa* у Миклошича было истолковано не совсем верно, односторонне — как производность **kosъ* от **kosa* II 'серп, коса', см. Berneker I, 585 и некоторые другие приводимые ниже слав. этимологические словари. Эта односторонняя трактовка усугублялась еще опытами особой этимологизации упомянутого **kosa* II — не от **kes-* (см. **česati*), а из предшествующего **koks-*, ср. лат. *coxa* 'бедро', др.-инд. *kákṣā* 'подмышка', авест. *kaša-* то же, др.-в.-нем. *hahsa* 'коленный сустав задней ноги', с исходным значением 'кривой, изогнутый'. См. A. Bezzenberger BB XII, 1887, 239; Berneker, там же. Эта этимология, сомнительная также фонетически (праформа **koks-* закономерно дала бы слав. **kox-*), произвольно вырывает прилаг. **kosъ* из совокупности этимологически (и семантически) родственных форм. Тот же упрек можно адресовать и семантически еще более натянутому объяснению слав. **kosъ* 'косой, кривой' из и.-е. **kop-so-*, ср. **kēpo-* в др.-инд. *cāpa-* 'лук (дуга)' (H. Petersson AfSlPh XXXVI, 1916, 137—138; ср. о др.-инд. слове Mayrhofer I, 382: «надежной этимологии не имеет»). Между тем (если оставить в стороне приведенные неудачные этимологии) в литературе укоренилась упомянутая выше версия о прилаг. **kosъ(jь)* как производном от **kosa* II (см.). См. Brückner 259: «kosy. . . Urobione od kosy 'sierpu'»; Фасмер II, 347: «косо́й . . . Производное от коса́ II»; Sławski II, 535: «Prasłav. **kosъ* 'косой, кривой', тот же корень, что и в *kosa*, первоначальное значение 'серпообразный, имеющий форму серпа'». Впрочем, отмечаются и симптоматичные колебания в определении направления деривации, ср. Skok II, 161, где постулируется основное якобы значение 'кривой, изогнутый' у родственных слов *kosъ* и *kosa*, но конечное заключение гласит: «Значение 'lacerare' делает возможным (dozvoljava) и аблаут от *česati*».

Разобранные недостатки этимологизации отпадут, если признать единственно верный факт — самостоятельную историю и образование прилаг. **kosъ* от глагольного корня **kes-*, лежащего в основе **česati* (см.). Ср., в принципе, убедительно А. С. Мельничук. — Этимология. 1966 (М., 1968), 229. Мы расходимся с автором лишь в семантической реконструкции **kosъ* как 'обрубленный'. Более вероятным нам представляется древнее значение прилагательного **kosъ(jь)* — 'срезанный (наискось)', ср. в сущности приводимую и Мельничуком (там же) типологическую параллель шв. *sned* 'косой' — *snida* 'вырезать', исл. *sneida* 'резать', а также 'делать косым, наклонять вкось'. Целиком принимая отмеченную Мельничуком генетическую связь слав. **kosъ* 'косой' и ир., авест. *kasu-* 'малый' (возможно, из 'срезанный'), мы, однако, не настаивали бы на изначальности *u-* основы у праслав. **kosъ*, даже несмотря на наличие несколько загадочного и, видимо, требующего особого объяснения прич. прош. страд. ст.-слав. косвенъ, русск. *косвенный* 'непрямой, indirectus' (может быть, синкопировано из **косновен-* от **kosnǫti* (см.) 'задеть вскользь'?). За вычетом этого специфического случая, аргументов в пользу изначальности основы на *-u-* у слав. **kosъ* у нас нет, а исход *-u* в ир. *kasu-* (выше) еще не дает повода для очень широких обобщений.

Несколько необычное значение русск. диал. *коса́*, блр. диал. *каса́* — 'селезенка' (выше) — находит объяснение в самой реалии и, видимо, способно было выделиться типологически независимо, ср. специально об этом: А. Е. Аникин. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на и.-е. фоне. Канд. дис. (ср. там параллель осет. обозначения селезенки как 'язык на сторону'). Считать упомянутое выше вост.-слав. обозначение селезенки балтизмом (так см. А. С. Сакалоўская. — Беларуская лінгвістыка 16, 1979, 3—4) необязательно.

***kosъkъ(jь):** сербохорв. диал. *kȍsak*, *kȍska* прилаг. 'легко скашиваемый, срезаемый косой' (Лика, RJA V, 355), русск. диал. *ко́ский*, *-ая*, *-ое*, *коско́й* 'легко срезаемый косой' (арх., калин., яросл., костр., свердл., волог., Филин 15, 55; Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. 253; Сл. Среднего Урала II, 53).

Прилаг., производное с суф. *-ъkъ* от глагола **kositi* I (см.).

***kosyni:** др.-русск. *косыня* ж. р. 'часть знамени, вырезанная треу-

гольником' (Заб. Мат. I, 1232. 1664 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. производное *косы́нка* ж. р. 'головной платок' (Ушаков I, 1487), диал. *косы́ня́* ж. р. 'о косоглазом человеке' (пск., твер., Филин 15, 94), *косы́ня́* ж. р. 'головной или шейный платок', 'косой парус' (арх.), 'полотенце' (твер.) (Там же), ***косыня́*** 'поворот реки' (волог., Картотека СТЭ), ***косы́нь*** ж. р. 'женский головной или шейный платок, косынка' (твер., Филин 15, 93), ***косынья́*** ж. р. 'свадебное полотенце' (новг., Филин 15, 94), производное ***косы́нка*** 'угловой шкафчик' (Сл. Среднего Урала II, 55), укр. ***косиня́*** ж. р. 'кривая линия, кривизна' (Гринченко II, 290), блр. производное ***касы́нка*** ж. р. 'косынка' (Блр.-русск.; Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 661). — Польск. диал. *kosynka* 'женский шейный платок треугольной формы' (Sł. gw. p. II, 444: «z Litwy»), по-видимому, заимствовано из вост.-слав.

Производное с суф. *-yni* от прилаг. **kosъ* (см.). См. Фасмер II, 349; Н. М. Шанский. — Этимологические исследования по русск. языку I (М., 1960), 69; E. Dickenmann. Das slavische Suffix *-yńi* (*-ynja*). Ein Beitrag zur slavischen Wortbildung. Münster (Westfalen), 1978, 17.

kosyrь:** болг. диал. *ко́с'ър* м. р. 'виноградарский нож' (С. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 207), макед. *косир* м. р. то же (И-С), сербохорв. *ко̀сӣр, ко̀сиjер* м. р. 'виноградарский серп, нож', *ко̀сир* м. р. (РСА X, 298—299), также диал. *kosēr* (Ka. 394), ***kostr м. р. 'кривой виноградарский, садовый нож' (Hraste—Šimunović I, 449), *Kosir* м. р., личное имя собств. (XVII в., RJA V, 359), словен. *kosír*, род. п. *-rja*, м. р. 'резак', 'виноградарский нож', 'косовище' (Plet. I, 441), чеш. диал. *kosíř* м. р. 'резак' (Malina. Mistř. 46; Bartoš. Slov. 156; Svěrák. Karlov. 119), др.-русск. *косырь* м. р. 'косарь, нож' (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 334, 18. 1657 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. диал. ***ко́сы́рь*** м. р. 'большой нож для щепания лучины, скобления пола и т. п., косарь' (ряз., ворон., курск., моск., влад., нижегор., симб., пенз., чкалов.), 'большой поварской нож' (донск., пенз.) (Филин 15, 94—95; Даль[3] II, 446; Словарь говоров Подмосковья 227; Деулинский словарь 245; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 243), ***косы́рь*** м. р. 'косец' (курск., Филин 15, 95), ***косы́рь*** 'какая-то рыба' (липецк., там же), ***косы́рка*** ж. р. 'молодая щука' (Деулинский словарь 245), укр. диал. ***коси́ря*** ж. р. 'косьба, жатва' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 84).

Соотносительно с **koserъ*, **kosorъ*, **kosarь* (см.) и производящим глаголом **kositi* (см.).

kosьba:** чеш. диал. *kosba* ж. р. 'косьба', *kożba* (Kellner. Východolaš. II, 200), *kož'ba* (Lamprecht. Slovn. středoopav. 64), *kosby* 'сенокос' (Bartoš. Slov. 156), слвц. *kosba* ж. р. 'косьба' (SSJ I, 750), польск. *kośba* ж. р. 'косьба' (Warsz. II, 498), словин. *kosba* ж. р. (Sychta II, 211), *k*^{u}*osba* (Lorentz Pomor. I, 419), *kœsba* (Ramułt 76), др.-русск. ***косьба ж. р. 'косьба, кошение сена, покос' (Кн. прих.-

расх. Волокол. м. № 2, 115. 1574 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. ***косьба́*** ж. р. 'кошение, косовица', диал. ***косьба́*** ж. р. 'время сенокоса' (сиб., тул., курск.), 'созревшая для кошения трава' (яросл.), 'скошенный луг' (яросл.) (Филин 15, 95), ***кошбба*** ж. р. 'косьба травы' (твер., моск.), 'место, где была скошена трава' (арх., яросл., калин., моск.), 'луг, предназначенный для косьбы' (моск., калин.) (Филин 15, 154; Опыт словаря говоров Калининской обл. 107; Словарь говоров Подмосковья 231; Мельниченко 95), укр. диал. ***к'із'ба́*** 'косьба, косовица' (Онышкевич 329), блр. ***касьба́*** ж. р. 'сенокос', также диал. ***казьба́*** ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 363).

Производное (название действия) с суфф. *-ьba* от глагола **kositi* (см.). Относительно распространенная ср. Orzechowska 163.

kosьcь:** сербохорв. *ко̀сац*, род. п. *-сца*, м. р. 'косарь, жнец' (РСА X, 297; с XVII в., RJA V, 355), *Ко̀сац*, фам. (РСА X, 297), словен. *kósec*, род. п. *-sca*, м. р. 'косарь' (Plet. I, 441), стар. *koſez* (Gutsmann 179), чеш. диал. *kosec* м. р. 'косарь, жнец' (Bartoš. Slov. 156), слвц. *kosec*, род. п. *-sca*, м. р. то же (SSJ I, 750), также диал. *kosec* (Kálal 260), польск. диал. *kosiec* 'косец, косарь' (Sł. gw. p. II, 439), русск. ***косе́ц, род. п. ***-сца́***, м. р. 'косарь', диал. ***косе́ц*** 'разбойник, грабитель' (смол., Филин 15, 49; Даль[3] II, 441), укр. диал. ***коси***^{e}***ц'***, ***коси́ц'*** 'косарь' (Онышкевич 372), блр. ***касе́ц*** м. р. 'косарь' (Байкоў—Некраш. 143), также диал. ***касе́ц*** (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 431).

Производное (имя деятеля) с суф. *-ьcь* от глагола ****kositi*** (см.). Относительно семантики (значение 'созвездие Орион' у польск. диал. *kośce*, *kośсy*) см. W. Kupiszewski PJ 5, 1958, 236.

kosьje:** сербохорв. диал *ко̂шље* ср. р., собир. 'срубленные ветки' (РСА X, 368; RJA V, 385), словен. *kôsje* ср. р. 'рукоятка косы' (Plet. I, 442), др.-русск. ***косье ср. р. 'рукоять сенокосной косы' (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 38. 1577 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 376), русск. диал. ***ко́сьё*** ср. р. 'время сенокоса' (перм.), 'трава, предназначенная для кошения' (новг.) 'место косьбы, луг, который косят' (перм.), 'косовище' (оренб., ленингр., новг., олон., твер., волог., костр., иван., влад., ряз. и др.) (Филин 15, 95—96; Даль[3] II, 439), укр. ***кісся́*** ср. р. 'рукоятка у косы, косовище' (Гринченко II, 246), диал. ***коссе́*** то же (Лисенко. Словник поліських говорів 104), ***коссе́***, ***кос'jе́*** (Лексика Полесья 106), блр. ***касьсё*** ср. р. 'рукоятка косы' (Байкоў—Некраш. 143), ***касье́***, ***касьё*** (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 436).

Производное с суф. *-ьje* от **kosa* II (см.).

***kosьnica:** макед. *косеница* ж. р. 'покос', 'скошенное сено' (И-С), сербохорв. *ко́сница* ж. р. 'луг, сеножать' (РСА X, 306; Тешић 274), укр. диал. *кісни́ц'а* 'сеножать' (Онышкевич 332; Гринченко II, 247: *кішни́ця* ж. р. 'сенокосное место в полонинах, огороженное').

Производное с суф. *-ica* от прилаг. ****kosьnъ*** (см.), ****kosьna;*** субстантивация.

***kosьnikъ:** чеш. диал. *kosňik* м. р. 'жнец, косарь' (Lamprecht. Slovn. středoopav. 63), ст.-польск. *kośnik* м. р. 'косарь, жнец' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 74), польск. диал. *kośńik* то же (Warsz. II, 502; Sł. gw. p. II, 448; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 106; Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 183: *kośńik;* Sychta. Słown. kociewskie II, 82), словин. *kosńik* м. р. 'косарь' (Sychta II, 211), *kùǫsńik'* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), *kᵘósńik* (Lorentz Pomor. I, 420), *kœsńik* (Ramułt 76), др.-русск. *косникъ* м. р. 'брусок для точки кос' (Кн. прих.-расх. Тихв. м. № 1, 178, 1592 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 362), русск. диал. *ко́сни́к* м. р. 'торговец косами (орудиями косьбы)' (пск., влад., орл., каз., ворон., костр., волог.), 'молоток для отбивания кос' (калин.), 'брусок для точки кос' (Даль), 'рукоятка косы; косовище' (ворон., влад.) (Филин 15, 57—58), блр. диал. *каснíк* м. р. 'косец' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433), укр. *кíсни́к* м. р. 'торговец косами для косьбы, разъезжающий по селам' (Константиногр. у., Гринченко II, 246).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. **kosьnъ* (см.) или с суф. *-ьn-ikъ* от *kosa II (см.).

***kosьnъ(jь):** сербохорв. *kȍsan*, *kȍsna*, прилаг. 'связанный с косой, кошеньем, косный' (с XVIII в., RJA V, 355), *ко̏снӣ*, *ко̏снӣ*, *-ā*, *-ō* (РСА X, 306), словен. *kósen*, *-sna*, прилаг. 'связанный с косой' (Plet I, 441), ст.-чеш. *kosné* 'плата за покос' (Brandl 107), чеш. *kosný*, *kosní* 'связанный с косой' (Kott I, 758), слвц. *kosný* 'связанный с косьбой, кошением' (Kálal 261), ст.-польск. *kośny* (Sł. polszcz. XVI w., XI, 74), польск. диал. *kośny* 'пригодный для косьбы' (Warsz. II, 502), др.-русск. *косныи*, прилаг. к *коса* (орудие) (Кн. Ивер. м. I, 156. 1666 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 364), диал. *косно́й*, *ко́сный* (новг., влад., калин., олон., Филин 15, 59), укр. диал. *кíсне* 'сеножать' (Онышкевич 332), блр. диал. *касны́*, *касны́й*, прилаг. 'связанный с косой' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 433).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **kosa* II (см.) и соотносительное с **kositi* (см.).

***koša:** словен. *kóša* ж. р. 'косьба', 'горный луг' (Plet. I, 444), русск. диал. *ко́ша* ж. р. 'косьба; сенокос' (новг., ленингр., Филин 15, 138).

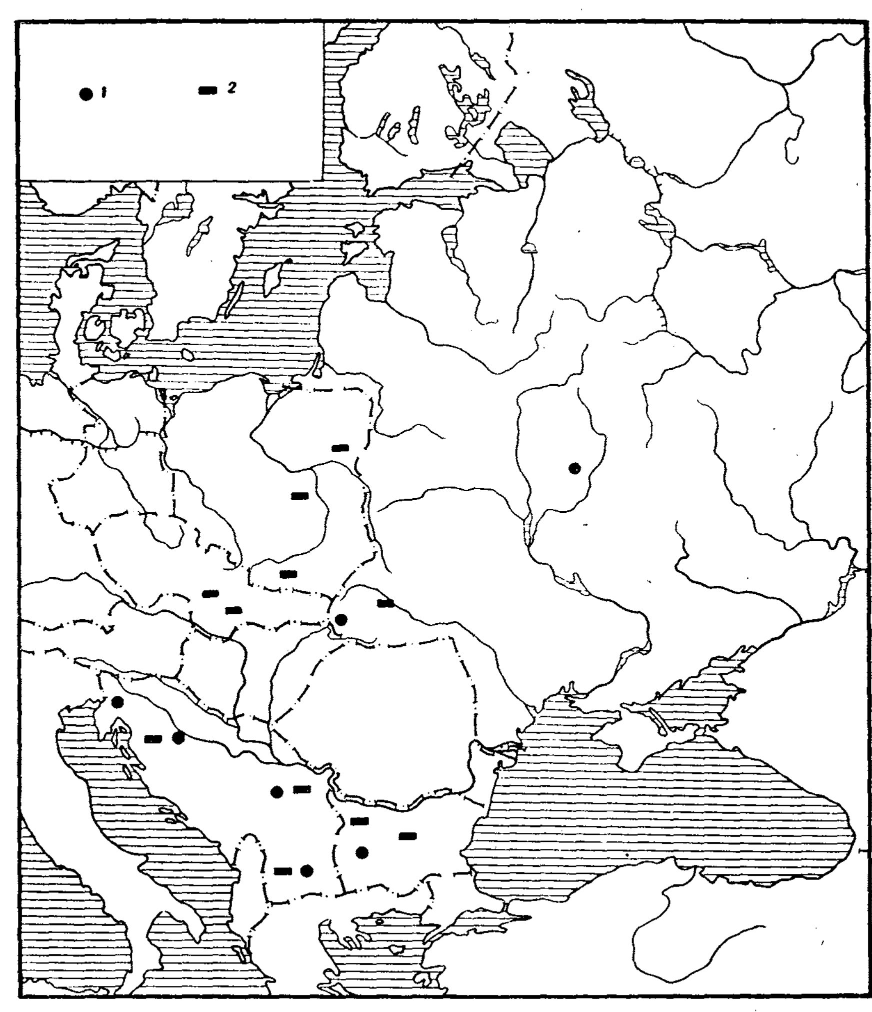
Производное с суф. *-ja* от глагола **kositi* (см.).

***košanica:** сербохорв. *ко̀шаница* ж. р. 'луг, сенокос' (РСА X, 362; RJA V, 381: Босния, Лика), русск. диал. *ко́шаница* ж. р. 'неуродившийся хлеб, скошенный на корм скоту' (вост., Филин 15, 138; Даль³ II, 440), укр. *кошани́ця* ж. р. 'скошенный на траву хлеб' (Гринченко II, 296), диал. *кошанúц'а* 'место, где косят траву' (Онышкевич 378), блр. диал. *кошаныця* ж. р. 'скошенное ржаное поле с сорняками' (3 народнага слоўніка 142).

Производное с суф. *-an-ica* (ср. **koša*), соотносительное с **kositi* (см.).

***košara/*košarъ/*košerъ:** цслав. кошєра ж. р. σπυρίς, sporta, cophinus 'корзина' (SJS), болг. *коша́ра* ж. р. 'загон для скота (овец)' (БТР; Дювернуа: 'загон', 'овчарня', 'улей (плетеный)'; Геров—Панчев; Геров: *коша́ра* 'закут'), *ко́шер* м. р. 'улей' (БТР; РБЕ; Дювернуа: *ко́шаръ*, *ко́шеръ*; Геров: *ко́шеръ*, *ко́шьръ*), диал. *коша́ра* ж. р. 'загон для скота' (М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 240; Он же. — БД III, 92), также *куша́ръ* ж. р. (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 48; Колев БД III, 303), *коша́ръ* ж. р. (Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), *куше́р'а* ж. р. (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 77), *ко́шар*, *ко́шер* м. р. 'улей' (М. Младенов БД III, 92; Шапкарев—Близнев БД III, 234), макед. *кошара* ж. р. 'овчарня; загон для скота (плетеный)' (И-С), *кошар* м. р. 'улей' (И-С), *кошер* то же (там же), также производные диал. *кошерица*, *коша́рина* (К. Пеев. За македонската дијалектна лексика. — MJ XXI, 1970, 130), сербохорв. *ко̀шара* ж. р. 'корзина', 'ограда, загон (для скота)' (РСА X, 363; RJA V, 381—382), *ко̀ша̄р*, *ко̀ша̄р* м. р. 'корзина', 'кузов (повозки)', 'улей' (РСА X, 362; RJA V, 381: с XVIII в.), ум. *kȍšarica* ж. р. 'корзинка, корзиночка, (с. XVI в., RJA V, 382), словен. *košȃra* ж. р. 'круглая ручная корзинка' (Plet. I, 444), *košár* м. р. то же (там же), ум. *košȃrica* ж. р. 'корзиночка' (там же), *košȃrka* ж. р. 'круглая ручная корзинка' (там же), чеш. *košár* м. р. 'загон для скота в поле' (Jungmann II, 142: mor., slc. (et pol.); Kott I, 762: «Na Mor. a na Slov.»), диал. *košár* (Bartoš. Slov. 156), слвц. диал. *košár* 'пастушья хижина', *košiar* м. р. 'загон для овец' (Kálal 262), ст.-польск. *koszara* ж. р., *koszar* м. р. 'овчарня (в лесу)' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 13), польск. *koszar* м. р., *koszara* ж. р., стар. *kosara*, диал. *kosara* 'овчарня, загон для овец (в лесу)' (Warsz. II, 494), *koszar*, *kᵘosor*, *koszor*, *kosar* м. р. 'открытая, переносная ограда, загон для овец', 'пастушеское хозяйство в горах' (Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego I, 97), *kᵘosȃr* 'загон, овчарня' (Kucała 159), русск. диал. *коша́ра* ж. р. 'большая плетеная корзина' (брян., Филин 15, 139), укр. диал. *кошар* м. р. 'корзина' (Вх. Уг. 246, Гринченко II, 296), *коша́рка*, *коше́рка* ж. р. 'большая двухручная корзина' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 89).

Представленный выше обзор форм и значений имеет достаточно выразительную географическую проекцию (см. карту 3): слова **košara/*košarъ/*košerъ* в значении 'загон для скота (овец), овчарня' более или менее четко локализуются на слав. территориях балканских (Болгария, Македония, Сербия, Хорватия) и прикарпатских стран (Моравия, Словакия, Польша), которые входят полностью или частично (Польша) в ареал горного пастушества. Значения 'корзина' и 'плетеный улей' (т. е. тоже 'род

Карта 3

1 — *'корзина, плетеный улей'*; 2 — *'загон для скота, овчарня'*

корзины') тесно сосуществуют со значением 'загон для скота' (при совпадении формы самих слов), однако не повсюду. Из ю.-слав. ареала этих слов, который считается преимущественным ареалом **košara/*košarъ/*košerъ*, выпадает словен., где слово имеет только значение 'ручная корзина'. Словен. и по другим признакам обычно остается вне региона карпато-балканского горного пастушества. Нередко считают формы **košara/*košarъ/*košerъ* за пределами ю.-слав. языков вторичным импортом из этой области. Но это справедливо только в отношении термина карпато-балканского горного пастушества,

каковым являются соответствия **košara/*košarъ/*košerъ* в значении 'загон для скота' в чеш. (морав.), слвц. диал., польск., укр. При всем формальном слиянии, слова в значении '(плетеная) корзина' (см. выше укр. диал., а также русск. диал. — брян.) уже никак не могут быть зачислены в тот же терминологический разряд. География значения 'корзина', хоть и не очень четко, но все же отличается от географии термина 'загон для овец'. Значение 'корзина, плетенка' является для **košara/*košarъ / *košerъ*, видимо, древним и исходным. В связи со сказанным мы объясняем это слово как производное с суф. *-erъ* от **košь* (см.), вариантное к **košelъ/*košela* (см.), которое обозначает в ряде слав. языков корзину, плетенку и — диалектно (в н.-луж.) — 'плетень, изгородь, шалаш пастуха из прутьев'. Весьма любопытно, что серболуж. вообще не знает пастушеского термина **košara/*košarъ/*košerъ*. На эту исконнослав. лексико-семантическую почву (**košerъ* 'плетенка') на Юге достаточно рано попало народнолат. заимствование, обозначавшее загон для скота, ср. макед.-рум. *căşare* 'овчарня' из лат. *casearia* 'сыроварня'. Однако слав. заимствование сопровождалось значительным освоением и народноэтимологическим осмыслением. Дело в том, что **košarъ/*košara/*košerъ* сплошь и рядом обозначает именно п л е т е н ы й загон для скота, в чем сказалась вторичная мотивация со стороны исконнослав. **košь* 'плетенка, корзина'. Этой мотивации лат. слово-источник, естественно, не знало, будучи производным от лат. *caseus* 'сыр' (ср. рум., македорум. *caş* 'сыр'): *casearia*. Как бы то ни было, народнолат. происхождение **košara/*košarъ* как названия загона для горного овцеводства и молочного хозяйства не вызывает сомнений. Формальный исход *-ara* этого слова также выдает латинское свое происхождение, или формальное влияние, импульс, как и в ряде других примеров этого суф. *-ara*, особенно популярных в сербохорв. и трудно отделимых генетически от лат. *-aria*. Распространенное одностороннее объяснение **košara* 'загон' как ю.-слав. образования, производного от **košь* с суф. *-ara* без внешнего импульса (см. литературу ниже) не может быть принято.

См. Berneker I, 587 (нерешительно допускает рум. источник); Brückner 260 (четко сказано о рум., лат. происхождении); Z. Gołąb. Wyrazy pochodzenia południowo-słowiańskiego w polskich gwarach góralskich. — JP XXXII, 5, 1952, 205; Földes L. — Ethnographia 71 (Budapest, 1960), 437 и сл. (цит. по: RS XXV, 1965, 189); Sławski II, 540—541 (критику см. О. Н. Трубачев. — Этимология, 1966 (М., 1968), 377); Machek ²282 (говорит только о рум. посредстве при распространении ю.-слав. слова); Skok. Etim. rječn. II, 166; БЕР 2, 692—693 (отдельно рассматривает болг. *кóшар* 'улей' — от *кош* и *кошáра* 'овчарня', допуская для последнего балк.-лат. источник); Фасмер II, 360. О слав. суф. *-ara* см. Miklosich. Vgl. Gramm. der slav. Sprachen II, 88; Vaillant.

Gramm. comparée IV, 653—654 (без указания на связь с лат., хотя автор как правило прибегает к этой возможности и в несравненно более сомнительных случаях); Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология, ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974, с. 188 и сл.

***košatajь:** русск. диал. *кошáтай* м. р. 'косец' (костр., новг., Филин 15, 139), *кошáтель* м. р. то же (перм., свердл. Там же. Словарь говоров Соликамского района Перм. обл. 257), *кошáтый* м. р. (арх., Филин 15, 139).

Имя деятеля, производное с суф. *-atajь*, или, вернее, *-jatajь*, от глагола **kositi* I (см.).

***koščanъ(jь):** макед. *коштан* 'костный' (И-С), сербохорв. *кȍштан, кȍштан, кȍштанӣ* 'костяной' (РСА X, 372), также *кȍшчан, кȍшчан, -а, -о* (РСА X, 385; RJA V, 383), диал. *кȍшћен* (РСА X, 380), *кȍштен* (РСА X, 374), словен. *koščên*, прилаг. 'костяной', 'костлявый, тощий' (Plet. I, 445), чеш. *koštěný*, прилаг. 'костяной' (Jungmann II, 143), др.-русск., русск.-цслав. *кощенъ* (Чернъ ѡбразомъ и соухъ тѣломъ и *кощенъ* (densa habitudine). Ио. Флав. В. Иуд. VI, 16. Срезневский I, 1308). — Ср. сюда же суффиксальные производные болг. (Геров) *кощеникъ* м. р. 'растение тимофей-трава', русск. диал. *кощáнка* 'густера' (Картотека Псковского областного словаря).

Может быть понято как образование **kostjanъ*, соотносительное с **kostěnъ* (см.).

***koščavъ(jь):** болг. диал. *кóшчаф, -ва, -во, -ви* 'упорный' (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 468), производное *кóшчавé се* 'не поддаваться, упорствовать' (там же), сербохорв. *кȍштав, -а, -о* 'костлявый, костистый, тощий' (РСА X, 371), также *кȍшчав* (РСА X, 385), ст.-слвц. *koštavý*, прилаг. (Kůn dobry gest, který pri sobe má tjeto čtiri weci . . . chudé, zdráwé, žilowaté a kosstawé stehná. J. Gubernant. Poznamenánj vžitečného lekárstwj, w B. Bistrici 1787. Ист. слвц., Братислава), слвц. диал. *košt'avý* 'тощий' (Banská Bystrica, Kálal 262), *košt'ävi* (Habovštiak. Orav. 176), др.-русск. *кощавый*, прилаг. 'костлявый, худой' (Азб., 155. 1654 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 398), русск. диал. *кощáвый -ая, -ое* 'худой, худощавый' (смол., олон.), 'имеющий плохой аппетит' (новг.) (Филин 15, 159), укр. *кощáвий, -а, -е* 'костлявый' (Гринченко II, 297), блр. диал. *кашчáвы*, прилаг. 'худой, костлявый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 449).

Прилаг., производное с суф. *-javъ* от **kostь* (см.).

***koščuniti:** болг. (Геров) *кощунѭ* 'кощунствовать, насмехаться над священными предметами', диал. *куштун'ѣ съ* 'насмехаться' (П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 125), сербохорв. *коштýнити* 'ругать, бранить' (РСА X, 377), русск. *кощýнить* 'насмехаться над священными предметами, отзываться о них с презрением' (Даль[3] II, 470).

Глагол на *-iti*, производный от **koščunъ* (см.).

***koščunъ/*koščuna:** болг. диал. *куштунѣ* ж. р. 'насмешка' (П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 125), сербохорв. стар., редк. *koštun*, прилаг.? или *koštuna* ж.? (только в форме *koštune* им. п. мн. в книге XVI в. «с неизвестным значением, но явно в нехорошем смысле»: Koštune vik bile! говорит хозяйка служанкам, браня их. RJA V, 388), диал. *кȍштӯн* м. р. 'твердый орех' (Мостар, РСА X, 376), также *кȍштуњ* м. р. (РСА X, 377; RJA V, 388), *кȍшћун* (РСА X, 380), производное *коштȕнат, -а, -о* 'костлявый' (РСА X, 376), *кошћȕнат* (РСА X, 380), *коштȕнав, -а, -о* 'костлявый', 'сухой, твердый' (РСА X, 376), др.-русск., русск.-цслав. *кощуна, коштюна, косщуна* ж. р. 'запретный грех' (Усп. сб., 344. XII в.), 'шутовство, насмешка' (Сл. и поуч. против языч. 218. XV в. и др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 398—399; Срезневский I, 1308), русск. *кощýн* м. р. 'кто кощунит' (Даль[3] II, 470), укр. *кощýн* м. р. 'насмешник' (Білецький—Носенко 196).

Производное с суф. *-junъ* от глагола **kostiti* (см.). Подробнее о семантике см. на **kostь*.

***koščь(jь):** цслав. коштъ, прилаг. σπανός, gracilis (тѣломь кощь, Mikl.), др.-русск., русск.-цслав. *кощь, кощии*, прилаг. 'тощий, худой' (Сказ. о Дан. пр. Упыр., 338. XV в. ~ 1047 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 398; Срезневский I, 1309), русск. диал. *кощá* м. и ж. р. 'исхудалый, тощий человек' (ряз., ворон., моск., Филин 15, 159), блр. *кашчэ́й* м. р. 'об очень худом человеке' (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 673).

Производное с суф. *-jь(jь)* от **kostь* (см.). Ср. Фасмер II, 362.

***košelъ/*košela/*košelь:** болг. диал. производное *кушълéц* м. р. 'цилиндрический выступ для соединения двух соседних обручей колеса' (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 26), словен. *kóšelj*, род. п. *-šlja*, род. п. 'капуста, не образующая завязи', 'холка лошади' (Plet. I, 445), н.-луж. *kóšela* ж. р. 'плетень, изгородь или хижина пастуха из ветвей' (Muka Sł. I, 684 сравнивает со «ст. слав.» *košara*), ст.-польск. *koszela* ж. р. 'большая плетеная корзина' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 13), польск. редк. *koszela* 'большая корзина' (Warsz. II, 494), диал. *koszel* 'плетеная корзинка' (там же), *koszele* мн. 'сетка с сеном на возу' (Sł. gw. p. II, 445), словин. *košåłka* ж. р. 'плетеная корзина с крышкой' (Sychta II, 215), др.-русск. *кошель* м. р. 'корзина, короб, плетеные или гнутые из луба, лыка' (Мин. Чет. февр., 245. XV в.), 'плетеный кузов саней, телеги' (Псков. п. кн., 108. 1587 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 393—394; Срезневский I, 1307), *кошелка* 'небольшая корзина' (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3. № 177, 11, 1675 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 393), русск. *кошéль* м. р. 'небольшой мешок, плетеная сумка, корзина', 'кошелек', также диал. *кошéль* м. р. (с оттенками значений и употреблений, см. Филин 15, 144—146: широко), *кошéл* м. р. 'корзина' (нижегор., Филин 15, 143), *кошелá* ж. р. 'корзина' (пск., Опыт 92), *кошéль* м. р. 'кузов повозки' (Словарь русских донских говоров II, 87), *кошúль* м. р.

'торба' (яросл., Филин 15, 149), *кашо́лка* ж. р. 'плетеная корзинка' (костр., тамб., Опыт 81), укр. *коші́ль* м. р. 'корзинка с крышкой, которую носят в руках', 'соломенная или из прутьев большая стоячая корзина для ссыпки зернового хлеба' (Гринченко II, 296), диал. *кош'і́л* 'корзина из прутьев, под картошку' (Онышкевич 379), *коши́ль* м. р. 'большой ящик, плетеный из дранок, для овощей' (Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся 37; Он же. Словник поліських говорів 105), блр. *кашэ́ль* м. р. 'корзина, плетенка для телеги, кошель' (Байкоў—Некраш. 145), *кашо́лка* ж. р. 'корзинка, коробок' (там же), диал. *кашэ́ль* м. р. 'большая корзина', 'сетка для сена' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 450), 'корзина', '(плетеная) сумка' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 220), *кошэ́ль* м. р. (З народнага слоўніка 193).

Праслав. **košelъ/*košela/*košelь* представляет собой производное с *-l* суффиксальным от **košь* (см.). Но эта формула больше напоминает синхронию отношений **košь* : **košel-*, чем их диахронию, которая, бесспорно, берет начало еще в и.-е. древности. Об этом говорит сравнение с родственным лат. *quālum* 'плетеная корзина', *quasillus* 'корзиночка'. См. Berneker I, 587; Walde—Hofm. II, 397. И хотя отношения **košь* : *košel-* до сих пор изображают в литературе как внутрислав. деривацию (см. Фасмер II, 360; Sławski II, 539), мы видим здесь не более как дескриптивный прием, поскольку **košel-*, строго говоря, не моложе, чем **košь*. Формы **košel-* (см. выше), сюда же не вполне ясное **košal-* (польск. *koszałka*, словин. *košålka*) не могут считаться древними во всех деталях, о чем говорят и колебания в огласовке суффиксальной части. Постоянная корреляция слав. **košь* : **košel-* могла привести и к обобщению консонантизма. Во всяком случае этимологическое родство слав. **košel-* и лат. *quālum* (**quaslom*) позволяет оперировать для слав. слова более глубокой реконструкцией **koslъ*. Указанное тесное родство представляет собой исключительную слав.-лат. лексико-словообразовательную изоглоссу без соответствий в других языках, поэтому слав. данные здесь не менее важны для лат., чем лат. данные для слав. Лат. свидетельство важно тем, что оно является, в сущности, соответствием для слав. «производной» формы **košel-* < **kosl-*, показывая ее и.-е. древность; деталь, настолько очевидная, что долгое время не привлекала должного внимания исследователей, сосредоточившихся на корне. См. Трубачев. Ремесленная терминология 164. Ввиду упомянутой исключительности данной слав.-лат. пары соответствий не следует, видимо, преувеличивать значения лат. данных для реконструкции и.-е. праформы. Лат. *quālum*, особенно же деминутив *quasillum* 'корзиночка для шерсти', могли испытать вторичное влияние со стороны глагола *quatiō*, *quassum* 'трясти, сотрясать, толкать', интенсив *quassāre*, ведь речь идет о корзиночке с шерстью или пряжей; во время прядения, сучения

нити эта корзиночка, естественно, постоянно сотрясалась, и это объясняет возможное соседство употребления слов *quasillum*, *quatiō* (*quassum*, *quassāre*), а также вероятность их формального сближения. Таким образом (хотя слав. данные тут скорее двусмысленны), это позволяет нам не считать общепринятую и.-е. реконструкцию с лабиовелярным **k^{u}asl-* единственно возможной для лат. *quālum*, *quasillum* и слав. **košel-* (**kosl-*). С неменьшим основанием здесь можно допустить праформу с простым велярным и.-е. *k*, приняв при этом во внимание возможность родства этого и.-е. названия корзины, кошеля с и.-е. **kes-*, слав. **česati* (см.; см. об этом недавно Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9. Bautzen, 1981, 642, где неплохо аргументирована близость значений 'резать, драть, царапать' и 'сучить, крутить', включая выделение у корня **kes-*, **česati* значения 'сгребать, срывать (напр. ягоды)', существенного для корзины-реалии и для лексемы, ее обозначающей, однако оставлено без внимания принципиальное фонетическое расхождение лат. *quasillum* и слав. **česati* < и.-е. **kes-*). Что касается корневого *-a-* в лат. *quālum* (**quaslum*), то оно, возможно, представляет собой замену предударного *e/o* в первоначальном **kosló-/*kesló-* (ср. аналогично лат. *quattuor* < **k^{u}etu̯ór*, *magnus* < **meĝnó-*, см. о них, вслед за Уортоном, Коллитцем, Педерсеном, Л. Г. Герценберг. — ВЯ 1982, № 5, 69). К окситонному ударению производного слова, каковым было и.-е. **kosló-*, восходит и наконечное ударение русск. *коше́ль*, род. п. *кошеля́*. Ясно, что в слав. **košь*, **košel-* мы имеем практически параллельные суффиксальные производные и.-е. **kos-i̯o-*, **kos-lo-*. Балтийские языки не знают этих названий корзины, вместо них там существуют другие древние формы, ср. лит. *krepšys*. Совершенно правильно на это отсутствие указывает Брюкнер: «Litwa nie zna nic podobnego» (Brückner 259). Поэтому ссылки на продуктивный ум. суф. лит. *-ėlis*, *-elis* (ср. Sławski II, 539: *koszałka*) здесь мало что дают и могут даже ввести в заблуждение как некий анахронизм: слав. и лат. соответствия с *-l-* суффиксальным в нашем примере восходят к глубокой древности и явно иной мотивации.

***košenina:** сербохорв. *Košenine* мн., местн. название (Хорватия, RJA V, 384), словен. *košenína* ж. р. 'скошенная трава', 'луг, сенокос' (Plet. I, 445), польск. диал. *koszenina* 'скошенный, но не сжатый хлеб' (Sł. gw. p. II, 445), др.-русск. *кошенина* ж. р. 'место покоса' (Кн. Солов. вотч. креп., 72 об., XVII ~ 1572 г.), 'скошенная трава' (А. Кунгур. з. избы, № 25, 1 об. 1702 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 394), русск. диал. *кошени́на* ж. р. 'скошенная, но еще не высушенная трава' (свердл., калин., иркут., енис., том., тобол., курган., урал., перм., арх., олон., пск.), 'скошенный луг' (перм., киров., волог., арх., яросл., моск., том., сиб.), 'косьба, кошение' (арх., перм., том.), 'время косьбы, сенокос' (костр.) (Филин 15, 148).

Производное с суф. *-ina* от прич. прош. страд. **košenъ*, ж. р. **košena* (см. **kositi* I).

***košenьje:** сербохорв. стар. *kòšēńe* ср. р. 'орудие, которым косят' (RJA V, 384; с другой мотивацией см. РСА X, 366: *кȍшење*, *кȍшēње* ср. р. 'прикосновение, касание'), словен. *košénje* ср. р. 'косьба, кошение', ст.-польск. *koszenie* ср. р. 'кошение' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 13), польск. *koszenie* ср. р. то же (Warsz. II, 494), также диал. (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 106), др.-русск. *кошенье*, действ. по глаг. *косити* (А. феод. землевлад. I, 110. XVI в. ~1498 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 395), русск. *кошéнье* ср. р. 'покос' (Даль[3] II, 440), ст.-укр. *кошенїє* ср. р. 'кошение, косьба' (XV в., Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1, 508), укр. *кошíння* ср. р. 'кошение, косьба' (Гринченко II, 296), блр. *кашэ́нне* ср. р. то же (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 673).

Производное (название действия) с суф. *-ьje* от прич. прош. страд. **košenъ* (см. **kositi* I).

***košepletъ:** сербохорв. стар., редк. *košòplet* м. р. 'корзинщик, тот, кто плетет корзины' (в словаре Белостенца, RJA V, 386), словен. *košeplèt* м. р. то же (Plet. I, 446), блр. диал. *кашаплёт* м. р. 'корзинщик, тот, кто плетет корзины' (З народнага слоўніка 90).

Сложение **košь* (см.) и корня глагола **plesti* (см.). Любопытна сербохорв.-словен.-блр. изоглоссная связь.

***koševina:** сербохорв. *кȍшевина* ж. р. '(скошенный) луг', 'скошенная трава', 'сенокос' (РСА X, 365; RJA V, 384), словен. *koševína* ж. р. то же (Plet. I, 446, с предположением о сербохорв. происхождении), русск. диал. *кошевúна* ж. р. 'скошенная трава' (яросл.), 'луг, поле и т. п. после покоса' (яросл.), 'безлесное место, удобное для косьбы' (яросл.) (Филин 15, 141; Даль[3] II, 440).

Именное производное с суф. *-ov-ina*, соотносительное с глаголом **kositi* I (см.).

***košikъ:** сербохорв. диал. *кȍшик* м. р. 'дымоход' (РСА X, 367), ст.-чеш. *košík* м. р., ум. к *koš* (Gebauer II, 113), чеш. *košík* м. р. 'корзинка' (Jungmann II, 142; Kott I, 762), слвц. *košík* м. р. ум. к *kôš* (SSJ I, 759), ст.-польск. *koszyk* м. р., ум. 'корзиночка' (1500 г., Sł. stpol. III, 358; Sł. polszcz. XVI w., XI, 24), польск. *koszyk* м. р. 'корзинка, кузов повозки, улей' (Warsz. II, 497), также диал. *koszyk* в разных значениях (Sł. gw. p. II, 444; Kucała 140; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 101, 119, 136), *košik* (Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 182), *košik* (Sychta. Słown. kociewskie II, 83), словин. *kùöšïk'* м. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), *kᵘošək* (Lorentz Pomor. I, 420), *kœšék* (Ramułt 76), русск. диал. *кóшик* м. р. 'корзина' (тул., пск., смол., южн., Филин 15, 149; Даль[3] II, 469), 'небольшой улей для ловли пчел' (смол., там же), укр. *кóшик* м. р. 'корзина' (Гринченко II, 296), диал. *кóшик* м. р. 'защитная плетенка на стеклянном сосуде' (Лисенко. Словник поліських говорів 105; Матеріали до словника буковинських говірок 6, 90), 'корзинка с ручкой, кузовок' (Онышкевич 378), ст.-блр. *кошик*, ум. к *кош* (Скарына 1, 280), блр. *кóшик* м. р., ум. 'корзиночка' (Носов. 250), также диал. *кóшык* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 511).

Ум. производное с суф. *-ikъ* от **košь* (см.).

***košina I:** сербохорв. диал. *кȍшина* ж. р. 'скошенный луг; луг вообще' (РСА X, 367), русск. диал. *кошúна* ж. р. 'скошенная трава на лугу' (Картотека Печорского областного словаря).

Именное производное с суф. *-ina* от глагола **kositi* I (см.). Сербохорв.-русск. изоглосса.

***košina II:** ст.-чеш. *košina* ж. р. 'кузов' (Gebauer II, 113), чеш. *košina* ж. р. 'кузов (повозки)', 'плетеная ограда', 'корзина' (Kott I, 763), слвц. *košina* ж. р. 'плетеная изгородь', 'кузов (повозки, саней)' (SSJ I, 753).

Производное с суф. *-ina* от **košь* (см.).

***košǫtь/*košǫta:** др.-русск. *Кошута*, личное имя собств. (1495 г., Обонежье; 1545 г., Новгород. Веселовский. Ономастикон 163), *Кашутинъ* (1495 г. Писц. II, 217. Тупиков 624), русск. диал. *кошутá*, *кóшуть* ж. р. 'перхоть' (зап., Даль[3] II, 470; Филин 15, 158), укр. диал. *кошýт* м. р. 'сухие стебли кукурузы' (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 90), блр. *кошýта* ж. р. 'перхоть на теле после сыпи' (Носов.), диал. *кашутá* ж. р. 'перхоть' (Даўнó ні мы́ўсё, кашуты́ ў галавé мнóго. Сцяцко. Зэльв. 78; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 449), *кóшуць* ж. р. то же (Сцяшковіч, Грод. 239). — Польск. диал. *koszuta* 'перхоть на голове' (Warsz. II, 497; Sł. gw. p. II, 447) заимствовано из блр.

Первоначально древнее прич. наст. действ. на *-ǫt-* (до расширения с помощью *-j-*) от глагола с корнем **kos-* и значением 'чесать', связанного чередованием гласных с распространенным глаголом **česati* (см.). В словаре Фасмера отсутствует. Ср. специально В. А. Меркулова. — Этимология. 1970 (М., 1972), 169.

***košuja:** укр. диал. *кошýля* 'струп на голове ребенка' (П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. — Лекс. бюл. VI, 1958, 14), блр. диал. *кошуя́* ж. р. 'перхоть' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 511).

Родственно **češuja* (см.), представляя оформление тем же суфф. *-uja* (*-'uja*) другой ступени чередования **kos-* от **česati* (см.). В этимологической литературе не привлекалось. Любопытный ранний диалектизм лексики. Форма укр. *кошýля* (выше) лишь вторично испытала влияние со стороны продолжения **košul'a* (см.).

***košul'a:** болг. диал. *кошýля* ж. р. '(нижняя) рубашка' (БТР; РБЕ; Речник РОДД 219; Ст. Младенов. Към речника на Ново Село. — СбНУ XVIII, I, 1901, 503; М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 240; Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 468), макед. *кошула* ж. р. 'рубашка' (И-С), также диал. (J. Ташевски. Зборови од тетовскиот говор. — MJ III, 8—9, 1952, 216), сербохорв. *кȍшуља* ж. р. 'рубашка' (РСА X, 380—

381; RJA V, 389—391), словен. *košúlja* ж. р. 'рубашка' (Plet. I, 446), чеш. *košile* ж. р. 'рубашка' (Kott I, 762—763), слвц. диал. *košul'a* (Buffa. Dlhá Lúka 167), в.-луж. *košla*, *košula* ж. р. 'рубашка' (Pfuhl 278), н.-луж. *kóšula* ж. р. 'юбка' (Muka Sł. I, 685), ст.-польск. *koszula* ж. р. 'рубаха' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 22), *koszulka* (1477 г., Sł. stpol. III, 358), польск. *koszula* ж. р. '(нижняя) рубашка' (Warsz. II, 496), также диал. *koszula* (Sł. gw. p. II, 446—447; Kucała 199; W. Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 98), *košula* (Bąk, Kramsk 103; Sychta. Słown. kociewskie II, 84), *košula* ж. р. 'нижнее белье' (Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 182), словин. *košëla*, *košla*, *košula* ж. р. (Sychta II, 215—216), *kᵘošëla* (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кошуля* ж. р. 'род верхней легкой одежды' (Переясл. лет., 3. XV в. ~ XIII в.), 'меховая одежда, крытая сверху какой-либо тканью' (Якут. а., карт. 1. № 1, 518. 1640 г.), 'рубашка' (Польск. д. III, 501. 1567 г. и др.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 397; Срезневский I, 1306), русск. диал. *кошýля* ж. р. 'мужская или женская верхняя одежда на меху' (волог., яросл., олон., влад., вят., новг. и др.), 'верхняя теплая будничная одежда' (вят., волог., яросл.), 'холщевая одежда' (вят.), 'сорочка, рубашка' (смол., брян., курск., орл.) (Филин 15, 157—158; Подвысоцкий 73; Барсов II, 323; Мельниченко 95; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 246), укр. *кошýля* ж. р. 'рубаха' (Гринченко II, 297), также диал. *кошýля* (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 90; Лисенко. Словник поліських говорів 105), *кошýл'а* (А. С. Соколовская. Полесские названия одежды и обуви. — Лексика Полесья 294), блр. *кашýля* ж. р. 'рубаха', также диал. *кашýля* ж. р. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 449), *кошýля* (Белорусский сборник 41).

В слав. имеется достаточно старых, исконных названий рубахи, см. **sorka*, **riza*, **rǫbъ*, **rǫbaxa*. Вместе с тем именно названия одежды — это та часть культурной терминологии, которая обновляется легче всего при межъязыковых контактах. Слово **košul'a* объясняется как заимствование из нар.-лат. *căsŭla* 'плащ с капюшоном' (буквально — 'домик', о капюшоне); ввиду характерной формы на *š* во всех слав. языках слово было заимствовано непосредственно из сев.-ит. (венецианско-фриульского) диалекта, где известно близкое, шепелявое произношение *s*. Не лишена интереса семантическая история слова **košul'a*, которое ни в одном из известных нам слав. примеров не сохранило как раз значения 'плащ с капюшоном, одежда, укрывающая с головой'. Поскольку лат. источник в остальном обозначал именно верхнюю одежду, значения др.-русск. и русск. диал. слов — 'верхняя одежда', 'меховая одежда', 'верхняя теплая одежда' (см. выше) — представляются наиболее архаичными и лучше передающими значение оригинала, что отвечает периферийному положению русск. свидетельств. Практически все остальные ю-слав., зап.-слав. и вост.-слав. примеры (т. е. в последнем случае — укр., блр. и даже ю.-в.-р., см. выше) обозначают довольно последовательно рубашку, нижнюю рубашку, нижнее белье. Очевидно, отмеченное своеобразие явилось семантическим новшеством заимствованного слова уже в слав. диалектах. Нижняя рубаха, т. е. дополнительная, кроме единственной (таким образом — верхней), этот обычай более развитой цивилизации, привившийся у славян, как и у ряда других народов, не сразу, был отмечен заимствованной лексемой, само значение которой ('верхняя' → 'нижняя') получило конкретизацию уже в ходе внутрислав. перераспределения.

Распространение слова **košul'a* в слав. диалектах до сих пор обнаруживает определенные старые ограничения. Так, оно совершенно неизвестно русск. литер. языку. В болг. диалектах это слово распространено главным образом на западе, см. St. Stojkow. Dwie leksykalne izoglosy w języku bułgarskim: *крак / нога*, *риза / кошуля*. — Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Spławiński 273. К числу древних различий между в.-луж. и н.-луж. относят то, что в первом из них рубашка называется **koš(u)la*, а во втором — *zgło*. См. Х. Шустер-Шевц. ВЯ 1976, № 6, 85.

См. М. Фасмер Jagić-Festschrift (Berlin, 1908). 273—275; Berneker I, 586; Brückner 260; Фасмер II. 361—362; Machek[2] 282; БЕР 2, 695—696; Sławski II, 547—548; Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9 (Bautzen, 1981), 643.

***košutъ/*košuta/*košǫtъ?**: цслав. кошоута ж. р. ἔλαφος, cerva (Mikl.) производное кошоуштѧ, прилаг. cervae (млѣко кошоуще, там же), болг. *кошýта* ж. р. 'лань' (БТР; Геров: *кошю́та* 'лань, серна', ум. *кошю́тица*), диал. *кушýтъ* ж. р. 'серна' (Н. П. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 26), сюда же, видимо, и *кошýта* ж. р. 'вид жесткой травы' (Речник РОДД 219), макед. *кошута* ж. р. 'лань, косуля' (И-С), сербохорв. стар. *кȍшут* м. р. 'олень' (РСА X, 384; RJA V, 392). *кȍшута* ж. р. 'лань', (диал.) 'корова, коза' (РСА X, 384; RJA V, 392: «у южных славян слово это старое, а основа может быть и праслав. . . . Возможно, как-то связано с прилаг. *šut*: известно, что *košuta* 'лань' не имеет рогов. . .»), *Кȍшута*, личное имя собств., а также название одной из вершин горы Яхорина в Боснии, РСА X, 384), производное *кȍшуħи*, *-ā*, *-ē*: *кошуħе ухо* 'название растений Gentiana cruciata, Gentiana lutea' (РСА X, 385), словен. *košúta* ж. р. 'лань, самка оленя', 'кличка коровы оленьей масти' (Plet. I, 446), чеш. *košut* м. р. 'козел' (Kott I, 763: «na Slov.»), слвц. диал. *košút*, *košut* 'козел', 'низкое дерево без верхушки, куст, растущий вширь' (Banská Bystrica. Kálal 263), русск.-цслав. *кошута* ж. р. 'коза' (Патерик Син., 152. XI—XII вв.; Хроногр. 1512 г. 220. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 397; Срезневский I, 1306).

Если принять во внимание книжн., цслав. (< ю.-слав.) природу примера *кошута* в др.-русск. текстах, то можно констати-

ровать полное отсутствие заглавного слова в вост.-слав. языках и диалектах. Чеш. и слвц. *košut* (выше) распространено достаточно ограниченно и стоит особняком в зап.-слав. ареале, тяготея к ю.-слав. области, где главным образом представлено наше слово, обозначающее в ж. р. самку оленя, лань, а в м. р. (более редком) — самого оленя.

Давно предложена этимология **košutъ* / **košuta* как сложения приставки *ko-* и прилагательного **šutъ* (см.) 'безрогий'. См. выше RJA, s. v. (там же ссылка на безрогость лани); Šuman AfslPh XXX, 1909, 303; Oštir. Drei vorslavisch-etruskische Vogelnamen 28; Brückner 558; Machek[2] 631; Фасмер II, 362; Skok. Etim. rječn. II, 167—168; J. Schütz. Das präfigierende Element *ka-/ko-/k-* in der Wortbildung des Slavischen. — WdS X, 1965, 328; M. Budimir. — Živa antika I, 2, 1951, 229; М. Будимир. — Зборник за филологију и лингвистику III, 1960, 19; И. П. Петлева. — Этимология. 1968 (М., 1971), 147.

Сразу следует сказать, что реальность слав. словообразовательной модели '*ka* / *ko-* + корень' в целом не вызывает у нас сомнений ввиду наличия довольно убедительных примеров из разных слав. языков, поэтому мы не отвергаем изложенной выше этимологии вообще, как это делает, например, БЕР 2, 696, где сложение *ko-* + **šutъ* квалифицируется как «невероятное». Более сдержанные сомнения см. Berneker I, 586; Младенов ЕПР 254.

Конечно, можно считать здесь *ko-* приставкой, усиливающей отрицательный оттенок значения, но, насколько известно, это название лани и оленя не обнаруживает заметной отрицательности в значении. Необходимо отвергнуть попытки отдельных исследователей использовать слово (нареч.) **ašutь* (см.) как параллель сложения того же корня с другой приименной приставкой. Упомянутое наречие в значении 'напрасно', по-видимому, не имеет ничего общего с **košutъ* / **košuta* ни в ареале, будучи чехо-моравизмом ст.-слав. и ст.-чеш. письменности, в отличие от выразительно ю.-слав. **košutъ* / **košuta*, ни в происхождении, потому что **ašutь*, скорее всего, образовано от другого **šutъ*, **šutiti* (см.) 'шутить и т. п.'

Прилаг. **šutъ*, **šuta* 'безрогий, -ая' распространено несколько шире, чем **košutъ*, хотя тоже в общем тяготеет к карпато-балканскому ареалу. Исконнослав. происхождение этого прилагательного сомнений как будто не вызывает, хотя близкие формы (и в значении 'безрогий', и в значении 'лань') известны еще в рум. и алб., куда они могли проникнуть из слав. Форму на *ko-* знают только слав. языки, см. Skok, там же.

Однако возникают некоторые альтернативные соображения, и их не хотелось бы исключать из рассмотрения, тем более, что модель **ko-* + *šutъ* продолжает вызывать вопросы. Названия оленя в и.-е. языках скорее ареальны. Достаточно древни при этом обозначения по цвету, масти — **elen-* (см. **elenь*), **el̥bho-*, отдающие табуизацией; вполне естественны, далее, названия оленя как 'рогатого' — и.-е. **k̂erəu̯o-*, **k̂erud-*. Именно одно из последних — **k̂erəu̯o-* 'рогатый' (в кельт. варианте) — послужило славянам для обозначения молочного домашнего рогатого скота, см. **korva*. Но освоение крупного рогатого скота Bos taurus заставило человека по-новому взглянуть на рогатых животных леса: от Bos taurus олень Cervus elaphus, Cervus tarandus, Cervus alces (и др.) отличался тем, что он периодически с б р а с ы в а л р о г а и отращивал новые. Черты этого яркого отличия и своеобразия вплоть до чешущихся бугорков молодых рогов должны были привлечь внимание и отпечататься в терминологии. Полного обновления названий ввиду наличия уже сложившихся ранее это принести не могло, но отдельные виды в некоторых случаях все-таки могли быть названы в соответствии с такой особенностью. В частности, думается, что до сих пор не объясненное τάρανδος, τάρανδρος, tarandrus, название животного, близкого благородному оленю и промышляемого «скифами» (Аристотель, Феофраст, Гесихий, Плиний), видимо, объясняется как местное производное от и.-е. **ter-* 'тереть' — **tarant-* 'трущий, чешущий'. Русск. *косýля* 'малый олень, серна Cervus capreolus' на том же основании, наверное, может быть связано с *чесать* (см. **česati*), образуя, таким образом, омоним к *косýля* 'соха', того же происхождения. В этимологии и даже в лексикографии слову *косуля* 'серна' очень не повезло. Даль в своем словаре вообще его не дает и помещает только *козýля* с тем же значением (закономерный итог народной этимологии и интерференции с **koza*, см.). Этимологические словари тоже молчат о слове *косуля* 'серна', а равным образом и этимологические исследования (А. С. Мельничук в своей известной работе «Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков». — Этимология. 1966. М., 1968, 195 — приводит только *косýля* 'соха'). Слово *косýля* 'серна' может быть не очень древним, но оно подсказывает принцип, по которому могло быть образовано другое слав. слово от того же глагола **česati*. На этом основании мы допускаем новую альтернативную реконструкцию для сербохорв. *кȍшут*, *кȍшута* и родственных — форму старого прич. **košǫtъ*.

***košь**: ст.-слав. кошь м. р. κόφινος, cophinus 'корзина' (Zogr., Mar., Supr., Вост., Mikl., SJS, Sad.), болг. *кош* м. р. 'корзина', 'ларь (зерновой, мельничный)' (БТР; РБЕ: указывает также значение 'рыболовная верша'; Геров), также диал. *кош* (Д. Маринов. Думи и фрази из Западна България. — СбНУ XII, 1895, 291; М. Младенов БД III, 92; Хитов БД IX, 269—270), 'плетеный улей' (Стойчев БД II, 192; В. Кювлиева, К. Димчев. Речник на хасковския градски говор. — БД V, 75), *кош* м. р. 'большая корзина без ручек для соломы', 'деталь веялки — конусовидный ящик с отверстием, в которое засыпают зерно' (Зеленина БД X, 74), макед. *кош* м. р. 'корзина', 'верша', 'мельничный ковш'

(И-С), сербохорв. *кȍш* м. р. 'зернохранилище', 'корзина', 'ларь', 'верша' (РСА X, 359—361: с множеством частных значений; RJA V, 380—381), словен. *kòš* м. р. '(заплечная) корзина', 'кузов повозки', 'улей', 'крона дерева' (Plet. I, 444; Badjura 267), также диал. (Бодуэн де Куртенэ. Терские славяне в север. Италии. 1873. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 11, л. 123; Lužar 35), ст.-чеш. *koš* (в разных специальных значениях, Brandl 107), чеш. *koš* м. р. 'корзина' (Kott I, 762), диал. *kůš* м. р. (Vydra. Hornoblan. 107), слвц. *kôš* м. р. (SSJ I, 759), в.-луж. *koš* м. р. 'корзина' (Pfuhl 278), н.-луж. *kóš* м. р. (Muka Sł. I, 684), ст.-польск. *kosz* 'корзина', 'кузов', 'вид сети' (Sł. stpol. III, 357; Sł. polszcz. XVIw., XI, 11—12), польск. *kosz* м. р. 'корзина' (Warsz. II, 493), диал. *kosz* 'вид рыболовной сети', 'мельничный короб' (Sł. gw. p. II, 444), 'ящик веялки, куда насыпается зерно' (Kucała 114; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 111), *koš* м. р. 'плетеная корзина' (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 181), *kᵘoš* (Tomasz., Łop. 139), *koš* (Sychta. Słown. kociewskie II, 83), словин. *kùǫš* м. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 517), *kᵘoš* м. р. 'корзина', 'рыболовная снасть', 'улей' (Lorentz Pomor. I, 420), др.-русск. *кошь* 'корзина' (Ио.VI.13. Остр. ев.; Никон. Жит. Феод. 41; Никон. Панд. сл. 43. Срезневский I, 1306), русск. диал. *кош* м. р. 'приспособление для лова рыбы' (ворон., смол., пск.), 'приспособление для ловли птиц' (новосиб., алт., том., волог.), 'небольшой улей, обычно из коры, укрепляемый на дереве для ловли пчелиных роев' (смол., калуж.), 'корзина' (том., свердл., смол., южн.), 'кузов телеги' (новг., олон.) (Филин 15, 137, там же другие значения; Даль³ II, 470; Опыт 92; Добровольский 355; Элиасов 169), 'долбленый улей' (Картотека Словаря брянских говоров), укр. *кіш*, род. п. *коша́*, м. р. 'корзина большая стоячая для хранения муки или зерна', 'корзина передвижная', 'садок для рыбы в виде корзины', 'деревянный короб в мельнице над жерновами' (Гринченко II, 247), диал. *кош* 'верша' (Лисенко. Словник поліських говорів 105), 'кузов телеги' (там же; Лексика Полесья 173), *кіш* 'улей', короб в мельнице', 'корзина', 'дымоход', 'плетеный кузов воза' (Карпатский диалектологический атлас 224), *к'іш*, *коᵘш*, *кôш* 'сачок, рыболовная снасть' (Лексичний атлас Правобережного Полісся 135), ст.-блр. *кош* (три *коши* муки, Скарына 1, 280), блр. *кош* м. р. 'конусообразный, четырехсторонний ящик в мельнице, с отверстием в нижнем конце' (Носов.), диал. *кош* м. р. 'корзина' (З народнага слоўніка 193; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 510).

Продолжает и.-е. **kos̯i̯o-*, производное с суф. *-i̯o-* от корня **kos-*, с именным *-o-* вокализмом, видимо, производного от глагольного корня и.-е. **kes-* (ср. предположения на этот счет: Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. 9, Bautzen, 1981, s. v.). Корзина — инструмент собирательства, связанного со сгребанием, срыванием ягод, плодов и т. п., т. е. действий, выражаемых глагольным

корнем **kes-*. Ближайшая родственная форма — слав. **košelъ*/*košela*/**košelь* (см.), в более глубокой реконструкции — **koslo-*, имеет полное этимологическое и словообразовательное соответствие в лат. *quālum* (из **quaslom*). Эти отношения подробно рассматриваются у нас в статье **košelъ*. Существенно отметить, что, в отличие от этой производной формы (**košelъ*, и.-е. **kos-lo-*), слав. **košь* не имеет соответствий в других и.-е. языках.

См. еще из литературы: F. Froehde BB XVI, 1890, 208; J. Scheftelowitz BB XXVIII, 1904, 303 (попытка связать слав. **košь* с др.-инд. *kāçi* 'пригоршня', арм. *kuç* то же из и.-е. **kōk̂i*); Otrębski. Studia indoeuropeistyczne 21 (**košь* < **kasi̯o-* и лат. *quālum* < **quas-lo-* объясняет как чередование *i̯:u̯* в разных слогах).

***košьnica:** ст.-слав. кошьница ж. р. σφυρίς, κόφινος, σαργάνη 'корзина' (Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *ко́шница* ж. р. 'корзина' (Геров; БТР), диал. *ко́шница* ж. р. 'корзина', 'намордник' (М. Младенов БД III, 92; Н. С. Державин. Болгарские колонии в России. — СбНУ XXIX, 1914, 82), 'плетеный улей' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), *ко́шница* ж. р. 'круглая корзинка с ручкой сверху' (Зеленина БД X, 22), макед. *кошница* ж. р. 'корзина, корзинка', 'улей' (И-С), диал. *kóšnica* 'корзина' (Małecki 52—53), сербохорв. *кȍшњица*, *кошница* ж. р. 'плетеный улей', 'корзина' (РСА X, 371; RJA V, 385—386), словен. *košníca* ж. р. 'корзина', 'улей' (Plet. I, 446), чеш. *košnice* ж. р. 'улей' (Kott I, 763: «na Slov.»), слвц. *košnica* ж. р. 'улей' (Kálal 262), н.-луж. *kóšnica* ж. р. 'сундук' (Muka Sł. I, 684), польск. диал. *kosznica* ж. р. 'плетеный шалаш или корзина для необмолоченной кукурузы' (Warsz. II, 495; Sł. gw. p. II, 446), др.-русск., русск.-цслав. *кошьница*, *кошница* ж. р. 'плетеная корзина, короб; котомка' (Остр. ев. 71. 1057 г.; 1159 г. Никон. лет. IX, 214; Усп. сб. XII—XIII вв.) 'коробка, ящик, ларь' (Кн. расх. Свир. м. № 6, 64 об. 1631 г.), 'силок, западня, ловушка (как правило, с плетеной крышкой)' (Библ. Генн. 1499 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 396; Срезневский I, 1307), русск. диал. *кошни́ца* ж. р. 'корзина' (пск., вят., арх., олон., влад., Филин 15, 153), укр. *ко́шниця* ж. р. 'род высокого и узкого хворостяного амбарчика, в который ссыпают кукурузу в початках' (Гринченко II, 296), также диал. (Карпатский диалектологический атлас 224), *ко́шниц'а* 'ящик в мельнице, в который насыпают зерно' (Онышкевич 379).

Производное с суф. *-ьn-ica* от **košь* (см.).

***košьnъjь (*kosьnъjь), *košьna, *košьno:** сербохорв. *кȍшња*, *ко́шња* ж. р. 'кошение, косьба' (РСА X, 371; RJA V, 386), словен. *kôšen*, *-šna*, *-o*, прилаг. 'сенокосный' (Slovar sloven. jezika II, 450), *kóšnja* ж. р. то же (Plet. I, 446; Narodopisje Slovencev I, 147), русск. диал. *кошно́й*, *ко́шный*, *-ая*, *-ое* 'удобный для косьбы, легко косимый' (Филин 15, 153), *ко́шное место* 'где можно косить'

(Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. — ЖСт V, 1895, III, 391), укр. диал. *кішня́* ж. р. 'косовица' (Матеріали до словника буковинських говірок 4, 49).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от глагола **kositi* I (см.).

***kotačь:** сербохорв. диал. *kòtâč*, род. п. *kotáča*, м. р. 'круг, колесо' («в Хорватии и, может быть, в Боснии», RJA V, 394; PCA X, 323—324: *кòтāч*), словен. *kotáč* м. р. 'колесо', 'санный полоз' (Plet. I, 446), диал. производное *kotáček*, род. п. *-čka*, м. р. 'шпулька, катушка' (Slovarski doneski iz breziškega okraja 161), слвц. производное *kotačka* 'очищенный кукурузный початок' (Kálal 263, со ссылкой на: Kott VI, 685). — Ср. блр. *катáх* м. р. 'початок'.

Производное с суф. *-(a)čь* от глагола **kotati* (см.).

***kotalěti/*kotъlěti (sę):** болг. диал. *кóтлêм* 'жить в свое удовольствие', 'жить в уютном месте' (Стойчев БД II, 191), *кóт'л'ъ съ* 'притаиться' (Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско 228), словен. *kotljáti se* 'кататься, валяться' (kure se v peskú *kotljajo*), 'вертеться', 'пробираться, пролезать' (Plet. I, 448), чеш. *kotaliti*, *kutaliti*, *kotaleti* 'валять, катать' (Kott I, 763), также диал. *kotálet* (Hruška. Slov. chod. 44). — Ср. сюда же сербохорв. диал. (Бока) *кòтали* мн. 'каменные плиты, укладываемые поверх стены, чтобы вода скатывалась с крыши', болг. диал. *кóтъл'ъц* м. р. 'петля ниченки, через которую проходит нить основы' (Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско 228), слвц. диал. *kvatoliščo* 'место, где хлеба повалены' (Ripka. Dolnotrenč. 98).

Вместе с **kotul'ati*, **koturati* и **kotъrl'ati* (см. s. v.) глагол **kotъlěti/*kotalěti* может быть истолкован как интенсивное суффиксальное производное от исходного глагола **kotiti* (см.) или **kotati/*katati* (см. s. v.). Предложенному объяснению вполне соответствует и экспрессивная семантика слов.

Широкому ряду глагольных соответствий с четкой суффиксальной вариацией в разных слав. языках — **kotalěti/*kotъlěti*, **kotul'ati*, **koturati*, **kotъrl'ati* — противоречит этимология Махека, толковавшего все сокращением из *kotrbálati*, см. Machek[2] 282. БЕР (II, 677) явно смешивает два разных образования, относя сюда и очевидные производные от *котел* (см. **kotьlъ*).

***kotarъ/*kotara:** цслав. котаръ м. р. fines (Mikl.), болг. обл. *котáр* м. р. 'угол в доме', 'хлев, закут для телят' (Младенов БТР; Геров), также *кóтара* ж. р. (Геров), диал. *кóтара* ж. р. 'хлев', 'маленький огород' (Стойчев БД II, 191; Кънчев. Пирдопско. — БД IV, 112), 'заслон против паводка' (Ст. Шишков. Географските названия в централния родопски говор. — Родопски напредък VII, 2, 1909, 38), *кóтура* ж. р. 'свинарник', 'собачья конура', 'закут для коз' (Младенов БТР; с. Маломирово, Елховско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), макед. *котар* м. р. 'загон для овец' (И-С), сербохорв. *кòтāр*, *кŏтāр* м. р. 'округ', 'ограда, в которой

хранится сено, солома и прочий корм для скота', 'загон', 'выгон', 'вид корзины', 'рыболовная верша' (PCA X, 320—321; RJA V, 395—396: с. XIV в.), диал. *кòтара* ж. р. 'вид корзины' (PCA X, 321), *котар* 'ограда для сена' (Rs. 153), производное *kòtarica* ж. р. 'корзина, плетенка' (с XVIII в. в вост. областях, а также в словаре Вука, RJA V, 396), словен. *kotár* м. р. 'округ' (Plet. I, 447: сравнивает с венг. *határ*), слвц. диал. *kotarica* 'посуда для муки' (Habovštiak. Orav. 160), а также производное *kot'erec* 'закут для молодняка в хлеву' (Zoch 75).

Производное с суф. *-arъ/-ara* от **kotъ* III (см.), ср. также наиболее представительное производное от этого корня — **kotьcь* (см.), далее — **kotuxъ* (см.). Следует обратить внимание на преимущественно ю.-слав. распространение, а также на характерную суффиксальную модель. В семантическом отношении почти исключительно скотоводческое слово, поэтому слвц. диал. примеры (выше) можно отнести за счет проникновения балканской пастушеской лексики на Карпаты. Любопытно, что топоним *Kotor* упомянут уже Константином Багрянородным (X в.): Κάτερα. См. Skok. Etim. rječn. II, 168.

Следует отметить сильное влияние на семантику **kotarъ/*kotara* ('закут для молодняка' и др. значения), как и других производных с этим корнем — **kotьcь*, **kotuxъ*, — со стороны глагола **kotiti sę* I (см.). Это, однако, не является первичной мотивацией. Сам факт отмеченного влияния говорит о возможности слияния в исходной форме **kot-/*kat-* двух или более омонимичных корней разного происхождения, тяготеющих к разным ареалам. Распространено мнение, что слав. **kotarъ* восходит к и.-е. **kat-* 'плести', откуда 'ограда' и т. д. См. Pokorny I, 534; G. S. Lane. — Language 8, 1932, 296; БЕР II, 671—672. С ир., авест. *kata-* 'комната, (подземное) помещение', которое тоже нередко сюда относят, родственно быть не может, так как ир. слово продолжает **k̥nta-*.

***kotati (sę):** сербохорв. диал. *кóтати се* '(в некоторых народных танцах) проскальзывать под рукой других танцоров' (PCA X, 323), словен. *kotáti* 'катать, валять' (Plet. I, 447).

Тождественно итеративу **katati* (см.), но содержит контаминативный корневой вокализм, ср. **kotiti* II (см.).

***kotelь:** болг. диал. *котел* 'петля' (Врачанско, см. БЕР II, 674), *котелецъ* м. р. 'завязка чулка' (Прилеп, Геров—Панчев), макед. *котелец* м. р. 'петля (при вязании)' (И-С), сербохорв. диал. *котèљак*, род. п. *-љка*, м. р. 'круглый жгут из платков, который кладут на голову как подставку для переноски тяжестéй' (PCA X, 325), чеш. диал. (южн.) *kotelec*, род. п. *-lce*, м. р. '(звериное) логово' (Kott I, 764), др.-русск. *котель* ж. р. 'деревянное кольцо, обруч, на которые наматывается пряжа' (А. пр. адм. д., кор. 4, № 90, 34. 1704 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), русск. диал. *котéль* ж. р. 'обруч для рыболовного вентеря' (касп., астрах.),

'прутья, которыми укрепляют зубья в деревянной бороне' (тул.) (Филин 15, 103), укр. *котíль* м. р. 'наружная плетеная воронка верши' (Гринченко II, 293).

Производное с суф. *-elь* от глагола **kotiti* II (см.), ср. выше значения 'кольцо', 'обруч' и смежные. Менее вероятно мнение о наличии здесь суф. *-ьl-* (БЕР II, 674), против чего свидетельствует вокализм сербохорв. и укр. форм (выше). Не связано также и с **kotьlъ* (см.).

***kotera/kotora:** ст.-слав. котора ж. р. μάχη, pugna 'спор, ссора' (Supr., Mikl., Sad., SJS), цслав. котера ж. р. μάχη, pugna (Mikl.), др.-русск., русск.-цслав. *котера* ж. р. 'ссора, раздор' (Апост. посл. по сп. 1220 г., 104; Нест. Жит. Феод. 11, Срезневский I, 1299; Ж. Нифонт. — Выг. сб., 89. XII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), *котора* ж. р. 'спор' (1185 г. — Ипат. лет., 646), 'ссора' (Усп. сб., 210. XII—XIII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 384; Срезневский I, 1300—1301; Сл.-справ. «Слова о полку Игореве» 3, 10), русск. диал. *кóтóрá* ж. р. 'вражда, ссора' (свердл., перм., Опыт 91; Филин 15, 111; Сл. Среднего Урала II, 57; Элиасов 168), ст.-укр. *котора* 'ссора' (XVII в., Картотека Тимченко), укр. *которá* ж. р. 'ссора, раздор, обида' (Гринченко II, 293), диал. *кутóра*, *котóра* (Мат. до словн. буковин. гов. 6, 115). — Ср. сюда же производные ст.-слав. которьнъ, прилаг. μαχόμενος pugnans (Sad., Mikl.), русск.-цслав. *которьныи* (Панд. Ант. XIV в., Срезневский I, 1303); ст.-слав. которьникъ м. р. ἀνυπότακτος, inobediens (Supr, Mikl.), русск.-цслав. *которникъ* м. р. 'тот, кто склонен к ссорам, строптив, враждебно настроен' (Изб. Св. 1073 г., 24. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 385).

О возможном первоначально более широком распространении слова говорят, далее, чеш. *Kotora*, *Kotera*, фам. в Праге, *Koterov*, название деревни (Profous II, 336). Реликтом **kotera* может быть польск. диал. *kočéra* ж. р. 'забава, развлечение' (Sychta. Słown. kociewskie II, 75).

Наиболее правдоподобно сближение с нем. *Hader* 'раздор, распря', сюда же нем. *Hader* 'тряпка', др.-в.-нем. *hadara* 'лоскут', ср.-в.-нем. *hader* 'разодранный кусок ткани'. См. S. Bugge KZ XXXII, 1893, 49 (сюда же относит арм. *kotor* 'frammento, pezzo; strage, uccisione', против чего см. H. Pedersen KZ XXXIX, 1906, 380); Berneker I, 588. Разграничение нем. *Hader*[1] 'раздор' и *Hader*[2] 'обрывок, тряпка' как абсолютных омонимов (Kluge[20] 279—280) не кажется необходимым, во всяком случае оно лишает сравнение исторической перспективы, подсказываемой аналогиями вроде русск. *раздор* — *раздирать*. Далее сравнивают, с одной стороны, с основой на *-u-* др.-в.-нем. *Hadu-*, галльск. *Catu-* 'бой, битва' в личных именах собственных, с другой — с др.-инд. *śátru-* 'враг', которое предполагает и.-е. *k̂* палатальное. См. E. Zupitza KZ XXXVII, 1904, 400; Berneker, там же; V. Machek. — Slavia XVI, 1939, 187; Фасмер II, 353; Sadnik—Aitzet-

müller. Handwörterb. zu den aksl. Texten 252; Mayrhofer III, 294 (не возражает против сближения **kotora*: *śatru-*, но сообщаемая им самим словообразовательная характеристика др.-инд. слова как имени на *-ru-* лишь усугубляет известное отличие в трактовке задненебного).

Слав. слово не могло быть заимствовано из герм., см. С. Младенов СбНУ XXV, II, 1909, 66.

Неудовлетворенность существующими этимологиями, а также некоторые особенности формы (ср. близость огласовки **kotora*/**kotera* и **kotorъjь*/**koterъjь*, см.) вызвали довольно остроумную, хотя и трудно доказуемую местоименную, точнее — местоименно-глагольную этимологию Вайяна (Слав. филология 1, 1958, с. 68) — от **kotorati sę* (см.), которое будто бы в свою очередь — от **kotorъjь*, что-то вроде 'обвинять того, к о т о р ы й . . .' Сближение с лит. *katãlyti* 'колотить' (Шпехт у Фасмера, там же) отпадает ввиду того, что последнее — метатеза из *kalãtyti* 'колотить', позднего заимствования из вост.-слав. (см. о лит. слове Fraenkel I, 207).

Из прочей литературы: G. S. Lane. — Language 8, 1932, 295; Он же. — Language 9, 1933, 246—247.

***koterati sę/*kotorati (sę):** ст.-слав. которати (сѧ) καταδικάζειν, damnare 'осуждать', διαστασιάζειν, μάχεσθαι 'ссориться' (Cloz., Supr., Mikl., SJS), цслав. котерати δικάζειν, καταδικάζειν, coarguere (Mikl.), др.-русск., русск.-цслав. *котерати* 'осуждать' (Ио. Лест. XII в., Срезневский I, 1299), *котератися* 'ссориться' (Златостр. XII в.; Жит. Ниф. XIII в. 51. Срезневский I, 1299; СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380—381), *которатися* то же (Пат. Син. XI в. 290; Пов. вр. л. под 1054 г. и мн. др., Срезневский I, 1301), русск. диал. *котóрáться* 'вздорить, ссориться, браниться', 'зазнаваться' (Филин 15, 111, со ссылкой на Слов. Акад. 1914), *котрáть* 'ломать' (горьк., Филин 15, 113), *котря́ть* 'ломать, коверкать' (вят.), 'делать что-либо без толку, напрасно' (костр.) (Филин 15, 114; Васнецов 113). — Ср., с другим исходом глагольной основы, русск. диал. *котóриться* 'ссориться, браниться' (волог., Филин 15, 111), блр. диал. *кацэ́рыць* 'ссориться, вздорить' (Жывое слова 88).

Глагол, производный от имени с основой на *-a* **kotera*/**kotora* (см.). Иная точка зрения — о направлении деривации **koterъjь* (см.) → **koterati sę* → **kotera* (см. подробнее предыд.) — не представляется вероятной.

***koterъjь/kotorъjь:** ст.-слав. которъ, которыи, котерыи τίς, quis 'который, какой' (Euch., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. (Геров) *кóтрый*, *-ра*, *-ро*, мест. 'который', диал. *котрú*, *котрá*, *котрó* 'который', 'чей' (Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, 181), *кǫтрú*, *кǫтрá*, *кǫтрó* 'который' (Стойчев БД II, 191), *кутрú* 'кто', 'который' (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 47; Чукуркьой, Рупчоско, Сп. БАН LVI, 62; Тр. Сб. VI/II, 138, Архив Болг. диал. словаря, София; с. Корница,

Благоевградско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), серб.-цслав. которъ, мест. ποῖος 'какой' (Вук. ев. нач. XIII в. 81), сербохорв. диал., редк. *koteri*, мест. 'который' («только в сев.-зап. краях», RJA V, 397), книжн., диал. *kotori* (RJA V, 401), словен. *kotéri=kateri* (Plet. I, 447), слвц. *koterý*, *kotorý*, *kotrý*, мест. 'который, какой' (Kálal 263, 264), в.-луж. *kotry* 'какой, который' (Pfuhl 278), н.-луж. *kótary*, мест. 'который' (Muka Sł. I, 686), диал. *kótery* то же (там же), др.-русск., русск.-цслав. *котерыи*, мест. 'какой' (Изб. Св. 1076 г., 536; Ж. Нифонта, 343. 1219 г.), 'кто, тот, который' (Арх. ев., 184 — 1097 г.), 'кто-нибудь' (Юр. ев., 130. 1119 г.), 'какой-нибудь' (Пат. Син., 397, XI—XII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 381; Срезневский I, 1300), *которыи* 'какой, кто' (Лук. XVII. 7. Остр. ев.; Арх. ев. 131; Лавр. л. под 1153 г.), 'некоторый' (Новг. I л. под 1419 г.), 'который' (Пов. вр. л. введ.; Смол. гр. 1229 г. 2ой сп.; Дог. гр. 1262—1263 г.; Новг. I л. под 1263 г.) (Срезневский I, 1302), русск. *котóрый*, *-ая*, *-ое*, мест., диал. *котóрый*, *-ая*, *-ое* 'некоторый' (Словарь говоров Соликамского района Перм. обл. 256; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 244), ст.-укр. *которы(и)*, *котры(и)*, мест. 'который' (1322 г.), 'какой-нибудь' (1341 г. и др.) (Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст. 1, 505—507), укр. *кото́рий*, *котри́й*, *-а*, *-е*, мест. 'какой', 'какой-нибудь', 'некоторый' (Гринченко II, 293), также диал. *котрий* (Оньшкевич 375), ст.-блр. *которыи=якии* (Скарына 1, 280), блр. *катóры* 'который', диал. *катóры* 'какой, который', 'некоторый' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 381).

См. специально S. C. Gardiner. Die Entwicklung des Relativpronomens *kotoryj* im Altrussischen. — Wien. slav. Jb. VIII, 1960, 203 и сл.

Слав. слово продолжает еще и.-е. образование — производное **kʷo-ter-o-* от вопросит. мест. **kʷo-* (см. **kъjь*) с суф. сравнительной степени *-ter-*, ср. этимологически тождественные др.-инд. *katará-*, авест. *katāra-* 'кто из двух', греч. πότερος то же, гот. *ƕaþar*, лит. *katràs* 'который'. См. Berneker I, 674; Фасмер II, 353—354 (с литературой); O. Friš. The IE comparative. — ArOr XVIII, 1950, 177; Pokorny I, 645—646. В плане и.-е. относительной хронологии первична, разумеется, форма **koterъ*, тогда как **kotorъ* — результат выравнивания, если даже относить их обе в праслав. эпоху (что бесспорно) или, наконец, — в широком смысле — в и.-е. период. Ср. Kopečný [et al.]. Etym. slovník slovanských jazyků 2 (Praha, 1980), 368—369. Любопытно, однако, что, например, равнооформленное и тоже — и.-е. происхождения праслав. **jeterъ* (см.; ст.-слав. ѥтеръ 'какой-то, некий') не знает таких колебаний формы и, к тому же, представлено более бедно (ст.-слав., в.-луж., н.-луж., русск.-цслав.). Более широкое распространение **koterъ/*kotorъ* все-таки не случайно соответствует его более богатой вариантности, если, к тому же, учесть допол-

нительные варианты **kъterъjь* (см.) и **kъtorъjь* (см.), даже при условии значительного возраста и этих последних.

***kotę**, род. п. ***kotęte**: болг. *коте́* ср. р. 'котенок' (РБЕ; Геров: *котя́*), диал. *ко́те* ср. р. 'кошка' (Т. Бояджиев. Гюмюрджинско. — БД VI, 44), *ко́ти* ср. р. 'котенок' (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70; Зеленина БД X, 101), макед. *коте* ср. р. то же (Кон.), сербохорв. *koče*, род. п. *kočeta* 'котенок' (RJA V, 141), диал. *кȍте*, род. п. *-ета*, ср. р. 'скотина' (Нема тај ни дете, ни *коте*. Лесковац, Требј. Р. РСА X, 324), чеш. *kotě* ср. р. 'котенок', диал. *kůtě* (Kubín. Čech. klad. 193), сюда же производное *kot'átka* мн. 'сережки вербы' (Bartoš. Slov. 157), слвц. *koča* ср. р., производное *kočiatko* 'котенок' (Kálal 248), также диал. *koča* ср. р. (Диалект., Братислава; Ripka. Dolnotrenč. 93; Gregor. Slowak. von Pilisszántó 234), *koce*, род. п. *kočeca*, 'котенок' (Buffa. Dlhá Lúka 165), *kotiatka* 'сережки на вербе' (Kálal 263), ст.-польск. *Kocię* (1416 г.: Nicolaus dictus Koczø. Słow. stpol. nazw osobowych III, 1, 41), польск. *kocię*, род. п. *-ęcia*, производное *kociątko* 'котенок' (Warsz. II, 387), словин. *kùọcą* ср. р. (Lorentz. Slovinz. Wb. 1, 511), *kʷocą* (Lorentz Pomor. I, 406), *kocą*, род. п. *-ěca*, ср. р. то же (Sychta II, 219), др.-русск. *котя* ср. р. 'котенок' (Послов. Паус., 12 об. XVIII в., СлРЯ XI—XVII вв. 7, 387), укр. *котя́*, род. п. *-я́ти*, ср. р. 'котенок' (Гринченко II, 294; Укр.-рос. словник II, 385). — Ср. примыкающие сюда перестроенные русск. *котёнок*, род. п. *-нка*, м. р. 'детеныш кошки', диал. *котеня́*, род. п. *-и*, м. р. 'котенок' (зап.-брян., Филин 15, 104), укр. *котеня́*, род. п. *-ня́ти*, ср. р. 'котенок' (Гринченко II, 292; Укр.-рос. словник II, 384; Білецький-Носенко. Словник української мови 193: *котеня́* ср. р. 'коток, кошечка'), блр. *кацяня́*, *кацянё* ср. р. 'котенок' (Блр.-русск. 386; Байкоў—Некраш. 144).

Ум. производное с суф. *-ęt-* от **kotъ* I (см.). Махек отстаивает ту точку зрения, что не только **kotiti sę* I (см.), но и **kotę* первоначально относилось к детенышам не одной кошки, но также и других животных; он склонен, далее, столь же расширительно трактовать и само праслав. **kotъ* I, якобы из и.-е. **katos* 'детеныш мелких животных' (Machek² 282—283). Кажется, подобное очень широкое обобщение только затемняет историю и этимологию слав. **kotъ* I 'кошка'.

***kotica**: болг. *ко́тица* ж. р., ум. 'кошка' (Геров), сербохорв. диал. *кȍтица* ж. р. 'кошка' (РСА X, 327; RJA V, 397: *kȍtica* 'domaća životinja koja mnogo mladijeh koti'; только в словаре Стулли), польск. *kocica* ж. р. 'кошка' (Warsz. II, 386), также диал. *kocica* 'кошка' (Sł. gw. polsk. II, 391).

Производное с суф. *-ica* от **kotъ* I (см.). Наряду с этим можно отметить одно или даже два омонимических образования с тем же суф.: 1. от **kotъ* II (см.), ср. гапакс Стулли в словаре RJA (выше); 2. от **kotъ* III (см.), ср. **kotica* 'загон для скота', реконструируе-

мое на основе топонима — Κοτίτσα, название холма в Коринфе, _Котица_, название реки в Скопской Черногории, _Котица_, топоним на Украине, _Котицы_ — в бывш. Псков., Твер. губ. (Й. Заимов. Из болгарской исторической лексикологии. — ZfS 24, 1979, 159).

__*kotidlo:__ болг. _котило_ ср. р. ʻокотʼ, ʻлогово, логовищеʼ (БТР; РБЕ; Дювернуа: ʻгнездо (напр. мышиное, крысиное)ʼ; Геров; Геров—Панчев), диал. _котило_ ср. р. ʻместо, где, по народному поверью, зимуют змеиʼ (Д. Маринов. Зап. България. — СбНУ XII, 1895, 290), ʻрождение, родʼ (М. Младенов БД III, 92; Д. Евстатиева. С. Тръстеник, Плевенско. — БД VI, 187), ʻдетвораʼ (Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 467), ʻместо, где рождаются волчата, медвежатаʼ (Божкова БД I, 252), ʻместо, где рождаются зайцыʼ (Гълъбов БД II, 87), _котилу_ ʻгнездо (змеиное, мышиное и т. д.)ʼ (с. Баница, Врачанско, дип. раб., Архив Софийск. ун-та), _кутилу_ ср. р. ʻживотные одного пометаʼ (Н. Ковачев. Севлиевско. — БД V, 26), макед. _котило_ ср. р. ʻлогово, логовищеʼ, ʻпородаʼ (И-С), сербохорв. _кȍтило_ ср. р. ʻместо окота, логовище, гнездоʼ, ʻродʼ, ʻрождениеʼ (РСА X, 326; RJA V, 397: с XVIII в. и в словарях Стулли и Вука), также диал. _kotilo_ ср. р. (Hraste—Šimunović I, 452).

Производное с суф. _-(i)dlo_ от глагола *_kotiti_ I (см.).

__*kotikъ:__ чеш. _kotík_ м. р. ʻлодыжкаʼ (Bartoš. Slov. 157; Kott I, 764: «Na Mor.»), укр. диал. _кóтик_ м. р. ʻсуставʼ (Мат. до словн. буковин. гов. 6, 85).

Ум. производное с суф. _-ikъ_ от *_kotъ_ IV (см.).

__*kotiti sę I:__ болг. _кóти се_ ʻкотитьсяʼ (БТР; РБЕ: _кóтя се_ ʻкотиться (о кошке, зайце, мыши и т. д.)ʼ; Геров: _кóтѫся_), также диал. _кóт'а‿са_ (Зеленина БД X, 101), макед. _коти_ ʻкотитьсяʼ, ʻплодитьʼ, _коти се_ ʻрождаться (о котятах, ягнятах)ʼ (И-С), сербохорв. _кȍtiti (se)_ ʻкотиться, рождать (о кошке), а затем и о других животныхʼ (с XVI в., RJA V, 398; РСА X, 327), также диал. _kotlt (se)_ (Hraste—Šimunović I, 452), словен. _kotíti_ ʻкотиться, плодиться, щенитьсяʼ (Plet. I, 447), чеш. _kotiti se_ ʼкотиться (о кошке, козе, овце и т. д.)ʼ (Kott I, 764), также диал. _kot̆it̆ sa_ (Svěrák. Karlov. 120), слвц. _kotit' sa_ ʻкотиться, плодиться, родитьʼ (SSJ I, 754), н.-луж. _kóśiś se_ ʻкотиться, родитьʼ (Muka Sł. I, 686), польск. _kocić się_ ʻкотиться, плодиться, родить (о кошке, зайчихе, серне, козе, овце, медведице)ʼ (Warsz. II, 387), словин. _kù̯ǫcëc sq̨_ (Lorentz Slovinz. Wb. I, 511), _kᵘocəc sq̨_ (Lorentz Pomor. I, 406), _kocëc sq̨_ (Sychta II, 221), русск. _котúться_ ʻрождать котятʼ, диал. _котúть_ ʻкотиться (о кошках, овцах)ʼ (твер., смол.), ʻрождать двойню (о женщине)ʼ (смол.) (Филин 15, 105), ʻрождать детенышей (об овце, козе)ʼ (Словарь русских донских говоров II, 83), укр. _котúтися_ ʻрождать (о кошке, овце и зайце)ʼ (Гринченко II, 293), диал. _котитис'а_ ʻкотиться (об овце)ʼ (Онышкевич 374), блр. _кацíцца_, _кóціцца_ ʻкотиться, рождать детенышей (об овце, козе и некоторых других животных)ʼ (Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 669), также диал. _кацíцца_, _кóціцца_ (З народнага слоўніка 174).

Хотя вторичная мотивационная связь *_kotiti sę_ и *_kotъ_ I (см.) дает о себе знать, современная этимология глагола *_kotiti sę_ разрабатывается — в соответствии с объективными данными — в другом направлении. Безоговорочное отнесение *_kotiti sę_ к *_kotъ_ см. Berneker I, 589; Skok. Etim. riečn. II, 170. Однако уже давно указывалось на ряд несоответствий деривации *_kotъ_ → *_kotiti_, первое из них — семантического порядка (несоответствие емкого значения ʻрожать вообщеʼ, причем — о хозяйственно важных животных, что к кошке не относится, особенно в древности), второе — лингвогеографическое замечание о широте распространения производного глагола *_kotiti_, который известен и в тех языках, которые слова *_kotъ_ I ʻкошкаʼ не знают (сербохорв., словен.). См. Трубачев. Происхождение названий домашних животных 97; см. так же Sławski II, 315—316. Весьма перспективно указание на возможное первоначальное тождество рассматриваемого *_kotiti_ I и *_kotiti_ II (см.) ʻкатитьʼ, т. е. ʻпроизводить движение вниз, падение, сбрасываниеʼ, технический термин о родах животного. См. В. Н. Топоров. О праславянском *_kot-_. — ВСЯ 6, 172—176. Там же предпринята попытка этимологически связать, далее, *_kotiti_ с исходным древним значением и греч. κατά ʻсверху внизʼ, хетт. _katta(n)_ ʻвнизʼ. При всей заманчивости этой идентификации, еще не утратили своего значения соображения об аналогичности образования *_kotiti sę_ I и *_teliti sę_ < *_telę_, т. е. вопрос об образовании *_kotiti sę_ от некоего названия молодого животного, омонимизировавшегося с позднее заимствованным *_kotъ_ I ʻкошкаʼ, еще не снят. Такие названия детенышей существуют, причем в языках, где нет никаких признаков наличия глагола, соответствующего слав. *_kotiti_. Ср. лат. _catulus_ ʻдетеныш, щенокʼ. См. Фасмер II, 352. См. еще о лат. слове Walde — Hofm. I, 183.

__*kotiti (sę) II:__ ст.-чеш. _kotiti_ ʻкатитьʼ (Novák. Slov. Hus. 50), чеш. стар. _kotiti_ ʻопрокидывать, валятьʼ (Jungmann II, 145), редк. _kotiti_ ʻкатитьʼ, диал. _kotit se_ ʻдолго собираться, возитьсяʼ (Bartoš. Slov. 157—158), ʻвалятьсяʼ (Kott. Dod. k Bart. 43), в.-луж. _kóćić so_ ʻбыть в течке (о коровах)ʼ (Pfuhl 265), польск. диал. _kocić_ ʻкатить, валятьʼ (Warsz. II, 387), др.-русск. _котитися_ ʻкатитьсяʼ (Ж. Бор. Глеб., 24. XIV в. ~ XI в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 382; Срезневский I, 1300), русск. _катúть_, укр. _котúти_ ʻкатитьʼ (Гринченко II, 293), _котúтися_ ʻкатитьсяʼ (там же), блр. диал. _кацíць_ ʻкатитьʼ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 442), _коты́тыся_ ʻстлатьсяʼ (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 507).

Этимологически трудное слово. Достаточно красноречив этимологический разнобой, предлагаемый словарями: к лат. _scatere_ ʻбить струей, бурлитьʼ, лит. _skasti_ ʻпрыгать, скакатьʼ (Berneker I, 592; Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb. der ober- und nieder-

sorbischen Sprache 8, 583), англ. *skate* 'скользить', лат. *quatiō* 'трясти' (Фасмер II, 209 — с сомнением), др.-инд. *śātáyati* 'отрубать, разрезать, развязывать' (V. Machek «Slavia» XVI, 1939, 187; Machek² 283), ирл. *caithid* 'бросать' (вслед за Покорным — Sławski II, 314). Если сближение лат. *scatō* и лит. *skàsti*, *skataũ* между собой сохраняет свое значение (ср. о них Walde — Hofm. II, 491; Fraenkel II, 798), то этого нельзя сказать об их сближении со слав. словом, весьма отличным по значению. Формально-фонетические возражения встречают сближения с англ. *skate* (выше) и с др.-инд. *śātáyati*, в первом случае — со стороны герм. передвижения согласных (герм. *t* ≠ слав. *t*), во втором — со стороны отражения и.-е. *k̂* палатального (ср. о др.-инд. слове весьма неопределенно Mayrhofer III, 323).

Обсуждаемое в предыдущей статье возможное тождество **kotiti* I и **kotiti* II (Топоров) ставится там в производную зависимость от формы и значения предлога-нареч. греч. κατά, хетт. *katta(n)* 'вниз'. Эти последние сами не очень ясны этимологически (ср. о них Frisk I, 800; Chantraine. Dict. ét. de la langue grecque 1—2, 504—505) и едва ли первичны. Вполне возможно, что слав. **kotiti* продолжает и.-е. глагольную основу **kat-* с близким значением. Весьма серьезный интерес представляет здесь сближение Покорным слав. слова с ирл. *caithid* 'бросать, метать' из первоначального **kateịeti*, см. подробно также В. Čор. — Zbornik filozofske fakultete III/3 (Ljubljana, 1960, с. 7 и сл.; более раннее сближение с осет. *xatun* 'катить, катать' см. B. Čop. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. IV. 14. Idg. **Hat-* 'schlagen, hauen, stechen'. — SR XI, № 3—4, 1958, 64). Ср. и приводимое у Чопа лат. (из кельт.? иллир.?) *catēia* 'особое метательное копье'. И.-е. **kat-* 'приводить в (быстрое) движение, метать' оказалось весьма емким и перспективным в семантическом и лексико-терминологическом отношении. Скорее всего, оно связано (этимологически тождественно) с тем **kat-* 'скручивать, плести', которое дает Покорный на основании лат. *catēna* 'цепь' и некоторых других данных, см. Pokorny I, 534. Мы знаем, что значение 'метать, бросать, кидать' выступает и в терминологии плетения-ткачества (ср. русск. *метать*) и как синонимическая замена глагола 'рожать', ср. также русск. производное *помет* — о детенышах животных. Семантическая конкретизация 'бросать/катить в н и з' представляется в таком случае вторичной, как и значения греч. κατά, хетт. *katta(n)*. Кстати, семантически первоначально, видимо, близкие лексемы — слав. **kydati* (см.), **metati* (см.), которые тоже вторично были использованы для обозначения детенышей или их рождения, отнюдь не имели изначального семантического признака 'вниз', как не имело его, скажем, нем. *werfen* 'бросать, метать', далее, с одной стороны — также *Junge werfen* 'рожать детенышей', а с другой — специфическое значение *werfen* 'сновать (ткацкую основу)'. Последнее тоже

типологически показательно в смысле единства и.-е. **kat-* 'бросать, метать', эпизодически — 'плести' (выше).

Полноты ради может быть упомянута остроумная, но труднодоказуемая инверсионная этимология слав. **kotjǫ*, **kotiti* — к **točǫ*, **točiti*, см. Otrębski. Studia indoeuropeistyczne (Wilno, 1939) 188.

***kotjerъ/*kotjurъ:** чеш. *kocour* м. р. 'кот', диал. *kocoury* 'побеги вербы с распустившимися сережками' (Hruška. Slov. chod. 42), слвц. *kocúr* м. р. 'кот' (SSJ I, 712), также диал. (Kálal 248; Matejčík. Východonovohrad. 242), *kocur* (Buffa. Dlhá Lúka 165), в.-луж. *kocor* м. р. 'кот' (Pfuhl 264), н.-луж. *kócor*, *kócur* м. р. 'кот' (Muka Sł. I, 649), польск. диал. *kocur* м. р. 'кот' (Warsz. II, 388), словин. *kᵘocur* м. р. 'кот' (Lorentz. Pomor. I, 406).

Обычно характеризуется как зап.-слав. производное с *-r-* суффиксальным от **kotъ* I (см.). См. Трубачев. Дом. жив. 96; Sławski II, 319—320 (с суф. *-erъ/-urъ* от праслав. диал. **kotja*). Однако определенные сомнения насчет этого ареала вызывает русск. *кошу́рка* — ласкательно о кошке (Даль² II, 182—183), диал. *кошу́ра* ж. р. 'кошка' (влад., Филин 15, 158), *кошу́рка* ж. р. 'кошка; кошечка' (пск., смол., костром., перм.), 'кот' (влад.) (Там же). Форма *кошу́рка*, *кошу́ра*, кстати, не учтенная в словаре Фасмера, могла бы через первоначальное **кочура* вполне соответствовать перечисленным выше зап.-слав. названиям, одновременно принципиально расширяя этот «зап.»-слав. ареал. Единственное, что ослабляет значение русск. *кошура*, *кошурка* как ареального, диалектного свидетельства, это отмечаемая источниками принадлежность этого слова к фольклорному, песенному языку (а следовательно, — наддиалекту?).

***kotjьjь:** болг. (Геров) *ко́чий*, *-чя*, *-чѥ*, прилаг. 'кошачий' (если не из **kotъčьjь*), диал. *ко́чи* то же (Хитов БД IX, 269), чеш. диал. *koči* 'кошачий' (Bartoš. Slov. 148), в.-луж. *koči* то же (Pfuhl 265), ср. и польск. *koci*, прилаг. 'кошачий' (Warsz. II, 386), также диал. *koci* (Sł. gw. p. II, 391), хотя последние, скорее из **kotьjь* (см.).

Притяж. прилаг., производное с суф. *-jь* от **kotъ* I (см.). Относительно более широкое распространение этого прилагательного показывает производное **kotjьka* (см. сл.).

***kotjьka:** чеш. *kočka* ж. р. 'кошка Felis', слвц. *kočka* то же (SSJ I, 712), в.-луж. *kóčka* ж. р. 'кошка' (Pfuhl 265), н.-луж. *kócka* ж. р. то же (Muka Sł. I, 648), польск. диал. *koczka* 'кошка (самец и самка)' (Нич, цит. по: Sławski II, 322), др.-русск. *кошка* ж. р. 'кошка' (1230 г. Ник. лет. X, 102. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 395), русск. *ко́шка* ж. р. 'самка кота', укр. *кі́шка* ж. р. 'кошка' (Гринченко II, 247; Укр.-рос. словник II, 337), блр. *ко́шка* ж. р. 'кошка'.

Производное с суф. *-ьka* от прилаг. **kotja* ж. р. (см. **kotjьjь*), субстантивация последнего. Ср. Sławski II, 322, где, однако,

самый факт отадъективности и субстантивации оставлен автором без внимания. Русск. *кошка* определенно продолжает др.-русск. **кочька*, ср. косвенное свидетельство формы *кочура*, *кочурка* (см. **kotjerъ*/**kotjurъ*), поэтому объяснение *кошка* < **коша* (Фасмер II, 360, вслед за Соболевским) неточно. Версия Махека о происхождении формы *kočka* из **kotka* под влиянием *mačka* (Machek[2] 266) обесценивается данными о сравнительной лингвистической географии названных форм (формы *mačka*, например, не знают вост. славяне).

***kotoma:** русск. *котома́*, *кото́мка* ж. р. 'путевая сума, плетенка; бывает и кожаная, суконная, и носится за плечами' (Даль[3] II, 457), диал. *котома́* 'котомка' (Сл. Среднего Урала II, 57; Иркутский областной словарь I, 225), укр. *ко́тма* ж. р. 'котомка' (Гринченко II, 293).

Прич. наст. страд., производное с суф. *-om-* от **kotiti* II (см.). Весьма интересно обратить внимание на живое значение 'плетенка' у русск. диал. слова в свете того, что сообщается выше по этимологической и семантической реконструкции производящего глагола. Ср. Фасмер II, 353: «Трудное слово. По мнению Соболевского (РФВ 70, 82), от *катать*».

***kotuxъ:** русск. диал. *коту́х* м. р. 'Помещение для домашних животных; хлев' (ряз., моск., тул., липец., ворон., дон., краснодар.-тамб., пенз. и др.), 'курятник' (тамб., дон., влад., перм.), 'темный угол между задней стенкой печи и стеной избы' (ряз., влад., моск.), 'собачья конура' (том., иркут., сиб., влад.), 'пристройка из жердей и соломы сзади дома или двора для хозяйственного инвентаря' (яросл.), 'сарай' (терск., дон., ворон., сарат., ряз., иркут.), 'кормушка для скота' (свердл.) (Филин 15, 114—115; Опыт 91; Добровольский 353; Мельниченко 94—95; Элиасов 168; Словарь русских донских говоров II, 84), *кату́х* м. р. 'хлев' (дон., каз., ряз., сарат., тул., Опыт 81; Словарь говоров Подмосковья 191; Молотилов. Говор Северной Барабы 128), укр. диал. *коту́х* м. р. 'небольшая постройка для птицы' (Лексика Полесья 141), блр. диал. *кату́х* м. р. 'комнатушка' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 219), 'собачья будка' (Жывое слова 149), 'кормушка, ясли', 'запечек' (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 438). — Ср. сюда же суффиксальное производное русск. диал. *коту́ш* м. р. 'хлев' (Словарь русских донских говоров II, 84).

Производное с суф. *-uxъ* от **kotъ* III (см.). Ср. Фасмер II, 354. Ср. также **kotьcь* (см.).

***kotul'a:** чеш. диал. *kotula* ж. р. 'застежка на одежде' (Svěrák. Karlov. 120), *kotul'a* ж. р. 'большая плоская пуговица', 'медное колечко в конской сбруе' (Bartoš. Slov. 158), 'башка, голова' (Kott. Dod. k Bart. 43), польск. диал. *kotula* 'ткацкий навой' (Falińska. Pol. sł. tkackie I, 122). — Ср. сюда же суффиксальное производное сербохорв. диал. *котỳла̄ч*, *котỳља̄ч* м. р. 'круг, кружок' (РСА X, 337, 338; RJA V, 403).

Как и **kotulь* (см.), соотносительно с глаголом **kotul'ati* (см.).

***kotul'ati:** сербохорв. диал. *котỳљати* 'свивать, складывать кольцом, кругом' (РСА X, 338), чеш. стар. *kotouleti* 'катить' (Adam Daniel z Veleslavina. Kott I, 765), диал. *kotúl'at* то же (вост.-мор., Bartoš. Slov. 158), *kotúlat (sa)* 'катить(ся)' (Malina. Mistř. 46), слвц. *kotúl'at'* 'валять, катать' (SSJ I, 755), также диал. *kotúl'at'i* (Matejčík. Novohrad. 82, 273), укр. *котуля́ти*, *кутуля́ти* 'плохо жевать (например, о беззубом)' (Гринченко II, 293).

Глагольный интенсив, производный с суф. *-ul'-a-* от **kotiti* II (см.). Ср. **koturati* (см.).

***kotulь:** чеш. *kotoul* м. р. 'круг', 'оборот кувырком', слвц. диал. *kotúl'*: *turáky pôjdu kotúl'* 'groše se rozkutáleji' (Kukučin. Banská Bystrica, Slov. Pravno v Turč. ž., Kálal 264), русск. *коту́ль*, *коты́ль* м. р. 'кошолка или котома, заплечная плетенка' (Даль[3] II, 458), блр. диал. *хатыль* м. р. 'плетеная из бересты корзинка для хлеба', 'котомка' (Бялькевіч. Магіл. 470). — Ср. сюда же суффиксальное производное чеш. диал. *kotulka* ж. р. 'хохлатый жаворонок' (Svěrák. Karlov. 120), слвц. диал. *kotúl'ka* ж. р. 'пряслице на веретене' (Matejčík. Východonovohrad. 273), *kotúl'ke* 'часть ткацкого станка' (Palkovič. Z vecn. slovn. Slovákov v Mad'ar. 341).

Как и **kotul'a* (см.), соотносительно с глаголом **kotul'ati* (см.). Ср. Фасмер II, 354, очень нерешительно связывающий русск. *коту́ль*, *коты́ль* с *котома́* (см. **kotoma*).

***koturati (sę):** макед. *кутурам* 'полететь кувырком, катить' (J. Ташевски. Зборови од тетовскиот говор. — MJ III, 8—9, 1952, 216), сербохорв. *котỳрати* 'вертеть', 'катить', *котỳрати се* 'крутиться, катиться' (РСА X, 339—340), словен. *kotúrati* 'катить' (Plet. I, 448), русск. диал. *котура́ться* 'кувыркаться' (Словарь русских донских говоров II, 84), *котуря́ть* 'толкать, неосторожно двигать' (ряз., Филин 15, 114).

Глагольный интенсив, образованный с суф. *-ur-a-ti* от **kotiti* II (см.). Ср. **kotul'ati* (см.).

***kotъ I:** болг. стар., диал. *кот* м. р. 'кот' (Геров; Младенов БТР; Речник РОДД; П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70), сюда же производное *кота́к* м. р. 'кот' (Дювернуа, Геров), диал. *кута́к* м. р. (Зеленина БД X, 101), сербохорв. стар., редк. *kot* м. р. 'кот' (RJA V, 393: только в цслав. рукописи XVI в.), ст.-чеш. сложение *Kotojědi*, *Kotojědy* мн., местн. название (1484 г., Ст.-чеш., Прага), чеш. диал. *kot* м. р. 'кот' (Bartoš. Slov. 157; Lamprecht. Slovn. středoopav. 63), слвц. диал. *kot* (вост-слвц., Kálal 263; Buffa. Dlhá Lúka 167), производное *kotena* ж. р. 'кошка' (Kálal 263), н.-луж. *kót* м. р. 'кот' (Muka Sł. I, 686), ст.-польск. *kot* м. р. 'кот, кошка' (Sł. stpol. III, 363; Sł. polszcz. XVI w., XI, 75—76), *Kot*, личное имя собств. (Nicolaus Coth, 1377 г., Sł.

stpol. nazw osobowych III, 1, 108), польск. *kot* м. р. 'кот, кошка' (Warsz. II, 502), *kotek*, род. п. *-tka*, м. р., ум. 'котик' (Warsz. II, 504), диал. *kot* 'кошка', 'заяц' (Sł. gw. p. II, 449; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 63; Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 183; Sychta. Słown. kociewskie II, 84; Tomasz., Łop. 139—140), словин. *kot* м. р. 'кот', 'заяц' (Sychta II, 219), *kœt* (Ramułt 77), *kùọt* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), *k°ot* 'кошка', 'кот' (Lorentz Pomor. 421), *kùọtk* м. р., ум. 'кот' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), др.-русск. *котъ* м. р. 'кот (домашний); самец кошки' (Ж. Серг. Нур., 125. XVII в. ~ 1584 г.), 'дикое животное семейства кошачьих (самец куницы, камышового кота и др.)' (Там. кн. Тихв. м., № 1265, 24 об. 1626 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 379; Срезневский I, 1303), *котокъ* м. р., ласк. к *котъ* (Сим. Послов., 80. XVII в. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 383), русск. *кот* м. р. 'самец кошки', диал. *кóтко* 'котенок' (Словарь русских говоров Среднего Урала II, 56), укр. *кіт*, род. п. *котá*, м. р. 'кот' (Гринченко II, 246), блр. *кот* м. р. 'кот', ум. *катóк* 'котик' (Байкоў—Некраш. 144).

Дикая кошка носила особые названия, разные в разных и.-е. языках: греч. αἴελουρος, лат. *fēlēs*, *felis*, праслав. *stьbjь (см.; отсюда цслав. стьбль, ст.-польск. *zdeb*, польск. *żbik*, *źbik*), лит. *vilpišýs*. Эти старые особые названия животного Felis sylvestris были затем потеснены новыми описательными типа русск. *дикая кошка*, нем. *Wildkatze*, на что повлияло вторичное, но довольно интенсивное распространение домашней кошки. В отличие от местной дикой кошки, домашняя кошка обозначается практически во всех языках Европы и с т о р и ч е с к и о д н и м и т е м ж е с л о в о м, что ярко характеризует название домашней кошки в этих языках как культурное слово, по всей вероятности — заимствованного происхождения. Зоологи ведут европейскую домашнюю кошку из Африки, причем раньше других с ней познакомились римляне. Кстати, в основе всех прочих европейских названий кошки лежит лат. *cattus*, *catta*; так, слав. **kotъ* с его кратким корневым гласным довольно точно передает лат. *a* с геминированным *tt*. Из лат. появилось греч. κάττα не раньше VI в. н. э. Мысль о герм. первоисточнике всех этих слов (герм. **kat*(*t*)- 'изгиб, кривизна'? Так см. Kluge [20] 358: первоначально 'животное с изогнутой спиной'?) не убеждает. Герм. название (нем. *Katze*, др.-в.-нем. *kazza*, англос. *catte*) представляется латинизмом, вплоть до передачи лат. геминации *tt*. То же самое можно повторить о кельт. названиях, также отражающих лат. удвоение *t*. См. Stokes, Bezzenberger. Wortschatz der keltischen Spracheinheit[5] 67: *kattā*, *katto-s*; Walde—Hofm. I, 183.

В самом лат. языке это слово отмечено как обозначение домашней кошки лишь в IV в. н. э. Вопрос дальнейшего происхождения *cattus*, *catta* еще не вполне ясен: из нубийского? — но в Восточное Средиземноморье (греч. κάττα) слово проникло лишь вторично. Эпицентр европейского названия кошки в латинском побуждал

искать дальше в латинском материале, причем высказывались
соображения о том, что отправной точкой послужило название
детенышей животного — лат. **catus*, *catulus*, см. V. Hehn. Culti-
vated plants and domesticated animals in their migration from Asia
to Europe (New edition. Amsterdam, 1976) 351. Мысль эта полу-
чила крайнюю форму в наше время у Махека, который говорит
о слав. **kotъ*, и.-е. **katos* как названиях молодых животных,
см. Machek[2] 283, s. v. *kotě* и у нас на **kotę*. Однако «культур-
ный» характер термина **kotъ* и отмеченная выше противопостав-
ленность его локальным названиям дикой кошки определенным
образом противоречат этой исконной версии. Ср. критические
замечания еще у Бернекера, см. Berneker I, 590. См., далее, обзор
у Фасмера II, 350; Miklosich 135; Трубачев. Происхождение
названий домашних животных в слав. языках 96 и сл. (с дальней-
шей литературой); Sławski II, 558—559; Fraenkel I, 228: лит.
katė̃ 'кошка' и другие балт. названия; К. Буга РФВ LXX, 1913,
256.

***kotъ II:** макед. *кот* м. р. 'окот', 'отродье' (Кон.), сербохорв. *кôт* м. р. 'окот, помет', 'отродье' (РСА X, 319; RJA V, 393: с XVII в.), словен. *kȍt* м. р. 'выводок' (Plet. I, 446), чеш. диал. *kót* м. р. 'послеродовой период' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 80), польск. диал. *kot* 'место окота лесных животных' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 72).

Обратное производное от глагола **kotiti sę* I (см.).

***kotъ III:** сербохорв. диал. *кôт* м. р. 'закут для домашних живот-
ных, для молодняка' (РСА X, 319; RJA V, 393; Вук Карац.:
Осијек), ст.-чеш. *kot*, *kót* м. р. 'будка, лавка (рыночная)' (Ge-
bauer II, 114).

Чтобы правильно оценить потенциальное широкое распростра-
нение этого слова, необходимо учесть широкую представленность
его старого производного — **kotьcь* (см.).

Старая индоевропеистика думала о герм. истоках слав. **kotъ*
'закут, хлев'. См. Miklosich 135: «Слово очень распространено
в немецком»; C. C. Uhlenbeck. Die germanischen Wörter im Altsla-
vischen. — AfslPh XV, 1893, 488 (из герм., ср. ср.-н.-нем. *kot*,
сканд. *kot* и т. д.). Однако с самим герм. словом связано много
проблем, ср. отчасти о них Berneker I, 589: удовлетворительная
герм. этимология отсутствует, вероятный герм. источник слав.
слова указать трудно, тем более, что не менее серьезны другие
возможности объяснения слав. слова, например из ир. Слав.
слово не могло быть заимствовано из прагерм. формы, которая
имела вид **kut-*/**kaut-* (см. Kluge [20] 397), более близкие по форме
и значениям нем. *Kote*, *Kate*, ниж.-нем. *kot*(*e*), нидерл. *kot* 'хи-
жина', англос. *cot*, англ. *cot* 'хижина, хлев', др.-исл. *kot* 'хи-
жина', норв. *kot* 'комнатушка, загородка' не могли быть заимство-
ваны в слав. либо по соображениям относительной хронологии
(слав. слово безусловно принадлежит праслав. периоду и слово-

образовательно довольно продуктивно, ср. ***kotuxъ***, ***kotьcь***), либо лингвистической географии.

Родство с ир., авест. *kata-* 'помещение, кладовая', констатацией которого довольствовались другие авторы (С. Младенов. Славянские этимологии. 8. Слав. *kotъ*, *kotьcь*. — РФВ LXV, 1911, 365—367; M. Vasmer RS VI, 1913, 174—175; Фасмер II, 351; Machek² 283; ср. еще А. А. Зализняк ВСЯ 6, 35), отпадает, поскольку для ир. формы средствами внутренней реконструкции — производность от глагола *kan-* 'копать' — восстанавливается праформа **kn̥-ta*. В то же время трудно отрицать близость слов и значений ир. *kata-* '(подземное) помещение' — слав. **kotъ*, **kotьcь* 'закут, хлев': древним хлевом для мелких животных у славян был, видимо, тоже р о д з е м л я н к и, подобно тому, как преимущественно земляночным было и древнее жилище самих славян. Здесь уже содержится суть диахронического тождества двух слав. слов — более древнего **kotъ*, **kotьcь* и более позднего **xata* (см.). Наиболее вероятно, что **kotъ* III было ир. заимствованием древней поры. См. О. Н. Трубачев. — Этимология. 1965 (М., 1967), 24; O. N. Trubačev. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 34, 1981, 472—473.

Соперничающая старая этимология **kotъ*, **kotьcь* < и.-е. **kat-* 'плести' (ср. J. Loewenthal WuS IX, 1926, 173 и сл.; J. Knobloch. — Kratylos IV, 1959, 37) все-таки уступает в вероятности изложенной ир. этимологии, ср. семантический атавизм слова **xata*, сохраняющего — в оттенках — вплоть до современного употребления земляночное значение или близкие.

Кельт. происхождение (A. Schachmatov AfslPh XXXIII, 1911, 90) маловероятно.

***kotъ IV:** ст.-чеш. *kot* м. р. 'бросание, опрокидывание' (Gebauer II, 114; Šimek 66), чеш. *kot*, *kůt* м. р. 'что-либо круглое, выпуклое' (Jungmann II, 143—144), польск. диал. *kot* 'горсть чистого льняного волокна' (Falińska. Pol. sł. tkackie I, 122), др.-русск. *коты* 'противоштурмовые бревна' (Ряз. зас. кн., 69, 1659 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 386), блр. диал. *каты́* мн. 'валяные опорки' (З народнага слоўніка 125), *ко́там*, нареч. 'вповалку' (Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны 243).

Отглагольное производное от **kotiti* II (см.).

kotъka:** ст.-слав. котъка ж. р. felis 'кошка', ἄγκυρα, ancora 'якорь' (Вост., Mikl., Sad.), болг. ***ко́тка ж. р. 'кошка' (Геров; БТР), также диал. ***ко́тка*** (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 70; И. К. Бунина. Ольшанский говор 28), ***ко́тка*** (Зеленина БД X, 101), ***ко́ткъ*** ж. р. (П. Китипов. Казанлъшко. — БД V, 123), макед. диал. ***котка*** ж. р. 'кошка' (Кон.), *kótka* (Małecki 53), сербохорв. стар., редк. *kotka* ж. р. 'кошка' (RJA V, 398: только в книгах на церк. языке и в словаре Стулли), чеш. *kotka* ж. р. 'кошка' (Kott VI, 686), ст.-польск. *kotka* 'кошка' (Sł. stpol. III, 364), польск. *kotka* ж. р. 'кошка' (Warsz. II, 504), также диал. (Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 183), *kuetka* то же (Tomasz., Łop. 139), словин. *kùọtkă* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), *kᵘotka* ж. р. (Lorentz Pomor. I, 422), *kotka* (Sychta II, 220), др.-русск., русск.-цслав. ***котъка*** ж. р. 'кошка' (1096 г. — Лавр. лет., 235; Правила, 145. XIV в.), 'якорь' (Усп. сб., 334. XII—XIII вв.) (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 382; Срезневский I, 1303), укр. ***кі́тка*** ж. р. 'кошка' (Гринченко II, 246; Укр.-рос. словник II, 337), блр. ***ко́тка*** ж. р. 'кошка' (Байкоў—Некраш. 149).

Производное с суф. *-ъka* ж. р. от **kotъ* I (см.).

***kotъkъ:** др.-русск. *котки* мн. 'противоштурмовые бревна, которые скатываются со стен крепости во время приступа' (Псков. а., 369. 1636 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 382), русск. диал. *кото́к* 'ворот колодца' (Сл. Среднего Урала II, 56).

Производное с суф. *-ъkъ* от **kotъ* IV (см.).

***kotъrba:** чеш. диал. *kotrba* ж. р. 'голова, башка' (Svěrák. Brněn. 109; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 81), слвц. *kotrba* ж. р. то же (SSJ I, 754), также диал. *kotrba* ж. р. (Matejčík. Východonovohrad. 273; Zoch 74; Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236).

Недостаточно ясное слово. Возможно, к **kostrъba*/**kostroba*/**kostroma* (см.), т. е. первоначально 'лохматая, растрепанная башка', см. Machek² 283.

***kotъrčь:** ст.-чеш. *kotřec* 'lupinacia' (Ст.-чеш., Прага), чеш. диал. *kotrč* 'развилка', 'росток, пучок', 'недоразвитое деревце, кустик', 'гриб Clavaria' (Bartoš. Slov. 158; Hošek. Českomorav. II. 148), 'маленький человек' (Kott. Dod. k Bart. 43), слвц. *kotrč* 'ботва', 'развилка', 'вид грибов' (Kálal 264).

Сложение местоименного префикса *ko-* и основы глагола **tъrčati* (см.). Ср. Machek² 283. Ввиду очевидного экспрессивного характера древность проблематична.

***kotъrl'ati:** сербохорв. *ко̀трљати* 'валять, катать, вертеть' (РСА X, 335—336; RJA V, 402: с XVII в.), словен. *kotrljáti* 'катать, катить' (Plet. I, 448), чеш. *kotrleti* 'валять, катать', слвц. диал. *kotrl'at'sa* 'кататься, валяться' (Slovenské Pravno v Turč. ž., Kálal 264).

Интенсивная суффиксальная глагольная форма от **kotiti* II (см.), см. Skok II, 169: автор говорит об «ономатопеизации» глагола с помощью вставки слогового *r* в сочетании с *lj*, причем упускается из виду наличие близкого сербохорв. *кот̀ӯљати* (см. **kotul'ati*). Как в случае с **kotul'ati*, соответствия охватывают прежде всего сербохорв. и чеш.-слвц. группу. Ср. еще Machek² 282. Неточно объяснение сложением префиксального ***ko-*** и глагола типа *tr̀ljati* (J. Schütz. Das präfigierende Element ***ka-/ko-/k-*** in der Wortbildung des Slavischen. — WdS X, 1965, 323).

koty**, род. п. ***kotъve:** цслав. котꙑ ж. р. ancora (Mikl.), болг. ***ко́тва ж. р. 'якорь' (Геров; БТР), макед. ***котва*** ж. р. 'якорь' (И-С), сербохорв. ***ко̏тва*** ж. р. 'якорь' (РСА X, 324; RJA V, 404:

«У нашего народа этого слова больше нет, но его употребляют некоторые авторы нашего времени»), словен. *kôtva* ж. р. 'якорь' (Plet. I, 448), чеш. *kotva* ж. р. 'якорь', диал. *kotev* 'ветка' (Hruška. Slov. chod. 44), слвц. *kotva* ж. р. 'якорь' (SSJ I, 755), в.-луж. *kótwa*, *kótwica* 'якорь', 'водяной орех Trapa' (Pfuhl 278), н.-луж. *kótwa* ж. р. 'якорь' (Muka Sł. I, 687), *kótwica* 'капкан' (там же), полаб. *t'ötåi* ж. р. 'кошка' (Polański—Sehnert 156, с реконструкцией **koty*), ст.-польск. *kotew*, *kotwa*, *kotwica* ж. р. 'якорь' (Sł. stpol. III, 364; Sł. polszcz. XVI w., XI, 81—82), польск. *kotwa*, *kotwia*, *kotew*, *kotwica* ж. р. 'якорь' (Warsz. II, 504, 506; Sł. gw. p. II, 449), словин. *kᵘotäv*, род. п. *-tve*, ж. р. 'якорь' (Lorentz Pomor. I, 422), *kœtev* (Ramułt 77), укр. *кíтва* ж. р. 'якорь' (Гринченко II, 246; Укр.-рос. словник II, 337: *кітвá*).

Мнение о заимствовании из герм., опирающееся именно на значение 'якорь' (см. Berneker I, 590; С. Б. Бернштейн. — Зборник за филологију и лингвистику XII, 1969, 15), неубедительно. Значение 'якорь особого вида' могло развиться вполне независимо из 'кошка' в разных языках. Объяснение из герм., точнее — из ниж.-нем. *katt* 'маленький якорь', трудно согласовать с распространением в более отдаленных — ю.-слав. языках. Впрочем, и укр. слово нельзя однозначно толковать как полонизм ввиду наличия регулярных форм *кітвá* < **kotъva* < **koty/-ъve*. Весьма ценно свидетельство полаб. языка, который, будучи территориально наиболее близким к ниж.-нем. (Сев. Германия), не знает как раз значения 'якорь'; рефлекс **koty/*kotъve* сохранил в нем первоначальное значение 'к о ш к а' (см. выше). Все в целом позволяет нам рассматривать **koty* как вторичную, но оригинальную форму ж. р. от **kotъ* I (см.) 'кот'. Ср. Фасмер II, 350.

***kotyl'ati:** сербохорв. диал. *котиљати* 'ворочать, ворошить', 'вертеть' (РСА X, 326; RJA V, 397: «возможно, родственно *koturati* и *kotrljati*»), русск. диал. *котылять* 'хромать' (курск., Филин 15, 117).

Этимологически тождественно **kotul'ati* (см.), суффиксальному глагольному интенсиву от **kotiti* II (см.). Стоит обратить внимание на сербохорв.-русск. соответствие.

***kotyšь:** чеш. *kotejš* м. р. 'Schneckenrundung' (Kott I, 764), диал. *kotyjš* 'ободранный стержень пера' (Hruška. Slov. chod, 44).

Образование с суф. *-yšь*, соотносительное с глаголом **kotiti* II (см.).

***kotьсь:** цслав. котьць м. р. νοσσιαί, mansiuncula, nidus 'клетка, отделение' (Mikl., SJS), болг. диал. *кóце* 'рыболовный закол, которым перегораживают реку' (СбНУ LI, 1963, 70), макед. *котец* м. р. 'рыболовный закол', 'перегородка' (Кон.), сербохорв. *кȍтац* род. п. *кȍца*, м. р. 'хлев, закут, перегородка в хлеву', 'рыболовецкий закол', 'закром, амбар' (РСА X, 323; RJA V, 393—394: в топонимии — с XIV в.), словен. *kótec*, род. п. *-tca*, м. р. 'перегородка в хлеву, закут', 'свинарник', 'клетка для птиц' (Plet. 1,

447), ст.-чеш. *kotec* 'рыночная лавка' (Brandl 107), чеш. *kotec*, род. п. *-tce*, м. р. 'перегородка в хлеву, закут', диал. *kotce* мн. 'голубятня' (зап.-мор., Bartoš. Slov. 157), ст.-польск. *kociec* 'за-городка для домашних животных, птицы' (Sł. polszcz. XVI w., X, 449), польск. *kojec*, род. п. *-jca*, стар. *kociec* м. р. 'клетка для откармливания птицы', 'перегородка в хлеву, закут' (Warsz. II, 391), др.-русск., русск.-цслав. *котьць* 'клетка' (Быт. VI. 14 по сп. XIV в.; Ио. Леств. XII в.; Пал. XIV в. 67. Срезневский I, 1304), 'окно' (Пал. XVI в. л. 66, 67 и 68. Срезневский I, 1305), русск. диал. *котéц*, род. п. *-тцá*, м. р. 'ловушка из хвороста, камыша для рыбы' (Словарь русских донских говоров II, 83; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 244), *котцы́* мн. 'загородка из кольев, вбитых в дно реки. . . для задержания рыбы; закол' (иркут., енис., тобол., сиб., азов., дон.), 'рыболовная сеть' (вят.), 'искусственный водоем для содержания рыбы; садок' (челяб.) (Филин 15, 116; Опыт 91; Элиасов 168), *кóтцы* мн. 'род юрты из кольев, покрытой кожами и землей' (без указ. места, Филин 15, 115), укр. *котéць*, род. п. *-тця́*, м. р. 'камышовая загородь в виде почти сомкнутого круга, стоящая в воде для ловли рыбы' (Гринченко II, 292).

Производное с суф. *-ьсь* от **kotъ* III (см.; там же подробнее об этимологии), связь которого с **kotiti* II (см.) и близкими, предполагаемая В. Н. Топоровым (Этимология. 1971. М., 1973, 289, 297), не кажется вероятной.

***kotьjь:** ст.-польск. *koci*, прилаг. 'кошачий' (Sł. polszcz. XVI w., X, 449), польск. *koci* то же (Warsz. II, 386), диал. *koći* (Sychta. Słown. kociewskie II, 85), словин. *koci*, прилаг. 'кошачий' (Sychta II, 219), *kùǫcї* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 512), *kœci* (Ramułt 73).

Притяж. прилаг., производное с суф. *-ьjь* от **kotъ* I (см.). Ср. **kotjьjь* (см.).

***kotьl'arь:** болг. *котлáр* м. р. 'котельник', 'котельщик' (РБЕ; Геров—Панчев: *котлáрь* м. р. 'медник, который ездит по селам и меняет новые котлы на старые'. Габрово), отсюда производные *Котлáров*, *Котлáрски*, *Котля́ров*, фамилии (Илчев. Речник на личните и фамилни имена у българите 272; Дювернуа), макед. *котлар* м. р. 'котельник, медник' (И-С), сербохорв. *кȍтлар*, *кòтлāр* м. р. 'котельник, ремесленник', 'котельщик' (РСА X, 328; с XVII в., см. RJA V, 398: «Može biti riječ praslavenska»), словен. *kotlár* м. р. 'медник' (Plet. I, 447; Megiser 1977, 65), чеш. *kotlář* м. р. 'медник, котельщик' (Kott I, 764), слвц. *kotlár* м. р. то же (SSJ I, 754), в.-луж. *kótlaŕ* м. р. 'медник' (Pfuhl 278), н.-луж. *kótlaŕ* м. р. 'медник, котельник' (Muka Sł. I, 686), ст.-польск. *kotlarz* м. р. 'котельник' (Sł. stpol. III, 364; Sł. polszcz. XVI w., XI, 79; *Stanislaus Kotlarzs*, личное имя собств., 1467 г.; Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 110), польск. *kotlarz* м. р. 'котельник, медник' (Warsz. II, 504), словин. *kᵘótlωř* м. р. то же (Lorentz

Pomor. I, 422), *kŭǫtlôř* (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 518), русск. диал. *котля́р* м. р. 'лудильщик, медник' (тул., зап.-брян., Филин 15, 108), укр. *котля́р*, *кiтля́р* м. р. 'медник' (Гринченко II, 247), блр. *катля́р* м. р. 'медник' (Байкоў—Некраш. 144).

Производное с суф. *-arь* от **kotьlъ* (см.), хотя в принципе здесь возможно заимствование целиком из герм. **katilarja-* с тем же значением.

***kotьlina:** макед. *котлина* ж. р. 'котловина' (И-С), сербохорв. *кȍтлина, кȍтлина, котли̏на* ж. р. 'котловина, долина между гор', 'место для котла' (РСА X, 330), *kȍtlina* ж. р., увелич. от *kotao* 'котел' (RJA V, 399: с XVII в.), также в качестве местн. названий — *Kotļina* (в Сербии, RJA V, 399), *Kotlina* (Skok. Slavenstvo i romanstvo I, 88 и др.), *Kȍtline* мн., название леса в Славонии (RJA V, 399), словен. *kotlína* ж. р. 'котловина, углубление в почве' (Plet. I, 448), чеш. *kotlina* ж. р. 'котловина, впадина', 'глубина, глубокое место', 'яма' (Kott I, 765), в.-луж. *kótlina* ж. р. 'котловина' (Pfuhl 278), ст.-польск. *kotlina* ж. р. 'углубление для котла' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 79—80), польск. *kotlina* ж. р. 'переносный очаг', 'углубление, куда вмуровывается котел', 'котловина, углубление, круглая впадина' (Warsz. II, 505), диал. *kotlína* 'цепь для котла над очагом' (Sł. gw. p. II, 450), *kotlýna* 'яма' (Maciejewski. Chełm.-dobrz. 29), словин. *kᵘótlə̀na* ж. р. 'крюк для подвешивания котла над открытым огнем' (Lorentz Pomor. I, 422), *kŭǫtlänă* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), *k'otlëna* ж. р. 'сажа' (Sychta II, 182), русск. диал. *котли́на* ж. р. 'глубокая впадина, ямина, котловина', 'самое глубокое место в озере, пруде' (Даль³ II, 456; Филин 15, 106), *котлица́* ж. р. 'низкое место', 'болотистое место' (Словарь русских донских говоров II, 83), *ко́тли́на* ж. р. 'большой котел' (смол., яросл., Филин 15, 106), укр. *кiтли́на* ж. р. 'котловина' (Укр.-рос. словник II, 337), блр. *катлíна* ж. р. 'котловина' (Байкоў—Некраш.), также диал. (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусi 2, 507).

Производное с суф. *-ina* от **kotьlъ* (см.)

***kotьlišče:** сербохорв. *кȍтлиште* ср. р. 'котельная', 'котловина, долина' (РСА X, 330—331), *Kotlišće* ср. р., местн. название (RJA V, 399), словен. *kotlíšče* ср. р. 'очаг с котлом', 'место для котла' (Plet. I, 448), чеш. *kotliště* ср. р. 'место для котла на очаге' (Jungmann II, 146), слвц. диал. *kotliščo* (Kálal 263), в.-луж. *kótlišćo, kótleško* ср. р. 'котловина, углубление, впадина' (Pfuhl 278), н.-луж. *kótlišćo* ср. р. 'большая котловина, в особ. в реке или в лесу' (Muka Sł. I, 687), ст.-польск. *kotlisko* ср. р. 'яма, углубление в земле, звериное логово' (Sł. polszcz. XVI w., XI, 80), польск. *kotlisko* 'котловина' (Warsz. II, 505), словин. *kᵘótlə̀šče* ср. р. 'огромный котел' (Lorentz Pomor. I, 422), *kŭǫtlěšče* (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), блр. *ко́тлiшча* ср. р. 'гнездо' (Блр.-русск.), диал. *ко́тлiшчэ* ср. р. 'открытая бездна в болоте' (Тураўскi слоўнiк 2, 226), *ко́тлiшча* ср. р. 'селение' (Матэрыялы

для дыялектнага слоўнiка Гомельшчыны 243; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусi 2, 507).

Производное с суф. *-išče* от **kotьlъ* (см.).

***kotьlovina:** болг. *котловинá* ж. р. 'равнина среди гор, котловина' (РБЕ; БТР), макед. *котловина* ж. р. то же (Кон.), сербохорв. *kȍtlovina* ж. р. 'металл, идущий на изготовление котлов (медь)' (с XVIII в., RJA V, 399; РСА X, 331 также: 'нагар, копоть на котле'), словен. *kotlovína* ж. р. 'котловой металл, медь' (Plet. I, 448), чеш. *kotlovina* ж. р. 'место для котла', 'медь из старых котлов' (Kott I, 765), слвц. диал. *kotlovina* 'вареное мясо из котла' (Ban. Bystrica, Slov. Pravno v Turč. ž., Kálal 263), в.-луж. *kót-łowina* ж. р. 'котловая медь' (Pfuhl 278), польск. *kotłowina* ж. р. 'котловина' (Warsz. II, 505), русск. *котлови́на* ж. р. 'округлая глубокая яма, впадина, провал', 'кругловатый лог, дол' (Даль³ II, 456), укр. *кiтлови́на* ж. р. 'котловина?' (Гринченко II, 246—247), блр. *катлавíна* ж. р. 'котловина' (Блр.-русск.; Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 663), диал. *котловíна* ж. р. 'открытая бездна на болоте' (Тураўскi слоўнiк 2, 226).

Производное с суф. *-ina* от прилаг. **kotьlovъ* (см.).

***kotьlovъ(jь):** болг. *котлови́*, прилаг. 'котловой' (БТР), сербохорв. *кȍтлов, -а, -о* 'котловой' (РСА X, 331), чеш. *kotlový* 'котловой' (Kott I, 756), ст.-польск. *kotłowy* то же (Sł. stpol. III, 364; Sł. polszcz. XVI w., XI, 80), польск. *kotłowy* (Warsz. II, 505), словин. *kətlŭǫvï* 'котловой' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 470), *kᵘotlovï* (Lorentz Pomor. I, 422), русск. *котло́вый, -ая, -ое*, прилаг. к *котёл*, укр. *котло́вий* 'котловый' (Укр.-рос. словник), блр. *катло́вы* 'котловой' (Блр.-русск.; Тлумач. слоўн. белар. мовы 2, 663).

Прилаг., производное с суф. *-ovъ* от **kotьlъ* (см.). Как и в случае с производным **kotьlovina* (см.), возможны межслав. терминологические заимствования, делающие проблематичной древность слов.

***kotьlъ:** ст.-слав. котьлъ м. р. λέβες, χαλκοῦν σκεῦος, lebes, vas aeneum 'котел' (Вост., Mikl., Sad.), болг. *котéл* м. р. 'котел' (БТР; РБЕ), также диал. *котéл* м. р. (Божкова БД I, 252; М. Младенов БД III, 92), *котъ́л* (М. Младенов. Ново село, Видинско 239), *кóтил* (Журавлев. Криничное 146), *Ко́тел*, название города (Дювернуа), производное *кутля́к* м. р. 'медный сосуд' (Ст. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, 209), макед. *котел* м. р. 'котел; медное ведерко' (И-С), сербохорв. *кȍтао*, род. п. *-тла*, м. р. 'котел' (РСА X, 320; RJA V, 395), также диал. *кото* (Mić. 82), *kotôl*, род. п. *kȍtla*, м. р. 'котел' (Hraste—Šimunović I, 452), *kȍtāl* (Nk. 276), *кутал* (Елез. I; GP. 33), *кŷто* м. р. (Елез. I), *кȍтōв* (Nk. 276), *кȍтла* ж. р. 'глиняный котелок' (РСА X, 327), *Koto*, род. п. *Kotla* (?), м. р., местн. название в Герцеговине (RJA V, 400), словен. *kótel*, род п. *-tla*, м. р. 'котел' (Plet. I, 447), *kótla* ж. р. 'сруб колодца, яма, в которой бьет ключ' (там же), чеш. *kotel*, род. п. *-tle*, м. р. 'котел', слвц. *kotol*, род. п. *-tla*, м. р.

'котел' (SSJ I, 754), диал. *kotel* (Gregor. Slowak. von Pilisszántó 236), *kot'év* (Matejčík. Novohrad. 122), в.-луж. *kotoł* м. р. 'котел' (Pfuhl 278), н.-луж. *kóšeł*, *kóšoł*, род. п. *kótła*, м. р. 'котел' (Muka Sł. I, 685), диал. *kótoł*, род. п. *kótła*, м. р. (Muka Sł. I, 687), полаб. *t'üt'ål* м. р. 'большой котел' (Polański—Sehnert 157), *t'ütlĕk* м. р., ум. 'котел' (там же, с реконструкцией **kotьlikъ*), ст.-польск. *kocieł* м. р. 'котел' (Sł. stpol. III, 312; Sł. polszcz. XVI w., X, 451; Лексикон 1670 г., л. 82 об.: *kocieł*. Конóбъ. Котéлъ), *Kocieł*, личное имя собств. (1374 г., Sł. stpol. nazw osobowych III, 1, 40), польск. *kocioł*, *kocieł*, диал. *kociół* м. р. 'котел' (Warsz. II, 387), также диал. *kocieł* (Sł. gw. p. II, 391), словин. *kocel* м. р. 'котел' (Sychta II, 182), *kù̯ọcĕl* м. р. 'большой котел' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 511), *kọ̈cielk* м. р. 'котел' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 461), др.-русск., русск.-цслав. *котьлъ*, *котелъ* м. р. 'котел, кованый или литой сосуд с дужкой для варки чего-либо' (Изб. Св. 1076 г., 401 и др., СлРЯ XI—XVII вв. 7, 379; Срезневский I, 1304), *котелокъ*, ум. к *котелъ* (А. Свир. м., № 344. 1672 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), русск. *котёл*, род. п. *-тлá*, м. р. 'металлический сосуд округлой формы, служащий для варки пищи, нагревания воды и т. п.', ум. *котелóк*, род. п. *-лкá*, м. р. 'маленький котел', диал. *котёл* 'ведро' (арх., калин., яросл., ряз., смол.), 'небольшая яма на дне залива или озера' (арх.), 'водоворот в реке, озере' (Башк. АССР) (Филин 15, 102, там же другие частные значения), ст.-укр. *котелъ* 'котел' (1498 г., Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст. 1, 504), укр. *котéл*, род. п. *-тлá*, м. р. 'котел' (Гринченко II, 292), диал. *кот'ол* м. р. 'котел', 'подводная яма' (Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. — Лексика Полесья 85), ст.-блр. *котел* (Скарына 1, 280), блр. *кацёл*, род. п. *-тлá*, м. р. 'котел', диал. *коцёл* м. р. 'котел' (З народнага слоўніка 193), *коцёл* м. р. 'небольшое непроточное озеро, яма с водой на лугу, окно на болоте' (Тураўскі слоўнік 2, 229), *Кацёл*, *Катлóў*, *Катлóвіч*, фамилии (Бірыла 194).

Заимствовано из герм. (гот.) **katils*, **katilus* 'котел' в достаточно древнюю эпоху, ср. вероятную наконечность ударения слав. слова: русск. *котёл*, род. п. *котлá* (Кипарский, ниже). В герм. — из лат. Балт. формы (лит. *kãtilas*, лтш. *katls*, др.-прусск. *catilis* 'котел') происходят из слав., точнее говоря (судя по начальному ударению лит. слова) — из (ст.-) польск.

См. Miklosich 135 («Заимствование приходится на первый период»); C. C. Uhlenbeck. Die germanischen Wörter im Slavischen. — AfslPh XV, 1893, 488; Berneker I, 591; E. Schwarz AfslPh XLI, 1927, 125; С. Младенов. Старите германски елементи в славянските езици. — СбНУ XXV, II (София, 1909), 67; A. Meillet BSL 22, 1920, 101; V. Kiparsky. Zur Datierung der gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. — AION I, 1958, 18; Фасмер II, 351; Sławski II, 317—318; J. Otrębski. Die ältesten germanischen Lehnwörter im Baltischen und Slavischen. — Die Sprache XII,

1966, 58; Machek[2] 283; V. Pisani. — Paideia XXXVI, 1981, 68 (считает бродячим словом средиземноморской культуры с основой *kati-*, распространенным вплоть до индоар. и дравид. языков Индостана).

***kotьlьnica:** сербохорв. диал. *кȍтланица* ж. р. 'деревянная перекладина над очагом, на которую подвешивается котел', 'коромысло для ношения посудин на плече' (РСА X, 328; RJA V, 398; Mić. 81), также *kotlenica* ж. р. (Неретва, RJA V, 399), *Kotlenice* мн., название села в Далмации (RJA V, 399), полаб. *t'ütălnaićă* ж. р. 'крюк для подвешивания котла' (Polański—Sehnert 157), русск. диал. *котéльница* ж. р. 'небольшое помещение с печкой и котлом' (олон., Филин 15, 103).

Производное с суф. *-ica* от прилаг. **kotьlьnъjь* (см.).

***kotьlьnikъ:** чеш. *kotelník* м. р. 'котельник' (Kott I, 764), в.-луж. *kotołnik* м. р. то же (Pfuhl 278), н.-луж. стар. *kóšelnik* м. р. 'медник, котельник' (Muka Sł. I, 686), ст.-польск. *kocielnik* м. р. 'котельник' (Sł. stpol. III, 312; Sł. polszcz. XVI w., X, 450), польск. редк. *kocielnik* м. р. 'котельник' (Warsz. II, 387), также диал. (Sł. gw. p. II, 391), словин. *k"ocèlńik* м. р. (Lorentz. Pomor. I, 406), др.-русск. *котельникъ* м. р. 'ремесленник, изготовляющий и чинящий котлы и медную посуду; медник' (1216 г. — Новг. I лет., 204 и др. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380; Срезневский I, 1304), русск. *котéльник* м. р. 'котельный мастер', укр. *котéльник* м. р. 'котельник, котельщик' (Укр.-рос. словник), блр. диал. *кацéльнік* м. р. 'кочегар' (Юрчанка. Народнае слова 272).

Производное с суф. *-ikъ* от прилаг. **kotьlьnъjь* (см.).

***kotьlьnъjь:** болг. *кóтлен*, прилаг. 'имеющий цвет заржавленного котла' (БТР), сербохорв. *кȍтлени*, *-ā*, *-ō* 'котельный' (РСА X, 329), чеш. *kotelný* то же (Kott I, 764), в.-луж. *kotelny*, *kotołny* 'котельный' (Pfuhl 278), польск. *kocielny* (Warsz. II, 387), др.-русск., русск.-цслав. *котьльный*, *котельный*, прилаг. 'относящийся к котлу' (Стихирарь, 75 об. XIII в. А. гражд. распр. I, 349. 1632 г. СлРЯ XI—XVII вв. 7, 380), русск. *котéльный*, *-ая*, *-ое*, прилаг. к *котёл*, блр. *кацéльны* 'котельный' (Блр.-русск.; Тлумач. слоўн. белар. мовы).

Прилаг., производное с суф. *-ьnъ* от **kotьlъ* (см.).

***kotьna(ja):** болг. *кóтна*, прилаг. 'беременная, котная, суягная' (БТР; РБЕ: *кóтен*; Геров: *кóтный*), также диал. *кóтна* (Хитов БД IX, 269), *кóтена* (Журавлёв. Криничное 146), *кутнѣ* (П. И. Петков. Еленски речник. — БД VII, 76), сербохорв. стар., диал. *kȍtan*, *kȍtna*, прилаг. 'о беременном животном' (Дубровник — XVII в., Истрия, RJA V, 394), *kotna* ж. р. 'беременная самка животного' (Стулли, см. RJA V, 399), чеш. стар. *kotní* 'родовой' (*Kotní* bolesti. St. skl. Kott I, 765), диал. *kotny* 'беременный (о кошке, собаке)' (Kellner. Východolaš. II, 200), слвц. *kotná* прилаг. 'беременная, котная, суягная' (SSJ I, 754), ст.-польск *kotna* 'суягная, котная (об овце)' (Sł. stpol. III, 364; Sł. polszcz

XVI w., XI, 80), польск. *kotna*, прилаг. 'беременная, котная' (Warsz. II, 505), также диал. (Sł. gw. p. II, 450; W. Herniczek-Morozowa. Terminologia polskiego pasterstwa górskiego 1, 99; Górnowicz. Dialekt malborski II, 1, 183; Maciejewski. Chełm.-dobrz. 72; Sychta. Słown. kociewskie II, 85), словин. *kotnå* (Sychta II, 221), *kùǫtna*, прилаг. 'беременная (о кошках, зайчихах и других мелких животных)' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 518), русск. диал. *ко́тная* 'суягная (об овце)' (курск., орл., тул., калуж., ворон., дон., брян., сарат., кубан., ставроп., краснодар. и др., Филин 15, 108; Словарь говоров Подмосковья 228; Сл. русск. гов. Новосиб. обл. 244), укр. *кíтна*, прилаг. 'суягная' (Укр.-рос. словник; Гринченко II, 247: *кiтна́*), блр. *ко́тная* 'суягная (об овце, козе)' (Тлумач. слоўн. белар. мовы), также диал. *ко́тна*, *ко́тная* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 507; Тураўскі слоўнік 2, 226).

Прилаг., производное с суф. *-ьn-*, соотносительное с глаголом **kotiti sę* I (см.).

В 11 выпуске 336 словарных статей.

ДЛЯ ЗАМЕТОК